

Бэт Ревис – Электрическое тело

Переведено специально для группы

~"*°•†Мир фэнтези†•°*"~

<http://vk.com/club43447162>

Оригинальное название: The bode electric

Автор: Бэт Ревис / Beth Revis

Перевод: Evilika, yljka, Julie_Julia, MURCISA, maryiv1205

Редактор: Алина Интересова

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Аннотация

Будущее всех в мире.

Элла Шерферд посвятила свою жизнь использованию уникального дара, способность внедряться в мечты людей и воспоминания, используя технику, разработанную ее матерью, чтобы помочь другим вновь пережить их счастливые воспоминания.

Но все это не то, чем кажется.

Элла начинает видеть невозможные вещи: видения ее мертвого отца, предупреждения о том, кому она не может доверять. Ее правительство принимает ее на работу, чтобы шпионить за группой мятежников, используя ее способность, и влияние, в воспоминаниях предателей. Но лидер мятежников утверждает, что они влюблены, даже при том, что Элла никогда не видела его прежде. Кто только может утверждать подобную вещь...

Кто-то изменил ее память.

Дара Эллы достаточно, чтобы свергнуть коррумпированное правительство или сокрушить растущую группу мятежников. Она ключ к окончанию войны, о которой она даже не знала. Но если внутри головы Эллы был кто-то еще, она не может доверять своим собственным воспоминаниям, мыслям или чувствам.

Так, кому она может доверять?

Оглавление

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	44
Глава 14	50
Глава 15	53
Глава 16	56
Глава 17	59
Глава 18	63
Глава 19	67
Глава 20	71
Глава 21	74
Глава 22	77
Глава 23	81
Глава 24	85
Глава 25	89
Глава 26	92
Глава 27	95
Глава 28	97
Глава 29	101
Глава 30	104
Глава 31	107
Глава 32	111
Глава 33	113
Глава 34	116
Глава 35	119

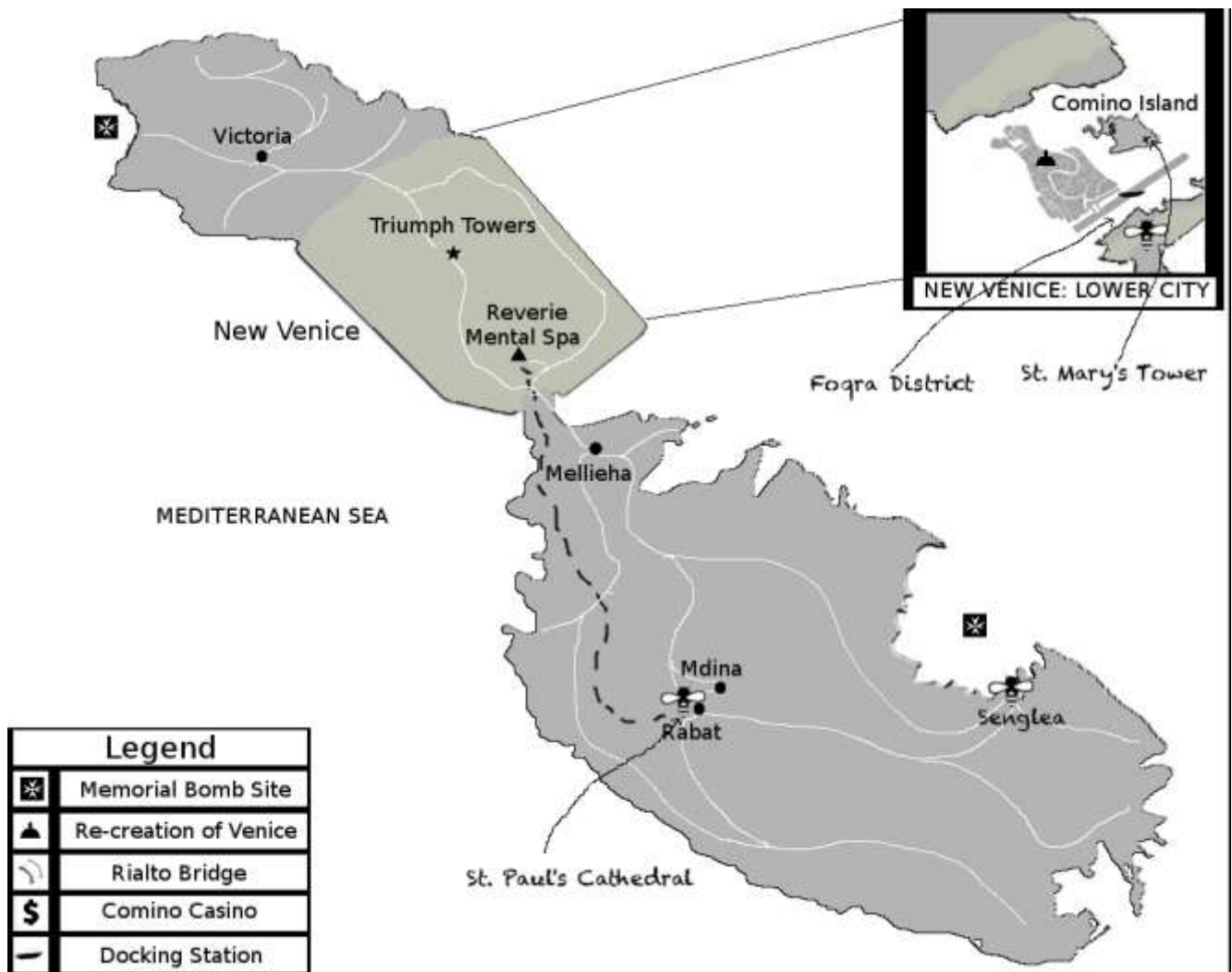
Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

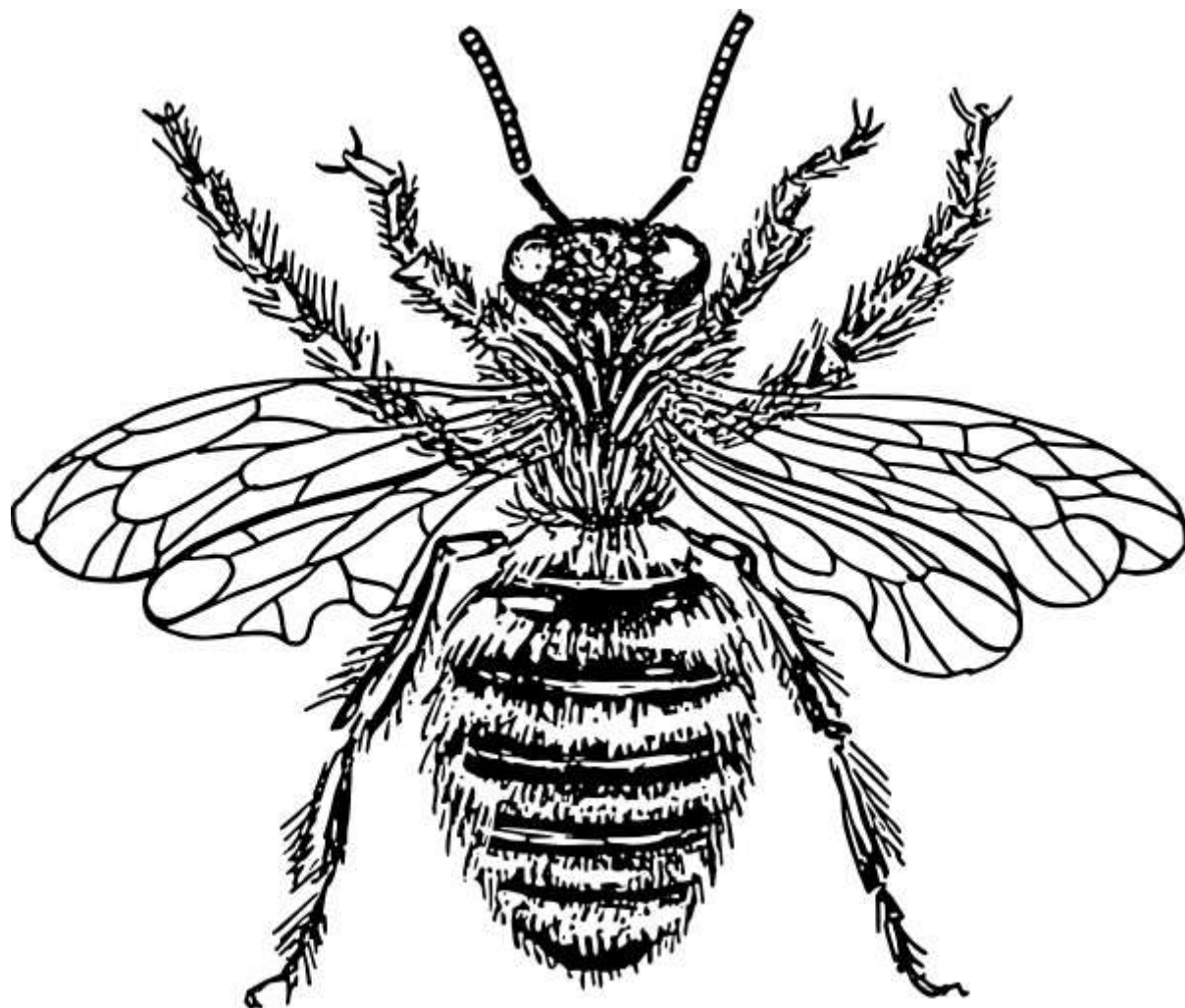
Глава 36	122
Глава 37	125
Глава 38	128
Глава 39	132
Глава 40	134
Глава 41	137
Глава 42	140
Глава 43	144
Глава 44	148
Глава 45	152
Глава 46	156
Глава 47	159
Глава 48	163
Глава 49	167
Глава 50	171
Глава 51	174
Глава 52	176
Глава 53	179
Глава 54	182
Глава 55	186
Глава 56	189
Глава 57	193
Глава 58	196
Глава 59	199
Глава 60	202
Глава 61	205
Глава 62	208
Глава 63	211
Глава 64	213
Глава 65	215
Глава 66	217
Глава 67	220
Глава 68	224
Глава 69	228
Глава 70	232
Глава 71	235

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Глава 72	239
Глава 73	242
Глава 74	245
Глава 75	247
Глава 76	250
Эпилог.....	253

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Глава 1

— Никогда не забывай, как сильно я люблю тебя, — говорит папа.

Я закапываю игрушки в теплый средиземноморский песок. Вода идеально синяя, местами с белой пеной на гребнях волн. Когда я откидываю голову назад, то могу почувствовать тепло солнца, нежный, морской воздух тянется от моря к моим коротким, каштановым волосам и сдувает их на мое лицо.

«Но ничего из этого не реально.»

— Это реально! — кричу я.

Папа оборачивается, на его лице удивление. — Что такое, Элла? — спрашивает он.

— Ничего, — бормочу я.

— Вы готовы начать, вы двое? — моя мама стоит в самом верху пляжа, у дороги, руки, сложенные как рупор, усиливают ее голос.

— Не сейчас же, — говорит отец, подмигивая мне. Он пускается бежать, отбрасывая в меня песок, когда я подпрыгиваю, чтобы погнаться вслед за ним. Я слышу смех моей мамы позади нас.

Песочный берег уступает место гальке и большому горному формированию, и уже никто из нас не бежит, когда мы пробираемся по горной тропинке между грохочущими волнами. Мама и дорога, и пляж далеко позади нас. Здесь только я и папа, и море.

Это обманчиво.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

— Нет, — говорю я, только когда мои босые ноги поскальзываются на влажной скале. Я падаю, боль простреливает мою ободранную голень. Папа оборачивается назад и помогает мне.

— Ты в порядке, Элла? — спрашивает он.

«Нет. НЕТ.»

— Да... — говорю я.

— Мы не должны бежать, — говорит отец. — Мы должны использовать время, чтобы оценить всю эту область. Ты знаешь, где мы, правильно?

Я не осознавала этого раньше, но теперь, когда папа говорит об этом, я действительно понимаю, где я. От утеса над нами расширяется огромная рука скалы, образующая дугу под морем, а затем возвращается назад в воду.

Структура горы создавало прекрасную, достаточно большую арку, — чтобы там поместился дом, — через которую протекало море. Волны разбивались о противоположные стороны скалы, подбрасывая вверх соленую морскую пену.

— Это Лазурное Окно, — выдыхаю я, уставившись на это природное чудо.

«Этого нет. Это не реально.»

— Глаза — зеркало души, Элла, не забывай об этом, — говорит папа. Он не смотрит на меня; он смотрит на девушку, плавающую в море, так далеко от нас, что я не могу рассмотреть, кто она.

— Я... Я думала Лазурное Окно было разрушено, — говорю я медленно. — В Гражданской Войне. Бомбы попали в арку, скала обрушилась в море.

Когда я говорю эти слова, природный мост из скалы трескается с оглушительным шумом. Сначала камни, затем валуны падают от арки вниз. Вода взбаламучена разрушением. Гигантские облака грязи и осколки закрывают мне вид рушащегося образования скалы. Когда пыль наконец улегается, там нет ничего кроме груды камней и водоворота грязной воды.

Я поворачиваюсь к моей отцу.

Он мертв.

Он мертв.

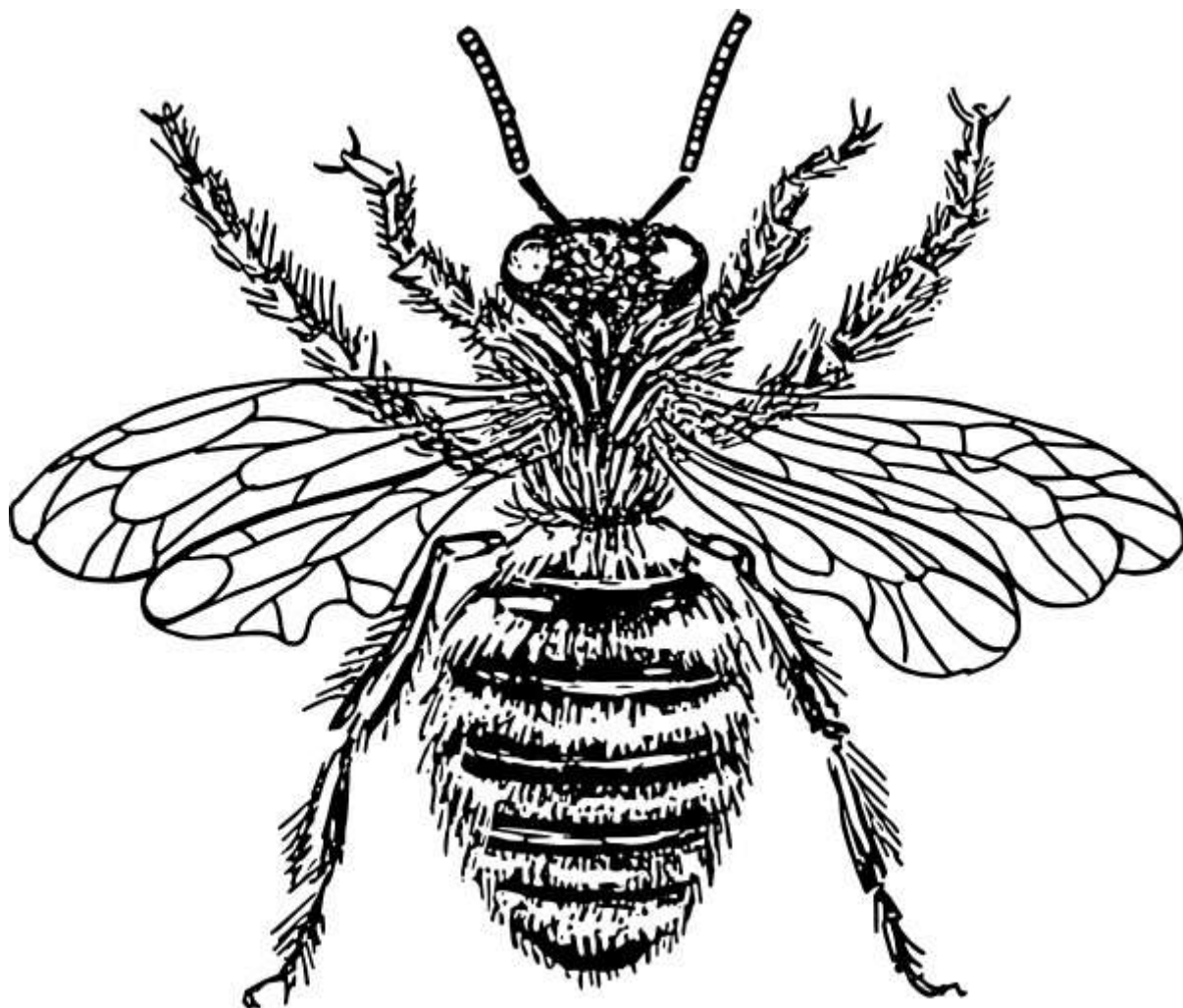
Когда я смотрю, кожа на его лице трескается, как скала до этого, выступает красная кровь. Его плоть отделяется от черепа как камни, падая вниз к морю. Водопад льющейся каскадом крови падает с его голову вниз по его шее.

Его плечо отваливается, и, с громким треском, плоть на его груди отделяется от его груди, лавиной брызгая в озеро у наших ног, которое теперь стало красным. На мгновение я могу видеть его бьющееся сердце в его грудной клетке, но затем оно тоже увядает и умирает, бесполезный, почерневший кусок, ударившись еще раз об его ребра прежде чем с тихим всплеском отделиться от его тела.

Он — это только кости, и тогда нежный, теплый Средиземный ветер снова обдувает его, и его кости ломаются, гремя падают вниз в кучу дерьма и плоти, уносимые водоворотом соленого моря.

— Это не реально, — говорю я.

Потому что это так.

Глава 2

Я просыпаюсь резко подскочив, провожу дрожащей рукой по еще сонным векам.

Начиная с прошлого года мои кошмары усугубились. Стали более яркими. Грань между тем, что реально, а что нет такая расплывчатая.

С момента, когда я стала работать в «Спа духовных грез».

Я скидываю одеяло и поднимаюсь с кровати. Когда я добираюсь до кухни, мама уже режет помидоры к завтраку.

—Хорошо спалось? – спрашивает она радостно.

—Да, нет, – отвечаю я, тяжело опустившись на стул. Но к тому времени, как она поворачивается ко мне с вопросительной улыбкой, я уже сияю так, будто бы пробудилась от самого прекрасного сновидения.

Мама подаёт мне тарелку с томатами.

—Базилик забыла, – ворчит она и отворачивается обратно прежде, чем тарелка попадает ко мне в руки.

Это настоящие томаты, выращенные на нашей крыше, а не те совершенные шарики с рынка. Конечно на вкус они идентичны генетически модифицированной еде, одобренной для продажи правительством, но мне нравится необычно неказистая форма помидор, которые мы вырастили сами.

Они такие бугристые, словно имеют только смутное представление о круглой форме, что должна быть им присуща. Насыщенная красная мякоть блестит россыпью соли, которую мама на нее бросила перед тем, как отдать их мне.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

И тут я замечаю кровь.

—Мам, - я говорю ровно, стараясь, чтобы это не звучало, как что-то важное.

—Что?- спрашивает она не оборачиваясь.

Довольно много крови перемешалось с кусочками. Она темнее томатного сока, размазанного по тарелке.

—Мам, - снова говорю я.

Мама поворачивается, всё ещё держа нож. Я вижу порез на кисти с текущей кровью, прокладывающей тёмную дорожку через нашинкованный зеленый базилик, прилипший к её коже. Она срезала кончик указательного пальца.

—Мам! - говорю я, оставляя тарелку на столе, и кидаюсь к ней. Она смотрит вниз на свои руки и чертыхается, бросая нож в раковину.

- Чёрт, чёрт, чёрт, - произносит она. - Все же испорчено? —

Она смотрит мимо меня на тарелку с помидорами: — Всё испорчено. Чёрт!

—Меня не волнуют помидоры, - говорю и обматываю кухонным полотенцем её палец, когда мама тянется через меня, хватая тарелку и выкидывает кусочки помидор в мусорку. Она пытается от меня отмахнуться.

—Забудь об этих проклятых помидорах! - кричу я, снова хватаю её руку и сдавливаю полотенцем порез. Мама бесстрастно смотри вниз, наблюдая, как красная кровь просачивается через белую ткань.

Я медленно поднимаю взгляд с маминой руки на её лицо: на нём нет эмоций. Никакой боли.

—Ты ничего не чувствуешь? - шепчу я.

—Конечно, чувствую, — отвечает мама.

Я сдавливаю порезанный палец, совсем чуть-чуть, достаточно только для того, чтобы она почувствовала укол боли. Мама не замечает.

Я опускаю её руку, она снимает полотенце. Оно загублено, но не мамин палец. У нас на глазах рана, кровоточащая плоть медленно заново срастается, зарастает кожа.

Мама фыркает: —Хоть для чего-то роботы сгодились.

—Тебе хуже, - говорю я. и это не вопрос.

—Элла... - мама тянется ко мне, но я обнимаю себя руками. Корень языка горит, жгучие слёзы заполняют глаза.

—Элла, всё не так уж и плохо.

—Всё плохо! - кричу я, уставившись на нее. Мамины глаза умоляют меня забыть об увиденном, притвориться, что всё хорошо. Но это не так. Не так.

Это начало конца.

Вот, что происходит:

Почти два года назад маме поставили диагноз, болезнь Хэбба. Она редкая и смертельная. Некоторые считают, что она возникла из-за поголовной вакцинации от рака, так как вакцину получили незадолго до первого случая заболевания, но никто не уверен.

Нам только известно, что по каким-то причинам расстояние между нейронами начинает расти. Ваш мозг кричит вам, что надо идти, но нервная система не слышит.

Большинство людей живут с Хэббом не дольше полугода, но мама прожила целых два благодаря нанороботам, разработанным отцом.

Он был близок, чтобы найти лекарство, я знаю, был. Он использовал нанороботов, чтобы уменьшать симптомы с помощью крошечных микроскопических роботов, передающих послания между маминым мозгом и нервной системой.

У роботов есть дополнительное преимущество, лечить другие области, где мама поранилась, такие как порез на пальце. Медицинские нанороботы не новая вещь — каждый

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

получает прививку с роботами при рождении — но способ, как папа применял их против болезни матери... это было похоже на чудо.

Но затем папа умер.

А теперь мамаина...

Неспособность чувствовать что-либо — первый предупредительный знак. Если нож почти отрезал ей палец, а у нее даже не было чертового представления об этом, это значит, что временное приспособление папы для мамы терпит неудачу.

Роботы не работают. Болезнь берет верх. Болезнь, которая в конечно счете убивает каждую из его жертв, побеждает.

— Мама, — говорю я, мой голос устрашающе спокойный. — Как давно у тебя проблемы с тем, чтобы чувствовать вещи?

— Это не так давно. Элла, пожалуйста, не переживай о...

— Как долго, — это даже не звучит как вопрос, а скорее только как требование.

Мама вздыхает. — Несколько месяцев. Это... постоянно становится хуже.

Мои руки дрожат так сильно, что я сжимаю их в кулаки и держу за спиной так, чтобы мама их не увидела. Я не могу быть слабой, не перед ней, не тогда, когда она нуждается в моей силе.

Когда маме впервые поставили диагноз, я тренировалась говорить: «Моя мама умерла», пока не смогла сказать это без крика.

А потом мама не умерла. Папа нашел способ предотвратить болезнь, и она жила.

Но не он.

Смерть папы была внезапной и жестокой, и это распотрошило меня как нож кишки у рыбы. Взрыв в лаборатории, где он работал, приблизительно год назад, убил его и несколько других ученых.

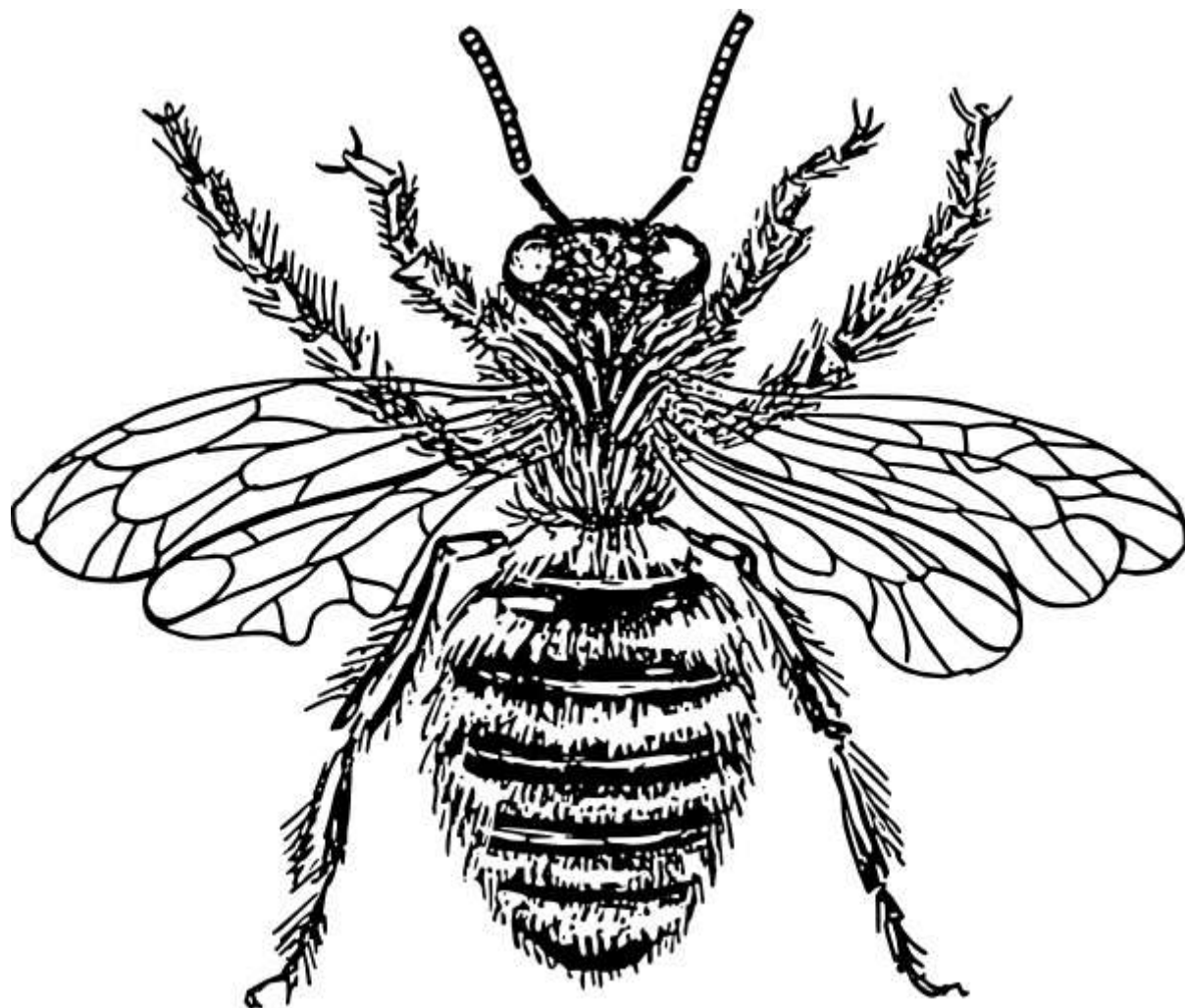
Никто этого не ожидал — никто кроме террористов, которые планировали это. Я была так зла. Он оставил меня с больной матерью и без надежды. И когда я проснулась следующим утром, а также каждым следующим утром, наступало мгновение, краткое мгновение, где я забывала, что папа был мертв.

И каждое утро я вновь переживала каждую унцию боли, когда снова вспоминала, что его больше не было с нами. Со мной.

— Элла, — громко говорит мама, возвращая меня в настоящее. — Я не хочу, чтобы ты волновалась об этом, правда. Джедис сводит меня к одному из тех докторов в лаборатории, которые нас субсидируют, так что не теряй надежды, хорошо?

Я скидываю голову наверх, отчаянно уставившись на нее. — Никогда, — говорю я, и подразумеваю под этим больше, чем что-либо еще, в чем я когда-нибудь клялась.

Я не готова быть сиротой.

Глава 3

Я слежу за мамой подобно коршуну, каждый нерв моего тела напряжён. Как я могла не заметить ухудшения её состояния раньше? Она движется медленнее обычного. Когда я всматриваюсь в её лицо, то замечаю, что кожа под подбородком потеряла упругость, мама словно увядает изнутри.

Когда донёсся дверной звонок, я чуть не падаю со стула. Я быстро стучу пальцами по наручу на запястье.

Мой наручОМ соединён со всей квартирой, и мои команды для двери передаются мгновенно. Она бесшумно открывается, и входит мисс Уайт.

— Как у всех дела? - спрашивает она осторожно. Потом, заметив, что я хмурюсь, спрашивает снова, уже громче:

— Всё хорошо?

— Все замечательно, - говорит мама, пересекая комнату. Она берёт коричневую сумочку со скамейки около двери, но держит её так, словно крошечный ридикюль слишком тяжёл.

Она опускает её назад: вся её информация хранится в наруче, и нет ничего необходимого в её сумке, а я не могу избавиться от мысли, что это ещё один знак её растущей слабости.

Глаза мисс Уайт обращаются ко мне за более правдивым ответом о мамином состоянии. Мисс Уайт – лучшая мамина подруга и моя крёстная, а также управляющий «Спа духовных грёз» - предприятие, основанное мамой до её болезни и место моей работы.

Когда я была моложе, то пыталась звать её тётей Джедис, хотя мы и не тесно общались, но это было странно, словно звать учителя по имени. Просто для меня она всегда была мисс

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Уайт, даже теперь, когда она одна из немногих, стоящих на моей стороне после того, как заболела мама.

Как только я ставлю мисс Уайт в известность об утреннем эпизоде с помидорами, её рот сжимается в тонкую линию, а кожа бледнеет ещё сильнее. Мисс Уайт родом из Германии, её бледная кожа и платиновые волосы всегда контрастировали с моей и маминой средиземноморской смуглостью.

Пока мисс Уайт слушает меня, я не могу не сравнивать её с мамой. По многим причинам мисс Уайт такая, как должен выглядеть ответственный взрослый: она одевается в безукоризненные дизайнерские костюмы, её волосы всегда до остроты прямые, и у неё внешность человека, справляющегося с делами.

Она выглядела тем, кем являлась: управляющая компанией. На её фоне мама смотрелась взрослой, одетой, словно растрёпанный подросток, но это мама, в буквальном смысле гений и учёный.

— Отведу её к доктору Симпа, и дам ему знать, - говорит мисс Уайт, как только мы все направились к лифту напротив квартиры.

— Я не могу, - немедленно отвечаю я.

Мисс Уайт ласково мне улыбается:

— Позволь мне. Это мои заботы. А ты выглядишь так, как будто нуждаешься в паузе.

Двери лифта открываются в холл здания. Мама купила его специально для создания «Спа духовных грёз» — мы переехали в квартиру наверху только после смерти папы.

— Я тебе сегодня не нужна на работе? - спрашиваю я мисс Уайт, пока мы пересекаем фойе.

Мисс Уайт держит паузу.

— Я отменила все встречи, — говорит она.

Я удивлённо смотрю на неё. Она не знала о самочувствии мамы, как она могла решить очистить расписание?

— Кое-что происходит, - говорит мисс Уайт, понижая голос. Она подаётся назад, пропуская маму к двери, и отводит меня в сторонку. — Подробности расскажу позже, но к нам придёт... очень... особенный клиент. У тебя что-нибудь запланировано?

Качаю головой. У меня никогда нет планов. Работа — это моё всё.

— Тогда встретимся здесь, Но сейчас прогуляйся. Постарайся не волноваться.

Ха. Я беспокоюсь ещё больше, чем работаю.

Мисс Уайт ведёт маму к двери, где её ожидает частный транспорт, чтобы отвезти их к её доктору. Я стою в опустевшем фойе, рассматривая варианты. Клиентов нет, спа пуст, смысл моего пребывания здесь и правда отсутствует.

Фойе состоит только из хрома и стекла, безукоризненно обставлено. Передняя стена целиком сделана из стекла, и освещается логотипом: огромной неоновой овечкой. Овечка отскакивает от букв ГРЁЗЫ, заставляя их перетекать в наш слоган: ВОЗВРАТИ драгоценнейшие воспоминания со «Спа духовных грёз».

Люди со всего света приезжают сюда ради маминого изобретения - процесса, позволяющего людям видеть сны наяву в состоянии полного расслабления. Это дорого, но стоит того: грезить - это словно возвращать самый лучший день вплоть до секунды.

Некоторое время я готова проигнорировать совет мисс Уайт о прогулке. Я могу пойти в подвал здания, где установлены мамины кресла грёз.

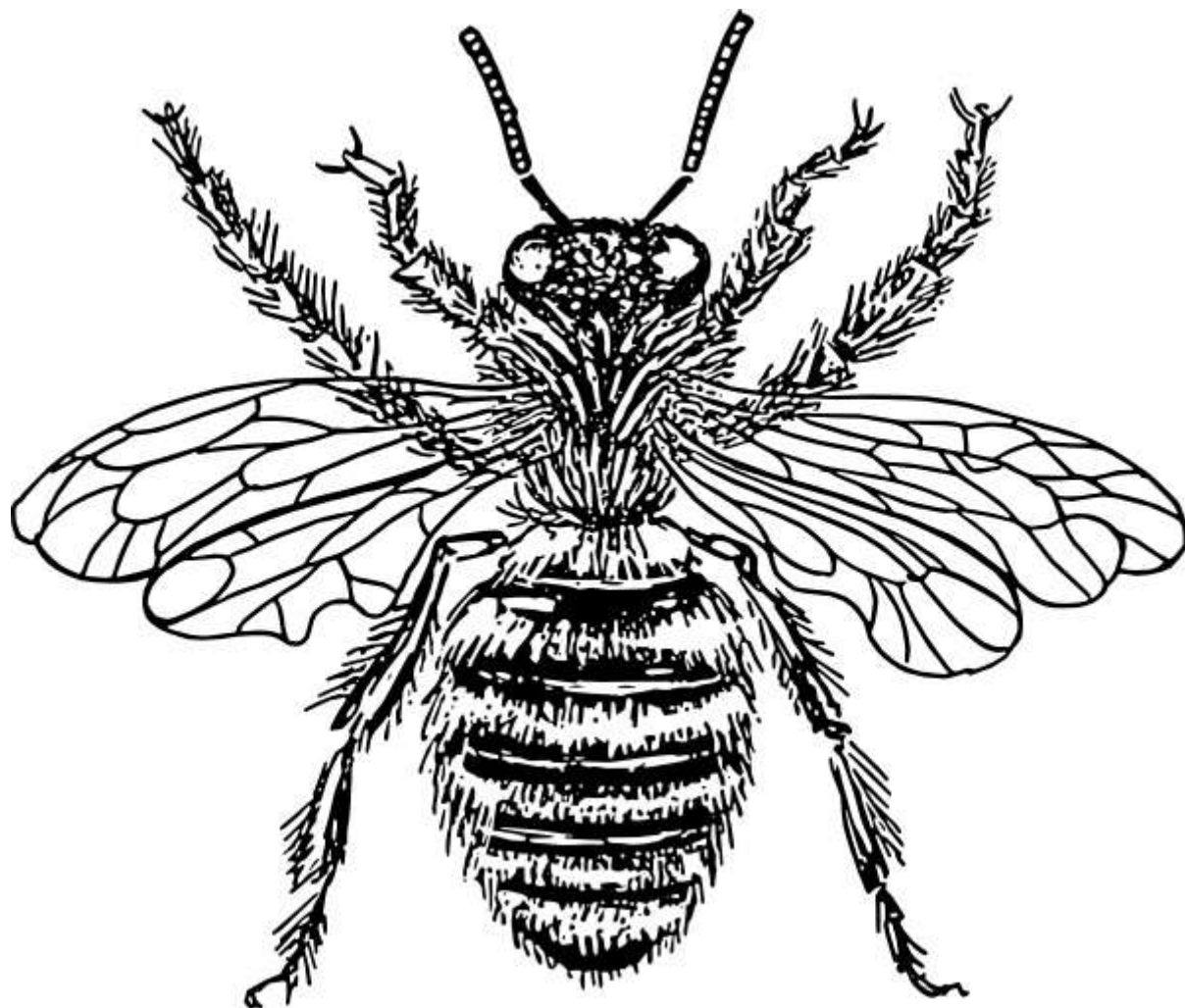
Могу сама получить грёзы и затеряться в прошлом, забыть об утре, маминой крови, маминой болезни - обо всём.

Вернуть день, когда папа был всё ещё жив.

Но потом я вспоминаю, как папина плоть стекала с него в моём кошмаре.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Наверно, стоит прогуляться.

Глава 4

Когда я выхожу, стеклянные двери «Спа духовных грёз» закрываются позади меня; на минуту я позволяю себе затеряться в хаосе города.

Наше здание находится на одной из самых многолюдных улиц города. Автотакси и магнитрамваи со свистом проносятся мимо спа, сопровождаемые ё-скутерами, то сливавшимися, то отделявшимися от общего движения.

Толпа людей собирается перед «Спа духовных грёз» - туристы, фотографирующие их наручами, замысловатые железные ворота, что ведут в Центральные Сады, расположенные прямо на противоположной стороне нашей улицы.

Новая Венеция была одной из самых первых удачных вещей, созданных после Войны Раскола. Спустя более чем десятилетие насилия, война кончилась за год до моего рождения, формируя Объединённые страны -республику, созданную для решения глобальных проблем.

У нового правительства ушло немало времени для принятия решения, касательно города, который станет центральной базой для их деятельности, и в конечном счёте, оно решило, что новое правительство заслуживало совершенно нового города.

Изначально, государство острова Мальта стояло на двух берегах, но Новая Венеция была построена как огромный, десятикилометровый, прямоугольный мост, соединяющий два больших острова. Прямо сейчас, если бы меня порывом ветра унесло за пешеходную дорожку, я бы очутилась в Средиземном море.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

— Извините, - говорю я, протискиваясь сквозь группу иностранцев. Туристов всегда легко узнать, даже если у них нет красной полосы в верхнем углу их наручКОМов. Только туристы встают посреди улицы, чтобы уставиться на такие обыкновенные вещи, как уличные андроиды.

Они - единственные, кто приподнимают ноги и внимательно на них смотрят, пока идут по прорезиненному тротуару с генератором кинетической энергии.

Они - единственные, кто всегда одеты в шорты и топики в любую погоду, потому что они не могут представить себе Средиземноморский остров чем-то большим, чем тёплым и солнечным местечком.

У них также есть привычка изучать город с помощью туристических программ. Большинство их учеников сверкают серебром, явный признак того, что они подключили глазные нанороботы к какой-нибудь программе - историческим прогулкам по городу, или новостям, или переписке с их друзьями на родине, или просто записи всего, что они видят.

Я осторожно обхожу туристов, столпившихся возле ворот Центральных садов. Уличный андроид стоит по стойке смирно прямо на противоположной стороне, и я направляюсь к нему, пока туристы его не заметили.

— Пастицу, пожалуйста,- говорю я, указывая на выпечку, наполненную сыром. Когда я касаюсь наручем сканера, прикрепленного к тележке уличного андроида, количество моих баллов уменьшается, а число калорий возрастает. Я хочу купить две пастицы, но если я превышу мою суточную норму калорий, мне придётся добавить как минимум час упражнений на этот день.

Я лениво гадаю, сколько неприятностей себе наживу, если я отрежу мой наруч. Одна пастлица не причинит мне вреда. Но, конечно же, если мой наруч снят, все показатели состояния моего здоровья отключаются и посылается сигнал тревоги.

Я запикиваю мою единственную пастлицу в рот, наслаждаясь тёплым, вязким сыром. Хлопьевидные крошки сыплются на мою рубашку, когда я стучу наручем по сканеру на воротах.

Четверо вооружённых охранников стоят по стойке смирно, и один из них проверяет мою информацию прежде, чем впустить меня в сады. Война Раскола закончилась до моего рождения, но нашему процветающему обществу всё ещё грозит опасность.

Пока я ем, я проверяю сообщения на моём наруче. Реклама от магазина одежды, в который я однажды ходила, сводка статей, упоминающих имена моих папы и мамы, опубликованных на этой неделе.

— Смотри, Хэрольд!- восклицает женщина, остановившись посреди дороги так внезапно, что я налетаю на неё.

— Извините, извините,- говорит она, широко улыбаясь мне, пока я обхожу её. - Я просто так удивилась!

Я оглянулась, чтобы увидеть, на что она смотрит - Триумфальные Башни. Дорожка в Центральных Садах специально вьётся по кругу, показывая очертания города на фоне неба в ключевых местах.

Я спускаюсь с кинетического тротуара, срезая по ухоженной лужайке. Новая Венеция - столица мира - не только в политике и экономике, но и во всём остальном: моде, искусстве, технологии.

Хотя я никогда не выезжала за пределы Мальты, мне кажется, я знаю о мире больше, чем кругосветный путешественник. Всё приходит к нам.

Моё запястье гудит, а техно фольга вибрирует о мою кожу. Я смотрю на слова, высвечивающиеся на экране моего наруча, затем провожу пальцами по поверхности, чтобы ответить на звонок.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Мой наручКОМ - пропуск, удостоверение и сетевой ключ, который я ношу на запястье - связан с нанороботами внутри меня. Двадцать лет назад люди использовали их только в качестве вакцин, а теперь нанороботы есть у всех.

Боты здоровья гарантируют, что у всех хорошее зрение и слух на протяжении жизни. Медиа боты подсоединены к нашим наручам, предоставляя возможность отображать информацию прямо на нашей сетчатке, или слушать музыку или говорить с помощью интерфейса не используя наушники.

Сейчас, пока я отвечаю на звонок, перед глазами стоит голограмма моей лучшей подруги, Акилы Ксереб. Её голос звучит в голове.

— Приветик, Элла! - всё это транслируется от наруча к нанороботам в моих глазах и ушах.

— Привет, Акс!- Я широко улыбаюсь. Я продолжаю идти по парку; картинка Акилы плывёт передо мной, словно она идёт вместе со мной.

— Что задумала?- спрашивает она. Она смахивает волосы - заплетённые в длинные гавайские косички - с плеч, стряхнув их назад.

— Просто гуляю.

Минуту Акила молчит. Её глаза сузились.

— Что случилось?- спрашивает она.

— Ничего.

Акила сжимает губы.

— Ничего,- настаиваю я.

— Что стряслось?

Я вздыхаю. Я ничего не могу утаить от Акилы. Мы дружим с начальной школы, когда она позволяла мне заплетать её пушистые волосы в дюжину косичек на переменах.

— Маме становится хуже, - признаюсь я, углубляясь дальше в сады, направляясь к деревьям.

Акила бранится, и я замечаю, что она подцепила пару новых красочных слов с начала её работы в воинской части. Перед тем, как стать полноценным жителем, каждый должен пройти год службы по окончании средней школы.

Белая полоса высвечивается на поверхности моего наруча, обозначая то, что я работаю интерном; У Акилы есть желтая полоска на её наруче с тех пор, как она записалась в военную службу.

— Но значит ли это, что лекарство твоего отца больше не действует?- спрашивает Акила. Я качаю головой.

— И нам в любом случае пришлось бы от него отказаться. Она перегружена ботами.

Папины лечебные нанороботы работают в мамином организме, чтобы замещать связи, которые уничтожает болезнь, но существует лимит количества нанороботов, которые могут находиться в человеке. Никто не осознавал, что нанороботы опасны, до Войны Раскола.

Это произошло, когда правительство стало предоставлять обычным солдатам новые боты здоровья. Боты для глаз, чтобы солдаты могли видеть в темноте.

Боты для мускулов, придающие нечеловеческую силу. Боты для разума, позволявшие солдатам ходить изо дня в день, не нуждаясь в сне.

Слишком много ботов. И у одного за другим, у солдат начал развиваться ботомозг - их мозг буквально превратило в кашу. Это была быстрая, но мучительная смерть, так как все роботы, принятые для выживания, разрушали их изнутри.

И это именно то, что произойдёт с мамой, если она примет ещё больше ботов.

— Что ты собираешься делать?- спрашивает Акила.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я остановилась, глядя на подругу. Это почти как, если бы она была здесь, со мной, но, конечно, её здесь нет. Я посмотрела на луну, казавшуюся не более чем бледным пятном на насыщенном, синем небе.

Акила где-то там, на лунной военной базе. И пока я могу её видеть, благодаря наноботам, проецирующим её изображение прямо на мои глаза, я не могу почувствовать её. Не могу коснуться её.

— Я ничего не могу сделать,- наконец говорю я, поникнув. - Слушай, мне пора идти.

Алика окидывает меня сочувственным взглядом, после чего её лицо замирает.

— Подожди... ты сказала, что идёшь гулять. Ты же не...Элла, где ты?

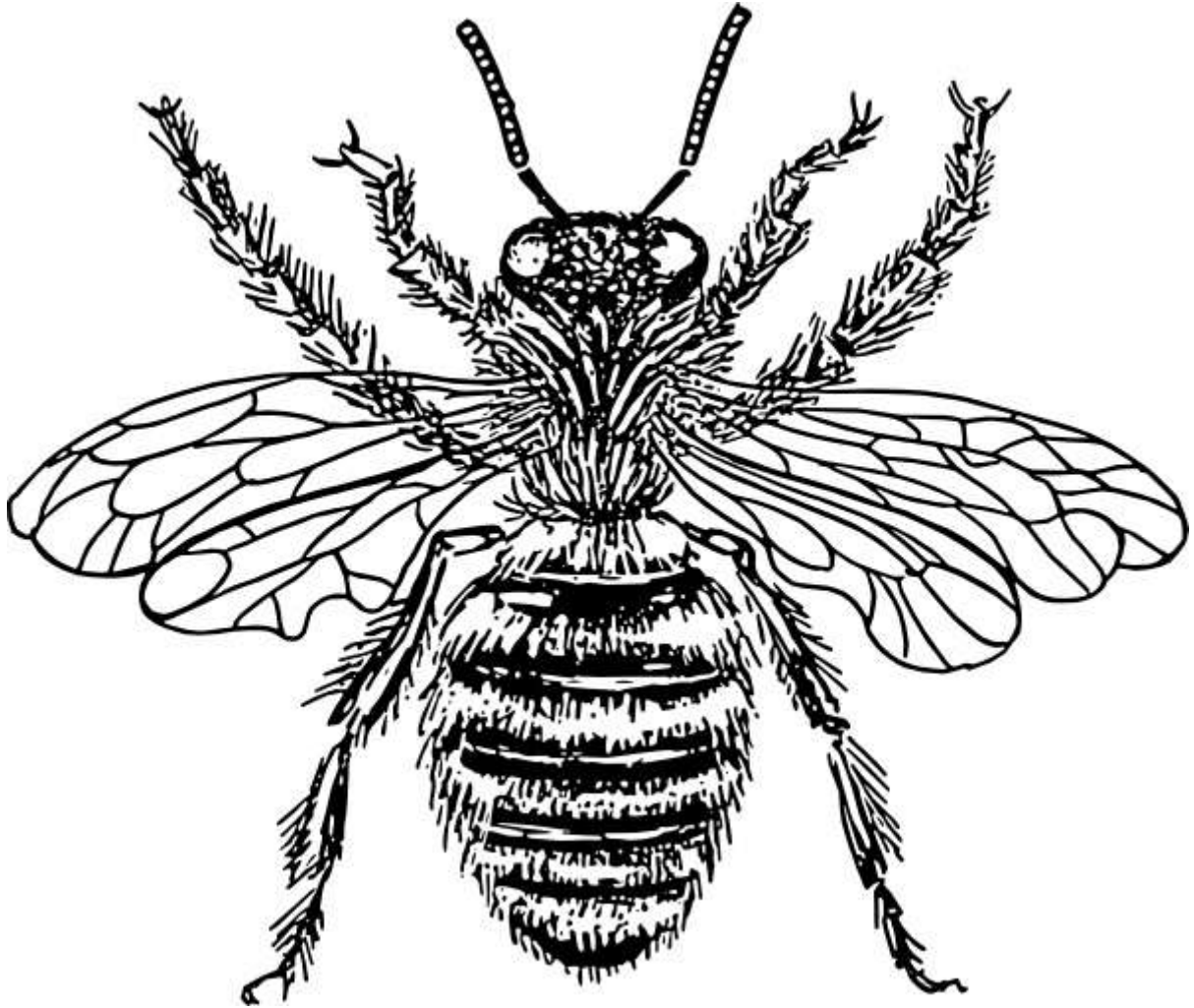
— Нигде,- говорю я слишком быстро.

— Элла! Ты не можешь постоянно себя мучить! Тебе правда не нужно...

— Мне пора!- быстро говорю я, когда ударяю пальцами по наручу и прерываю звонок.

Акила права - я не должна постоянно думать о смерти моего отца. Но после того кошмара, маминого здоровья, я просто... мне нужно снова её увидеть.

Папину могилу.

Глава 5

Много-много лет назад люди хоронили умерших в земле. Но Новая Венеция — современный город, и места для надгробий нет, да и это лишняя трата земли. Взамен, людей кремируют, а прах используют в качестве удобрения для корней деревьев и других растений Центральных Садов.

В дальней части парка, недалеко от дорожки, идущей по периметру, деревья выше, некоторые из них посажены на останках людей, умерших до окончания застройки города. Не всем умершим сажают деревья — только значимым для города людям.

Таким, как мой отец.

Роща памяти — мой любимый уголок города. Это единственное место в Новой Венеции, где растут настоящие деревья. Я знаю, что если копнуть достаточно глубоко, то в основании моего города окажутся стальные балки и бетон, а не твёрдая почва.

Но ощущение реальности есть здесь, где деревья растут из аккуратно чередующихся склонов кладбища — настоящего леса.

Шаги замедляются, когда я достигаю Рощи памяти. Деревья легонько склоняются от ветерка, но моё внимание сосредоточено на одном — маленьком остролисте, окруженном у основания пластиной с гравировкой.

Филип Д. Шеферд.

2299-2341.

Истина таится в сердце Случая.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я стою тут, смахивая ресницами слёзы, пока смотрю на жесткие листья с шипами. Вокруг стало холоднее и тише. В этом своего рода горькая завершённость — видеть дату его смерти прямо здесь, передо собой.

И что-то гораздо худшее внутри меня, груз тянущий моё сердце из груди в направлении, что я заметила впервые, к пространству под эпитафией моего отца.

Место для гравировки маминого имени. Её поместят сюда же, её пепел смешается с папиным, прорастая плющом, что будет обвивать остролист.

Я одна организовала похороны отца; я видела уже подобное, как она готовилась, после поставленного ей диагноза.

Я сжимаю зубы.

Я не могу потерять маму. Ещё и её.

— Кхм.

Я поворачиваюсь, удивлённая тем, что тут есть кто-то ещё. Роща памяти не особенно популярное место, учитывая, что в городе можно много, чем заняться. Окликнувший меня парень моего возраста, слегка выше меня (что не говорит о многом), едва втиснут в чёрную куртку, скрывающую очерченные мышцы, не смотря на теплый день.

Я бы не назвала его красивым, или даже симпатичным, но в нём что-то, что заставляет сердце звучать, словно колокольчик. У него тёмные стриженные волосы, но наиболее поразительное в нём — бледно-голубые глаза.

А может я примечаю его глаза, только потому что он таращится на меня.

— Да? - я спрашиваю раздражительно, когда он не произносит больше ни слова.

Парень берёт мою руку, тянет ближе к себе. Я высвобождаюсь — не люблю, когда меня касаются незнакомцы — он снова тянется ко мне, его кисть обхватывает мою руку и больно дёргает меня на несколько шагов вперёд.

Я действую инстинктивно: вырываю запястье из его хватки и бью ребром ладони по лицу, что сопровождается звонким хрустом в его носу и разбитой губой.

— Не прикасайся! - кричу я. Мышцы напряжены, готовые к действиям. Внезапно я осознаю, что мы здесь совсем одни.

— Слушай, - начинает парень, но я резко выставляю локоть, не давая ему подойти ближе.

Кажется, будто лицо парня становится маской с острыми углами. Вся краска исчезает с его лица - за исключением появляющихся ярко розовых синяков на его щеках и носу.

Его густые брови хмуро опускаются, и он так пристально на меня смотрит, что я инстинктивно делаю шаг назад. Моё движение вызывает какую-то эмоцию на его лице — сожаление? — но она снова быстро скрывается под маской.

— Послушай, я здесь, лишь чтобы предупредить тебя.

В его тоне есть доля отчаяния и угрозы; он выглядит, как запертое в клетке животное, несмотря на тот факт, что мы находимся на открытой местности.

Мои глаза округляются, и я оглядываюсь по сторонам, почти ожидая увидеть злоумышленников, выпрыгивающих из-за кустов.

Он нервно проводит рукой по коротким волосам.

— Это не...это...

— Что?- спрашиваю я. Я накрываю правой рукой запястье левой, около наруча, где есть тревожная кнопка, которая приведёт полицию мне на помощь, если этот парень окажется опасен.

Глаза парня сужаются, когда он это видит. Он бранится.

— Я просто хотел предупредить тебя на счёт Акилы,- говорит он. - Всё. Я тебе сказал, мне пора.

— Что?- повторяю я, когда он отворачивается. - Что не так с Акилой?

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Он колеблется.

— Откуда ты вообще знаешь Акилу?

Он окончательно замирает.

— Давай без этого,- говорит он, поворачиваясь. Его плечи резко опускаются, протестуя, и я почти не могу разобрать, что он говорит дальше. - Знаю, это звучит глупо, но... послушай, ты не можешь ей доверять.

— Конечно же могу; она моя лучшая подруга!

Моя единственная подруга.

Он по-прежнему не оборачивается.

— Больше нет,- говорит он.

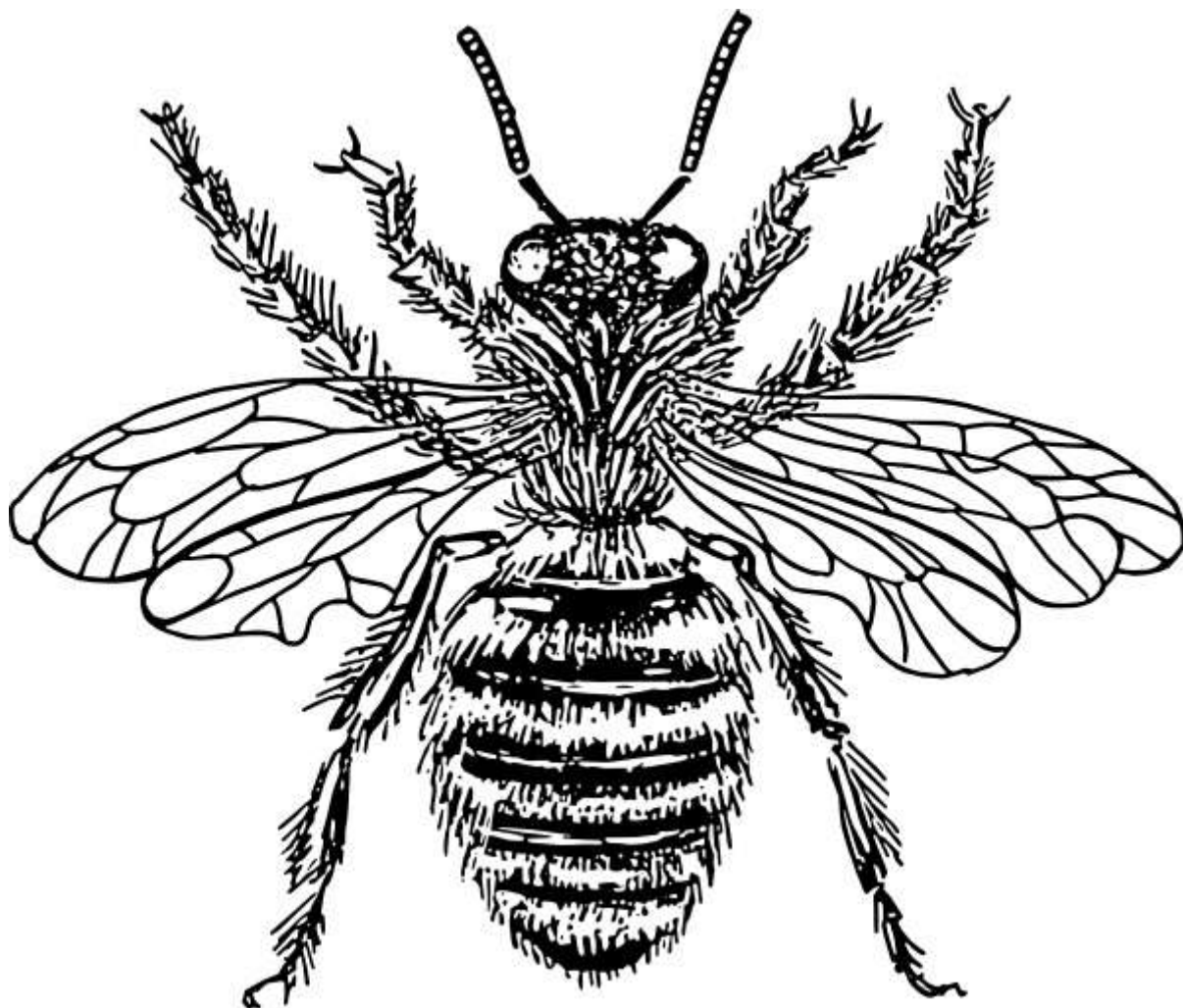
Я начинаю возражать, но он поворачивается, поднимая руки.

— Я пришёл сюда только, чтобы сказать это. Из... уважения к твоему отцу. Вот и всё. Я ухожу.

Он уходит — а я и не мешаю, нет никакого смысла говорить с сумасшедшим — но он останавливается у могилы отца. Он стоит с уважением, его взгляд задерживается на каменной табличке, которая огибает папино дерево. Его лица не видно, когда он наклоняется вниз; его губы шепчут слова, которые я не могу расслышать.

Я отвожу взгляд в сторону, заправляя прядь волос за ухо. Он говорит с папой также, как и я. Его лицо полно печали, интонация - сожаления. Он кажется добрым.

Он выглядит так, словно он скучает по моему папе также, как и я.

Глава 6

Я медленно возвращаюсь в квартиру в «Спа духовных грёз». Даже не могу предположить, кто тот парень, но у меня чувство какого-то дежавю в отношении него. Я трясую головой, стараясь опустошить её.

Пытаюсь дозвониться до Акилы, но она может пользоваться наручем только в определённое время: в армии всё строго со связью на базе. Я не представляю, откуда тот парень знает Акилу, но он был предельно ясен...

Я останавливаюсь, едва не хлопнув себя по лбу. Конечно. На нём была куртка, хотя на улице сегодня жарко. Он пытался спрятать свой наруч. Он моего возраста, знает Акилу, и не хочет, чтобы кто-нибудь увидел его наруч.

Он дезертир.

У любого, имеющего отношение к армии, на наруче есть жёлтая полоса. Через год службы её сменяет золотая. Но если кто-то сбегает, наруч становится чёрным, чтобы все это видели.

Парню, наверняка, назначили год службы в армии, как Акиле. И вместо этого, он дезертировал. Он был завербован достаточно давно, чтобы познакомиться с Акилой - он хорошо её знал, раз хотя бы слышал обо мне - а потом сбежал. Неудачник.

Без окончания службы, он теряет возможность поступить в университет, не может голосовать, он может просто паковать вещички и валить в страну Раскола. Не понимаю, зачем ему докучать мне попытками сказать что-то об Акиле, но у решившего дезертировать проблем будет больше, чем я захочу попытаться решить.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Когда я возвращаюсь домой, мама и мисс Уайт уже там. Мама уверяет меня, что всё хорошо, но я бросаю мрачный взгляд на мисс Уайт.

— Ой, да не будь такой угрюмой! - говорит мама. - Посмотри, что мне дал доктор Симпа.

Мама указывает в сторону офиса мисс Уайт. Я смущенно гляжу на неё, а из офиса кто-то выходит.

Не кто-то.

Что-то.

— Нет, - вздыхаю я.

— Новый андроид-медсестра!- мама сияет. Её прежний сломался несколько месяцев назад, я делала всё, чтобы отложить приобретение нового. Во время Войны Раскола андроиды сыграли важную роль в подавлении восстания и остановке насилия.

Теперь списанные андроиды дешёвы, и у всех есть хотя бы один. У нас есть андроид-уборщик и несколько работает в спа, но андроид-сиделка будет рядом с мамой круглые сутки, и я не смогу с ним не столкнуться.

Этот стоит за мамой. На нём обычная одежда, и единственная примета того, что он андроид, бирка на его груди: Эксплуатационные роботослужбы, программа Е-помощник.

— Буду звать её Розы, - гордо сказала мама.

— Он не нуждается в имени, - говорю я, хотя спорить бессмысленно. Мама всегда даёт имена андроидам, будто они люди.

Может поэтому я их не люблю. Они носят человеческую одежду на человеческой коже - не буквально - это лишь смесь высококачественной структурированной резины и силикона, и они вполне ухоженные.

Со спины все андроиды как люди. Они и говорят как люди, если игнорировать тот факт, что они никогда не скажут ничего стоящего: только выдают запрограммированные фразы и ответы. И действительно, когда ты смотришь в лицо андроиду, понимаешь, чего-то... не хватает.

Каждая разработка направлена на конструирование лица андроида как можно более идентичным человеческому. Но чем больше они пытаются увеличить сходство андроида с человеком, тем больше меня раздражают мелочи, напоминающие, что они не люди. Глаза — линзы. Мимика, за которую отвечает программа, а не собственная воля. Излишне ровная улыбка, скрывающая фарфоровые зубы.

Чем больше они очеловечивают андроида, тем больше напоминают мне о смерти.

Я видела смерть лишь однажды. Но на похоронах, когда я вглядывалась в отца, помню, как подумала, что хотя тело и похоже на папу, это не он, он ненастоящий. Нечто в гробу приняло его облик, но не заполучило жизнь.

Вот, что мне напоминают андроиды. Нечто с лицом, и с пустотой за ним.

— Я собиралась приказать Розы дать твоей маме грёз, - говорит мисс Уайт. - я уже запрограммировала её на использование аппарата.

Я жду маминого протеста — грёзы дорогие, а у нас такое новое предприятие, что она всегда настаивала, мы не можем позволить себе это — но мама только вздохнула.

— Отлично, - говорит она.

Моё сердце замирает. Должно быть, новости от доктора отвратительные.

Мисс Уайт поднимается, но я подлетаю к маме.

— Я сама - быстро говорю я.

Не хочу быть заменённой роботом.

Мисс Уайт идёт с нами до лифта, но когда мама заходит внутрь, берёт меня за локоть и придерживает.

— Что? - спрашиваю я.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Мисс Уайт наклоняется.

— Происходит полная ремиссия наноботов, - говорит она. - Они отключаются один за другим. И доктор Симпа подтвердил — твоей маме нельзя их больше принимать. У неё максимальное число, даже превышено.

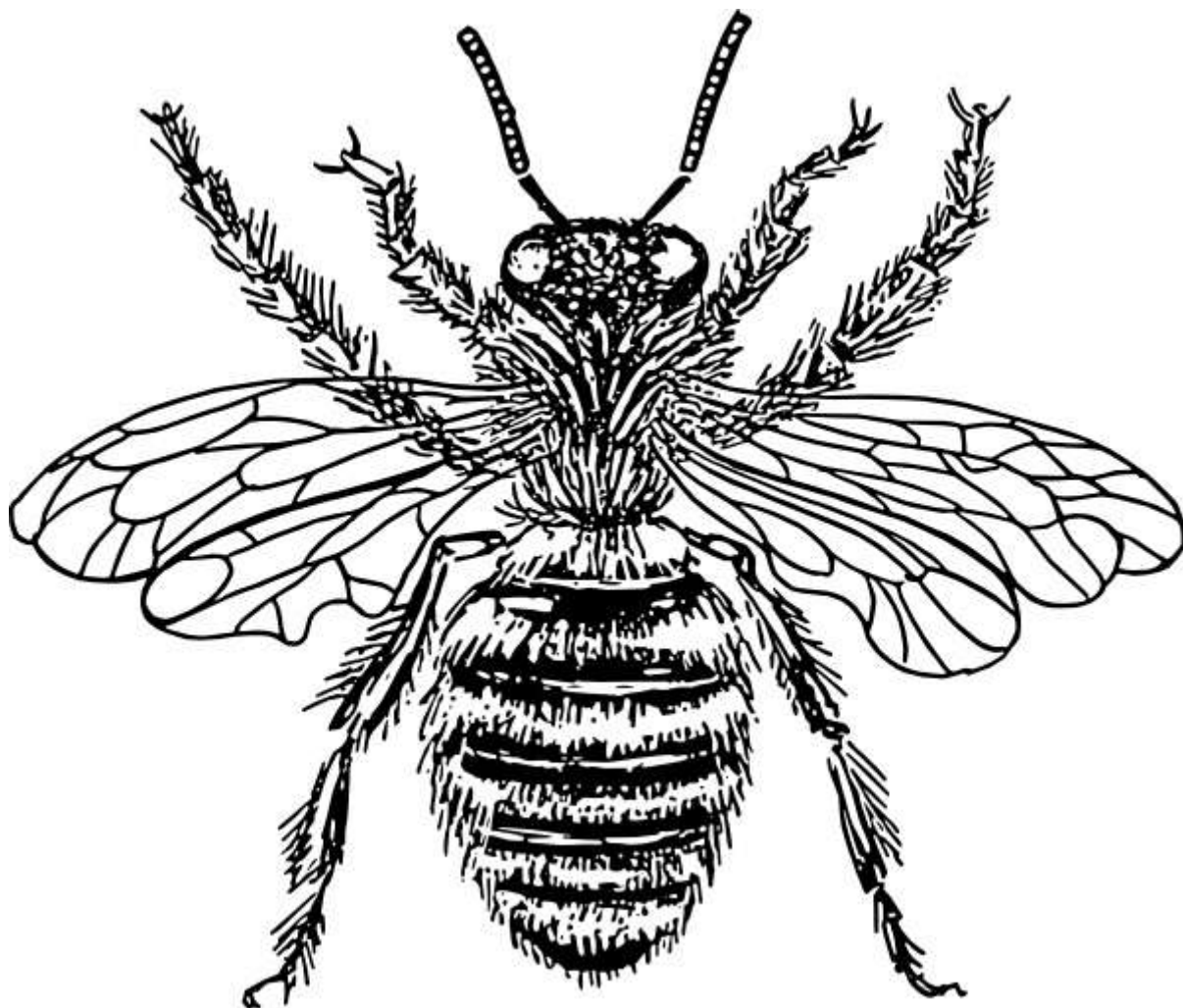
Увидев моё лицо, она толкает меня в лифт.

— За это не волнуйся, - говорит она. - Мы что-нибудь придумаем.

Мама болтает, пока мы опускаемся, и я понимаю, почему у неё последнее время столь наигранная бодрость.

Она знает, что-то не так.

И старается уберечь меня от этого, чтобы я думала, что всё не так уж плохо. Я быстро прикрываю глаза, оцениваю свои силы. Когда я открываю их, на моём лице широкая улыбка. Если она хочет, чтобы я делала вид, что всё хорошо, я буду. Ради неё, я буду притворяться.

Глава 7

Мама глубоко дышит, когда мы доходим до палаты грёз, и она устраивается на плюшевых подушках стула. Она проводит пальцами по подлокотнику, отслеживая рисунок на ткани.

Я опускаю колпак над ее головой — большой, полукруглый шлем, который будет излучать звуковые вспышки, которые она не почувствует и не услышит, но это вызовет воспоминания в ее голове. Мама вздрагивает, когда я прижимаю прохладные электроды к ее лбу.

Прежде чем сделать что-то еще, я подключаю мамин наруч к креслу грёз, проверка ее состояние здоровья. Мне приходится подавить вздох удивления — я никогда не видела ее показатели такими плохими. Опасно низкое кровяное давление и учащенное сердцебиение, низкое содержание кислорода, авитаминоз, постоянный диализ насосов... как она скрывала, как она скрывала от меня так долго, что всё настолько плохо?

— Элла? — спрашивает мама, когда замечает, что я замерла, мои глаза прикованы к ее показателям.

На моём лице появляется тень улыбки.

— Готова? - спрашиваю я.

Мама кивает, и я возвращаю свое внимание к нейростимулятору и настраиваю диски, установив низкий, постоянный уровень электрического тока в ее мозгу. Мгновенно мама погружается в сон.

Я использую этот момент, чтобы посмотреть на маму, и пытаюсь запечатлеть ее образ в памяти. Этот образ. Линии на ее лице разгладились, и легкая улыбка подернула уголки ее рта. Она выглядит теперь умиротворенной. Как будто она даже вообще не болела.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Мои пальцы скользят по элементам управления в комнате. Каждая вещь, от автоматически тускнеющего света до самого кресла грёз, было разработано мамой. Люди предполагали, что грёзы возможны, но именно мама была той, кто создал систему. Это мама та, кто изменил вместе с ними мир.

Грёзы — это состояние контролируемого вызова ясной памяти. Находясь в кресле грёз, вы переживаете воспоминания — лучшие воспоминания о времени, когда вы были самыми счастливыми — будто это снова происходит с вами.

Теоретически грёзы просты - доза специально разработанного лекарства в сочетании с постоянным током, поступающим в мозг, образуют яркие видения, основанные на произошедших ранее воспоминаниях.

Грёзы позволяют вам погрузиться в собственный разум. Мисс Уайт работает на правительство, поэтому она может финансировать мамины исследования, а она проводит эксперименты с учёными и исследователями, используя грёзы, чтобы полностью сконцентрироваться на формуле или проблеме, которую им нужно решить.

Это почти всегда срабатывает: Грёзы открывают ваш разум таким образом, что всё внутри сосредотачивается лишь на определённой мысли.

Но мама изобрела грёзы не для науки. Она создала их для себя, по одной причине.

В грёзах, она снова может увидеть папу. До того, как ей стало плохо.

Я выскальзываю из палаты грёз, следя за показателями здоровья мамы. Я знаю по опыту, что мама будет грездить о папе, переживая день с ним. Это будет казаться реальным для нее, таким же реальным, как жизнь, и когда она проснется, возможно, она сможет удержать тот мир и счастье на некоторое время.

Когда я смотрю на мамины показатели здоровья, я вижу все улучшения — ее напряжение, кровяное давление, сердцебиение, все они улучшаются с каждой секундой. Нет никакой науки в том, что счастливые люди более здоровые. Это не постоянно средство, но, по крайней мере, эффект обычно длится пару дней.

Красные вспышки по всей панели управления. Я наклоняюсь, осматривая ее. Ее сканирование мозга высвечивает диаграмму — ее грёзы не работают — и в то время, как я снова смотрю на показатели здоровья мамы, каждый из них возвращается в прежнее состояние.

Я возвращаюсь назад в палату грёз как раз, когда мама открывает глаза часто моргая. Я не могу рассказать ей того, как грёзы исчезают, вначале мама чувствует страх и панику, но в любом случае, сначала ее глаза расширяются, а затем внезапно сужаются. Ее руки и ноги дергаются, как будто она напряженно пыталась встать.

- Что произошло? - спрашивает она, глядя на меня. Её глаза пусты - доза грёз всё ещё в её организме. Вот только это не действует.

- Мне не удалось погрузить тебя в грёзы,- говорю я. - Мне жаль, мам, я думала, что сделала всё правильно...- Я наклоняюсь, осматривая кресло, электроды.

Мама кладёт руку на моё плечо.

- Элла,- говорит она.

Я игнорирую её, пытаюсь понять, что именно пошло не так.

— Элла, - в этот раз голос мамы жёстче.

Я замираю.

— Ты знаешь, почему не сработало.

Я мотаю головой:

— Это не то.

Мама вздыхает, пододвигаясь на кресле. - Я думала об этом раньше. Заболевание Хэбба воздействует на синапсы моего мозга. Моё тело недостаточно сильно для грёз.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Количество боли в её глазах, когда она говорит это, убивает меня. Грёзы были последним, что доставляло ей частичку покоя. Она не могла забыть о её болезни, лишь только в грёзах.

Проклятая болезнь отняла так много. Ни только её здоровье, но и возможность быть счастливой. Ей нравилось гулять; теперь она никогда этого не делает. Она бегала. Она пела.

Но заболевание Гэбба медленно, безвозвратно отнимало у неё всё.

А теперь оно лишило её и грёз, единственного способа ускользнуть.

- Должно получится; позволь мне попробовать ещё раз.

- Элла,- спокойно говорит мама. - Это безнадежно.

- Просто будь здесь, Не отключайся.- Я колеблюсь. - На самом деле, вот.- Я даю ей очередную порцию лекарственных грёз - это не навредит ей, лишь усыпит.

Она вновь засыпает к тому времени, как я быстро возвращаюсь в комнату управления, ходя по комнате взад и вперёд. Должно же быть что-то, что я могу сделать. Мама больна - действительно больна на этот раз, возможно настолько больна, что...

Я нарочно обрываю себя на мысли, не закончив её.

Но ей больно. Она скрывала это, но показатели её здоровья не врут. Ей больно, она регулярно испытывает боль, но это - эти грёзы смягчат боль. Лишь на короткое время. Но этого было бы достаточно.

Мой разум кружится в бессчётном количестве мыслей. Мама больше не может принимать наноботы. Мама не может погружаться в грёзы. Я ничего не могу сделать.

Я хожу туда и обратно перед панелью управления, размышляя, думая. Должно быть что-то, чем я могу помочь. Я просто не могу ничего не делать. Я должна...

Я замираю.

Мама больше не может принимать наноботы. Но я могу. Мне ещё далеко до моего лимита.

С обратной стороны панели управления есть ещё одна дверь, вторая палата грёз, которая соединена с маминной. Мама предполагала, что кто-то может войти в грёзы другого, если подсоединить кресла друг к другу.

Она проводила опыты, но это никогда не срабатывало - пока она не усовершенствовала наноботы, которые были разработаны, чтобы помочь наблюдателю внедриться в разум другого человека.

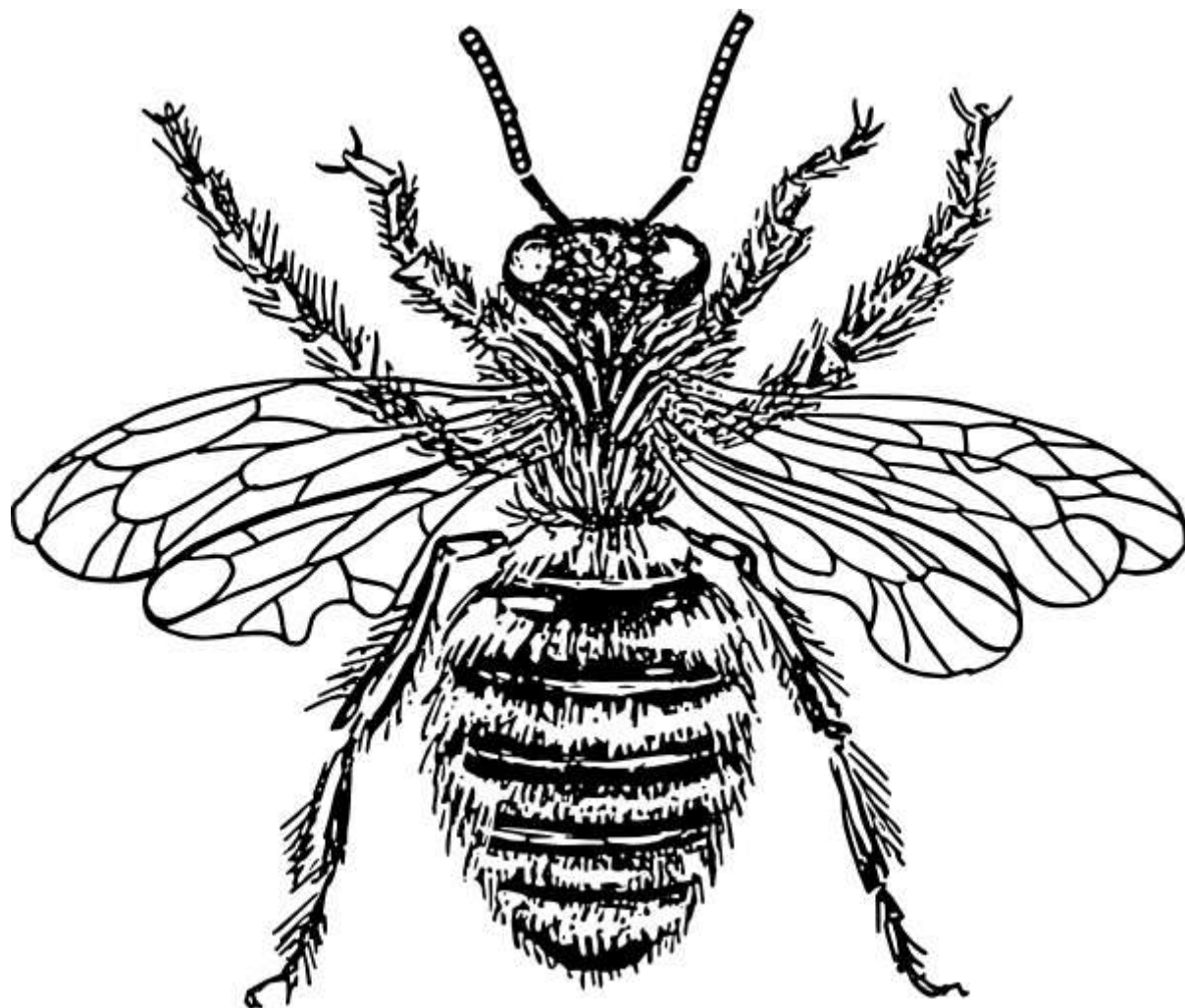
В конечном счёте, она решила, что риск предоставить кому-то дополнительные наноботы был слишком велик, и она закрыла комнату.

Но если это сработает....

Я могла войти в мамины грёзы. Я могла улучшить их, сделать сильнее, помочь ей остаться в воспоминаниях, помочь ей вспомнить жизнь, до болезни.

Я в последний раз проверяю мамины показатели - дополнительная доза грёз помогла, и её разум теперь выстраивает её воспоминания, но я могу поклясться, что они в лучшем случае слабые. Она в любую секунду может снова очнуться.

Сейчас или никогда.

Глава 8

Мои руки трясутся, когда я подхожу ко второму креслу грёз. Оно далеко не так красиво, как то, что мама использует для клиентов - зачем утруждать себя, покрывая его подушками и бархатом, когда им никто не пользуется?

Небольшое углубление в стене содержит то, что я искала: дополнительные нанороботы, необходимые для того, чтобы кто-то использовал стул. Я поднимаю ампулу. Внутри она выглядит пустой, все за исключением серебряных блесток на самом дне. Когда я встряхиваю ампулу, серебро движется как жидкость.

Там миллионы микроскопических нанороботов в этой ампуле.

Я делаю глубокий вдох.

Я знаю это опасно. Я понятия не имею, каково мое количество нанороботов, но я знаю, что я не должна дать им заполнить свое тело.

Но мама разработала этих. И если, используя их, я могу ей помочь...

Я прохожу через комнату к креслу, и помещаю ампулу с нанороботами вместе с ядовито-зеленым наркотиком грёз. Одна доза передаст мне лекарство и ботов, направляемые как облако газа к моим глазам, когда активируется звуковой шлем.

Мое тело хочет развернуться и убежать.

Вместо этого, я сажусь в кресло. Оно длинное, с откидывающейся назад спинкой, больше рассчитанное на то, чтобы в нём лежали, нежели сидели. Я скольжу левой рукой по приподнятой перекладине, соединяющей мой наруч с устройством. Я прижимаю электроды к коже и опускаю звуковой шлем.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Начать совместные грёзы? Спрашивает меня устройство предостерегающими жёлтыми буквами.

Я плотно закрывают глаза, вздрагивая, хотя ничего ещё не произошло. Я думаю о микроскопических ботах, ползущих по моим глазам, под них, в мой мозг, погружаясь в серые морщины.

- Всё получится,- говорю я себе, пытаюсь убедить себя в том, что желанная мысль была правдой.

Я жму на кнопку.

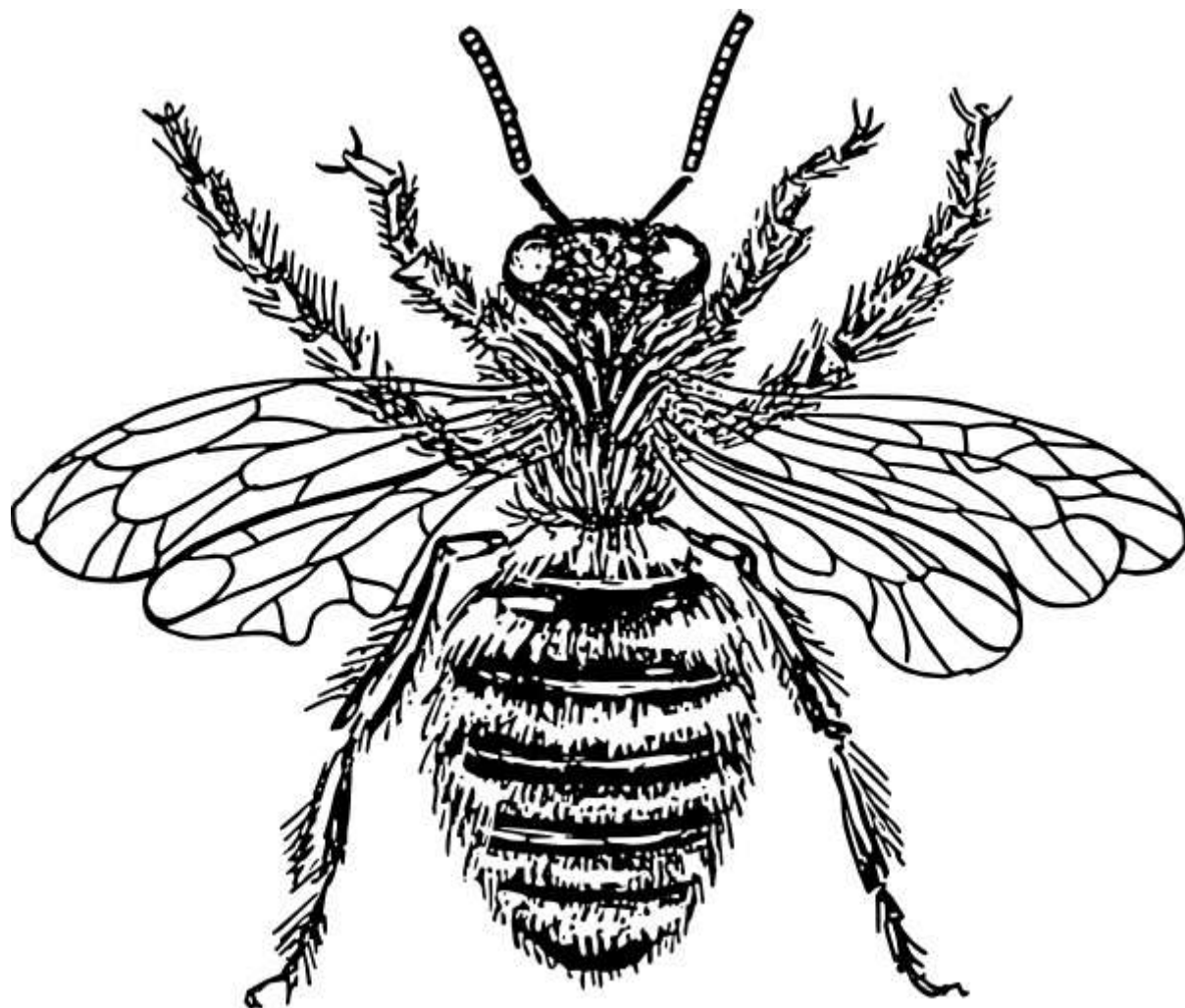
Кресло грёз гудя приходит в действие. На мгновение мне удаётся увидеть блеск наноботов, смешанных с дымчато-зелёным наркотиком, а затем я моргаю, а после... Моё тело содрогается от боли.

Мои колени вздёргиваются к груди в то время, как мои мышцы сжимаются, охваченные спазмом. Моё тело словно сжато тисками. Боль пронзает меня, разрывая мышцы. Я сдавливаю подступающую желчь, затем ловлю ртом воздух, и ясно ощущаю тяжёлый стук сердца, бьющегося рикошетом в моей груди.

А затем – ничего.

Совсем ничего. Я не слышу биение моего сердца. Не могу расслышать тепло жизни, наполняющей меня.

Я мертва.

Глава 9

Я слышу музыку. Мне почти удаётся узнать мелодию, что-то нежное, играющееся на гитаре, но затем мир вокруг оживает. Тонкий луч света вспыхивает вдаль, а вместе со светом и всё остальное: запахи, тепло, чувство воздуха на моей коже.

Я вижу дом вдалеке.

Я знаю этот дом.

Мы жили в нём, когда я была ребёнком, до прихода всего плохого; узкое, двухэтажное здание в Рабате, дымном, усеянном известняком пригороде Новой Венеции.

Я делаю шаг по направлению к дому, и за один шаг я пересекаю километры. Дом перемещается с заднего фона и возникает справа от меня, так близко, что я могу коснуться его.

Пение.

Я медленно обхожу дом по краю. Каждая его деталь идеальна, начиная каменными стенами, заканчивая черепичной крышей с ядовито-зелёным кухонным окном. Усеянное померанцем дерево стоит у дверного проёма и покачивается от тёплого бриза.

Окно у кухонной раковины открыто. Я встаю на цыпочки, вглядываясь вовнутрь. Моя мама - моложе чем обычно - танцует по кухне, смеясь, измазанная в муке. А отец стоит позади неё, протягивая ей огромный букет жёлтых роз. Я слышу детский смех - мой смех, понимаю я, когда я была ребёнком - раскачиваясь взад и вперёд при звуках переговаривающихся родителей и жужжании электрического миксера; но мамины грёзы не рассчитаны на меня маленькую.

Они сосредоточены на отце.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Если мама посмотрит в окно над раковиной, то сможет увидеть меня теперешнюю - восемнадцатилетнюю с тёмно-русыми волосами, свисающими до подбородка, карими глазами с золотистыми вкраплениями, впившимися в неё взглядом. Однако, я не думаю, что мама сделает подобное. Её тело осознаёт, что это грёзы, а не реальность, но её подсознание позволяет ей окунуться в воспоминания. Я могу встать с ней нос к носу, и она меня не заметит. Её мозг хочет жить в грёзах и предпримет всё, чтобы не покидать их.

Против осознания того, что это иллюзия.

Смотря на отца и маму сейчас, я хочу, чтобы это было по-настоящему. Я бы всё отдала, чтобы дать маме жить такой жизнью.

Но это прошлое. Очень давнее, ещё до того, как болезнь начала съедать её изнутри. До того, как я выросла. До того, как мама разработала технологию, делающую грёзы в принципе возможными. До смерти отца, ставшей её причиной для изобретения механизма грёз, чтобы она могла жить с ним в своих мыслях.

Мамины воспоминания слабеют. Дом начинает мерцать.

Я ныряю под окно, на случай, если было достаточно помех, чтобы маму выбросило из грёз. Вжавшись в дом, я складываю руки в рупор и выдыхаю в них, думая о корице.

Теплый, оглушительный аромат специи обволакивает меня, я выбрасываю руки вверх, воображая, как запах пронизывает каждый уголок маминой грёзы.

— Печенье! - слышу, как говорит мама, её голос заливается смех. Она снова погрузилась в грёзы, мерцание исчезло.

Но на всякий случай, я делаю всё, что могу придумать, чтобы придать маминым воспоминаниям ещё большей реальности. Я напеваю первые нотки папиной любимой песни, «Лунная река», песни, которую я услышала в начале грёз. Мелодия ещё долго продолжает звучать после того, как я прекращаю петь - мамина память продолжила её, усиливая грёзы. Я добавляю мои давние воспоминания о доме к её, и кухня проясняется, полная точных деталей, словно расплывчатое изображение, настраивающее фокус.

Мне кажется, что всё хорошо. Возможно, я могу покинуть грёзы, позволить маминому разуму заполнить всё остальное.

Но затем я слышу её голос. Он настолько напряжён, что я приподнимаюсь и прислоняюсь ближе, не смотря на уже ослабленное состояние грёз.

- Филип, — говорит мама, её голос опечален не пролитыми слезами. - Филип, мне кажется, это нереально. Хотелось бы мне, чтобы это было не так....но я в грёзах, верно? Ты не настоящий. Ты - лишь воспоминание.

Инстинктивно я протягиваю руку, и стена, отделяющая меня от кухни и мамы исчезает. Законы физики не действительны в грёзах. Моя мама поворачивается, но я подаюсь вперёд и держу её за голову, обращая её взор к отцу.

Я чувствую, глубоко внутри, силу. Контроль. Я могу контролировать грёзы моей мамы, словно кукловод, дёргающий за верёвочки. Я со всех сил сосредотачиваюсь на основе этого воспоминания.

Но затем я слышу всхлипывания моей мамы, и я знаю, что в этот миг она вспоминает о боли, причиняемой болезнью, и вся кухня начинает мерцать, в том числе и воспоминание о моём отце.

Нет. Я погружаюсь глубоко в себя, достигая центра моей силы, о существовании которой я не знала, и цепляюсь за каждую счастливую мысль и воспоминание, которые я сохранила о моих прежних родителях, и я представляю, как они выливаются из меня, поглощая мою маму.

Тепло, любовь, заполняющая сердце радость, привязанность, беспорядочные поцелуи, вкус его губ, ощущение его тела, любовь, ребёнок, тихие, усыпляющие звуки, крошечные

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

пальчики, крошечные ножки, ясные широко распахнутые карие глаза, любовь, любовь, любовь...

Я одергиваю руки в сторону. Вымышленное тело моей мамы ослабевает и расслабляется. Я проникла в её душу и вытянула её самые глубокие воспоминания, которые невозможно описать словами, воспоминания, которые являются такой же полноценной частью её, как руки и ноги. Именно они сейчас и переполняют её.

Мама оборачивается лицом к папе, и теперь я знаю, что она полностью погрузилась в грёзы, а это чувство покоя и радости ещё долгое время не будет покидать её после того, как она очнётся.

Сработало.

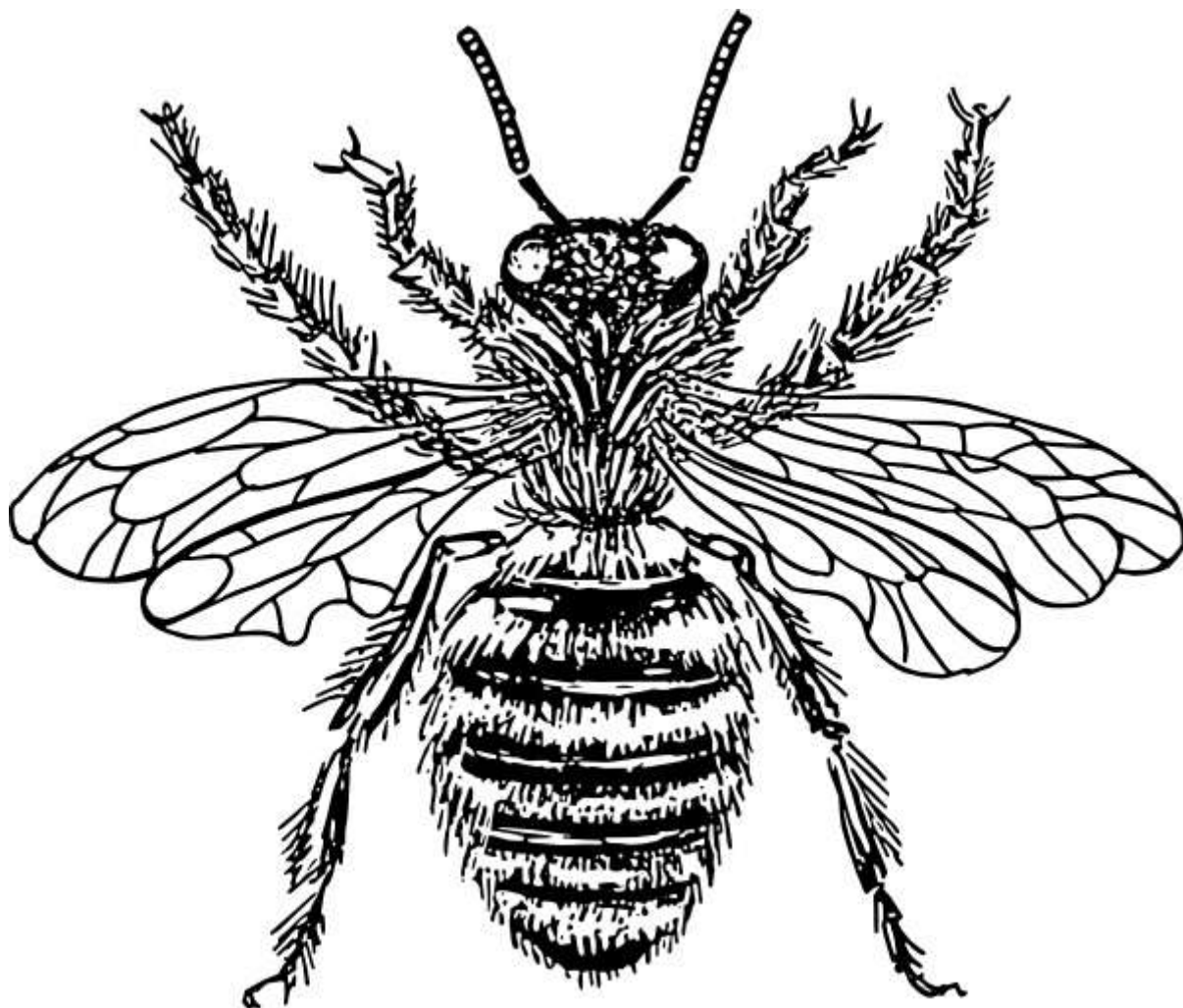
Я поворачиваюсь, чтобы уйти. Теперь, уходя, я могу не опасаться; Грёзы мамы определённо действуют.

Но я оглядываюсь назад. Не могу сдержаться.

Я тоже скучаю по папе. Я скучаю по его взгляду. Мои собственные сны не настолько яркие как мамины. И даже не смотря на то, что он здесь моложе, чем я помню его, и часть волос, обрамляющих его лицо, небрежно торчат в разные стороны, что придаёт его образу беспечности, он не носит очков, а его голова покрыта большим количеством волос, это всё ещё папа.

А затем, он смотрит на меня.

- Элла!- говорит он, его голос прорезается сквозь тихие звуки воспоминания резкими, ясными нотками. - Элла. Ты должна проснуться.

Глава 10

Я дёргаюсь так сильно, что царапаюсь затылком о звуковой шлем. Я откидываю его назад, отрывая электроды от кожи, едва не порвав при этом цепочку. Моя кожа вибрирует. Я пристально смотрю на неё, испытывая трепет и ужас в то время, как моя рука дрожит, словно при землетрясении. Вибрация пронзает мою кожу, проникая в мои кости, и я чувствую, будто что-то слышу, гудение души, вырывающееся из моей плоти.

А затем я моргаю, всё успокаивается и утихает.

Я закрываю глаза трясущейся рукой, пытаюсь сконцентрироваться. Галлюцинация. Моё тело реагирует на добавочные наноботы, которые я ввела в мой организм. То последнее видение было... волнительным. А это не могло произойти. Грёзы нереальны. Меня на самом деле не было в маминой голове. Воспоминания — это лишь электрические импульсы, посылаемые в синапсы мозга. Ни в коем случае папа не мог.... это не мог быть папа, это было лишь воспоминание о нём - он никак не мог меня видеть. Говорить со мной.

Я тяжело вздыхаю и проверяю мамины показатели, беспокоясь, что последнее видение о папе оказалось достаточно странным и жутким, чтобы повлиять на её состояние. Но она блаженно спит, по-прежнему в своих мечтах; показатели здоровья в норме и гораздо лучше, чем они были до начала процедуры.

Дверь открывается и Мисс Уайт врывается в комнату, её глаза широко распахнутые и встревожены.

-Элла!- пронзительно вскрикивает она. - Что ты наделала?- Она подбегает ко мне, замечая холодный пот, выступивший на моей коже.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- У меня получилось,- говорю я, осознавая, что сейчас произошло.

- Ты в порядке? - Мисс Уайт игнорирует мой ответ, проверяя показатели здоровья на моём наруче. - Где твоя мама?

Я высвобождаю запястье и беру её за руку, заставляя Мисс Уайт посмотреть на меня.

- У меня получилось,- повторяю я, моё лицо расплывается в улыбке. - Я сделала это!

-Сделала...что?- в её голосе слышится недоверие и беспокойство.

От панели управления доносится тихое пиликающее, сопровождаемое красной вспышкой.

- Мама вот-вот очнётся,- говорю я, спрыгивая с кресла и отталкивая Мисс Уайт в сторону. Она поворачивает голову и смотрит в пространство между мной и вторым креслом, и мне почти хочется видеть её лицо, когда она замечает пустую ампулу из-под наноботов.

- Элла!- Она тяжело дышит, нагоняя меня.

Я подбегаю к маминому креслу грёз как раз, когда её глаза распахиваются.

- Хорошие грёзы?- Интересуюсь я, улыбаясь ей. Моя улыбка замирает. Что если она помнит то, как всё чуть было не оборвалось? Вдруг она помнит странное поведение папы?

Но затем я вижу выражении её лица, и моё сердце тает от облегчения. - Самые лучшие,- говорит она.

Я помогаю ей выбраться из кресла грёз.

-Что ты помнишь?- спрашиваю я, не смотря на то, что уже знаю ответ.

Мама сжимает мою руку.

- Мой последний счастливый день.

Она направляется вперёд, чтобы поговорить с Мисс Уайт, но я стою, словно парализованная. Её последний счастливый день. С тех пор, каждый последующий день казался жалким по сравнению с тем днём, многие, многие годы спустя.

Мамин новый андроид-сиделка, Роузи, стоит по стойке «смирно» в дверях, и мама прислоняется к ней, направляясь к лифту.

- Идёшь?- спрашивает мама, окутывающее её сияние радости, принесённое грёзами, настолько яркое, что я почти могу увидеть его.

- Нет...Мне нужно поговорить с Эллой о её стажировке,- говорит Мисс Уайт прежде, чем мне удаётся ответить. Мама окидывает меня взглядом, и я машу ей рукой, показывая, что она может идти. Как только мы слышим звук закрывающихся позади мамы и андроида дверей, Мисс Уайт оборачивается ко мне, её лицо представляет смесь гордости и злости.

- Элла!- восклицает она, её голос уже достаточно резок. - Это было очень, очень опасно!

Я вздрагиваю, моё тело помнит тот миг, когда его сжало, после чего оно и вовсе превратилось в небытие. Мне казалось, что я умерла.

- Со мной всё было в порядке, - с пренебрежением отвечаю я. - А что самое главное - это сработало.

Мисс Уайт затаила дыхание. - На что это было похоже?- пылко спрашивает она; в её глазах блестит знакомый восторг научного открытия.

- Это было потрясающе!- кричу я, кружа вокруг неё. - Я была в её грёзах! Я могла их контролировать!

Глаза Мисс Уайт округляются.

- Было похоже, будто я была прямо там,- продолжаю я. Я начинаю было рассказывать ей всё, но она поднимает руку и останавливает меня, мрачный взгляд сменяет её восторг.

- Сколько ботов ты приняла?- интересуется она.

- Лишь одну ампулу.

- Одну...ампулу?

- Это слишком много?

- Я...ты в порядке?

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Да, чувствую себя нормально.- По крайней мере, сейчас. Если я приняла слишком много, возможно, это причина того, почему моё тело отреагировало так бурно.

- Элла, это было очень безответственно. И опасно. У тебя могла быть передозировка.

- Да, но её не было.

- Но могла быть.

- Но не было.- Я пристально смотрю на Мисс Уайт. Её не касается то, что я делаю, особенно, когда это связано с мамой.

Мисс Уайт опускается в кресло грёз, в котором не так давно была моя мама. Её плечи сутулены, кончики волос обрамляют её лицо.

- Тебе придётся подождать ещё один день, - говорит она.

- Простите?- Слова кажутся грубыми мне самой.

- Этот год стажировки был рассчитан на подготовку тебя к колледжу, а не на превращение тебя в мамину сиделку. Год почти подошёл к концу, и посмотри что ты делаешь? Ты убиваешь себя, лишь чтобы позволить твоей маме помечтать пол часа.

- Оно того стоит, - бормочу я.

Мисс Уайт хватается меня за подбородок и заставляет взглянуть на нее.

- Не стоит, - говорит она.

Я рывком освобождаюсь.

- Чего ты хочешь от меня? - спрашиваю я, практически крича. - Чтобы моя мама умерла?

Мисс Уайт не спускает с меня глаз.

- Да,- просто отвечает она.

Я резко покачиваюсь, будто она только что дала мне пощёчину.

- Не смотри так на меня,- говорит Мисс Уайт. - Я просто хочу, чтобы ты поняла, тебе однажды придётся оставить маму. Возможно, это произойдёт совсем скоро. И не стоит рисковать своей жизнью ради нескольких лишних мгновений, проведённых с ней.

- Не хочу говорить об этом, - моя челюсть сжимается.

- Эл...

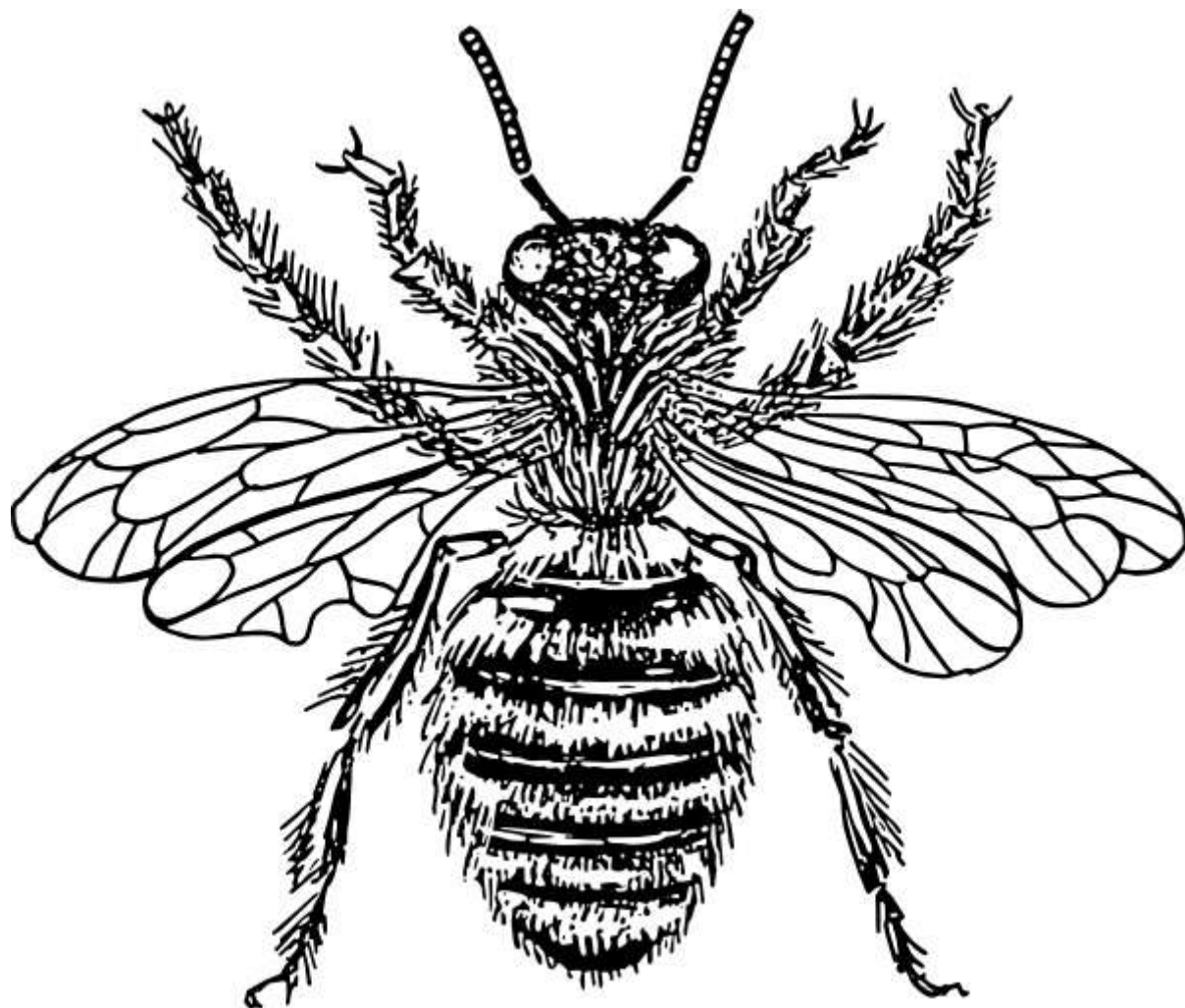
- Я не хочу говорить об этом.

Мы сердито смотрим друг на друга. Мы так редко спорим. С тех пор, как папа умер, а у Акилы начался служебный год на лунной базе, остались только я и Мисс Уайт, противостоящие окружающему миру.

Мисс Уайт вздыхает и опирается о колени. - Я пришла сюда не для того, чтобы ссориться,- говорит она. - Я пришла потому, что там кое-кто ждёт тебя.

На один единственный миг мой разум возвращается к тому парню, которого я встретила в роще памяти. Он отследил меня до самого дома? Его светло-голубые глаза запечатлились в моей памяти, обжигая мой разум.

- Ты готова? - спрашивает мисс Уайт, направляясь к двери.

Глава 11

Я вскоре понимаю, что с кем бы я не встречалась, он всегда будет ждать меня в другом месте. Мисс Уайт убеждает меня, что мама может остаться одна с сиделкой андроидом, и садится вместе со мной в такси. Пока мы со свистом проносимся по Центральным Садам, я пытаюсь выпытать из неё информацию, но Мисс Уайт лишь криво улыбается.

Едем мы недолго. Авто-Такси останавливается у ограждения перед Триумфальными Башнями, главным зданием на другом конце Центальных Садов.

Я бросаю взгляд на Мисс Уайт, но она по-прежнему не отвечает мне. Мой живот нервно скручивается.

Изначально, при постройке Новой Венеции, Триумфальные Башни должны были символизировать единое государство – Объединённые Страны – возродившееся из пепла войны, словно феникс. Теперь они ещё больше напоминают пламя, когда верхушку каждой из пяти башен обрамили новым, современным стеклом. Солнцезащитное

стекло блестит, будто кристальный янтарь, излучая слабое мерцание, заметное даже при ярком свете дня. Ночью башни разливают свет тёплых сумерек почти по всему городу так, что здесь никогда не бывает полной темноты. Огромный сине-белый флаг, символизирующий ОС, шумно колышется позади красивого мраморного фонтана на площади, протянувшейся между башнями и Центральными Садами.

Мисс Уайт расправляет её бледный, льняной пиджак и ведёт меня по площади, заполненной туристами, уличными андроидами, пытающимися продать нам соблазнительную еду, и продавцами, раздающими туристические программки. Изобилие языков проносится по

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

воздуху, слова, которые я не понимаю, сливаются со знакомыми. Наноботы в моих ушах пытаются перевести различные языки, но это полная неразбериха, лишь отрывки и части того, что говорят окружающие, по большей части восторг о пребывании на самой высокой башне в мире, с которой можно увидеть и Европу, и Африку.

Мисс Уайт проводит меня мимо фонтана и толпы, по направлению к менее привлекательному входу. Она быстро показывает её наруч одному из охранников и нас тотчас пропускают в центральную башню и в лифт, который поднимает нас всё выше и выше. Моё сердце колотится, пока мы поднимаемся; уверена, выгляжу я ужасно нелепо. Позади меня, Мисс Уайт выглядит идеально, её белокурые волосы гладкие, её юбка-карандаш выпрямлена.

- Не переживай,- уверяет Мисс Уайт, широко улыбаясь, заметив моё беспокойство.

Дверцы лифта плавно открываются на одном из верхних этажей башни. Я иду прямо за Мисс Уайт, изучая каждую деталь.

Большинство внешних стен полностью покрыты стеклом, едва отражая мир снаружи. Мост Новая Венеция простирается почти на десять километров в длину и ширину, он заполнен небоскрёбами, городскими улицами и зданиями, но это по-прежнему мост. Из сада на крышу у моей квартиры открывается прекрасный вид на Центральные Сады и Триумфальные Башни, но мне редко удаётся уловить отблески моря - слишком много зданий. Но здесь, над вершиной самой высокой башни города, я вижу чёткие очертания границы города, и блестящие гребни волн, катящиеся по Средиземному морю. Я провожу взглядом по городской границе. Мне хорошо видно место, где мост соединяется с островом Мальта, где гладкие черты цивилизации сталкиваются с разбитыми, скалистыми окраинами дикой местности.

- Элла?- окликает меня Мисс Уайт, и я бегу вперёд, чтобы нагнать её. Перед ней возвышаются широкие, богато украшенные двойные двери. Когда я останавливаюсь позади неё, двери со скрипом открываются.

По другую сторону стоит женщина, и у меня перехватывает дыхание.

- Чёрт возьми, не может быть,- говорю я, после чего захлопываю себе рот рукой.

Женщина улыбается.

- Приятно с тобой познакомится,- говорит она.

Я, заикаясь, бросаю ей что-то в ответ, продолжая удивлённо на неё смотреть. Это же самая знаменитая женщина в мире. Премьер Министр Хуа Янг на втором году её десятилетнего срока и, в то время как все считают её жестокой, сейчас на её розовых губах-лепестках сияет добрая улыбка, а я осознаю, что не могу отвести от неё глаз. Она была ПМ всю мою жизнь, но благоговейный страх перед ней оказывает на меня ещё большее внимание, чем её слава. Прежде чем стать ПМ она была Военным Министром, и она приложила больше усилий, чем кто-либо другой, чтобы закончить Гражданскую Войну.

Она просто-напросто герой нового мира.

Она симпатичная, но не красавица, и хотя она одета довольно просто, понятно, что гардероб у неё богатый. Её пиджак прямой и гладкий, юбка движется, словно вода, ниспадающая с её тонких бёдер. Хотя я знаю, что ей около шестидесяти, она выглядит моложе своего возраста, с её гладкими тёмными волосами, аккуратно свисающими по её плечам.

- Пожалуйста, проходи,- любезно говорит Премьер Министр Янг, отходя назад, чтобы мы могли войти в её кабинет. По щелчку её пальцев, охранники, сопровождавшие нас, исчезают - некоторые, назад в соседнюю комнату, некоторые за двери, которые закрываются с глухим стуком. Мисс Уайт касается моего плеча, легонько подталкивая меня к мягким креслам напротив маленького круглого столика. Премьер Министр Янг садится первой, затем Мисс Уайт усаживает меня, прежде чем самой занять своё место.

Премьер Министр наливает нам чай, добавляя дольку лимона и щепотку сахара в свой. Я беру чашку, но я слишком взволнована, чтобы пить, поэтому оставляю её на столике у моих

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

колен. Мои глаза не отрываются от Мисс Уайт. Когда она сказала, что нам назначена встреча с кем-то, я и подумать не могла, что она имела ввиду её.

- Полагаю, тебе любопытно, почему я попросила Джейдис привести тебя ко мне,- говорит ПМ Янг.

Я молча киваю. Кажется, будто моё лицо горит. ПМ Янг смотрит на меня так, словно я предмет её внимания на все сто процентов, а это приводит в замешательство.

ПМ Янг наклоняется вперёд, её лицо озадачено.

- Мне следовало предупредить тебя.

Слова так сильно напоминают сказанное мне ранее тем парнем в саду, что я слишком удивлена, чтобы говорить.

- Технология твоей мамы...революционная.

Улыбка закрадывается на моё лицо. Я горжусь моей мамой и её работой.

- Но,- продолжает Премьер Министр,- она также очень опасна.

- Опасна?- спрашиваю я. Что же опасного в том, что люди возрождают их воспоминания?

- Я прочла опубликованное исследование твоей мамы. Кажется, люди могут неправильно это использовать. Пока что этого не произошло, но теоритически возможно, что кто-то может войти в грёзы другого человека...

- Это больше не теория,- прерывает её Мисс Уайт.

Тишина в комнате кажется материальной, словно змея она извивается вокруг нас. ПМ Янг медленно поворачивает голову к Мисс Уайт.

- Элла сделала это. Сегодня днём.

ПМ резко оборачивается ко мне.

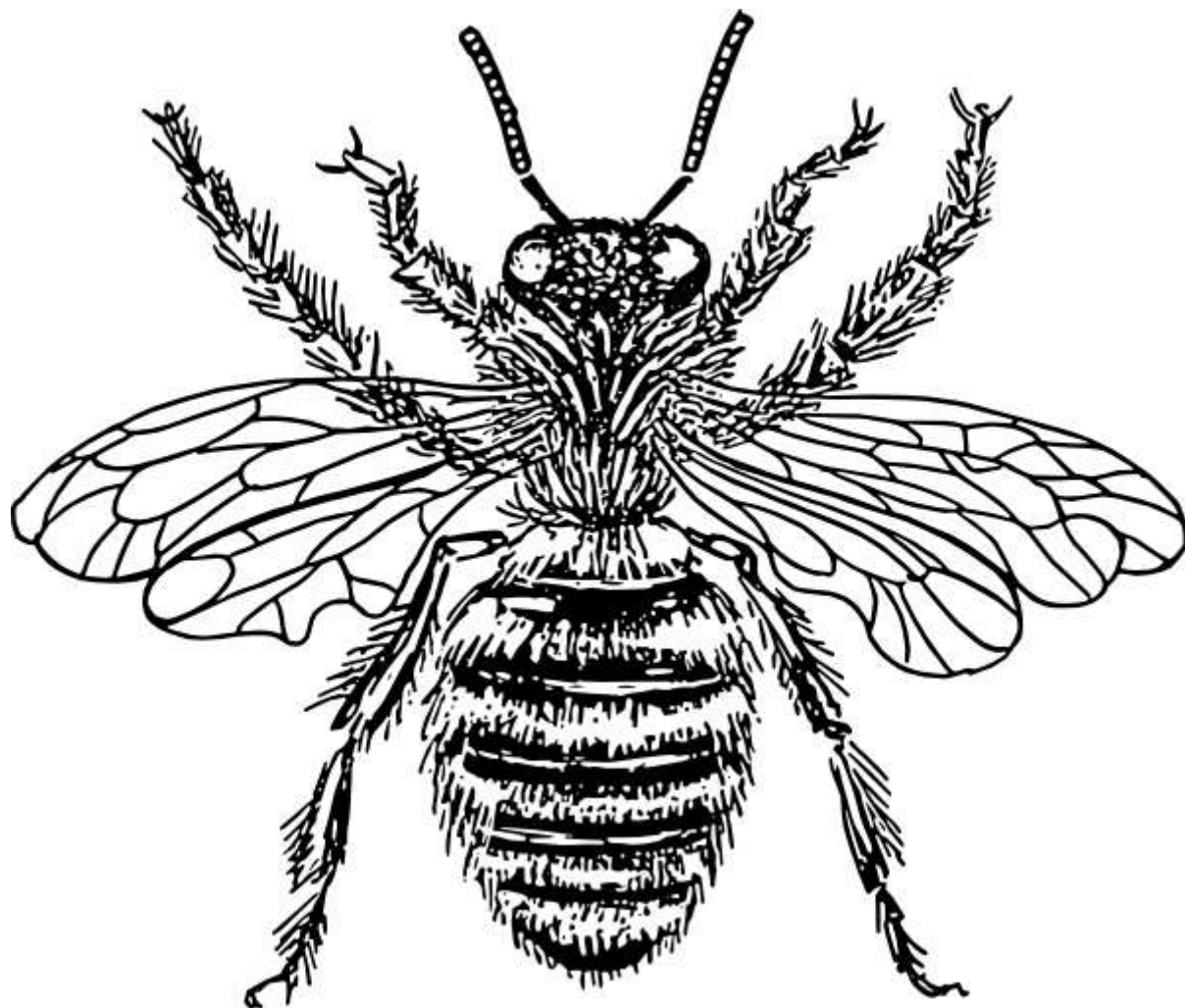
- Это правда?- спрашивает она, её голос на грани срыва.

Я сгибаю руки на коленях.

- Я... да.

Её взгляд настолько напряжённый, что я чувствую, будто она просверлит меня им.

- Что ж.- Премьер Министр встаёт. она звучит впечатлённой. - Тогда это всё меняет.

Глава 12

Премьер-Министр Янг встаёт, опуская чашку с чаем, и пересекает кабинет по направлению к стеклянной стене, открывающей превосходный вид на Средиземное Море. Но, когда Премьер-Министр касается её, на стекле отображается интерфейсный модуль. Окно постепенно становится матовым, скрывая небо и море на другой стороне, и на нём вспыхивают дюжина или более изображений. Файлы, содержащие текст слишком маленького размера, чтобы я могла прочесть его с моего места, изображения военной базы, людей, которых я не знаю.

В центре, тем не менее, находится изображение моей мамы.

Премьер Министр касается голограммного лица моей мамы и перемещает изображение в верхний угол. Под ним она располагает картинку Спа Духовных Грёз и кресла для грёз - такого же, в каком сегодня днём была моя мама.

- Твоя мама использовала её оздоровительную технологию со следующей целью,- говорит ПМ Янг. - Развлечение для богатых клиентов, которые хотят поразвлечь себя.

Она выразилась грубо; я бы не называла мамину работу так пренебрежительно. Конечно, большинство наших клиентов лишь хотят вновь пережить свои славные дни, но это не делает эту работу бесполезной.

Премьер Министр Янг касается другого изображения и увеличивает его, располагая рядом с маминкой картинкой. Это пожилой мужчина с оливкового цвета кожей и тёмными волосами, седыми у кончиков. В уголках его глаз морщины, и кажется, что он вот-вот рассмеётся, хотя картинка довольно официальная.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Это Сантьяго Беллес, Представитель Министров Испании,- говорит Янг. - Я уверена, что он связан с террористами, которые хотят разрушить Объединённые страны, и что он собирается пойти на измену.

Я пристально всматриваюсь в лицо, пытаюсь разглядеть зло за его улыбающимися глазами. Он не похож на изменщика, но опять же, это всегда незаметно, пока не приглядишься.

Премьер Министр приближает изображения Представителя Беллеса и кресло грёз моей мамы. Она поворачивается, выжидающе смотря на меня.

Я смотрю на Мисс Уайт, не понимая, чего от меня ждут.

- Элла,- тихо говорит Мисс Уайт,- ты погружалась в грёзы твоей мамы. В её разум.

-Ты также можешь погрузиться в грёзы Беллеса,- продолжает ПМ Янг. - Ты можешь выяснить, под чьим влиянием он работает, насколько сильна программа террористов. У тебя есть возможность предотвратить насилие прежде, чем оно успеет начаться. Мы можем попытаться принудить его выдать нам информацию, пытать его, или пойти на что-то ещё, но от тебя ему ничего не удастся утаить, ни в том случае, если ты будешь в его голове.

Мои глаза широко раскрываются лишь при мысли об этом, и я сглатываю, подступивший к горлу, комок. Мисс Уайт пододвигается сзади меня.

- Сперва, нам нужно провести больше экспериментов,- наконец серьёзно говорит Мисс Уайт. - Нам нужно быть уверенными, что Беллес не ощутит присутствия Эллы в его грёзах, и нам нужно обеспечить её защиту.

На одно долгое мгновение Премьер Министр Янг смеряет Мисс Уайт пристальным взглядом, и впервые я понимаю, почему люди боятся её. Ни произнеся ни слова, она поворачивается обратно к стеклянной стене и выводит на экран ещё одно изображение – видеоклип. Она увеличивает его так, что оно заполняет всю стену, после чего оборачивается, чтобы наблюдать своим холодным взглядом за мной, пока оно воспроизводится.

Я сдерживаю удивление.

Мой отец. Прямо там, в лаборатории на экране. Звук плохого качества, но я всё же могу разобрать, что там говорится. Папа говорит с несколькими учёными о сотруднике из лаборатории, которого недавно отпустили в то время, как они работают над некоторого рода химическим соединением. На заднем плане располагается ранний прототип кресла грёз - папа экспериментировал над функциями кресел, чтобы встроить в них искусственный интеллект андроидов.

Заходит другой человек. Внешне он ничем не отличается от других - среднего роста и телосложения, в лабораторном халате - но все в лаборатории замирают. Я вижу страх в глазах папы.

Только-что зашедший мужчина медленно поворачивается по кругу, осматривая каждого учёного по очереди. Затем его взгляд улавливает видео камеру; Он должно быть знает, где именно она находится. И только, когда его взгляд сталкивается с моим, я понимаю, что это не человек.

Это андроид.

- Это предупреждение,- объявляет андроид.

А после, взрывается.

Экран становится белым.

Желчь подступает к моему горлу, и я срочно оглядываюсь по сторонам, не сомневаясь, что меня сейчас вырвет.

Я только что видела смерть моего отца.

Мисс Уайт постукивает меня по спине, убирая с моего лица мокрые волосы.

- В самом деле, Хуа, тебе не нужно было показывать ей это,- говорит она, сердито глядя на Премьер Министра.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Премьер Министр Янг приседает возле меня, заглядывая мне в лицо.

- Прошу прощения,- говорит она. - Я думала, ты знала.

- Конечно же я знала, что его убили,- бросаю я. И я знала как. Гроб моего отца был короче, чем должно быть; после взрыва удалось лишь собрать останки его тела. И хотя я знала, что бомбу подложили террористы, мне не доводилось думать о чем-то большем, чем о смутной догадке, что это была группа неизвестных людей.

Я бросаю взгляд на голографическое изображение Представителя Беллеса.

- Мне нужно, чтобы ты поняла,- говорит ПМ Янг. Тон её голоса спокойный, но непреклонный. - Мне нужно, чтобы ты знала, насколько опасна игра, которую мы ведём. Поскольку...

- Нет,- прерывает её, раздавшийся на всю комнату, возглас Мисс Уайт.

Премьер Министр Янг оглядывается на неё.

- Мы должны.

- Что?- спрашиваю я.

- Нет,- повторяет Мисс Уайт. - Это слишком опасно. Она ещё ребёнок.

- Я уже понимаю, насколько это опасно,- говорю я замогильным тоном, не спуская глаз с Премьер Министра Янг. - Я видела тело моего отца после происшествия. Я понимаю.

Некоторого вида связь возникает между Мисс Уайт и Премьер Министром Янг. Но Мисс Уайт отступает, опустив голову.

- Знаешь, я служила Военным Министром Объединённых Стран прежде, чем стать Премьер Министром.

Конечно я это знаю. Её избрали единогласно; её вклад в Гражданскую Войну принёс ей победу. Она - первая Премьер Министр, которая видела поле боя, она - герой войны.

- Я изучала войну; Я жила в её время. Гражданская Война была непохожа на другие. Она была первой войной, в бою которой использовались андроиды, нанороботические бомбы. И, конечно же, уровень потерь в этой войне оказался самым высоким за всю историю человечества. И ты должна помнить,- продолжает Премьер Министр Янг с отрешённым взглядом,- что, в конце концов, всё, к чему ведёт война - это убийство людей. Мы можем делать вид, что есть что-то ещё, но это не так.- Её ясные глаза встречаются с моими. - Знаешь, какая у меня любимая война?

Я качаю головой. Не знала, что у людей есть любимые войны.

- Вторая Мировая Война,- задумчиво произносит она.- В начале 20 века была Первая Мировая – конечно, они не называли её «Первая Мировая». Они называли её «Великая Война» или «Война, которая положит конец всем войнам». Но затем вновь собрались войска, и произошла следующая Мировая Война. Вот почему я люблю Вторую Мировую. Она случилась сразу после войны, что должна была положить конец всем последующим. Это напоминает мне о том, что война никогда не кончается. Мы не можем это прекратить.

Я удивлённо смотрю на Премьер Министра Янг, не знаю, что сказать. Война закончилась - не только та, о которой она говорит, но и Гражданская тоже. Мир наступил задолго до того, как я родилась.

Когда Премьер Министр улавливает мой взгляд, могу поклясться, она видит мои сомнения.

- Война никогда не кончается,- повторяет она, её голос теперь звучит настойчивее, не осталось и капли былой задумчивости. - И за неё всегда приходится платить. Всегда. Для некоторых, цена была непосредственной.

Она оборачивается к Мисс Уайт, которая оставалась позади нас. Премьер Министр Янг вытягивает руку, требуя... чего-то, но я не уверена, чего. Ни произнося ни слова, Мисс Уайт

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

снимает, надетый на ней, льняной пиджак и принимается расстёгивать её белую блузку. Я шокировано смотрю на неё во все глаза, а она обнажает одно плечо.

А затем я вижу это - тонкую серебристую линию, которая отделяет настоящее тело Мисс Уайт от кибернетической руки, и она отсоединяет её, проводя через рукав и молча передавая её Премьер Министру Янг.

Я в ужасе смотрю на руку. Мисс Уайт почти никогда не снимает её, но вот она, в руке ПМ Янг, конечность, сделанная из серебра и хрома и блестящая био-смазкой. Пальцы по-прежнему шевелятся - автоматическое движение во время перезагрузки.

- Это была цена, которую заплатила Джейдис,- говорит ПМ Янг, протягивая ко мне руку Мисс Уайт. Она заплатила её в миг, когда она оттолкнула твою маму в сторону, чтобы защитить её во время Атаки Велетта.

Я сглатываю.

- Я знаю,- я произношу это тихо. Мисс Уайт спасла жизнь моей маме в тот день.

- А ты,- говорит ПМ Янг, её голос напряжён. - Ты заплатила цену ещё не появившись на свет.

Я перевожу взгляд с руки Мисс Уайт к глазам Янг. Они наполнены сочувствием, но я не понимаю. Пока она не говорит,- Я права считая, что твоя семья участвовала в Велетте?

Я опускаю глаза на пол. Премьер Министр Янг отдаёт Мисс Уайт её кибернетическую руку, но я погружена в тёмные мысли, на которые она меня навела. Сто тысяч смертей, но меня не преследуют их призраки. Меня беспокоят мои дедушки и бабушки – и мамыны родители, и папины находились в городе во время взрыва. Как и мой дядя, которого я так и не увидела, брат моего отца, который был помолвлен и собирался вскоре жениться. У меня могла бы быть тётя. Двоюродные братья и сёстры.

Единственная семья, которая у меня осталась - это моя мама. Вот и всё.

Премьер Министр Янг касается моего плеча.

- Цена войны всегда тяжела, и её всегда приходится платить. А некоторые не могут выплатить это цену ещё многие годы после подписания мирных договоров. Как твой отец. Ему тоже пришлось заплатить за Гражданскую войну.

- Он был убит террористами.

- Террористами, которые по-прежнему поддерживают взгляды Гражданской войны. Террористами, которые всё ещё ведут войну, которая закончилась около двадцати лет назад.- Премьер Министр пристально смотрит на меня. - Повстанцы представляют огромную опасность. Наше государство не является империей, хотя оно велико. А я не диктатор, который объединяет нации воедино, чтобы держать их в железном кулаке. Хотя, возможно, так было бы проще. Но это не так. Мы представляем республику. Огромнейшую республику в истории, но всё же - республику. Тем не менее, если нам на самом деле уготовлено быть таковыми, единым государством...

Мне трудно представить, что Соединённые Страны по-прежнему очень молоды - эта республика существовала всю мою жизнь. Но по сравнению с другими государствами, она лишь младенец, всего несколькими годами старше меня. И пока мне всегда казалось, что её состояние было стабильно, если кто-то настолько властный в правительстве, как Представитель Беллес подготавливал вероломство... что ж, я понимаю, почему Премьер Министр Янг обеспокоена.

- Возможность предотвратить войну прежде, чем она начнётся – вот, что на самом деле изобрела твоя мама. А не игрушку для богатых. Шанс сделать Гражданскую Войну той, что положит конец всем войнам.

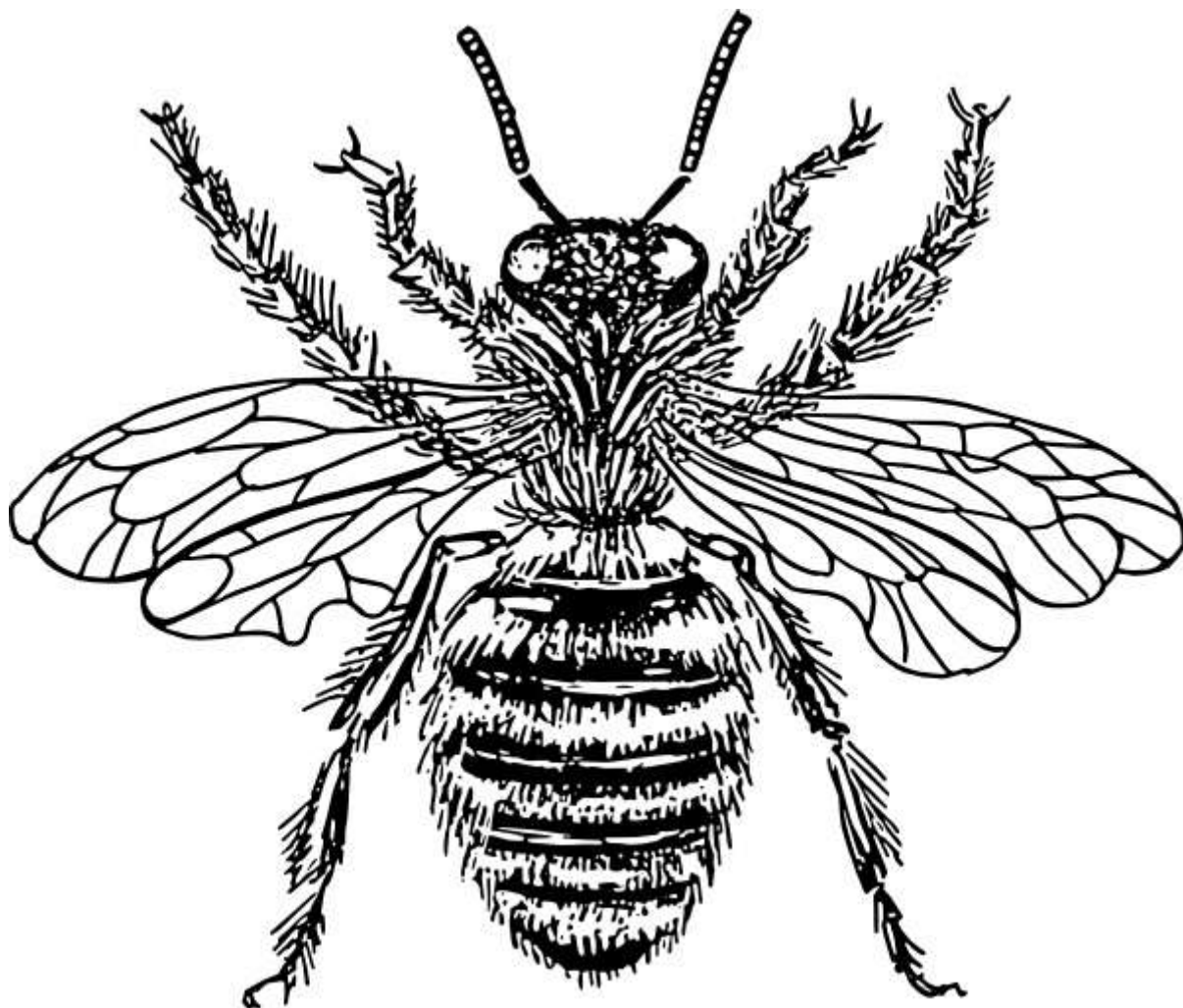
- Но опасность,- вмешивается Мисс Уайт, пока она вновь вставляет её кибернетическую руку, сжимая при этом пальцы.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

-Опасность неизбежна. Террористы знают, что технология твоей мамы существует; им не потребуется много времени, чтобы придумать способ воспользоваться ею им самим, или попытаться уничтожить её так, чтобы её не смогли использовать против них. Мы должны действовать, и быстро.

Премьер Министр протягивается ко мне, проводя ледяными пальцами по моей щеке.

- Элла,- ласково говорит она. - Они знают, что у тебя есть доступ к технологии твоей мамы. Они - люди, которые убили твоего отца. А теперь они идут за твоей мамой. И... тобой.

Глава 13

- Не нравится мне это,- говорит Мисс Уайт, как только мы возвращаемся в Спа Духовных Грёз. Она почти не говорила после того, как Премьер Министр отпустила нас, и сохраняла спокойствие всю дорогу домой на такси, но сейчас, когда мы в собственном доме, она вышагивает взад-вперёд, всплёскивая руками от волнения.

- Он меня не увидит,- обращаю внимание я. - Вторичное кресло грёз, то самое, что я использовала, находится в другой комнате. Мы лишь погрузим Представителя Беллеса в грёзы, а я проникну в них также, как это получилось с мамой и...

- Слишком много может пойти не так!- говорит Мисс Уайт. - Это слишком опасно.- Она круто поворачивается ко мне лицом. - Ты можешь честно сказать мне, что ты не боишься?

- Конечно же я боюсь!- немедленно отвечаю я без лишних раздумий. Даже меня собственные слова застают врасплох, и я прикусываю губу, задумавшись.

Когда я закрываю глаза, я вижу то, как умер мой отец.

- Ты правда думаешь, что террористы придут сюда? - шепчу я.

Мисс Уайт сжимает меня в объятиях.

- Не знаю,- отвечает она. - Твоя мама хранила её технологию в секрете, даже от меня. Но если им не удастся украсть её или сделать копию... они могут попытаться уничтожить её.

Я вижу, как взорвалось бомба, как всё побелело.

Я напугана. Я в ужасе.

- Мы можем уехать куда-нибудь,- предлагаю я. - Уничтожить мамино изобретение, продать здание и переехать куда-либо ещё.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Мисс Уайт усиливает хватку.

- Возможно...- говорит она, её голос затихает, но мы обе знаем, как рискованно это будет. Трудно вот так исчезнуть. Нам пришлось бы отключить наши Наручи, а это будет вызывать к нам подозрения куда бы мы не поехали. К тому же, если террористы смогли подобраться даже к кому-то столь влиятельному в государстве как Представитель Беллес, разве тяжело им будет добраться до нас? Пока моя мама жива, она представляет угрозу – даже если она уничтожит кресла грёз, она по-прежнему сможет сделать новые.

И мы обе упускаем одну важнейшую часть информации.

- Мама слишком больна, чтобы пуститься в бега,- говорю я, отстраняясь от Мисс Уайт. - И мы не можем рассказать ей об этом.

- Но...

- Ей становится хуже. Ты сама так сказала. Мы не можем позволить ей знать об опасности.

Мисс Уайт медленно кивает.

- Ты собираешься погрузиться в грёзы вместе с Представителем Беллесом?- спрашивает она. - Мы можем отказаться. Никто, кроме Премьер-Министра Янг и нас, не знает, что ты можешь это сделать. Если мы скроем твою способность, террористы могут не...

- Премьер Министр Янг сказала, что они уже представляют для нас угрозу,- возражаю я. - Мы не можем бежать и не можем скрываться. Мы должны победить их в их собственной игре.

Следующим утром я наблюдаю, как Представитель Беллес прибывает в Спа Духовных Грёз из службы безопасности в то время, как я прячусь во второй комнате грёз. У него толстое лицо, но в целом он худой и высокий. Кажется, он нервничает. Он и понятия не имеет, как сильно ему стоит беспокоиться.

Премьер-Министр подстроила всё так, что Представитель Беллес «выиграл» купон на несколько посещений в Духовный Спа. К счастью, даже если террористы и знают, что мамина технология может быть использована для слежения, Представитель Беллес не в курсе этого. По крайней мере он не выглядит подозрительным, а Мисс Уайт мастер с лёгкостью набирать клиентов.

Когда они заходят в комнату грёз, я начинаю подготавливаться. Пока Мисс Уайт даёт представителю дозу лекарства грёз, цепляя электроды к его коже и загружая системный интерфейс с помощью его наручКОМа, я же делаю то же самое в потайной комнате, подсоединённой электропроводами к креслу грёз представителя.

Дверь в мою комнату открывается, и заходит Мисс Уайт. Она изучает кресло, проверяя устройство подо мной, чтобы убедиться, что я хорошо подсоединена и готова к грёзам.

- Только скажи честно, что ты в порядке,- просит она, в её глазах застыло беспокойство.

Я не утруждаюсь, чтобы ответить; Просто опускаю электрошлем на голову. Мисс Уайт нажимает на кнопку, и ярко-зелёное облако лекарства грёз вспыхивает прямо перед моими глазами.

Я опускаю веки и чувствую тяжесть в голове, меня начинает затягивать в сон. В этот раз никакой боли – к счастью – но темнота в моих глазах сменяется ярко-белым светом, и я чувствую мгновение небытия перед тем, как мир – мир в мозгу Представителя Беллеса – начинает проявляться.

Я стою посреди войны.

На один миг. Я замираю в ужасе от всего этого. Гражданская Война была более двадцати лет назад, и я конечно видела цифровые документы на эту тему, но я никогда... Мне никогда не доводилось побывать среди неё. Жить в её время.

Не думала, что войны такие пыльные. Воздух пропитан пылью, кружащими потоками едкого дыма и разрухи. Я кашляю, задыхаясь. Это нереально, напоминаю я себе. Это нереально. Я закрываю глаза, сжимая их так сильно, что тьма под веками въедается в мой мозг.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Когда я открываю их, на мгновение мне удаётся разглядеть видение, которое Представитель Беллес пытается увидеть – пожилой человек и апельсиновая роща – но затем взрывается бомба, и остаётся только война.

Сейчас Представитель Беллес заиклился на мысли о войне. Он не может перестать думать о ней. Это всё страх внутри него, заглушающий каждую другую мысль. На самом деле, это похоже на то, как моя мама не могла погрузиться в грёзы из-за слишком сильной боли, причиняемой болезнью.

Ужас подступает к моему горлу, словно паук, пытающийся выползти из моего рта. Я могла притупить мамину боль, помочь забыть о ней, потому что я тоже хотела избавиться от неё. Но это? Боль Представителя Беллеса - также и моя боль. Я не могу избавить его от страха, который я разделяю с ним.

Мы оба утопаем в ночном кошмаре.

Меня охватывает паника. Что если я застряну, останусь в разуме Представителя, попав в ловушку? Что если это моя судьба, возможно, я обречена жить в аду другого человека?

Над моей головой, рассекая небо, проносится реактивная ракета, и врежется в Триумфальные Башни, наикрупнейшие здания во всем городе, являющиеся домами для всех представителей, включая Премьер Министра Янг и Представителя Беллеса. Башни были построены в форме пламени, ограненные солнцезащитным стеклом, которое блестит день и ночь, восставая из пепла Гражданской Войны. Но сейчас, в видении Представителя Беллеса, башни горят по-настоящему. Они разбиваются вдребезги, словно кристаллы, мерцая посреди разрушений.

К моим ногам падает бомба, разбрасывая расколотый булыжник дождём из каменистых осколков. Я бросаю взгляд на невзорвавшуюся бомбу - она сделана из стекла и блестит так, будто внутри неё переливается жидкое золото. Солнечное стекло. Некоторое время из колоний, находящихся за пределами солнечной системы, поступало огромное количество солнечного стекла, из которого в Новой Венеции получали нужное топливо, но после попыток использования солнечных бомб во время Гражданской Войны, его использование было строго запрещено во всех нациях. Тем не менее, это страх Представителя Беллеса, следовательно здесь оно реально.

Я слышу крики. Долгий, протяжный плач горькой утраты. Это грёзы; они основаны на самых сильных страхах Представителя Беллеса. И его страх сейчас воплотился прямо у моих ног.

Двое детей: мальчик, несколькими годами младше меня, и маленькая девочка. Кровь тонкой струёй стекает по их лицам. Их глаза застыли, опустошенные.

Они мертвы.

Вся картина сотрясается от горечи Представителя Беллеса. Мир вокруг темнеет. Этого вполне достаточно, чтобы прервать его грёзы, так же как и боль завершает мамини.

Но в то время, как я разделяю страх Представителя перед войной, я не знаю этих детей, лежащих мёртвыми у моих ног. И это незнание напоминает мне, что всё это нереально.

Я снова закрываю глаза, сосредотачиваюсь. Я вытягиваю руки, и воздух наполняется приятным запахом на подобие цитруса. Я вызываю лёгкий бриз. Приглушаю все шумы, после чего концентрируюсь на тихом шёпоте, исходящем от кресла, в котором находится Представитель Беллес. Кругом шелестят листья. Потрескивают ветви деревьев.

Когда я открываю глаза, Сантьяго Беллес стоит перед пожилым человеком.

- Дедушка,- беспокоится говорит он. Его глаза опущены, и хотя он даже смотрит прямо на меня, я остаюсь невидима его взору. Его мозг хочет, чтобы я присутствовала в этом видении с его дедушкой. Выражение его лица смягчается, и когда он оборачивается к мужчине у апельсинового дерева, он выглядит моложе. Роща позади них полностью благоухает.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Я участвовал в Гражданской Войне,- говорит видение пожилого человека.

Чёрт. Мне не нужно, чтобы его собственные грёзы возвращали его к кошмарам. И только я собираюсь вмешаться, как дедушка продолжает.

- Сражался за проигрывавшую сторону. По крайней мере, это то, что они мне сказали. Но я не был на чьей-либо стороне.- Предок смотрит Представителю Беллесу прямо в глаза. - Я защищал мою семью.- Он кладет свою руку на грудь Представителя Беллеса, прямо на сердце. - Нет ничего важнее семьи. Сражаешься за что-то – сражайся за то, ради чего готов умереть. Я не хотел умирать за государство, Гражданство, или Соединённые Страны. Но был готов умереть за людей, которых люблю.

Я с трудом сдерживаю смех. Именно из-за таких идеалистических подходов Гражданская Война и оказалась настолько плохой. Стоит лишь посмотреть на дыру, которая осталась на месте Валлетты, или на разрушенную арку Лазурного Окна, чтобы понять это. На старых зданиях всё ещё видны раны, нанесённые войной двумя столетиями ранее. Предотвратить ещё одну подобную войну - вот самая главная причина, по которой я залезла в мозг Представителя Беллеса.

Гораздо тяжелее исправлять грёзы незнакомого мне человека, в особенности когда это борьба против войны, но мне приходится работать с тем, что есть. Сосредоточившись на ощущениях, получаемых от окружающей среды, я усиливаю запахи, звуки музыки. Добавляю тепло испанского солнца, щебетание птиц и гудение цикад. Я перевожу внимание на дедушку, придавая ему особые черты: морщины, какие я видела на лицах старых людей, одежду, которая пахнет моющим средством, грязью и потом.

По степени того, как картина вокруг меня проясняется, я отдаляюсь от них. Разум - удивительная вещь, поражаюсь я. Мир грёз формируется на мечтах и сам по себе шире, чем небо, он может вместить не только наш собственный мир, но и всё, что только возможно и невозможно. Как только я перестаю думать, что всё это поддаётся законам физики, становится легко превратить этот пейзаж во что угодно. Не понимаю, почему я в этом так уверена. Я просто знаю это.

Я протягиваю руку, и между мной и апельсиновой рощей возникает стена. За этой стеной я создаю такой мир, в каком хочу видеть Представителя Беллеса.

Сначала шкаф для хранения документов, затем письменный стол; мозг Представителя Беллеса - теперь мой кабинет.

Картотеки теперь редко используются - большинство записей хранятся на интерфейсе. Тем не менее, по-настоящему важная информация никогда не хранится в системе интерфейса - её копии спрятаны под замком, как, например, исследование моей мамы, которое находится в базе данных в Англии.

Разум Представителя Беллеса открывается мне, когда я выдвигаю верхний ящик. Названия подразделов просты и ожидаемы: детство, школа, семья – двое детей и любящая жена, Испания, Мальта, Триумфальные Башни. Я подбираюсь ближе - Триумфальные Башни находятся в управлении. Кампания, компромисс, обязанности, правительственные заседания.

Тайны.

Я хватаю первый же файл и кладу его на стол. Мысленно просматриваю его содержимое. Сосредоточься. Мне нужно сосредоточиться. Но в тексте полная путаница. Представитель Беллес сам не уверен в том, что он узнал – зерна его возмездия только начали формироваться.

Я достаю самую большую бумажку из файла, и на ней появляется движущаяся картинка, повторяющаяся снова и снова – Премьер Министр Хуа Янг стоит у деревянного стола, крича на незнакомого представителя министра. Она полностью добивает мужчину, сидящего перед ней, брызги слюны летят ему в лицо, когда она разрывает его на части. Постепенно, её голос срывается со злости, нехарактерной женщине, сильной, холодной, яростной.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Изображение начинает гудеть.

Я быстро переворачиваю лист обратной стороной, плотно закрываю глаза и думаю о солнечном свете, апельсинах, жужжании пчёл и о голосах двух мужчин, вспоминающих прошлое. Чем больше я фокусируюсь на чём-либо, тем больше мозг Представителя Беллеса сосредотачивается на этом, и мне нужно продержаться в грёзах довольно долго, чтобы я могла раскрыть замыслы террористов.

Я живо перелистываю документ на следующую страницу. Это электронная таблица – денег. Я просматриваю её, пытаюсь найти смысл в этих числах, но не могу. Иногда мозг работает таким образом – он вспоминает о вещах в определённой форме, какую понять может только он сам. Эта таблица что-то значит для Представителя Беллеса, но не для кого-либо ещё.

Ничего не получается. Представитель Беллес может быть мятежником, но я не нашла ни единого доказательства тому, что он ключевой игрок в планах террористов. Числовая таблица может указывать на место, где повстанцы получают средства на исполнение цели... или же эти числа могут вовсе ничего не значить. Он вообще может ещё не состоять ни в какой группе; он может просто хотеть этого.

Хотя возможно, с ним пытались установить связь...

Если он знает кого-то из известных террористов, это может послужить зацепкой в их поисках. Я достаю ещё один файл из шкафа, помеченный простой надписью «Люди». Я раскрываю его на полу и, вместо того, чтобы отобразиться на листе, городская улица формируется прямо вокруг меня. Я теперь нахожусь в толпе людей, ста или даже более. Это люди из механической памяти Представителя, те, о ком он больше всего думал последнее время. Они стоят группами поодаль друг от друга, его семья в одном углу его памяти – жена и двое детей; его друзья собрались около барной стойки, попивая пиво; его знакомые представители в костюмах и деловой одежде – у длинного, полированного, письменного стола. И другие: компания школьников – часть его благотворительной работы, догадываюсь я; работники, стоящие у церемонии открытия в Мадрида; толпы обычных людей; Уличные андроиды, продающие пастицу и медовые колечки. Девушка, готовящая ему кофе. Представительница из Бразилии, которая заигрывает с ним, когда он остаётся допоздна в своём офисе.

Парень с тёмными волосами и светлыми глазами.

Моё сердце замирает.

- Я знаю тебя,- шепчу я.

Это же парень из Садов, тот, что подошёл ко мне с предупреждением, не дав мне почтить память у могилы отца.

Когда я смотрю на него, моё сердце бьётся быстрее, дыхание становится прерывистым. Я чувствую...

Страх? Нет, это что-то другое.

Я провожу рукой перед собой, и все вокруг исчезают. Остаёмся только я, и этот парень.

Его лицо — острые формы и тени. У него самые ясные глаза из всех, что я видела. Его плечи широки, с хорошо очерченными мускулами под черной футболкой с длинными рукавами. Мелькает вспышка золота – какая-то булавка – около воротника. Кожа у него загорелая, волосы темные, но он белый – нет у него темно-коричневого оттенка коренного мальтийца, как у меня. Судя по акценту, с которым он говорил со мной ранее, он, вероятно, англичанин. Я нервно взъерошиваю свои темные волосы. Несмотря на тот факт, что это лишь отголоски в мыслях Представителя Беллеса, кажется, будто его взгляд остановился на мне, на мне одной.

Я окунаюсь глубже в разум Представителя Беллеса, пытаюсь выяснить, насколько хорошо он знает этого красивого парня: имя, адрес, что угодно. Проигрывается призрачное

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

изображение их последней встречи: юноша оглядывается украдкой, шепчет что-то слишком быстро, чтобы разобрать, передает что-то представителю Беллеса — сложенный лист бумаги, или, может, цифровой стрип, не могу понять. А пока идёт изображение из памяти Представителя Беллеса, как он берёт листок, он в неё ещё не заглядывает. Он сам не знает, что там.

Может и ничего вовсе.

Но это не похоже на пустяк. Этот юноша — этот момент — важное в памяти Представителя. Он не может его забыть, а судя по расплывчатому контуру парня, он пытался.

Я внимательнее вглядываюсь в юношу. Это не он настоящий здесь, только воспоминание о нём. Но он выглядит встревоженным, чуть ли не мрачным, я наблюдаю, как он шныряет глазами, влево-вправо. Я могу рассмотреть жилку, пульсирующую на его шее.

Жужжание наполняет воздух, и я замечаю, как толстый желто-чёрный шмель пролетает из оранжевой рощи, Грёзы Представителя Беллеса, через стену в пространство, где я работаю. Стена будто истончена — через неё я могу увидеть, как грезящий Представитель всё ещё прогуливается с дедушкой, но я знаю: у меня осталось мало времени.

Я поворачиваюсь, чтобы запечатлеть образ парня и поднимаю руку. Небольшая картотека вздымается за его спиной, я склоняюсь, чтобы выдвинуть ящик — но он даже не шевельнётся.

Заперто.

Мои брови вздымаются. Это и правда тайна, которую Представитель не хочет мне открывать. Она зарыта в глубинах его разума, и хотя я и могу выудить нужную мне информацию, Грёза уже подходит к концу, и любое действие с моей стороны разрушит связь, пробудит Представителя, и оставит меня с пустыми руками. Я отпускаю ручку ящика и вместо этого, в надежде на что-то, вглядываюсь на ярлычок.

Поперек ярлычка от руки зеленым заглавными буквами написано имя.

ДЖЕК ТАЙЛЕР.

Я поднимаю взгляд на меркнувшее изображение парня, который передал Представителю тайное сообщение.

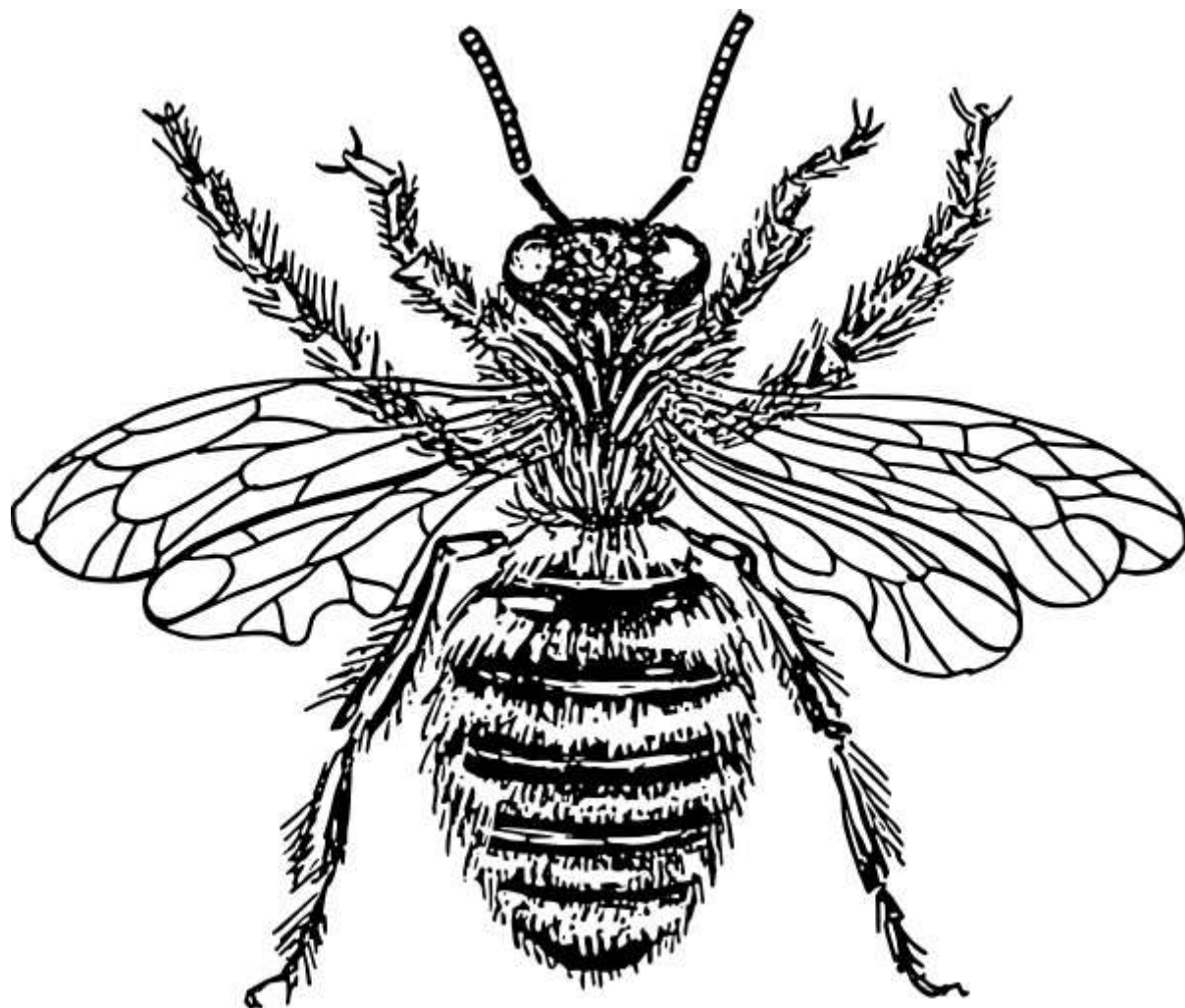
- Джек Тайлер, - шепчу я.

Изображение, которое непрерывно проигрывается, замирает. Оно застывает, воспоминание о Джеке Тайлере, держащем листок бумаги, подающемся вперёд.

А потом, невероятным образом, лицо парня поворачивается ко мне. Его голова движется пугающе, будто он одержим.

Его белесые глаза встречаются с моими...

... и я просыпаюсь.

Глава 14

Сердце щемит в груди. Я не могу выбросить из головы то, как он на меня смотрел, не только в Грёзах Представителя Беллеса, но и в реальности, когда я увидела его — Джека Тайлера — у могилы моего отца.

Я подключаюсь к системе безопасности спа, наблюдая за тем, как Представитель Беллес просыпается. Мой наруч автоматически подсоединяется к панели управления духовными спа; на сенсорной техно-фольге, плотно прилегающей к моему запястью, появляется кристально-чистое изображение.

Мисс Уайт - сама улыбка и любезность, пока она помогает ему и отводит к лифту, что ведёт к дальней части Спа Духовных Грёз. Я считаю до десяти, дожидаясь, пока он окончательно не уйдёт, а биение моего сердца нормализуется. Мне удаётся уловить часть его разговора с Мисс Уайт прежде, чем они исчезнут в лифте — он полностью доволен грёзой о его дедушке и абсолютно не знает, что я делала в его мозгу, что я вообще была в его голове.

Как только представитель уходит, Мисс Уайт поворачивается ко мне. Она молча смотрит на меня, пока я отцепляю электроды и выпрямляю кресло.

Я делаю глубокий вдох.

- Он напуган,- наконец говорю я.

- Напуган?- Вид у неё напряжённый, взволнованный.

Я киваю.

- Он боится ещё одной войны.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Войны, за которую он в ответе.- Когда я на это не отвечаю, Мисс Уайт продолжает,- Что-то ещё?

Я опускаю глаза, потирая внезапно охваченные ознобом руки.

- Элла?- ласково зовёт Мисс Уайт.

- Просто имя,-говорю я. - Джек Тайлер.

Мисс Уайт напрягается, будто неожиданно оказавшись на краю обрыва.

- Ты знаешь его?- спрашиваю я.

Она качает головой.

- Просто это... странно услышать такое необычное имя, знаешь ли. Он может быть человеком, который организовал террористическую атаку, которая погубила твоего отца, поэтому это имя ассоциируется с атакой, как-то так... это придаёт всему ещё большей реальности. Понимаешь, о чём я?

- Да, - отвечаю я. У меня сводит живот. Я и не думала об этом – что Джек может быть причастен к смерти моего отца. Джек Тайлер - мой ровесник, но вполне вероятно, что он помогал организовать атаку террористов.

С губ срывается трепетный вздох. Я вспоминаю его голос, звучащий в моих ушах, то, как он смотрел на могилу моего отца, как он посмотрел на меня.

- Элла?- окликает Мисс Уайт, в её голосе звучит беспокойство. Боковым зрением я вижу, как она тянется ко мне, но её рука опускается, не успев прикоснуться ко мне.

- Я в порядке,- спокойно говорю я. - Прости... я просто...

Когда я закрываю глаза, я вижу глаза Джека Тайлера. Я чувствую бомбы, которые видел Представитель Беллес.

- Иногда,- говорит она,- я забываю, как ты ещё юна. Элла, я знаю, что это трудно. Это не та жизнь, какой должна жить девушка-подросток. Ты должна подавать документы в университеты, всё ещё быть беззаботной, ходить на свидания и вечеринки. Это мне должно быть жаль. Хотелось бы мне, чтобы у тебя было всё это.

- Это важнее,- серьёзно утверждаю я.

Мисс Уайт направляется к Триумфальным Башням, чтобы сразу доложить обо всём Премьер Министру Янг, но я просто иду в кровать. Голова пульсирует, тихое гудение вибрирует в ушах, и я лишь хочу погрузиться в небытие.

К тому времени, как я просыпаюсь, обед уже давно прошёл. Я спускаюсь вниз по коридору, удивляясь, что мама меня ещё не разбудила.

- Привет, мам,- ласково говорю я, открывая тяжёлую дверь. Квартира – как и все здания в Новой Венеции –была построена с комнатой безопасности. Город проектировали те же архитекторы, что и те, кто восстановили Мальту после Гражданской Войны, и в каждом доме было как минимум одно безопасное место. Мы переделали комнату безопасности в нашей квартире в мамину спальню – здесь есть встроенный генератор и специальная энергия и источник воды, которые мы можем использовать для устройств, отображающих показатели её здоровья.

Мама смотрит на меня с кровати. На ней по-прежнему домашний халат, её волосы тонкими, гладкими прядками обрамляют её лицо. Когда она моргает, я замечаю, что её зрачки серебристого цвета – она смотрит программу, используя глазные наноботы.

- Не могу найти одну книгу,- говорит она, наделяя меня глупой, унижительной улыбкой. - Знаешь, ту, по которой был снят фильм.

- Звёздный Титаник?- спрашиваю я. Она уже читала книгу прежде полдюжины раз, как минимум.

Она кивает и протягивает мне своё запястье. Я печатаю на её наручКОМе, находя книгу, которую она хочет, историческая драма о загадке пропажи первого межзвёздного корабля.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Ты ведь знаешь, чем он заканчивается,- говорю я, посмеиваясь, закачивая книгу в её глазные наноботы.

-Ну, конечно,- говорит она. - Он основан на фильме «Счастливого Пути». Конечно я знаю, как всё закончится. Но я слышала, что это версия хорошая.

Я моргаю. -Да?- восклицаю я, пытаюсь сохранить в моём голосе легкость. - Ты разве не читала эту историю раньше?

Мама смеётся.

- Она же только вышла, Элла, каким бы образом?

У меня сводит желудок. Симптом поздней стадии болезни Хэбба. Потеря памяти.

Я выхожу из комнаты и зову сиделку-андроид Роузи. Она записывает новый симптом маминой болезни, не показывая ни эмоции.

Я сильнее открываю дверь, пропуская её в мамину комнату.

- Позаботься о ней,- прошу я.

- Конечно,- отвечает Роузи спокойным, отрывистым голосом. - Э-то то, что я за-про-гра-ми-ро-ван-на де-лать

-Элла?- зовет мама, её голос срывается на кашель, звук трескающегося дерева. Я быстро подхожу к ней, беспомощно следя за тем, как она оседает вниз.

Она бормочет что-то, когда я укутываю её ноги в одеяло после того, как она перестаёт хрипеть.

- Что?- спрашиваю я, заставляя себя радостно улыбнуться.

- Не так долго теперь,- говорит мама, её голос - едва слышный шёпот. - И ты будешь свободна от меня.

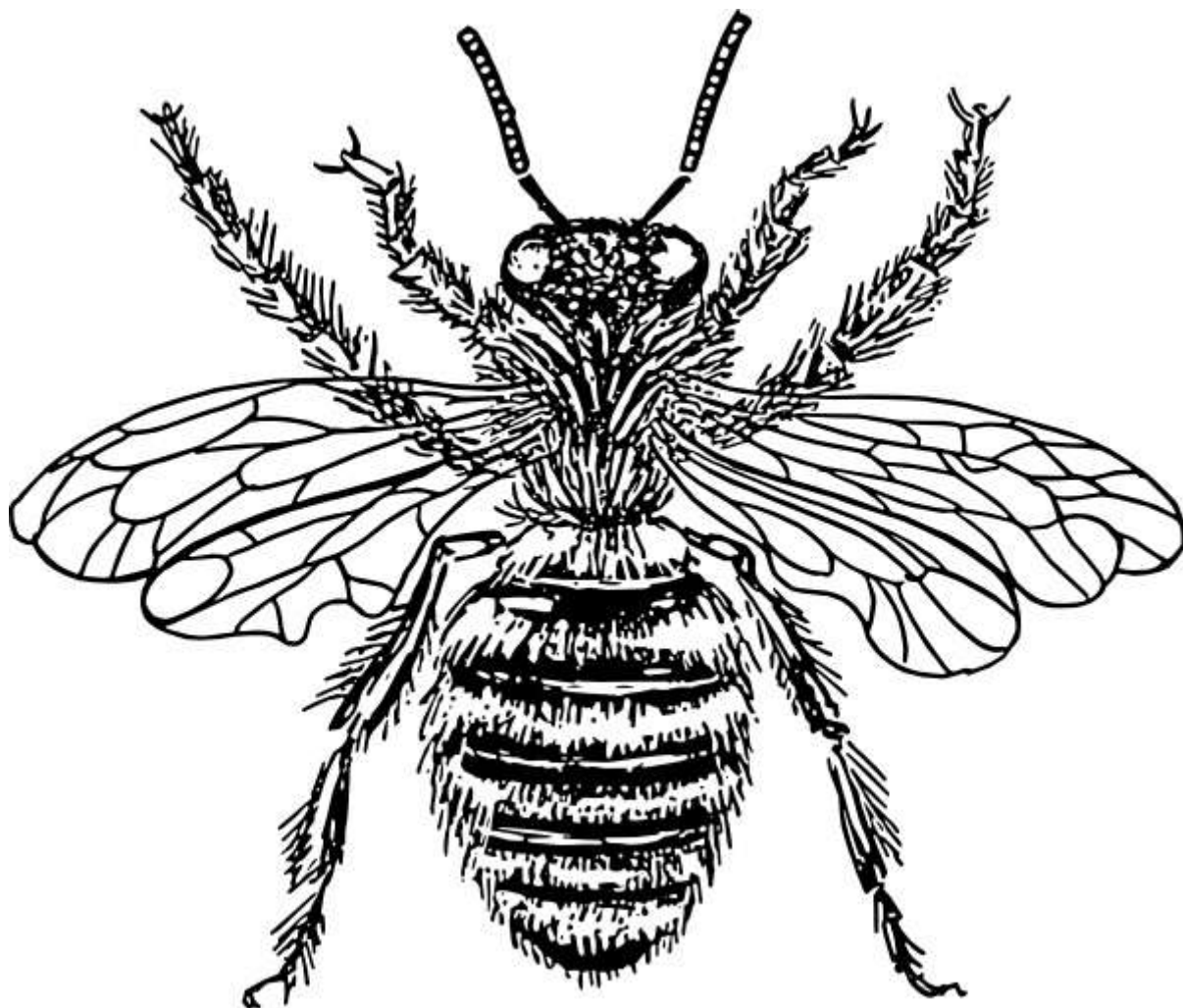
Проходит минута прежде, чем я полностью осознаю смысл, который она вкладывает в слово «свободна». Я наклоняюсь к ней и обнимаю её так сильно, что она протестующе пищит.

- Я не хочу быть от тебя свободной.

Мой голос напряжённый и хриплый; я не хочу, чтобы она видела моих слёз. - Никогда.

Мама улыбается мне, и я подаюсь назад, внимательно изучая её лицо.

Я уже вижу прощание в её глазах.

Глава 15

Я бреду на кухню, приготавливаю себе сэндвич, просматривая сообщения на моём наруче. Я увеличиваю экран, всматриваясь в голографические иконки, крутящиеся перед глазами с помощью наноботов. Я жму на значок связи. Программа запускается, вспышки света мерцают между моими пальцами и превращаются в проектированный видео чат, парящий на уровне глаз.

- Связаться с: Акила Ксейреб,- диктую я.

Мгновение спустя перед моими глазами появляется лучшая подруга.

- Приветтики, Элла!- радостно говорит она. - Тебе стало лучше?

- Не совсем,- отвечаю я и касаюсь моего кулона на цепочке – медальон в форме Колеса Фортуны. Внутри него - цифровой файл – я и Акила на Летнем Фестивале, когда нам было по восемь лет. Соединённые Страны заполнили светлячки, и мы провели пол ночи в Центральных Садах, пытаюсь поймать их. Папа дал каждой из нас по медальону – мой - серебряный, её - золотой – с цифровой лентой внутри, отображающей время, когда её отец оставил их семью, и она переехала в Округ Фокра.

Акила наклоняется.

- Что случилось?- беспокоится она.

Впервые в жизни, я не раскрываю ей мои сокровенные секреты.

Обычно я рассказываю Акс всё, но... это дело национальной безопасности, анти-терроризма. Я не могу ей этого рассказывать.

- Это касается твоей мамы?- спрашивает она.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Теперь мне будет так легко ей соврать, сказав, что все мои волнения заключаются в болезни мамы. И, конечно же, я беспокоюсь, что её состояние ухудшается, и то, что она перестаёт бороться с этим. Но не её призрак преследует меня.

- Я просто... Я выполняю новую работу в Духовном Спа,- говорю я.

- Ох, хотела бы я быть рядом,- вздыхает Акила.

При подаче документов она хотела быть интерном, как и я, но вместо этого её отобрали в военное отделение.

- Я тоже,- говорю я, голос срывается. - Но эта.. эта работа. Она просто... очень напряженная.

- Что тебе нужно делать?

Я открываю рот, но не знаю, что сказать. Я не могу рассказать ей, что только что влезла в чей-то мозг – она мне ни за что не поверит, а если и поверит, то не думаю, что стоит рассказывать о таком.

Акила взволнованно хмуриться.

- Знаю, ты сейчас на военном факультете,- говорю я,- а всё, что следует делать солдату это, как правило, выполнять приказы. Но.. Тебе когда-нибудь приходилось делать что-то...

После продолжительной паузы, Акила спрашивает:

- Делать что?

- То, что испугало тебя?- быстро бросаю слова я. - Я имею ввиду, что ты вооружена, и обучена, и не то, чтобы война всё ещё продолжается, но она может произойти, и ты не знаешь, что случится, и ты должна доверять людям, которые выше тебя, и ты убеждена, что они знают, что делают, но тем не менее это опасно, это по-прежнему... пугает.

Я едва не закатываю глаза, когда слышу, что говорю. Я похожа на полную идиотку. Пугает? Слова получше подобрать не могла?

—Так что Мисс Уайт обязывает тебя делать в Духовном Спа?- У Акилы такой же обеспокоенный вид, как и у меня в душе.

- Это не..- Я проглатываю слова. Это не Мисс Уайт. Но как, черт побери, я могу рассказать своей лучшей подруге, что я исполняю приказы Премьер Министра?

Акила ругается.

- Я ненавижу то, что застряла здесь, так далеко от тебя!

- Я в порядке, Акс, в самом деле. Извини, что побеспокоила...

- Как ты смеешь, Элла Шепард!- парирует Акила. - Не смей извиняться за это! Конечно же я хочу, чтобы ты сказала мне, если вдруг что-то не так!

У меня в голове снова раздаётся гудение, а по коже проходит дрожь при воспоминании о бомбах, которые взорвались только в моих мыслях.

- Я...Мне нужно идти,- говорю я.

Акила пытается возразить, но я закрываю крышку экрана. Я не могу рассказать ей о своих проблемах, и теперь стало ещё хуже, чем, если бы я и вовсе с ней не говорила.

Она пытается перезвонить мне, но я блокирую входящий вызов. У меня нет ответов – ни для неё, ни для себя.

Мисс Уайт была права. Увидев имя Джека Тайлера в грёзах Представителя Беллеса, я поняла, насколько всё это было реальным. Папина смерть, угроза войны... это уже слишком.

Но сидеть здесь просто так, ожидая приказов от Премьер Министра Янг - ещё хуже. На самом деле, у меня лишь одна зацепка, да и не такая уж большая, но я сделаю, что смогу. Я закрываю диалоговое окно и запускаю поисковую программу.

- Джек Тайлер,- приказываю я.

К сожалению, Джек Тайлер - очень распространённое имя, начиная известным политиком, заканчивая Британским актёром 22 века. Я сужаю рамки поиска, но по-прежнему

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

получаю слишком много совпадений, тогда я переключаюсь на поиск по фотографии, внося данные о его внешности в добавок к имени.

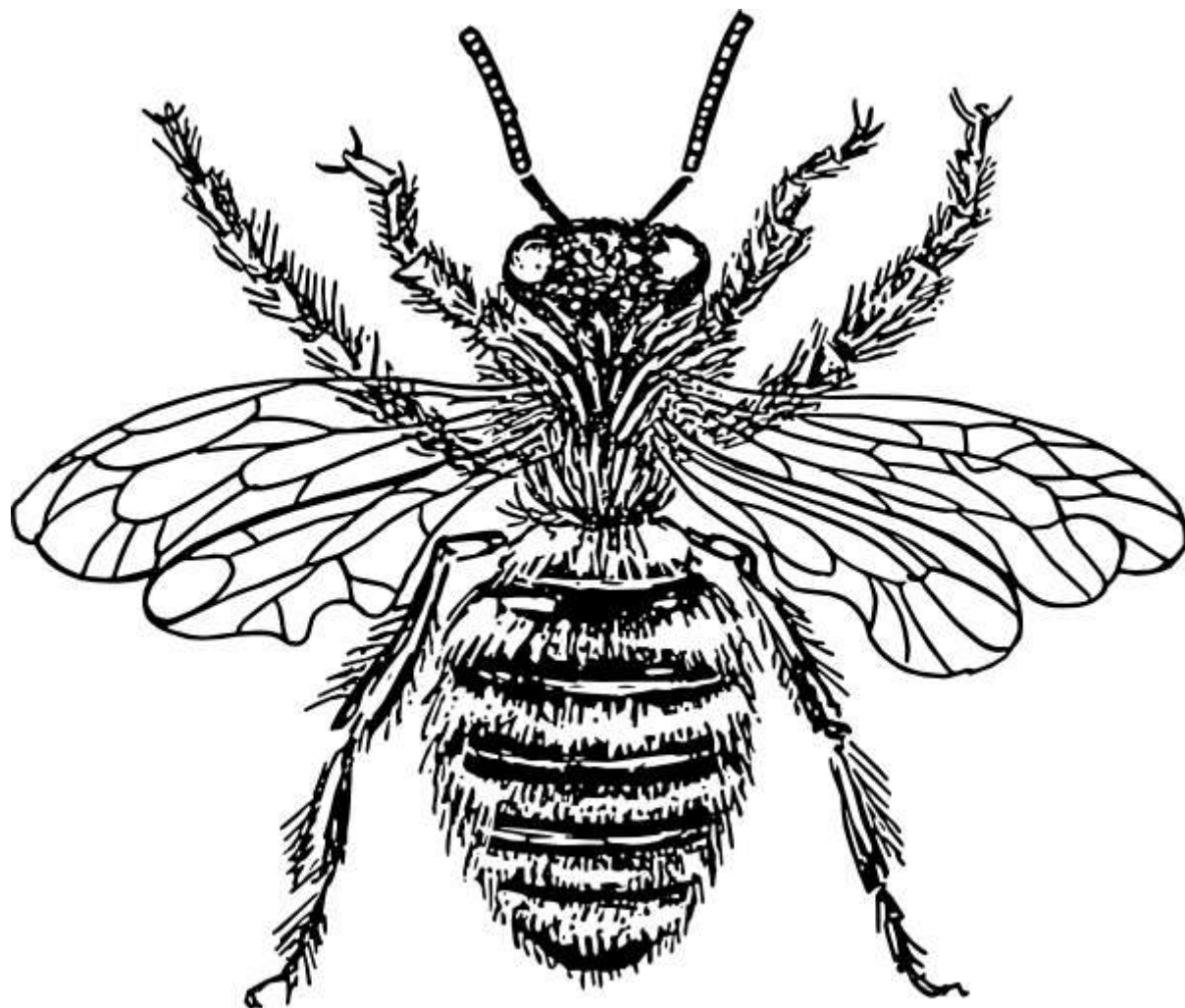
Вскоре я его нахожу.

Это фотография, сделанная в научной лаборатории - на фоне белой стены блестят пробирки и колбы. Джек стоит среди шести человек, все улыбаются перед чем-то, похожим на тело мертвой девушки, если не считать того, что её грудная клетка открыта, обнажая целую связку шнуров и цепей вместо крови и костей. Андроид.

Но не это заставляет меня протянуть руку и коснуться экрана, словно я могу проникнуть сквозь него и дотронуться до людей на фото.

Человек, который обхватывает плечо Джека рукой, с кривой улыбкой и смехом в глазах...

Мой отец.

Глава 16

Ведущий учёный Доктор Филип Шеферд вместе с его группой, работающие над прототипом технологии мета-функционирующего андроида.

Пока папа пытался использовать наноботов в качестве лекарства от маминой болезни Хэбба, его внимание, на самом деле, было обращено на саму технологию. Должно быть, это фото было сделано незадолго до его гибели. Я снова гляжу на изображение, рассматривая каждого.

Все люди на фотографии –за исключением Джека – погибли во время того самого террористического взрыва, что погубил моего папу.

В моём теле нарастает напряжение.

- И каковы ж были шансы, что только Джек выживет?- бормочу я. Я щурю глаза, сосредотачиваясь на его улыбающемся лице.

Я вырезаю часть фотографии и увеличиваю ее. Я пытаюсь рассмотреть Джека, но каждый раз взгляд падает на отца. Он выглядит счастливым. С каким-то чувством гордости. И его рука лежит на плече Джека, словно он его сын.

Я провожу рукой по голографическому проектированию и выделив, вырезаю отца из фотографии. И делаю то же самое с правой стороны, отделяя Джека. На голограмме он выглядит выше меня, как и в реальной жизни. Здесь его волосы другие, намного короче. Я приподнимаюсь на цыпочки, нос к носу с изображением парня, с запутанной частью в моей жизни, которую я сохранила в тайне от всех. Его пристальный взгляд, светится голографическим светом.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

—Кто ты? -спрашиваю я, но мой вопрос, конечно же, остается без ответа.

Я нажимаю на фото и внимательно рассматриваю то, что прилагается к ней. Джек зарегистрирован как медик, с заметкой, что его родители являлись помощниками в Собрании Представителей.

Я возвращаюсь обратно в главный раздел, пытаюсь отыскать больше информации о Джеке. И нахожу статью, написанную около года назад-нет, даже не статью. Некролог. Два государственных чиновника, работавших в Главном Отделе управления, погибли в автокатастрофе недалеко от берегов Гозо. В заметке также говорится, что выжил их сын, Джек Тайлер. Они же погибли через месяц после моего отца.

Значит он - сирота.

Как и я.

Я вздрагиваю, презирая собственные мысли. Я не сирота. У меня всё ещё есть мама. Как только могла я подумать о таком?

Я ударяю рукой по голо-дисплею, пролистывая остаток некролога. Так, что если у него трагическое прошлое? Я думаю о фото с ним и моим отцом. Возможно, Джек Тайлер поспособствовал моему трагическому прошлому.

Я продолжаю искать по другим параметрам, но больше информации нет. Он хорошо поработал над тем, чтобы его не было в системе – или смог стереть файлы, которые в ней были.

Я вздыхаю, разочарованная безрезультатным поиском. Я закрываю поисковое окно, но тотчас её на его месте появляется другое голо-извещение. Я вглядываюсь в него, шокировано читая слова на значке:

Открой, если ищешь Джека Тайлера.

Я проверяю информацию о файле – что бы это ни было, оно установлено прямо в мой наруч. Только я могла загрузить этот файл, или же кто-то проник в сам механизм. Это нелегко проверить – кому-то пришлось бы либо украсть мой наруч (что невозможно, поскольку я его не снимаю), либо подсоединиться к нему, чего тоже не могло произойти, потому что никто не отсылал мне никаких прямых ссылок годами.

Голо-изображение вращается на моих глазах.

Я знаю, что не загружала этот файл. Но я также уверена, что никто другой не мог этого сделать.

Я нажимаю на голо-значёк, и он запускается, как только я его выделяю.

Загрузившись, экран освещается. Я чувствую гудение на запястье и смотрю вниз на наруч, который синхронизирует с системой интерфейса. Программа готова, объявляет она.

Программа? Программа?! Я не хочу запускать никакую программу – я только хотела посмотреть, что в этом файле. Глаза застилает дымка – программа уже подключилась к моим нано-ботам, тем, что подсоединены прямо к моим глазам. Я испуганно моргаю, прекрасно зная, что это не приведёт ни к чему хорошему, но я замираю, заметив слова, отображаемые в моим глазах.

Найти Джека Тайлера.

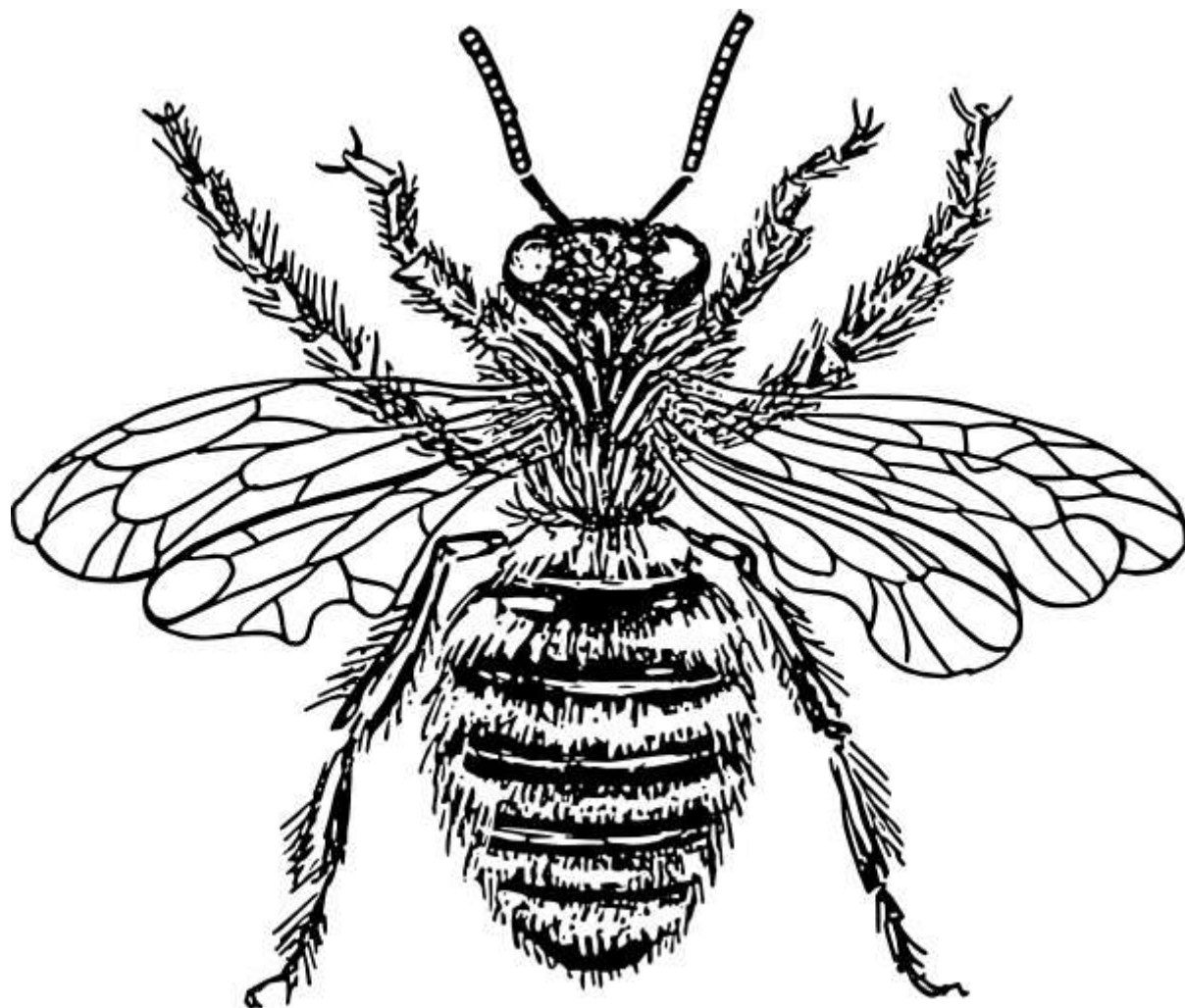
Я плотно сжимаю веки, мозг обезумел. Это может быть бот-вирус. Должно быть, Джек Тайлер нашёл меня, ввёл код в систему.

Я по привычке тянусь к наручу. Можно позвать Мисс Уайт, полицию – кого угодно. Я могу показать им эту программу, чтобы они отследили вирус, нашли Джека Тайлера и узнали, как он во всём этом замешан.

И тогда я открываю глаза. В отражении зеркала, висящего на стене напротив стола, я вижу себя: радужки моих глаз серебряного оттенка от наноботов.

А позади меня стоит мой отец.

- Папа?- шепчу я, голос ломается на полуслове.

Глава 17

Мой отец стоит прямо передо мной.

- Папа?- снова спрашиваю я.

Глаза слезятся, но теперь по абсолютно иной причине, сердце скачет в груди так сильно, что мне кажется, я вот-вот упаду в обморок. Я пытаюсь снова произнести его имя, но больше не нахожу слов. Вместо этого я делаю шаг вперёд, протягиваю к нему руки...

... И прохожу прямо сквозь него, словно он не более чем призрак.

Не что иное, как проекция.

Потому что это именно то, чем он является. Это то, что программа закачала прямо в мои глазные наноботы. Это обман. Она изображает моего отца. Но папа мёртв. Я заставляю себя задуматься над этими словами, до того, как поверю в них снова.

С помощью наруча я поднимаю показатель, отвечающий за прозрачность изображения, и папа становится все более прозрачным, походя на привидение. От этой мысли по спине бегут мурашки, и я опускаю показатель прозрачности до нуля, чтобы он вновь стал плотным и настоящим.

Папа – проекция папы, которую вижу только я – безмолвно поднимает руку, указывая на дверь, что ведёт из квартиры. Я следую за ним, мои глаза наполовину ослеплены из-за непролитых слез. В подъезд, вниз по лифту, через вестибюль, выхожу через главную дверь Салона Духовных Спа. И всё это время папа находится вне моей досягаемости, он лишь указывает, указывает и указывает. Его глаза смотрят прямо в мои.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я знаю - он ненастоящий. Я знаю, что он просто проекция в моих техно-линзах, часть программы, взломавшая систему безопасности и загрузившаяся в мою систему против моей воли. И я должна сообщить о программе Мисс Уайт и полиции интерфейса. Мне следовало удалить программу, не раздумывая...

Но я не могу отвести глаз от папы.

Куда бы ни вело меня это запрограммированное изображение моего отца, ничего хорошего из этого не выйдет. Кто-то оставил этот файл специально, чтобы я его прочла – именно я, судя по сканированию сетчатки, которое мне пришлось пройти для запуска программы. Я не могу доверять тому, кто пытается завести меня в неизвестном направлении, используя моего отца как приманку.

Но я не могу не пойти за папой. Мне нужно увидеть, куда он ведёт меня.

Джек Тайлер – или тот, кто взломал мою систему Грёз, кем бы он ни был – хорошо постарался, чтобы найти моё слабое место. Он знал наверняка: единственное, что может заставить меня ступить в неизвестность – это что-то связанное с моим отцом.

Папа проводит меня к лифтам в самом центре парка. Новая Венеция - город мостов, созданный человеком метрополис, пролегающий через Средиземное море меж двух островов, которые населяют жители Мальты. В верхнем городе работают бизнесмены; вся работа сосредоточена в этой части стран. А нижний город представляет собой место для развлечений.

Повсюду слышится громкий звон работающих лифтов, в которые входят люди посреди садов. Какой-то толстяк толкает меня, когда я останавливаюсь, выискивая папу в толпе. Изображение отца стоит рядом с одним из подъёмников. Призрак, видимый только мне. Его голограмма вздрагивает от проходящих сквозь него туристов, беспорядочной толпой движущихся к нижнему городу.

Я подхожу к ящикам хранения в центре площади. Полуандроиды – верхняя часть их тела походит на человеческую, болтами она присоединена к нижней половине - приёмнику билетов. Они принимают кредиты, когда люди подносят наручи к сканеру. Я делаю то же самое, и на экран выводятся мои двадцать красных кредитов.

Все лифты здесь – стеклянные, для того, чтобы туристы могли видеть весь нижний город. Меня придавливают к стене, когда целая австралийская команда по лакроссу – все одеты в вызывающе оранжевые футболки с логотипом их команды – запрыгивает в лифт следом за мной. Они такие шумные, при обычных обстоятельствах я была бы не прочь оказаться в лифте со столькими симпатичными парнями. Но сейчас папа снова исчез, и я тревожно вглядываюсь в стеклянные стенки лифта, разыскивая его.

Отсюда открывается прекрасный вид на город. Полог – на самом деле это просто нижняя сторона моста – идеально, безоблачно-голубого цвета, ясный и сияющий. Он изготовлен при помощи солнечного стекла – нового открытия одной из космических колоний Соединённых Стран – и гарантирует нам, что в независимости от состояния погоды в верхнем городе Новой Венеции, нижний город всегда будет оставаться в искрящихся лучах солнца, день и ночь.

Но люди приходят сюда не поэтому. Первая Венеция, находящаяся в Италии, а не на Мальте, утонула задолго до Гражданской Войны, но обрела едва ли не статус легенды в истории, как существовавшая когда-то Атлантида, трагически исчезнувшая с лица земли. Таким образом, когда строили Новую Венецию, верхний город превратили в самый высокотехнологично спланированный город в мире. Город, удостоенный Триумфальных Башен и звания столицы СС. В то время как нижний город послужил данью прошлому – как и деньги, оставляемые туристами. Архитекторы использовали исторические документы и фотографии двадцать первого века, чтобы воссоздать Венецию, расположенную посреди вод Средиземного моря. Мрамор, черепица и стеклянные лампы ручной работы выделяются на фоне стеклянных башен верхнего города, усеянных рекламными вывесками, и они несколько не похожи на ярко-

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

коричневый известняк, на котором построена остальная часть Мальты, но всё это выглядит превосходно, возвышаясь над водой. Вместо улиц, водяные каналы протекают в город и за его пределы. И так же, как в прежней Венеции использовали гондолы, в современной используют традиционные мальтийские лодки, великолепно окрашенные в цвета красного, жёлтого и зелёного оттенков.

Парни, находящиеся рядом со мной в лифте, оживлённо обсуждают какую часть нижнего города им начать изучать первой, но я перевожу внимание на пристань. Лодки-Луццу столпились на стороне открытого течения, а по другую сторону доков мерцает светящееся полотно реклам. Я осматриваю кружащих внизу туристов, высматривая папу.

Во мне поднимается паника, когда у меня не получается его найти. Лифт достигает пристани и резко останавливается. Команда по лакроссу одобрительно выкрикивает что-то на Австралийском (я ни слова не понимаю) и выходит. Я следую за ними, медленно, по-прежнему пристально рассматривая толпу в поисках папы.

А затем я вижу его, стоящего на другом конце пристани. Луццонеры устремляют свои лодки к лифтам, надеясь заманить туристов прямо на выходе. Формально, вы бы могли пройти через весь город пешком, но никто здесь так не делает – лодки-луццу слишком известны и представляют собой ту самую «нужную» часть познания Новой Венеции. Игроки по лакроссу занимают пять лодок, покачиваясь и практически вываливаясь за борт, потому что были слишком взбудоражены.

Но отца не оказалось рядом с этими лодками. Теперь он находился в самом дальнем углу пристани, вдали от туристов, на мосту Гранд-Риальто, который соединяет пристань с базой отдыха «Ренессанс».

Я протискиваюсь сквозь толпы людей, натываясь на лодки-луццу. На носу каждой из них вырезан глаз – часть традиционного Мальтийского дизайна. Но, даже не смотря на то, что они просто вырезаны в куске дерева и разукрашены, кажется, будто они пристально смотрят на меня, пока я бегу вдоль пристани.

- Красавица!- кричит один луццонер из старой лодки, выкрашенной в черно-жёлтый цвет, - прокатись на моей лодке. Недорого! И идти не придётся!

Я поднимаю левую руку, показывая ему зелёную полоску на моём наруче, доказывающую, что я житель Новой Венеции и не собираюсь плыть теми же попутными рейсами, что и туристы. Этого вполне достаточно, он пожимает плечами и направляет свою лодку ближе к толпе у лифтов.

Когда я подхожу к мосту Гранд-Риальто, я вижу отца, стоящего на самом верху лицом к площади. Уличные андроиды ходят вверх - вниз, продавая пастицу и хот-доги, фалафельные трубочки и шаурму. Голуби, которые, очевидно, прилетели сюда из старого города в Италии – это гибриды настоящих птиц и механических, с камерами вместо глаз.

Я продолжаю бежать, папа все еще впереди меня. Теперь он мерцает так быстро, что я едва удерживаю его на виду – вниз по улице, затем на следующую улицу, через мост, сквозь людей, толпящихся на причале, ещё один мост, вокруг здания, через площадь, аллею. Улицы сужаются, здесь меньше туристов и больше простых жителей, таких, как я – людей, работающих в городе. Сейчас я вижу их настоящие лица, вместо натянутых улыбок, предназначенных для туристов. Они кивают, когда я пробегаю мимо, с любопытством провожая меня взглядами. Наверно, думают, что я опаздываю на работу.

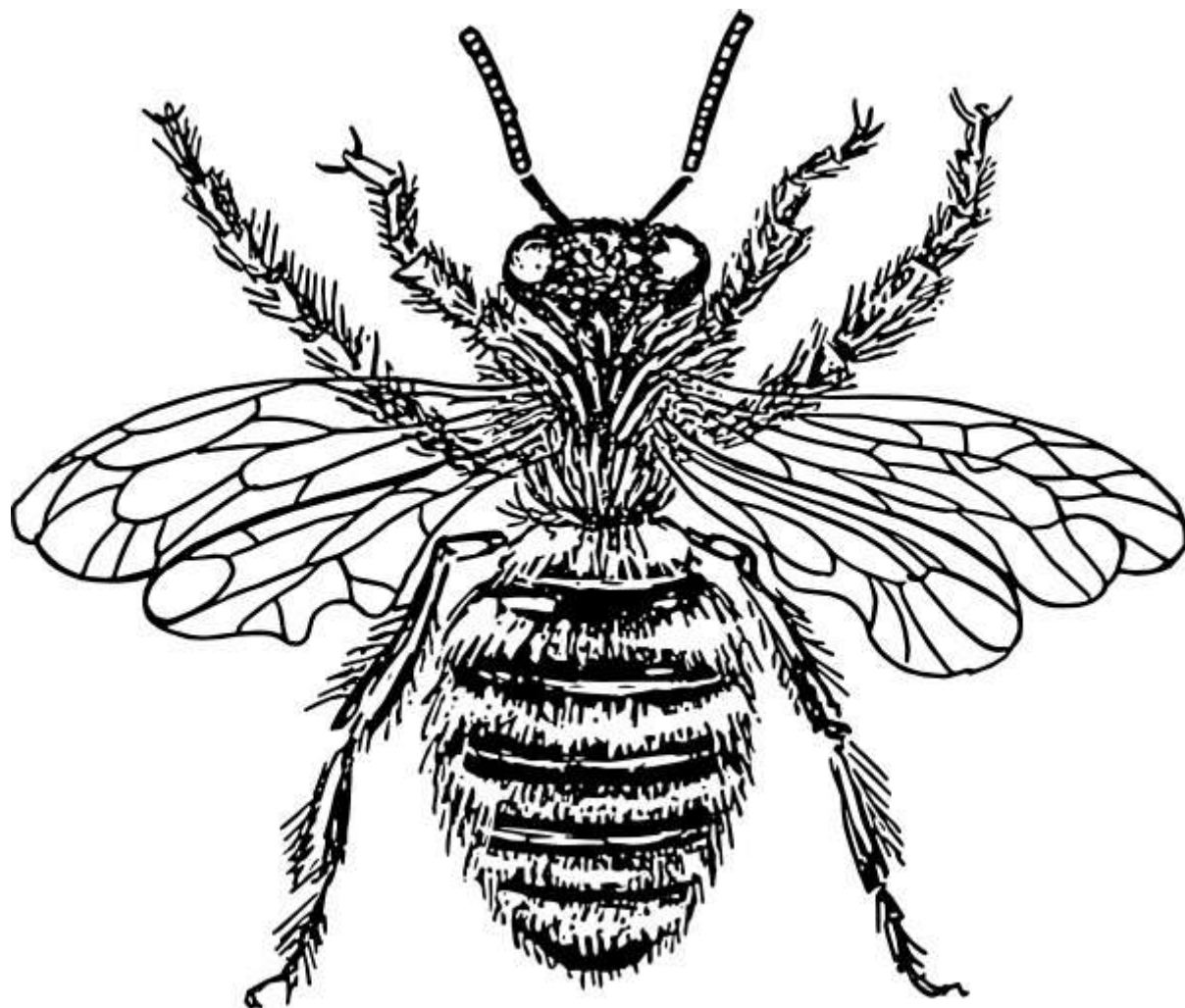
Наконец папа останавливается. Он стоит перед едва заметной, облезшей дверью, цвета бургундского вина. На ней нацарапана цифра восемь, затем заглавная «К» и снова восьмёрка. Крыльцо усеяно фантиками от конфет, повсюду разбросаны порванные клочки бумаги, и, что удивительно, здесь стояла небольшая баночка с медом. Почерневшее серебристое дверное

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

кольцо, в форме кулака с большим кольцом, закреплено прямо по середине двери. Папа не двигался. Его взгляд устремлён вперед – он не видит меня, я знаю: он не может.

Я замираю, моя грудь тяжело вздымается и опадает после бега, волосы пропитались потом. Я пытаюсь показаться в папином поле зрения. Я хочу притвориться, хотя бы на одно мгновение, что он – здесь, смотрит на меня. Но это не так. Конечно, нет. Я протягиваю руку мимо его головы и поднимаю металлическое кольцо, позволяю упасть ему, и он тяжело ударяется о пострадавшую от непогоды дверь. Она немедленно открывается, будто человек по другую сторону давно ждал меня.

Джек Тайлер.

Глава 18

Глаза Джека широко распахнуты и полны шока. Я замечаю, что его нос, хоть и не сломан, но до сих пор опухший в том месте, куда я его ударила.

- Как, чёрт возьми, ты меня нашла? - потребовал объяснения Джек.

Моя голова быстро проясняется от удивления. Я думала, что это он взломал мой наруч и отправил следащее устройство, которое привело меня сюда. Я нервно оглядываюсь по сторонам, отчасти ожидая, что кто-нибудь выпрыгнет из-за водоканала неподалёку, словно всё это было ловушкой.

- Чёрт, ты привела с собой полицию? - рычит Джек. Он начинает закрывать дверь, но я успеваю подставить ногу в дверную щель.

- Нет, - бросаю я в ответ, - хотя ты заставляешь меня жалеть об этом.

- Не смей, - приказывает Джек. Его челюсть напрягается. Кажется, он в ярости.

Можно подумать, он имеет право указывать мне. Если мне понадобится, я пришлю Премьер Министра по его душу. Но сначала:

- Я пришла за ответами.

- Ну, а я не разговариваю с тобой. Ты только и делаешь, что бьёшь меня.

Он снова пытается закрыть дверь, но моя нога всё ещё мешает ему. Я толкаю плечом дверь, и Джек ругается, когда она открывается шире. Я удивлена, что мне удаётся приоткрыть её – он намного больше меня – но у меня есть преимущество за счёт ноги. Я еще раз толкаю дверь, и Джек сдаётся, позволяя ей распахнуться.

- Не смей снова бить меня, - предупреждает он, отступая в тени дома.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я захожу внутрь неуверенно, моя рука около наруча. Если придется, я смогу нажать на кнопку тревоги.

- Дверь закрой!- рычит Джек.

- Нет,- парирую я.

Мне нужны ответы, но я не хочу быть запертой в одной комнате с этим возможным психопатом.

Джек проходит мимо меня и захлопывает дверь. Мои руки сжимаются в кулаки, и ему приходится отступить, чтобы избежать очередного удара.

- Сказал же, не дерись!- кричит он.

Я не обращаю на него внимания и проверяю дверную ручку. Не заперто. Я по-прежнему могу ускользнуть.

- Зачем ты вообще пришла сюда, если уже собираешься уходить?- Джек больше не кричит, но всё ещё выглядит рассерженным,- и как ты меня нашла?

Я не отвечаю, я по-прежнему смотрю на дверь. Затем я говорю:

- Кто-то прислал мне программу-карту для глазных ботов. Она привела меня сюда. Это твоих рук дело?

Джек сердито качает головой.

- Говорю же, это не я. Зачем мне вообще приводить тебя сюда?

- Программа использовала изображение моего отца.

Папина голограмма молча стоит позади Джека.

Джек молчит какое-то время .

- Я бы не поступил так с тобой, Элла,- отвечает он, его голос смягчается,- я знаю, как много он для тебя значит.

Я дернулась от него в сторону

- Не претворяйся, что знаешь меня,- огрызаюсь я.

Впервые лицо Джека выражает эмоцию, отличную от гнева и разочарования: кажется, он удивлён. Возможно, ему даже больно. Его глаза широко распахиваются, а рот открывается, но он не произносит ни слова.

- Тем не менее,- холодно отвечает он,- это был не я. Но мне нужно знать, как ты нашла меня, чтобы быть уверенным, что больше никто не сделает этого.

Я открываю рот, чтобы возразить, мой разум напряжен до предела. Всё выходит не так, как я предполагала, и я чувствую себя потерянной, сбитой с толку. Я ожидала, что найду ответы, но всё что я получила – это ещё больше вопросов. Мне нужно выяснить, кто на самом деле взломал мою систему интерфейса и отправил кодовую карту. Это должен быть кто-то из близких, кто-то, кто очень близок ко мне –в конце концов, это пришло на мой наруч, не говоря уже о том, что использовалось изображение моего отца. И я сомневаюсь, что это Джек – он по-настоящему удивлен.

Джек поворачивается, пристально уставившись на меня.

- Для создания системы слежения должно быть что-то, с помощью чего можно следить. Ты не можешь просто отследить человека.

- Если только у тебя нет отслеживающих наноботов, - замечаю я.

Глаза Джека широко распахиваются, и, на мгновение, он выглядит охваченным паникой, будто готов из кожи вон вылезти. Но затем он качает головой:

- Нет, это не то,- говорит он, как будто уверяя в этом самого себя,- медики Ксавьера...

- Что?- спрашиваю я, внимательно наблюдая за ним.

- У меня нет отслеживающих ботов. Здесь что-то ещё.- Джек смотрит на меня, прищурив глаза,- Твою мать,- вскрикивает он,- я знаю что это!- Джек снимает свой пиджак, его руки мнут чёрную ткань, пытаюсь найти что-то. Около жёлтой булавки пчелиного цвета что-то мерцает, но

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

это не то, что пытается найти Джек. Он достаёт старинные наручные часы из потайного внутреннего кармана.

Я задыхаюсь.

- Это же...!

Я оглядываюсь на голографическую проекцию моего отца, безмолвно стоящую около Джека. Но не успеваю я закончить предложение – Эти часы принадлежали моему отцу! – как Джек бросает их на пол и наступает на них всем своим весом. Часы трескаются, и голограмма отца исчезает.

- Зачем ты сделал это?!- кричу я, падая на колени и поднимая ремешок и разбитый корпус, - Они принадлежали моему отцу!

Это был антиквариат, поколениями переходивший от отца к сыну в нашей семье. Папа дал мне их за год до его смерти, когда мама, казалось, шла на поправку, а ему предложили работу прямо в Триумфальных Башнях, исследовать ботов и андроидов для государства. Гравировка на обратной стороне часов по-прежнему на месте, точь-в-точь такая, какой я её помню. «П.К.Д.С.» Инициалы моего пра-какого-то дедушки.

Джек резко опускается и собирает отколовшиеся серебристые шарики, от разбитых вдребезги часов.

- Ну, Доктор Филип не помещал в них трекер, в этом я чертовски уверен!

Нахмурившись, он протягивает мне крошечный предмет.

- Откуда вообще у тебя эти часы?- тихо спрашиваю я, глядя на осколки.

Джек резко встаёт, вырывает из моей руки часы, и кладет мне на ладонь металлический шарик.

- Жучок. Ты подложила мне жучок.

- Я этого не делала,- монотонно говорю я. Мне едва ли удаётся справиться с гневом. У меня так мало вещей, которые принадлежали папе, только ему. И видеть разбитые часы, это как видеть память о нём, размазанную о грязный каменный пол,- Откуда у тебя часы моего отца?

- Ты сама дала их мне!- орёт Джек. Я вздрагиваю, и он делает шаг назад, глубоко вздыхая. Его глаза вглядываются в мои, полные гнева. - Они уже идут?- спрашивает он.

- К-кто?- запинаясь спрашиваю я.

- М.П. Копы. Ты привела их сюда с помощью этой идиотской системы отслеживания?- он обходит меня, распахивает дверь и выглядывает в яркий солнечный свет

- Я никого не звала,- говорю я. С каждым словом мой голос становится все сильнее,- никто меня не преследовал. И я не делала этого. Я не подкладывала жучок в часы. И я не давала тебе их!

- Что ты вообще здесь делаешь?- говорит Джек. Теперь тихим голосом, звуча при этом почти разочарованно. Побужденно. - Я знаю, что ты ненавидишь меня, Элла, но зачем ты меня мучаешь?

- Мучаю? Ненавижу тебя?- я удивлённо смотрю на него,- я тебя даже не знаю!

Лицо Джека превращается в маску, не выражающую каких-либо эмоций.

- Я начинаю думать, что это правда.

- Конечно же, это правда!- кричу я,- я даже никогда не видела тебя прежде, до вчерашнего дня! Поэтому я не могла подложить тебе жучок – и я всё ещё жду, когда ты объяснишь мне, как тебе удалось украсть часы моего отца!

Лицо Джека бледнеет. Он просто уставился на меня, не говоря ни слова.

- Что?- требовательно спрашиваю я.

- Но ты ведь помнишь Акилу, верно?

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Моя рука машинально тянется к медальону удачи с цифровым снимком Акилы и меня внутри. У неё есть такой же.

Джек запускает пальцы в волосы.

- Я слышал, что государство использует подсознательные импульсы, чтобы контролировать людей,- бормочет он. Он окидывает меня оценивающим взглядом,- но это так необычно...

- Откуда ты знаешь Акилу?- снова требую ответа я. Меня не заботит, в какие лживые игры он играет; мне нужны ответы.

Какое-то время Джек молчит. Он выглядит так, словно тщательно подбирает слова.

- Мы с Акилой были в одном подразделении.

- Она никогда не упоминала о тебе.

- Возможно она не считала нужным, чтобы ты слышала обо мне.

Я пронзаю его взглядом.

- Очевидно - нет.

- Нет... Я имею в виду...,- Джек рычит от отчаяния.

- Давай просто выясним это, прямо сейчас,- отрывисто говорю я. Я поднимаю запястье, скользя пальцами по поверхности наруча.

- Что ты делаешь?- требует Джек.

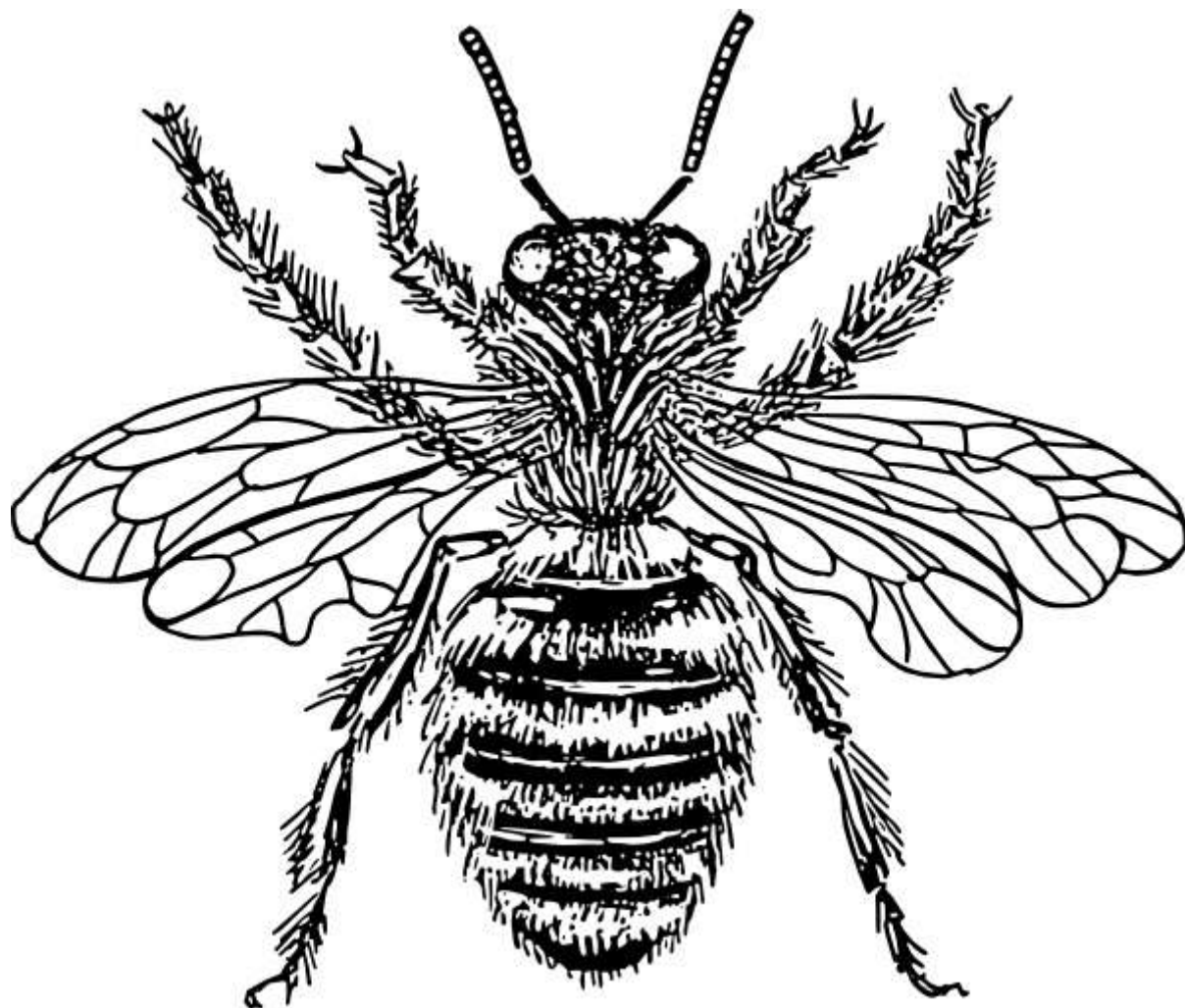
- Звоню Акиле. Если она тебя знает - она скажет мне.

- Нет, не нужно!- он пытается отвести мою руку в сторону.

Я прищуриваю глаза. Мои пальцы по-прежнему на наруче - не на контакте Акилы, а на номере полиции.

Губы Джека искажаются, но не в улыбке. Это испуг. В его глазах появляется чувство, самое печальнее из того, что я когда-либо видела. Желудок сжимается, а тело трепещет от страха. В голове вспыхивает предупреждение, и я вдруг вспоминаю тот день, когда папа пришёл в мою спальню, чтобы сказать, что у мамы болезнь Хебба.

- Акила мертва,- говорит Джек, и меня поражают не его слова, а тон, полный сочувствия и скорби.

Глава 19

Из меня будто выкачали весь воздух, я пыхчусь от Джека, словно он ударил меня. Но затем я качаю головой, отбрасывая сбивающие с толку мысли.

- Я говорила с ней, меньше чем час назад,- уверяю я.

- На самом деле, - нет,- говорит Джек ужасно низким, монотонным голосом.

Я внимательно изучаю его лицо, но не смотря на то, что он прячется под маской, в его глазах отражается вся правда, горе. Его плечи ссутулились, признавая поражение. У него атлетически сложенное тело - тело солдата, с быстрыми рефлексами, твёрдой челюстью, свидетельствующей о том, что он видел больше, чем следовало.

Но не важно, как сильно он верит в то, что говорит. Он определённо лжёт. Или сумасшедший. Или и то, и другое.

Я опускаю взгляд на его руку и замечаю, что он мнёт рукав куртки на запястье. Вспоминаю, что у него нет наруча.

- Ты не за решёткой,- говорю я. - Ты в бегах. Ты... ты дезертировал из армии, так ведь?

Это полностью подтверждает мою теорию, согласно которой он связан с террористами-протестантами, работающими с Представителем Беллесом. Я нащупываю дверную ручку, чувствуя твёрдый, холодный металл под моими пальцами, я готова бежать, если понадобится.

Челюсть Джека напрягается.

- Через полгода после призыва,- говорит он,- после того, как Акила...

Я всплёскиваю руками, отгоняя эту мысль. Акила не мертва!

- Не смотри на меня так,- ворчит Джек.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Это как же?

- Будто я - дезертир.

- Акила не мертва,- заявляю я, и эти слова придают мне уверенности. - Ты и есть дезертир, и...- я замолкаю. Не знаю, что я хотела сказать дальше. «И я уйду»? Нет... я не могу. Не знаю, как в мой наруч попала отслеживающая программа, но, к счастью, трекер теперь уничтожен. Если я уйду, мне никогда больше не удастся найти Джека. Возможно, это мой единственный шанс поймать его для Премьер Министра Янг.

Моя рука приближается к запястью, пальцы в миллиметре от кнопки тревоги, которая приведёт сюда полицию.

- Подожди,- говорит Джек. Именно то, как его голос ломается на этом слове, отчаявшись, заставляет меня посмотреть на него.

- Господи, ненавижу это,- бормочет он, запуская руку в короткие волосы. Его ясные, светлые глаза – не совсем голубые, но и не серые, что-то среднее – поднимаются и встречаются с моими.

- Просто... здесь,- Джек протягивает мне вещь, которую отыскал в другой комнате ранее, ожидая, что я возьму её. Маленький, сложенный лист бумаги, но гладкий и тяжелее, чем обычная бумага. Цифровая пленка.

- Просто посмотри это. Думаю, тогда ты поймёшь.

- Что это?- спрашиваю я, распаковывая плёнку. Темный экран ждет моей команды.

- Ответы.

Как раз та вещь, в поисках которой я сюда пришла.

- Я подожду здесь,- он указывает на другую комнату,- просто посмотри это. И тогда, если всё ещё не будешь верить мне, я...- он оставляет невысказанное обещание висеть в воздухе между нами.

Я медленно разворачиваю плёнку, пока он уходит в другую комнату, предоставляя мне личное пространство.

- И...- говорит Джек, останавливаясь у двери.

Я поворачиваюсь, он ничего не говорит долгое время. Просто смотрит в глаза, будто пытаюсь увидеть что-то сквозь меня.

- И?- нетерпеливо напоминаю я.

- И...- негромко говорит Джек,-... мне жаль.

Я разглаживаю развёрнутую цифровую плёнку в моей руке, провожу пальцами по поверхности, включая её. На экране чёрными буквами высвечивается дата. 26 Декабря, 2341. Прошлый год, прямо после Зимнего Фестиваля. Сверху высвечивается маленькая метка времени, подтверждающая, что этот цифровой файл был заснят именно в тот день.

- Джек, что ты делаешь?

Моё сердце замирает, услышав радостный и игривый голос Акилы. Она звучит именно такой, какой я её помню.

- Записываю,- отзывается хриплый голос Джека.

Изображение заполняет бумагу: Акила, одетая в её военную форму. Она выглядит так профессионально: непослушные волосы спрятаны в красивый пучок, чёткие складки на её брюках видны даже на цифровой плёнке, её карие глаза широко раскрыты и улыбаются. Справа, на ее груди, блестит одна звёздочка, - она совсем недавно в армии, а уже заслужила звание.

- Да, но зачем ты записываешь?- Акила выглядит раздражённой, но она игриво улыбается ему.

Картинка перескакивает от Акилы по направлению к зданию. Они оба находятся прямо на Лунной Базе в городе Света. По дорогам передвигаются военные Грэнд-Роуверы, а на заднем

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

плане мерцает купол. Но Джек фокусирует камеру на одном, определённом здании. Оно сильно напоминает больницу или общежитие, но по мере того, как Джек приближает ракурс, я могу разглядеть, что окна не застеклены - заделаны кирпичом, а двери заблокированы тяжёлыми железными плитами.

- Тебе никогда не было интересно: что там?- тихо спрашивает Джек.

- Меня это не касается.

Теперь Акила тоже звучит серьёзно. Возможно, даже несколько напугано.

Камера движется, поворачиваясь вместе с Джеком, когда он обращается к Акс.

- Люди, которым предлагают пойти на Лабораторную Базу... они возвращаются не теми, кем были прежде.

Акила закатывает глаза.

- Не всё здесь теория заговора, Джек.

- Что там происходит?- выкрикивает низкий женский голос, сопровождаемый постукиванием по мере приближения.

- Ничего, сэр,- немедленно говорит Акила, стремительно выходя и отдавая честь.

Джек молчит. Его камера обращена к земле, скрытая рукой.

- Сэр, ничего сэр, нам просто стало интересно, сэр.

- Интересно что?

- Лабораторная База.

Женщина останавливается.

- Солдат, это честь... честь быть избранным и служить Лабораторной Базе. Это привилегия, и лишь высшие служащие допускаются туда.

- Сэр, да, сэр,- бормочет Джек.

Они говорят что-то ещё, но я не могу разобрать, и вскоре командующая уходит. Кажется Джек забыл о камере, но звук всё ещё записывается.

- Акила, посмотри... Люди, которые выходят из того здания - меняются,- говорит он приглушённым голосом,- и они преследуют людей из района Фокра.

Акила резко вздыхает. Район Фокра - бедная часть Новой Венеции - это место, где она жила до того, как попала на службу для года выслуги.

- Люди, которые входят туда... выходят, не беспокоясь ни о ком и ни о чём. Что для тебя самое главное в мире?

Камера наклоняется, Джек вспомнил о ней и теперь снова держит её прямо. В ней отображается Акила, касающаяся своего медальона на шее. Я делаю тоже самое, проводя пальцами по знакомому, гладкому серебру. Это знак нашей дружбы, вещь, которая связывает нас даже тогда, когда мы так далеко друг от друга.

Папа Акилы исчез, когда мы пошли в среднюю школу. Её мама была на крахе финансов, и ей с Акилой пришлось переехать в район Фокра. Когда Акила получила военное назначение, её мама решила переехать в Тунис, в поисках работы. И я знаю, что Акила часто не слушает ее.

Ни у Акс, ни у меня нет братьев или сестёр, судьба и трагедия разлучили нас. Но единственное, что у нас было всегда - это мы.

Акила не отвечает на вопрос Джека, но ей и не нужно.

Экран темнеет, и появляется новая дата: 8 Января, 2342. Этот год, несколькими неделями позже после первого видео Джека.

Изображение на экране вызывает у меня тошноту - оно прыгает, словно человек, несущий камеру, бежит. Экран на мгновение становится белым, затем в цифровом файле раздаётся звук взрыва. Бомба. Я всматриваюсь в экран, пытаюсь рассмотреть Акилу в толпе людей, кричащих и вопящих, бегущих от - или, в случае военных, к... бомбе.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Человек, держащий камеру, ругается - думаю, это снова Джек, но я не уверена. Маленькое облако серой пыли затемняет экран.

Голос за кадром снова начинает говорить, повторяя одно и то же слово, снова и снова: «Нет.. нет, нет... нет, нет, нет, нет...». А затем камера падает. Я вижу, как Джек падает на колени, серая пыль пачкает его вещи. И, что-то мокрое. Что-то красное.

Кровь.

Не его.

Рука. Предплечье, порезанное до кости. Белый резко выделяется на темной плоти.

Джек склоняется над телом девушки, стройной и высокой, с растрёпанными, завязанными в пучок, волосами,. Его плечи дрожат. Я вижу, как он напрягается и откидывается назад.

И я вижу её лицо.

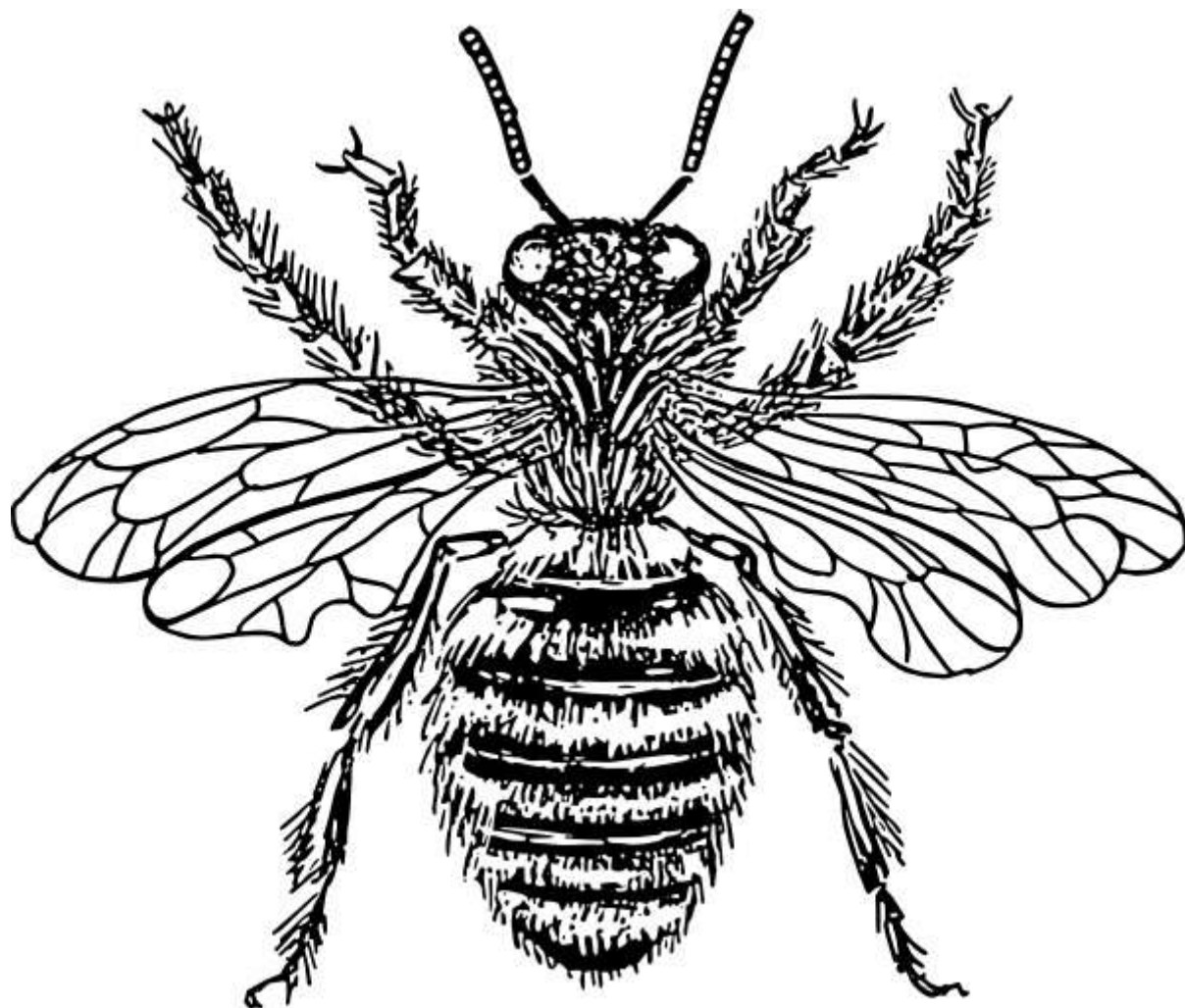
Мёртвые, застывшие глаза Акилы.

Вода капает на экран цифровой плёнки. Я вытираю слёзы.

Джек надавливает на грудь Акилы, вверх-вниз, вверх-вниз, но уже слишком поздно. Её живот разорван, её внутренности вывалились на пыльную дорогу, окрашивая ее в тёмный цвет. Одна нога изогнута под телом, другой нет совсем.

Я рыдаю, задыхаясь. Мои глаза горят так сильно, что я не вижу конец видео.

Джек не лгал. Это не ложь. Нет ничего правдивее, чем её смерть, и то, как моя душа тихо плачет, скорбя.

Глава 20

Я хлопаю ладонью по экрану, останавливая запись. Мои ноги отказывают, и я падаю на холодный, пыльный пол, моя грудь тяжело вздымается.

Не хочу верить, что это правда.

Я проверяю цифровой файл, но он защищён и запечатан - его не могли подделать. И Акила бы никогда не стала разыгрывать свою смерть, не так.

Доказательство прямо передо мной, но это невозможно. Никаких извещений о её смерти не было.

Но изображение её тела, разорванного на части бомбой, выжжено в моей сетчатке.

И... я только говорила с ней. Не так уж давно. Она в порядке. Она в порядке, она в порядке, она не может быть мертва.

Дрожащей рукой я запускаю последнее видео, хранящееся на плёнке. Дата, заверенная официальным цифровым штампом, мрачно высвечивается. Неделя спустя после смерти Акилы.

Изображение какого-то военного бункера. По всему зданию расставлены койки, и выглядит так, будто камера лежит на подушке, направленная в центр комнаты. Джек и несколько человек с кем-то разговаривают, но мне не видно их лиц. Затем толпа перемещается.

Я громко охаю, моё сердце подпрыгивает.

Акила проходит перед группой военных. Она стоит прямо и величественно - на обеих ногах. У неё нет шрамов. Никаких признаков, что она была ранена, не говоря уже о том, что убита.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Группа людей находится достаточно далеко, чтобы я не могла расслышать, что они говорят, но похоже, что Акила раздаёт команды. Я смотрю на её униформу. Теперь у неё шесть звёзд, блестящих на груди. Несколько недель назад она едва ли была офицером, а теперь чуть ли не генерал!

Джек отходит от группы, разговаривающей с Акилой, и спешит к камере на койке. Он делает что-то, я не могу увидеть, но когда он разворачивается, я замечаю золотое ожерелье в его руке. Кулон на удачу. Я дотрагиваюсь до своего кулона, согретого жаром моего тела, и мои пальцы оборачиваются вокруг метала, сжимая его. Джек спешит назад к Акиле и передаёт его ей.

Золотая цепочка свисает меж её пальцев. Она смотрит на Джека озадачено. Говорит что-то. Я наострила уши, но все равно не слышу ни единого звука, кроме приглушённых, неразличимых голосов. Джек говорит что-то ещё, будто пытаюсь объяснить, но Акила лишь пожимает плечами и покидает группу. Остальные встают по стойке «смирно», приветствуя Акилу, а Джек просто удивлённо смотрит на неё, когда она проходит мимо мусорного бака и выкидывает в него ожерелье.

Экран темнеет. Он выскальзывает из моих онемевших пальцев.

- Что это значит?- громко интересуюсь я. Акила мертва... но она жива? Она в порядке... но изменилась? Она не казалась другой. Но, так же, она и ничего не сказала о своей смерти.

Есть лишь один верный способ выяснить это. Я встаю, стучу пальцами по моему наручу. Мои глазные и ушные боты подсоединяются к нему, и вскоре моё зрение заполняет голограмма Акилы.

- Что случилось?- немедленно спрашивает она.

Я вытираю лицо руками, чувствуя размазанную грязь на дорожках от слёз.

- Акила... ты же в порядке, да?

Она смеётся... нервно, всё ещё обеспокоенная моим явным подавленным состоянием.

- Да, конечно, я в порядке. Что случилось? Это связано с твоей мамой?

Я качаю головой, проглатывая страх и скорбь, поднимающиеся внутри меня. Я улыбаюсь ей со слезами на глазах.

- Я просто... кое-кто солгал мне,- говорю я.- Извини, что помешала.

Акила широко улыбается мне.

- Всё нормально,- говорит она, подаваясь вперед, и тянется к чему-то.

- Акила?- зову я, глухим голосом.

Она замирает и медленно выпрямляется, переводя внимание на меня.

- Да?

- Где твоё ожерелье?

Она смущённо смотрит на меня.

Я поднимаю руку, вытаскивая серебряный кулон, раскачиваю амулетом перед ней.

- Где твой?- требую я.

Акила касается шеи, но там ничего нет, кроме воротника её рубашки.

- Я...эм...- ее мозг работает в бешеном темпе, словно она понятия не имеет, о чём я говорю. Смотрю на неё, прищурившись. То ожерелье было символом нашей дружбы. Она получила специальное разрешение от её военачальника на ношение его под униформой, потому что не хотела его снимать. Никогда. И она даже не заметила, как оно пропало?

- Я не хотела тебя беспокоить,- спешно говорит Акила, будто читает строки из пьесы. - Оно порвалось, но его скоро починят, и...

- Мне нужно идти,- я обрываю соединение, не попрощавшись.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

У меня кружится голова. Моя лучшая подруга никогда бы не забыла о наших ожерельях. Внутри кулона на удачу была маленькая цифровая плёнка, та, которую мы сделали вместе. Мы клялись никогда не снимать их!

То, что у неё его нет, просто не имеет смысла. Но то, что она была мертва и вернулась как человек, способный выкинуть ожерелье, как если бы оно ничего не значило... - тоже не имеет смысла

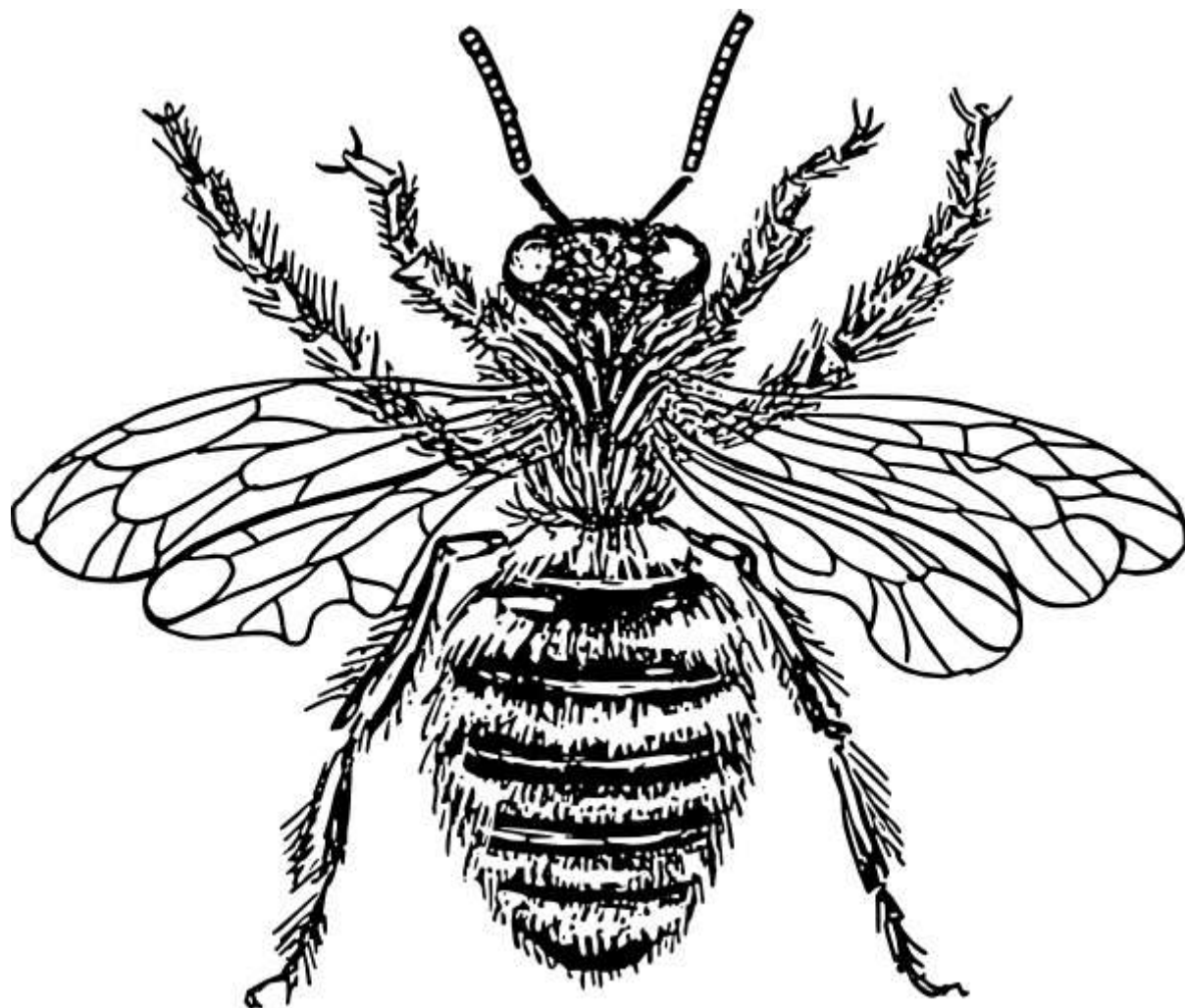
- Джек?- зову я, пересекая комнату большими шагами. - Это не «ответы». Ты должен рассказать, сейчас же!

Я распахиваю дверь в комнату, где, как он сказал, будет меня ждать.

Она пуста.

- Твою...- бормочу я.

Окно открыто, дует лёгкий ветерок. Я мчусь к нему. Здесь низко, и мне легко удаётся подняться на карниз, после чего прыгнуть на улицу по другую сторону. Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь найти Джека, но его уже давно и след простыл.

Глава 21

Замечательно. У меня была одна ниточка... один человек, напрямую связанный с террористическими нападениями, о приближении которых меня предупреждала ПМ Янг. Один. И я, вместо того, чтобы вызвать полицию в тот же миг, как его увидела, позволила отвлечь себя ложью и погрузить в мир, где ничто не имело смысла.

Мне нужны ответы.

Идея Джека с ответами привела меня лишь к еще большим вопросам. Я не могу спросить маму; не могу рисковать запуская атаку или расстроить её. Мисс Уайт знает столько же, сколько и я.

Мне нужны ответы от человека, дергающего за ниточки.

В центре площади, перед Триумфальными башнями, возвышается огромный фонтан. Всё здесь, за исключением мерцающих остеклёно-стальных башен, сделано из серого гранита и мрамора, завезённого из Италии - сильный контраст пыльному, коричневому известняку, из которого сделаны практически все здания Мальты. А вода здесь, в отличие от голубизны Средиземноморья, золотая, как мёд. Не уверена, окрашена ли вода или это просто искусный обман света, отражающего бронзовую основу фонтана сквозь воду.

Я закинула голову, изучая крышу самой высокой из башен, попутно гадая, там ли ещё Премьер Министр Янг, смотрящая вниз на всех нас.

Если кто и мог сказать мне, что происходит, то это она. Только я не уверена, насколько сильно доверяю ей. Цифровая плёнка Джека была убедительной - может, что-то и правда

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

происходило в, так называемых, Лабораторных Базах. И оно находится под государственным управлением - значит, что ПМ Янг что-то мне не договаривает.

Но... Как ты проникнешь в самое охраняемое здание в мире и потребуешь ответов от женщины, которая управляет крупнейшим глобальным государством в истории?

Авто-такси от Мдина и Рабат толпятся на углах улиц, но транспорту запрещёно стоять прямо перед площадью - безопасность прежде всего. Почти каждый на площади прикован взглядом к своему запястью: одни звонят, другие либо просматривают своё расписание, либо проверяют заметки на рабочий день. Туристы вытягивают запястья вверх, подбирая фотографии на своих наручКофах. Единственные, кто не смотрят на свои наручи, или чьи глаза не светятся серебряным цветом, демонстрируя свои наноботы - это служба безопасности. Полностью облачённые в чёрное, офицеры стоят по стойке «смирно», их глаза бегло просматривают бродящие толпы на наличие проблем.

Я кручу собственное ожерелье между пальцев, стоя перед Триумфальными Башнями. Раньше я всегда смотрела на эти здания с некой гордостью патриотизма - они великолепны. Небоскрёбы, которые и изумительно высоки, и также красиво построены. Но теперь они кажутся зловещими. Поблёскивая на солнце - они предвещают угрозу.

Пронзительный, взволнованный смех эхом доносится с площади, и я не единственная, кто оборачивается в сторону маленькой девочки в светло-неоновом розовом платье, которая наполовину скрывается позади статуи у подножья одной из башен. Пожилой мужчина, несущий две чашки итальянского мороженого, подходит к девочке, и она убегает к маме, смеясь, прежде чем подбежать к мужчине и выхватить чашку шоколадного мороженого. Я прищуриваюсь, пока не вижу, как мужчина поворачивается и садится у подножья статуи рядом с дочкой. Я узнаю его.

Представитель Беллес.

Он выглядит иначе, по сравнению с последним разом, когда я видела его, после грёз. Каким-то образом, он кажется более оживлённым, словно у него больше нет забот. Маленькая девочка в ярком платье не переставая прыгает по кругу и кружится, пока ест своё мороженое, а представитель и его жена ласково улыбаются ей. Она пытается сделать пируэт, балансируя огромной ложкой с мороженым на небольших плоских ложках в форме лопатки, которые выделил андроид-продавец, и шоколад плюхается на её розовое платье. Кажется, она вот-вот заплачет, пока Представитель Беллес не наклоняется, шепча что-то ей на ушко и не поднимает в ней бурю смеха.

Уголки моих губ поднимаются. Представитель кажется милым.

Надеюсь, он не изменник.

Я слышу тихое жужжание, прежде чем почувствовать укол боли в руке. Я инстинктивно нащупываю запястье, и на моей вытянутой ладони остаётся размазанные внутренности жирной пчелы, жало которой застряло в моей коже, уже отёкшей и опухшей.

- Выглядит больно, - произносит чей-то голос.

В животе всё опускается, и я нервно сглатываю, поднимая глаза.

И вижу папу. Настоящего папу. Моего папу.

Не знаю, как я могла купиться на ту голограмму в программе слежения, даже всего на мгновение. Она не сравнится с папой, стоящим сейчас напротив меня. Он - настоящий. Его волосы колышутся от лёгкого морского бриза, его грудь поднимается и опускается с каждым вздохом, а сердцебиение стучит в венах на шее.

Я подпрыгиваю, заключая его в объятия. Это папа. Он тёплый и настоящий и здесь.

- Как... как?- я заикаюсь, сжимая его руками. - Ты... ты - мёртв.

Последнее слово я прошептала, испытывая благоговейный страх при его звучании на моих губах.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Элла,- говорит он, его голос умолкает. Моё имя, произнесённое его голосом просто блаженно; моё сердце бешено колотится, и я ничего больше не хочу, только бы жить этим моментом, я, держащаяся за папу, настоящего, передо мной и несомненно, точно, не мёртвого.

- Что произошло?- говорю я. - Что из этого обман? Твоя смерть? Ты скрываешься? Вот почему ты не мог прийти ко мне и маме, почему ты исчез? Мы думали, ты мёртв, папа, мы думали...- мой голос ломается, и слова исчезают.

- Элла,- говорит папа снова, и что-то переворачивается в моём животе, что-то болезненное. Шёпот сомнения возникает в моих мыслях, но я подавляю его, мои пальцы схватились за папину куртку, держа его крепко, удерживая здесь.

- Что происходит?- теперь по моему лицу текут слёзы.- Ты был мёртв, а теперь нет, и Акила была мертва, а потом жива,- ужасающий страх охватывает мой разум.- Ты же не такой как она, так ведь? Ты помнишь меня?- Я, истерично хихикаю, переполненная эмоциями. - Конечно же ты меня помнишь. Ты назвал моё имя. Ты - настоящий. Ты - папа,- я говорила это как для себя, так и для него.

Я вглядываясь в его глаза.

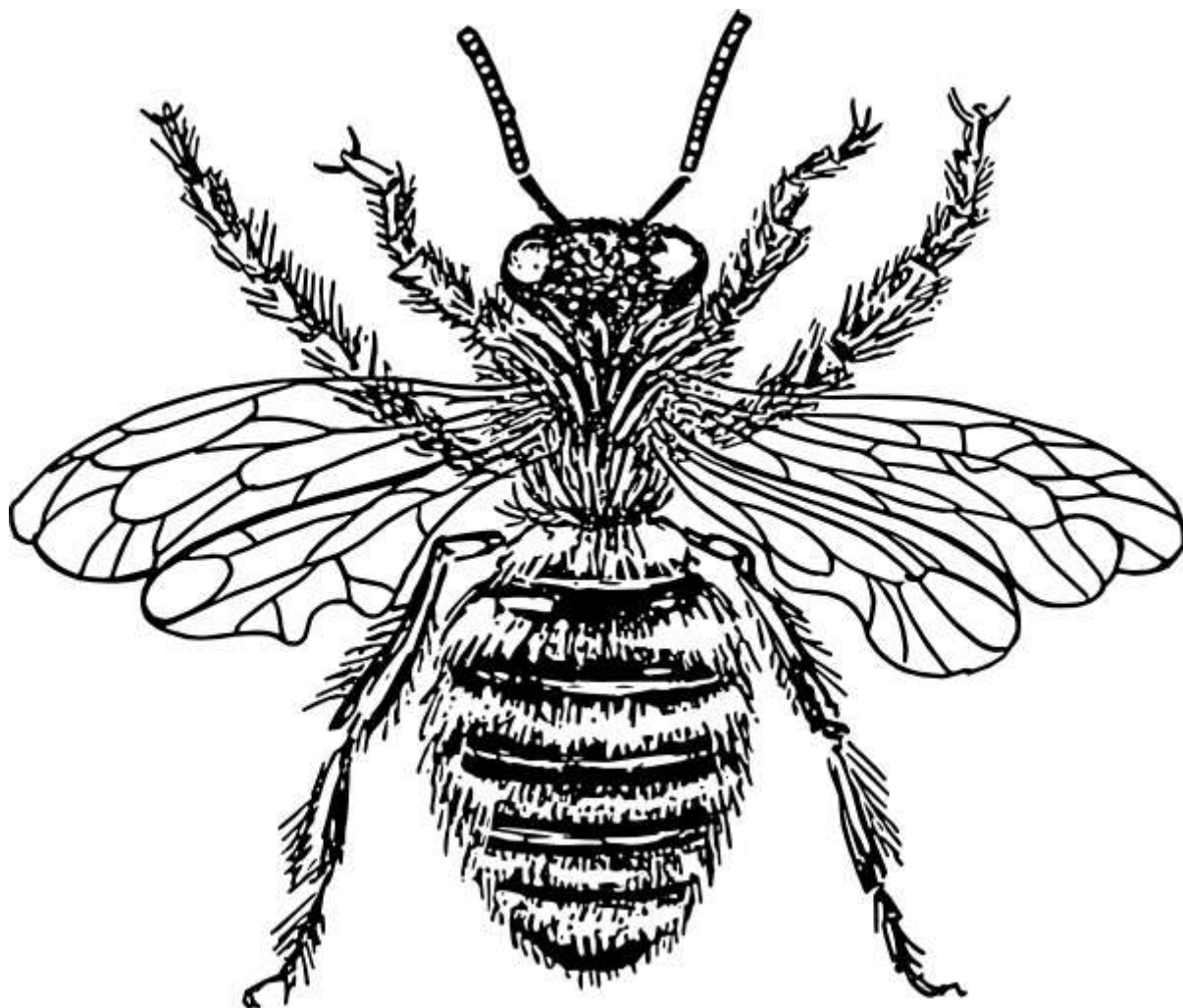
- Ты - жив.

Произнося эти слова, я, наконец, принимаю их за правду. Больше ничего не имеет значения. С возвращением папы мы сможем излечить маму. Он может помочь мне разобраться с террористической проблемой. Он может всё исправить.

- Элла...

- Пожалуйста!- кричу я,- скажи хоть что-нибудь кроме моего имени!

- Элла,- папин голос перекрывает любой другой звук на площади. - Элла. Ты должна проснуться.

Глава 22

Мои глаза тяжело открываются. Я нахожусь на тонком матрасе, в маленькой, но богато обставленной комнате, в которой пахнет мускусом и маслом какого-то дерева. На мне все мои вещи, даже туфли, за исключением вязаного пледа, который покрывает нижнюю часть моего тела.

Какое-то время я просто лежала там, уставившись на серо-коричневую стену с тяжёлыми деревянными вставками. Мой отец был там, передо мной.

Но не на самом деле.

У меня... у меня была галлюцинация. Это единственное объяснение. Я ведь знаю, что он мёртв... Знаю, он - мёртв, но видение о Представителе Беллесе со своей семьёй, пока я думала о папе...

... Но оно было таким настоящим.

Я могла чувствовать его. Прикоснуться к нему. Я слышала его. Он был там.

Но и не был.

Это всё происходило в моём разуме.

Я схожу с ума. Мой желудок сжимается, и я сворачиваюсь в позе эмбриона.

Я сделала это с собой. Те дополнительные наноботы, которые я ввела в свое тело, чтобы помочь маме, те, что позволили мне войти в чужие грёзы...

Ни один человек не может вводить столько наноботов в свой организм. Слишком много - и телу конец. Разуму конец. Бот добирается до мозга... и это приводит к смерти.

Я закрываю глаза, и заставляю себя обдумать все это.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я. Схожу. С. Ума.

Только у сумасшедших бывают такие галлюцинации.

Только сумасшедшие верят, что их галлюцинации действительны.

Вот, чёрт. Я сдерживаю всхлип в этой тихой, незнакомой комнате. А затем мне становится интересно: что же я сделала? В моих мыслях я схватила отца, говорила с ним. Я что, просто разговаривала с воздухом? Я схватила незнакомца? Это комната ожидания в психиатрической больнице?

А что, если... Что, если я еще больше сойду с ума? Что, если я потеряюсь в небытии? Или хуже... Что, если у меня случатся галлюцинации в мамином присутствии? Что, если я наврежу ей?

Мне плохо, физически плохо, будто меня сейчас вырвет. Мой мозг словно превращается в желе, и я ничего не могу сделать с этим, могу только чувствовать, как он просачивается в мою кровь, обволакивает вены и вытекает из кожи. Я проглатываю желчь, подступающую к горлу, и крепко зажмуриваю глаза. Я представляю, как микроскопические наноботы покачиваются в моём мозгу, кишат в его складках. Я хватаюсь за голову и дергаю себя за волосы. Часть меня хочет разорвать кожу и вывернуть собственную плоть наизнанку.

- Элла?- окликает женский голос по другую сторону закрытой двери.

Я быстро сажусь, мои ноги свисают вместе с покрывалом, когда я перекидываю их через край кровати. Дверь со скрипом отворяется, и в неё проходит юная леди с тёмно-загорелой кожей и волнистыми тёмными волосами. В одной руке она держит экран табуляции, что-то лениво печатая на нём, и бросает на меня скучающий взгляд.

- Ты в порядке?- спрашивает она так, что сразу понятно: ответ не заботит ее в любом случае.

Я осторожно киваю.

- Элла Шепард, верно?

Я не отвечаю. Женщина отрывается от экрана.

- Мы просканировали твой наруч,- говорит она.

- Да,- подтверждаю я.

- Ты потеряла сознание,- говорит женщина, снова обращаясь к экрану. - Медики сказали, что у тебя обезвоживание.

Я смотрю на свой наруч; всё кажется идеально нормальным. Мои показатели здоровья в порядке.

- Представитель предложил свой кабинет для тебя, чтобы ты поправлялась,- продолжает женщина. Кажется, она устаёт даже от попытки уделить мне немного внимания.- Твои экстренные данные были вскрыты, но...- она смотрит на меня, встречаясь со мной глазами, и впервые я чувствую, что всё её внимание обращено на меня. - Представитель хочет с тобой поговорить.

- Представитель...?- спрашиваю я.

- Представитель Министра Сантьяго Беллес,- говорит консультантка. - Он уже в пути; будет здесь через несколько минут.

- Зачем...?- начинаю я, но она перебивает.

- Он был неподалеку, когда ты упала. После того как медики изучили твой наруч, Беллес поручился за тебя и потребовал, чтобы тебя принесли сюда, пока не придет твой попечитель.

Я быстро моргаю. Это явная ложь, потому что пока я была в разуме Представителя Беллеса, он понятия не имел о том, кто я. Но если они просканировали мой наруч, они, должно быть, увидели, что я стажер в Спа Духовных Грёз, а Беллес, очевидно, узнал это. Я могу только догадываться, что он от меня хочет.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Она поворачивается и уходит, но не закрывает за собой дверь. Теперь, когда у меня есть больше наводок, я понимаю, что нахожусь в Триумфальных Башнях, в личном кабинете Представителя. Должно быть, он иногда спит здесь. Я поднимаюсь и следую туда, куда ушла консультантка. Кабинет Представителя Беллеса богато обставлен и пахнет властью. Весь кабинет из стали и красной древесины - смеси современности и традиций. Тяжёлая деревянная дверь находится по другую сторону комнаты, и я слышу слабый щелчок замка, когда консультантка запирает меня внутри.

Мой наруч жужжит, я смотрю на экран: «Мисс Уайт».

- Я в порядке,- говорю я, прежде чем она успевает сказать что-либо.

- Что случилось?

- Я в порядке,- повторяю я.- Мне просто стало немного... плохо. Но, послушай, я в кабинете Представителя Беллеса. Я собираюсь осмотреться. Посмотрим, что я смогу найти.

- Будь осторожна, - говорит она, и я отключаю экран.

Консультантка Представителя сказала, что Беллес будет здесь через несколько минут, и я не собираюсь терять ни одной из них. Я мчусь к его рабочему стол, изучаю поверхность в поисках чего-то важного, но она обыденно пуста. Слева находится шкаф для хранения документов (закрит), а под столом - выдвижной ящик (тоже закрит). Я провожу рукой по поверхности стола, и она загорается, загружаясь. Система ненамного отличается от той, что мы используем в Спа Духовных Грёз. Экран всплывает над поверхностью, и верхушка рабочего стола отображает клавиатуру. Сотня или больше гало-иконок кружатся вдоль поверхности, но, когда я тянусь к ним, они вздрагивают. Защищено паролем.

Смотрю на свой наруч – я уже потеряла целую минуту. Мой мозг бурлит, а пальцы летают над клавиатурой, пока я пытаюсь вспомнить всё, что только узнала на различных уроках по системе интерфейса. Я закрываю глаза, надеясь, что смогу выдернуть какие-нибудь мысли представителя, которые он разделил со мной в грёзах.

Я открываю глаза и вижу, что одна из гало-иконок разблокировалась, светясь бледно-зелёным. Я хватаюсь за неё, и она разлетается по всей поверхности стола.

Папки. Я быстро просматриваю ярлыки, пытаюсь разглядеть что-нибудь полезное.

Мои глаза широко распахиваются.

Имя моего отца. Прямо здесь, на одном из верхних ярлыков.

Я поднимаю гало-папку вверх, и её содержимое раскрывается передо мной. Дюжины бумаг, выстроившиеся от новостей из газетных вырезок и видео файлов с папой до уведомлений из лабораторий и детальных научных рапортах. Я пытаюсь запомнить всё находящееся передо мной, но информации слишком много. Я скольжу пальцами по документам, останавливаясь на верхнем.

Нанороботы и Кибернетический Контроль в Теории Андроидов: Строение Мозга посредством Биологии и Технологии.

Автор: Доктор Филип К. Шепард.

«Основа теории заключается в том, что андроидов просто не могут оснастить индивидуальным разумом. В то время как это уже подтвердили бесчисленным количеством тестов, справедливо полагать: чтобы техника стала тем, что мы хотим из нее сделать - мы должны изменить наши поиски. Сейчас Андроиды - идеальные рабочие и солдаты. Они никогда не устают, их работа обычно более качественна, чем человеческая, и они имеют преимущество, будучи виртуально неразрушимыми за счёт более мощной внутренней системы, сделанной из легированного металла, нежели из костей и плоти.

У людей же есть преимущество, так как они награждены собственными мыслями, чем-то, что ещё не удалось удачно воспроизвести. Другое преимущество Андроидов состоит в том, что

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

у них есть исключительная физическая сила. Это классический пример борьбы разума против мускулов.

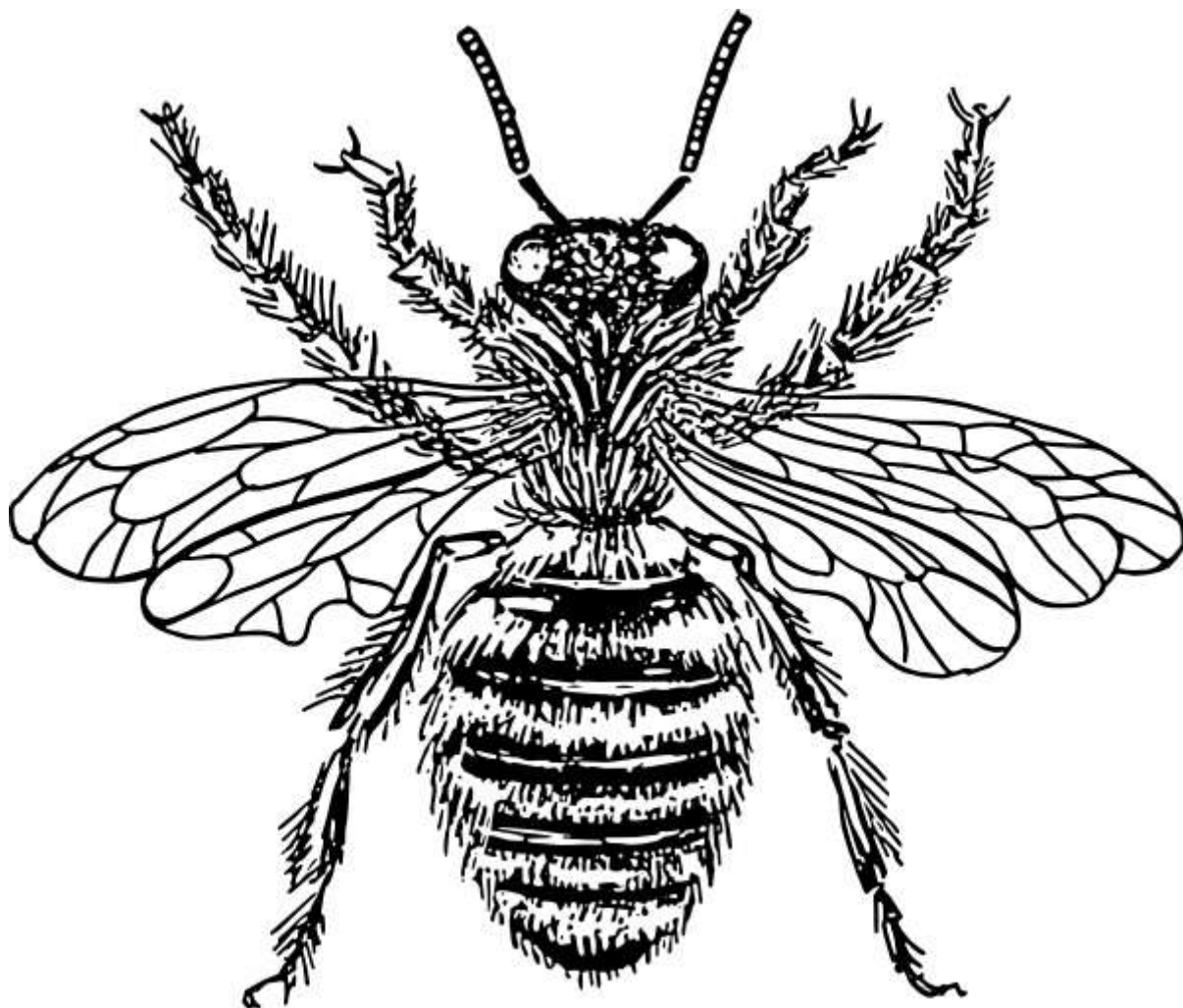
Мои научные исследования и по сей день ориентированы на существо с индивидуальным разумом, но также и физической силой. Мне не удалось создать андроида с человеческим умом, чтобы достигнуть своей цели».

Боль вспыхивает в глазах – этакий ослепляющий вид мигрени. Я пыхчусь назад, рука дергается, и папка закрывается, гало-иконка опускается назад на поверхность стола. Именно в этот момент я слышу щелчок дверного замка. Я провожу рукой по поверхности стола, возвращая программу интерфейса обратно в режим ожидания, оббегаю письменный стол и падаю в кресло напротив.

Дверь открывается, и в неё входит Представитель Беллес.

- Здравствуй, Элла,- говорит он, закрывая за собой дверь.

Я поднимаюсь и протягиваю представителю руку. Когда мы обмениваемся бессмысленными любезностями, моё сердце колотится, в лёгких не хватает воздуха, мозг бурлит, но я уверена, что представитель ничего не видит, кроме моей непринуждённой улыбки.

Глава 23

- Ты поправилась?

Обращается ко мне представитель нейтральным голосом.

Я не уверена, что это абсолютная правда, но говорю:

- Да.

- Ты здорово напугала медиков. Молодая девушка, потерявшая сознание перед Триумфальными Башнями.

- Мне жаль... у меня, эмм, голова закружилась,- я смотрю в его ясные глаза. - Зачем вы привели меня сюда? Я бы могла подождать кого-нибудь и снаружи.

Представитель Беллес вскидывает руки ладонями вверх, будто взывая меня к миру.

- Я увидел на экране твоего наруча, что ты работаешь интерном в Спа Духовных Грёз. Твоя фамилия Шепард. Не нужно много ума, чтобы понять, что ты дочь Доктора Роуз Шепард.

Я жду, приподняв бровь. Он все еще не ответил на мой вопрос.

- Я недавно впервые погружался в грёзы в Духовных Спа. Собственно, вот почему у меня могут возникнуть... подозрения к кому-то из Грёз, внезапно появившемуся рядом со мной.

- Похоже, у вас паранойя,- говорю я, копируя его интонацию.

Представитель грубо фыркает в некоем подобии юмора.

- Возможно. Но она охватила меня, как никогда, и я хотел...- его голос обрывается.

- Хотели что?- требую ответа я. - Схватить меня? Пытать, как шпионку? Смотрите, я просто была на площади. У меня закружилась голова. Вот и всё. К тому же,- добавляю я,- если вы так обеспокоены насчет шпионов, почему вы оставили меня в вашем офисе одну?

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Представитель ухмыляется.

- На моем интерфейсе стоит максимальная система защиты.

Я очень тщательно стараюсь сохранять безразличие на лице. Какая ещё к чёрту «максимальная защита»? Я взломала её буквально с закрытыми глазами.

Представитель вручает мне стакан воды из бара у рабочего стола. Я колеблюсь; его паранойя охватывает и меня.

- Врач сказал, что ты потеряла сознание от обезвоживания,- произносит он, наблюдая за мной.

Я подношу стакан к губам и заставляю себя сделать несколько глотков прежде, чем продолжить.

- Спасибо, что не связались с моей мамой,- говорю я.

Напряжение в комнате потрескивает вокруг нас.

- Доктор Роуз Шепард...- представитель выглядит озадаченным. - Учёный, которая изобрела Грёзы и которая теперь умирает от болезни Хебба.

Я вздрагиваю от того, как он произносит «умирает»... Произносит так, будто это совсем не важно.

Представитель улыбается лишь уголками губ, постепенно ползущими вверх, после чего прячет улыбку и скрещивает руки на груди.

- Я считаю обязательным изучать всё, что касается людей, с которыми я сотрудничаю,- наконец говорит он. - И я выяснил, что не могу позволить себе доверять кому-либо. Возможно именно это и сделало меня параноиком.

Я отвечаю ему своим лучшим скептическим взглядом, но в голове у меня звенят тревожные звоночки.

- Твой отец...- начинает представитель, и я оборачиваюсь к нему,- он тоже был известным учёным.

- Да?- с сомнением протянула я. - Я...эмм... благодарю, что привели меня сюда, но мне пора домой.

- О, пожалуйста, сначала выпей ещё немного воды. От обезвоживания,- он подталкивает ко мне стакан, который я отставила. Я беру его, но на этот раз не пью.

- Доктор Филипп Шепард,- задумчиво произносит представитель. - Он изучал робототехнику.

- И наноботов,- говорю я.

Представитель Беллес кивает.

- Я изучаю его исследование. Точнее, то, что смог от него найти.

Я возвращаю стакан на стол. Жаль, что у меня не было лишних пяти минут наедине с его файлами.

- Он был гением,- говорит представитель.

- Мне нравится так думать.

- О, нет, он определённо им был,- представитель окидывает меня оценивающим взглядом. - Мне бы хотелось прочесть о нём больше. У вас в Духовном Салоне не осталось его исследований? Возможно, я бы однажды мог зайти почитать.

Я прячу улыбку, выступающую на моём лице. Это не тот добрый представитель, который дал девушке, потерявшей сознание, стакан воды. Нет... Это собеседование. Это тест. Это его ничтожная попытка следить за мной.

- Нет, - просто говорю я. Моя уверенность крепнет теперь, когда я вижу, что происходит на самом деле. - Он не оставил. Многие его исследования были уничтожены взрывом. Ну, знаете, тем, который убил его.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Мне было приятно видеть, что, несмотря на безразличный тон, которым он говорил о болезни моей матери, напоминание о смерти моего отца так резко вывело его из равновесия.

- Вероятно, это и к лучшему,- продолжаю я. - Премьер Министр Янг лично предупредила меня о том, что террористы пытаются найти исследование папы.

Я внимательно наблюдаю за ним, но его лицо остаётся абсолютно пустым.

- Действительно?- спрашивает он, очевидно пытаюсь навести меня на нужную тему.

Я решительно киваю.

- Полагаю, любое научное исследование можно превратить в некоторого рода оружие, - такова природа человека. Папа хотел, чтобы его работа помогала людям, излечивала болезни. Террористы, похоже, думают, что могут испортить это. Правительство, конечно, не позволит этому случиться.

Глаза представителя скользят мимо меня.

- Конечно,- бормочет он.

Я изо всех сил пытаюсь изобразить хоть немного скуки на лице.

- Они и за исследованием моей мамы следят,- говорю я.

Глаза представителя Беллеса немного расширяются, затем он откидывается в своём кресле, его лицо скрыто тенями.

- Правда?- спрашивает он, его голос полон притворного безразличия.

Мои руки сжимаются в кулаки, но я сохраняю лёгкость в голосе. Лучше заставить его думать, что я не более, чем просто глупая девчонка. Таких людей как он, легче контролировать таким образом. Я пытаюсь выглядеть простодушной и приподнимаю уголки рта.

- Ты знаешь, почему первый полёт колонии на Луну обернулся неудачей?- наконец спрашивает он.

Я качаю головой, гадая, как представитель пришёл к этой теме.

Первая лунная колония располагалась в «Море Успокоения»- одной из тёмных точек на лунной поверхности, части правого глаза «Человека-Луны». Укрывшись под куполами, первая колония была уничтожена из-за ошибки, и новая колония - также с новыми куполами - расположилась у «Моря Безмятежности». Лунная база, на которой служит Акила, является частью «Безмятежности».

- У колонистов «Успокоения» была поддержка андроидов,- говорит Представитель Беллес. - Андроиды были теми, кто построил колониальные купола. Им не нужен воздух для выполнения работы, в конце концов, они - роботы, поэтому именно они занимались строительством. Но где-то в сооружении была допущена ошибка. Купол Успокоения работал неисправно, происходила утечка кислорода. Колонисты заселились прежде, чем заметили поломку, и, если бы её не устранили, они могли бы погибнуть.

- Но они на самом деле все погибли,- говорю я.

- Лидер колонистов приказал андроидам починить купол, как можно быстрее и эффективней. И они сделали это.

Я вопросительно смотрю на Представителя Беллеса.

- Андроиды обнаружили, что в швы купола, возвышавшегося над базой, проникла лунная пыль - она достаточно мелкая и смогла просочиться сквозь затворы. Чтобы починить купол, андроидам пришлось поднять их, прочистить швы базы, и вновь запечатать купола. Лидер колонии приказал им починить купол как можно скорее, поэтому андроиды собрались у основания купола... и подняли его.

Я пристально смотрю на Представителя. Я никогда раньше не слышала этих подробностей. Гибель колонии «Успокоения» была несчастным случаем - у нас была неделя скорби после того, как новость о разрушении купола дошла до Земли. Это произошло, когда я была ребёнком, но я помню, что школа тогда была закрыта. Именно тогда я впервые поняла,

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

что в мире происходили и плохие вещи; я впервые увидела взрослых напуганными и расстроенными. Но пока источники новостей задавались вопросом, каким образом купол был разрушен, - никакого ответа так и не опубликовали.

- Андроиды подняли купол на целых восемнадцать минут - необходимое время для выведения лунной пыли из затворов и перепечатки купола. Обычный человек не может продержаться больше минуты или двух в открытом космосе. Весь купол остался без кислорода. Части купола были также подсоединены к искусственной силе тяжести для колонии. Все колонисты... они погибли, повиснув в воздухе, задыхаясь в вакууме космоса.

Я могу представить это: колонисты, задыхающиеся, умирающие в космосе...

Когда андроиды подняли купол, декомпрессия в нём выбила все окна, и любого, кто был снаружи, засосало на поверхность луны или выкинуло на крышу купола. Это было словно циклон, кружащий тела по кругу. Когда андроиды присоединили купол и гравитация была налажена, тела тех колонистов рухнули вниз. Исследователи, отправлявшиеся анализировать последствия, сказали, что там повсюду были мертвецы, в самых разных местах: над крышами; на гало-гидрированных деревьях произраставших там; на земле, во всякого рода странных положениях. Казалось, там буквально пролился дождь из мёртвых тел.

Андроиды могут только следовать указаниям. Они могут выполнять простые задания - но они не умеют думать. Наука способна на многое - но она не может создать мозг. Она не может создать что-то, способное думать самостоятельно. Я это знаю... Я изучала медицинские файлы. Болезнь мамы находится внутри её мозга, движущиеся хромосомы и поврежденные нервные клетки. Любой человеческий орган можно клонировать - но не мозг.

Андроиды не думали, когда поднимали купол. У них нет мозга. Они оснащены компьютером. Они лишь выполняли приказы. И это погубило целую колонию.

По крайней мере, так произошло тогда, если верить Представителю Беллесу. Но, по правде говоря, я не уверена, насколько сильно могу доверять ему, или почему он рассказывает мне всё это.

Представитель Беллес встаёт, и на мгновение мне кажется, что он собирается выйти из-за стола и сделать мне что-то. Я вздрагиваю, когда он разворачивается на каблуках, но затем он шагает к окну, а не ко мне. Я встаю и подхожу ближе, уставившись в пол. Из кабинета Представителя прекрасный вид на площадь, фонтан. Отсюда мне всё видно: тёмную форму охранников, спешащих бизнесменов и деловых женщин, уличных андроидов, лениво обслуживающих покупателей пастыцы и других закусок.

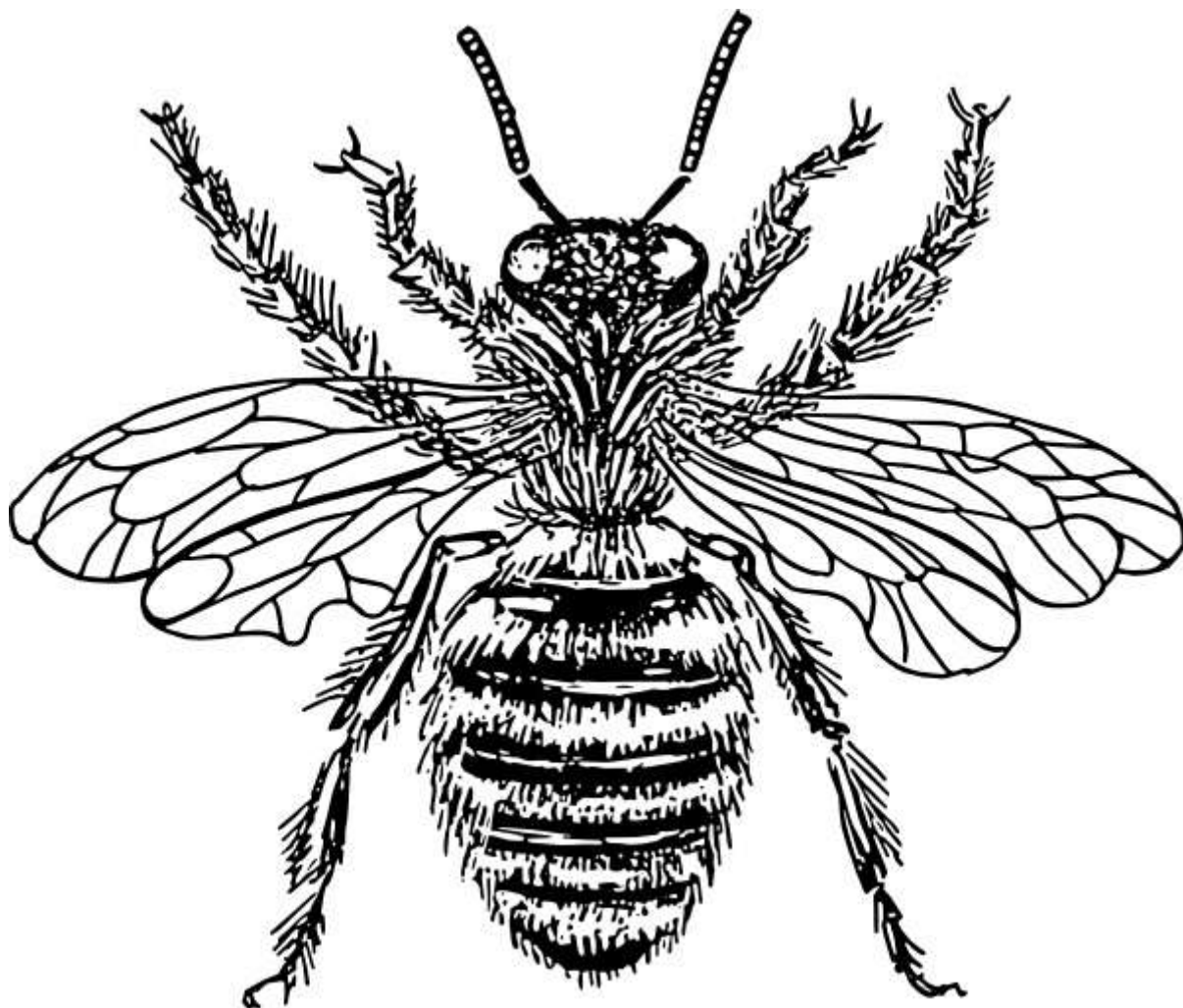
Я его теряю. Что бы не заставляло его говорить о науке и террористах раньше... теперь оно исчезло. Он замолкает. Но я предпринимаю последнюю попытку и спрашиваю:

- Какое отношение трагедия лунной колонии имеет к террористам, которых пытается остановить государство?- тихо спрашиваю я.

- Возможно, это не имеет никакого отношения к террористам,- говорит Представитель Беллес, глядя вниз на площадь.

Я изучаю его лицо в отражении. Он не похож на человека, способного на предательство.

Он похож на испуганного человека.

Глава 24

Я делаю шаг вперёд, к солнечному свету, который мгновенно ослепляет меня.

Пожалуй, этот день официально можно назвать самым странным днём в моей жизни.

Теперь остаётся лишь одно. Краем глаза я замечаю уличного андроида, продающего тёплую, восхитительно пахнущую пастицу. Я, возможно, и провела всё утро выслеживая сумасшедшего, с помощью голограммы моего отца, окончательно запуталась и проникла в офис потенциального террориста, где у меня был сверх странный разговор, но хоть пастица осталась прежней.

- Сырную,- говорю я, становясь в начале очереди. Я прикладываю наруч к пункту оплаты и жду, когда андроид выдаст мне пастицу со вкусом рикотты¹.

Андроид не двигается.

- Одну. Сырную,- четко повторяю я. Мой наруч показывает, что оплата прошла.

- Спокойствие познаётся в свободе,- говорит андроид.

- Извините?- спрашиваю я.

Я озираюсь по сторонам. У фонтана находятся ещё несколько андроидов, и все они, кажется, перестали работать. Их покупатели выглядят такими же озадаченными, как и я.

- СПОКОЙСТВИЕ ПОЗНАЁТСЯ В СВОБОДЕ!- вопит уличный андроид. Его голос повышается до предела. - Спокойствие познаётся в свободе! Спокойствие познаётся в свободе!- монотонно повторяет он.

¹ Рикотта - итальянский сыр (прим. переводчика).

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я медленно пчусь назад, страх подступает к горлу.

- Какого чёрта происходит?- спрашивает мужчина в деловом костюме позади меня.

- Понятия не имею,- бормочу я.

Я пытаюсь удержать мужчину, но он отталкивает меня.

- Что-то не так,- говорю я,- нам нужна помощь.

Краем глаза замечаю нескольких служащих, вышагивающих в нашу сторону, а вместе с ними и все уличные андроиды с площади.

Мужчина высвобождает свою руку и, пожав плечами, проходит мимо меня.

- Нет!- кричу я. - Не подходите к ним!

Он меня не слушает, хватая андроида за плечи, будто, если он его потрясёт, тот заработает. Мои ноги действуют сами по себе - продолжаю пятиться, мои глаза широко раскрыты, я уверена: сейчас случится что-то плохое. Охранники буквально кишат вокруг нас, но андроиды превосходят их по количеству, а толпа лишь растёт.

Я достигаю ворот, прежде чем раздаётся первый взрыв.

Я оборачиваюсь, впитывая глазами ужас передо мной. Как минимум дюжина уголков площади дымятся от тлеющих кусков искореженного металла. Все андроиды взорвались. Люди, стоявшие неподалёку... Я в ужасе смотрю на то место, где стояла с тем мужчиной в деловом костюме. Красные пятна крови на белой рубашке, разорванные края рукавов, одна нога здесь, в нескольких метрах другая - вот и всё, что от него осталось. Это напоминает мне смерть Акилы, не хватает лишь признаков войны. Всё это - мои кошмары, собранные воедино: война, постигшая мой дом.

- Господи,- бормочу я, уставившись на следы резни. Одетые в чёрное охранники и военные спешат остановить начинающийся хаос. Мой наручКОМ светится красным, всплывает предупреждающее сообщение.

«Неисправность андроидов приводит к нескольким смертям на Триумфальной площади, в Центральных Садах, Острове Комино и других областях Новой Венеции. Жителям следует вернуться в свои дома. Любые андроиды, в пределах области, должны быть немедленно отключены».

Моё сердце замерло, кипя в желудочной кислоте.

- Мама,- с трудом выговариваю я.

Мама. И её новый андроид-сиделка. Сегодня утром я оставила маму с ходячей, говорящей бомбой.

Я разворачиваюсь на каблуках и мчусь через Центральные Сады, проталкиваясь сквозь толпу. Чувство чистой паники проносится по городу, овладевая им, словно цунами. На Новую Венецию никогда не нападали. Не так. Не изнутри.

Пальцы скользят по наручу, и я на бегу открываю последние новости. Должно быть, новостной группе приказали повторять сообщение по кругу, снова и снова.

«...беспричинной неисправной работы андроидов, которая привела к множеству, возможно, сотням раненных и погибших. Источники сообщают, что Премьер Министр Янг действительно дала команду удалённо обесточить всех андроидов, работающих на территории Новой Венеции, но отдалённый переключатель питания на данный момент неоперабелен, и неисчислимо количество андроидов по-прежнему включены. Всем жителям рекомендуется вручную деактивировать андроидов, находящихся поблизости. Если андроид уже неисправен, жителям рекомендуется немедленно укрыться как можно дальше».

Мама не может быстро передвигаться; не достаточно быстро, чтобы уйти от взрывающегося андроида.

В мгновение ока я закрываю страницу новостей, и прибавляю скорости, спеша к Спа Грёз, к дому, к моей маме. Я пытаюсь связаться с ней, но она не отвечает. Наруч Мисс Уайт, должно

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

быть, по какой-то причине вне зоны доступа или выключен... мои сообщения просто не доходят до неё.

Когда я достигаю южных ворот Центральных Садов, я прохожу мимо группы военной элиты, рысущих по парку с оружием наготове. На остров Комино, нижнюю часть города, тоже напали. Я думаю о детях, которые ходят в парк аттракционов. Андроиды зачастую помогают учителям. Многие используют их в качестве няnek или сиделок, даже несмотря на предупреждения на ярлыке о том, что детей не следует оставлять наедине с андроидами.

Как много детей среди погибших? При этой мысли я едва не падаю.

Мне приходится подождать на перекрёстке, пока мимо проносятся скорые и полицейские машины. Стекланный вход Салона нетронут и без повреждений, неоновая овца скачет по поверхности, словно всё в порядке. Я съеживаюсь, ожидая взрыва, отчасти веря, что он произойдёт именно здесь и прямо передо мной. Закрываю глаза, пытаюсь успокоиться, но всё, что я вижу под веками - это разбитый вдребезги фасад, кричащие люди, выбегающие из здания... и мама. Мама, которая звала своего андроида, превратившегося в пыль и пепел, покореженные кусочки нераспознанной плоти.

Как только улица немного пустеет, я бегу вперёд, проскальзывая через стеклянные дверь Спа еще до того, как они полностью открылись. В приёмной пусто, стерильно, приятно пахнет и играет тихая мелодия. Никаких признаков хаоса, творящегося снаружи, ни единого признака разрушения, ожидающего наверху. Я дышу сбивчиво и неровно, мои шаги громкие. Это кажется таким странным, что белый кафель и приглушенное освещение приносят умиротворение. Я воображаю, как это спокойствие разрушается взрывом бомбы, крики, разрывающие тихую музыку.

Я не жду лифт. Нет времени. Перешагиваю две ступени за раз, сердце колотится, а в лёгких не хватает воздуха. Я врываюсь в квартиру, зовя маму. Нахожу ее на кухне, где она изо всех сил пытается устоять на ногах. На ее лице отражается беспокойство при моём внезапном громком появлении.

- Что случилось?- спрашивает она меня слабым голосом.

Я не отвечаю. Я дико озираюсь по сторонам. Андроид, которого мама назвала Роузи, стоит перед программой интерфейса в гостиной, дальше кухни. Я бросаюсь через кухонный стул и сворачиваю в гостиную. Роузи даже не реагирует на мое присутствие. Программа интерфейса свободно подключается к частной сети Спа, она имеет доступ к самым защищённым файлам, где помимо грёз находится мамино исследование и познания. Даже у Мисс Уайт нет доступа к этим файлам. Только у меня и у мамы. А Роузи даже не запрограммирована входить в интерфейс, не говоря уж о том, чтобы взламывать систему.

- Чёрт побе...! Отключить интерфейс,- громко приказываю я,- заблокировать кран, авторизация: Элла Шепард.

Экран гаснет.

Андроид медленно выпрямляется. Его тело скручивается, поворачиваясь ко мне лицом. Его безжизненные, пустые глаза пристально смотрят в мои. На его лице не отражается эмоций, словно все программы, созданные, чтобы сделать его похожим на человека, уже удалили.

Роузи открывает рот, движение настолько механическое, что вся иллюзия человечности, какую могли присвоить машине, мгновенно исчезает. Его голова немного склоняется влево.

- Что происходит, Элла? - вновь спрашивает мама.

- Спокойствие познаётся в свободе,- бормочет Роузи так тихо, что я едва разбираю слова.

- Дерьмо,- говорю я.

Я оборачиваюсь к маме.

- Уходи!- кричу я ей. - Мы должны выбраться отсюда! Роузи сейчас взорвётся!

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Что?- спрашивает мама. Она сбита с толку. Она не может справиться с этим стрессом, паникой. Её тело привычно сотрясается, она вот-вот потеряет сознание. Её пальцы впиваются в край стола, суставы побелели. Лицо бледное.

- Спокойствие познаётся в свободе,- громче повторяет Роузи. - СПОКОЙСТВИЕ ПОЗНАЁТСЯ В СВОБОДЕ.

Мы ни за что не успеем.

Низкие, гудящие звуки раздаются в горле Роузи. Тот же шум «ЗнзнзнЗнзнзн», что я слышала от другого андроида, за несколько секунд до того, как он...

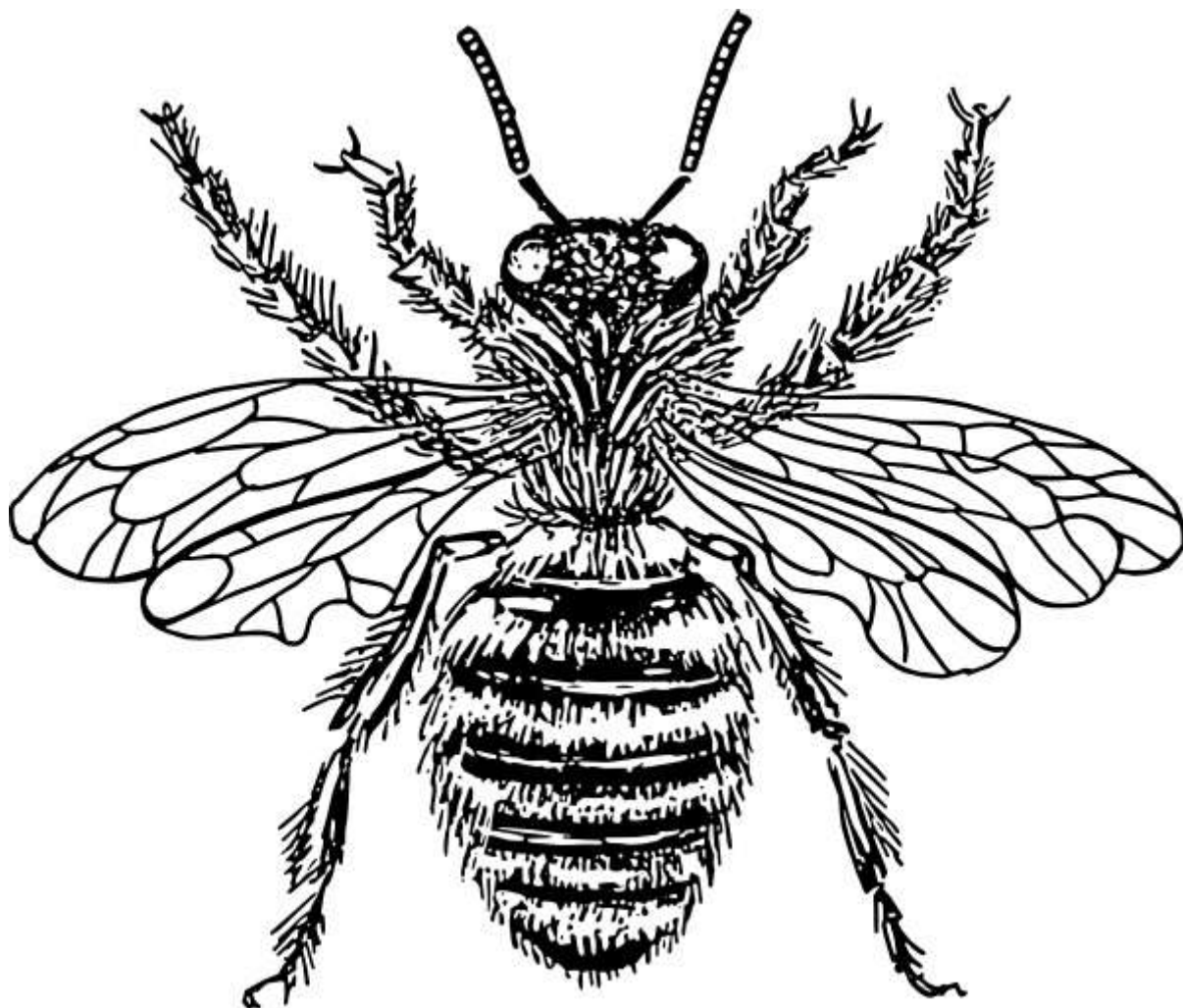
Я запускаю руку и подхватываю маму, обнимая её за талию, приподнимаю за плечи.

- Элла!- говорит она, задыхаясь и кашляя на вдохе.

Я не отвечаю. Бегу в её спальню. Здание новое, но даже не смотря на то, что Гражданская война была столетия назад, с тех пор, практически в каждом здании есть, по крайней мере, одна специальная комната.

Безопасная комната. Именно её мама использует в качестве спальни.

Как только мы минуем дверь, я опускаю маму на пол. Её ноги подкашиваются, и она теряет сознание, но я не перестаю помогать ей. Я поворачиваюсь, больно прижимаю наруч к сканеру на двери. Дверь плотно закрывается, и я ввожу код безопасности. Слышно, как скрепят стальные засовы о тяжёлую металлическую дверь за секунды до того, как раздаётся взрыв.

Глава 25

Я опускаюсь на пол, спиной к стальной двери, что защищает нас. Всё тело дрожит, странный, проносящийся сквозь меня шок окутывает после взрыва. Даже не смотря на то, что комната безопасности прочна и герметична, кажется, будто я чувствую запах дыма. Меня подташнивает от этой мысли.

- Мам?- зову я.

Мама не поднимает голову с пола, где я оставила её, но её глаза движутся навстречу моим.

- Что произошло?- спрашивает она слабым голосом.

- Не знаю,- говорю я. - Роузи взорвалась.

Я вновь поднимаюсь, после чего помогаю встать ей. Вместе мы медленно подходим к кровати. Я подсоединяю её наруч к монитору с показателями здоровья. Все графики снижены: её сердце, её дыхание, нейроны. Я быстро назначаю встречу с Доктором Симпа, маминым последним доктором.

Затем я беру мамины успокоительные.

Она хватается меня за руку.

- Элла, не нужно...- говорит она. - Позволь мне остаться в сознании. Может, я смогу... помочь...

Но, как бы то ни было, я даю ей двойную дозу успокоительных и слежу, как её глаза практически моментально закрываются.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

«Спите спокойно и безмятежно с нашей специально разработанной смесью морфина и меланина!» - гласит наклейка на флаконе. Я потираю большим пальцем слово «спокойно».

Спокойствие познаётся в свободе!

Я открываю дверь.

Первое, что я замечаю - запах. Едкий, жгучий. Резкий запах, вызывающий дрожь. Но я закрываю нос и рот рукой и ползу вперёд.

Вся система интерфейса уничтожена. Вместо стекла и обрамлявшей его стены - лишь неровная, зияющая дыра. Лёгкий ветер проникает внутрь, просачиваясь сквозь горящую каменную стену.

Пол, начиная от кухни и до того места, где раньше была системная комната, потемнел и обуглился, с выбоинами от осколков и длинными, протяжными полосами следов взрыва.

От андроида Роузи остались лишь синтетическая плоть, горящая схема и едва распознаваемые кусочки.

Я ничего не чувствую. Просто стою там, в центре разрушенной жизни.

Это... Это был мой дом. Если бы это был человек, в его груди зияла бы дыра, которую никто не смог бы заделать.

Дверь открывается и внутрь врывается Мисс Уайт. Она горько всхлипывает и подбегает ко мне.

- Как твоя мама?- спрашивает она, наконец, выпустив меня из объятий.

- Она спит,- говорю я. - Я дала ей морфин. Стальные стены в её комнате - они спасли нас.

Мисс Уайт отстраняет меня на расстояние вытянутой руки, не желая отпускать.

- Моя умная, замечательна девочка,- говорит она, притягивая меня ближе и целуя в лоб. Затем она отталкивает меня, изучая моё лицо.

- Нас?- спрашивает она. - Ты была здесь, с Роузи? Я думала, ты в офисе Представителя Беллеса?

Я качаю головой.

- Я прибежала сюда, как только увидела взрыв андроидов на площади.

Яркая эмоция на мгновение отражается на лице Мисс Уайт, но я не могу прочесть это выражение. Она тяжело сглатывает.

- О, Элла,- шепчет она. - Что, если бы тебя не оказалось здесь, рядом с ней?

Мои глаза широко распахиваются, уставившись на след выжженный бомбой на полу, позади Мисс Уайт. Мама была не так далеко от Роузи, и она уже была слаба.

Подобный взрыв убил бы её.

Как это произошло с Акилой.

Эта мысль настолько шокировала меня, что я шарахнулась в сторону, вызвав озадаченность на лице Мисс Уайт. Я не знаю, что произошло с моей лучшей подругой, умерла она или нет, или, на самом ли деле, человек, с которым я разговаривала последний год, был моей подругой, с которой я выросла.

В чём я сейчас уверена, так это в том, что моя мама чуть не погибла.

Мисс Уайт выпрямляется, не отрывая от меня взгляда. Я вижу, как напрягается её челюсть, и она решительно кивает, не смотря на то, что ничего не было сказано.

- Ладно,- говорит она. - Я свяжусь со строителями прямо сейчас... Если им не удастся заделать дыру, они, по крайней мере, обезопасят её для вас. Разве что, ты не...?

- Я не оставлю маму,- говорю я.

- Нет, я имела ввиду, ты могла бы остаться у меня. А твоя мама... Может, ей лучше обратиться в больницу... Нет, не в больницу. Сейчас это будет сумасшествием, лучше не показывать им твою маму. Я могу позвать Доктора Симпа, организовать специальную встречу в его частной лаборатории...

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Мы никуда не пойдём,- повторяю я. - И я уже вызвала Доктора Симпа.

- Я найму сиделку. Настоящую,- добавляет она, встретив мой взгляд. - Больше никаких андроидов.

- Кто это сделал?- говорю я. Впервые в моём голосе появляются эмоции. - Это были террористы? - или это был Джек Тайлер? Я едва не задаю этот вопрос, но слова не хотят слетать с языка.

Мисс Уайт хмурится.

- Похоже на то.

«Спокойствие познаётся в свободе». Вот, что сказал Роузи перед взрывом. Могло ли это иметь какое-то отношение к происшествию на базе Умиротворения? Не знаю, смогла бы я увидеть связь, если бы Представитель Беллес не подсказал раньше, но мне кажется, слишком много совпадений для случайности.

Глаза Мисс Уайт немного округляются.

- Ты уже видела новости?- спрашивает она.

Я молча качаю головой, уже поднеся руку, чтобы вызвать страницу отчёта на наруче.

Мисс Уайт останавливает меня.

- Премьер Министр Янг объявила, что у террористов, возможно, связи с лунными колониями, у них даже могут быть предатели на лунной базе. Она подключила исследователей, чтобы они изучили происшествие на базе Умиротворения, и она верит, что эта атака была осуществлена той же группой террористов, что были причиной смерти колонистов на протяжении всех этих лет.

Я опускаю руки и удивленно отступаю назад.

- Что?- спрашивает Мисс Уайт озадаченно.

- Я была с Представителем Беллесом прямо перед атакой,- говорю я, прекрасно зная, что ей это известно,- и он упомянул это происшествие. Сказал, что авария произошла по вине андроидов.

Мисс Уайт прищуривается.

- Я расскажу об этом ПМ Янг. Очень подозрительно, что он заговорил об этом сейчас, прямо перед нападением...

Я киваю, соглашаясь с ней.

- Возможно, Беллес уже присоединился к террористам. Что, если подобная ложь и заставила его перейти на их сторону.

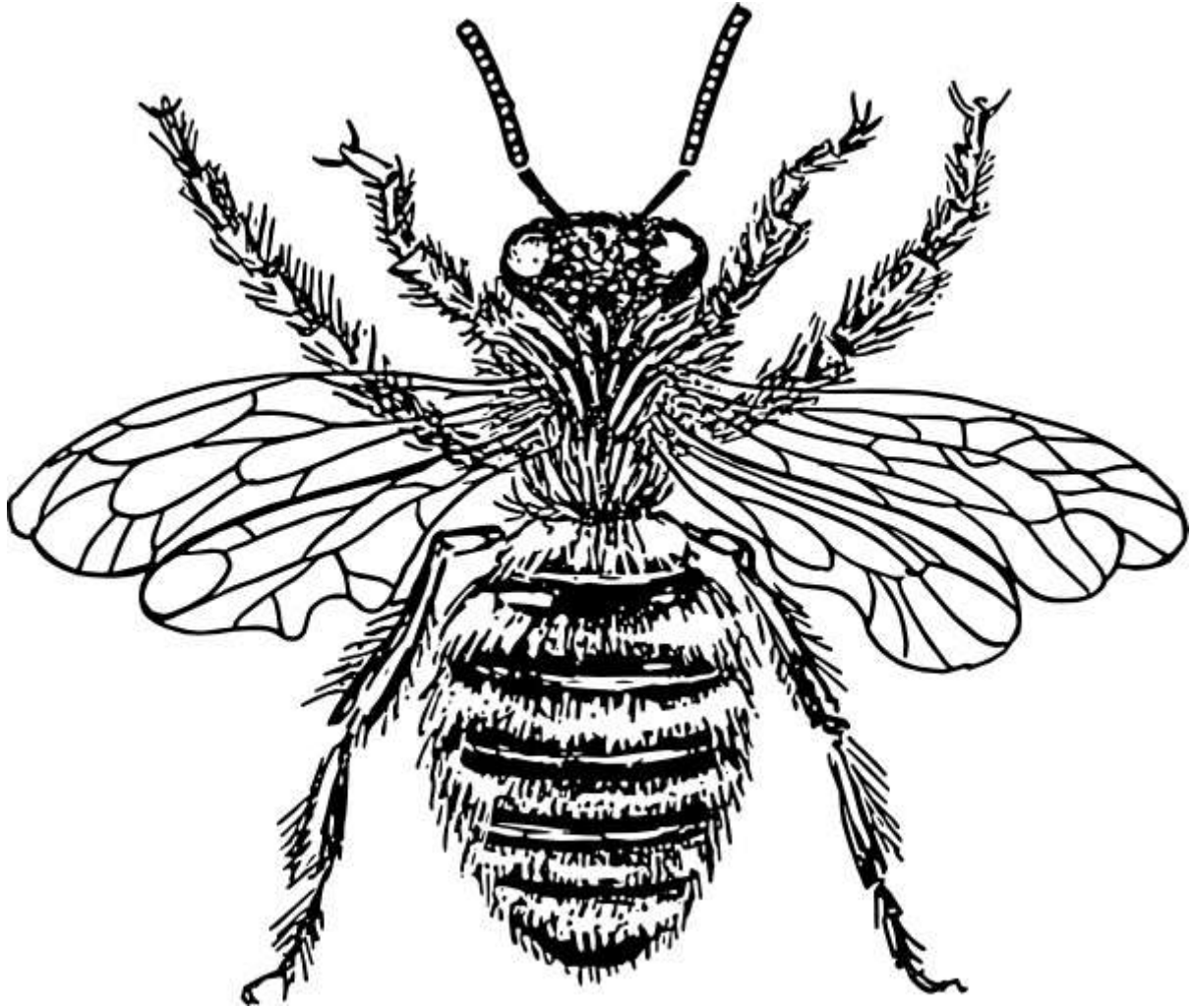
- Возможно,- медленно говорю я, вспоминая, каким напуганным выглядел представитель.

Мисс Уайт вздыхает, опускаясь на стул у стола.

- Кто знает? Это мог быть всего лишь трюк, чтобы отвлечь правительство от большей проблемы, или...

- Это был не просто трюк!- вскрикиваю я, голос подскочил куда выше, чем я рассчитывала. Но вместо того, чтобы испугаться, лицо Мисс Уайт расплывается в симпатии и одобрении.

- Ты права,- просто говорит она. - Это - война.

Глава 26

Пока мисс Уайт помогает маме настроить новую сиделку, я ухожу в свою спальню, и, прежде, чем свалиться на кровать, предварительно включаю новости. У меня перед глазами всплывает множество новостей об атаке андроидов, но я уже слышала всё это или же догадалась: неизвестные организовали террористическую атаку. Единственная новость - точное число: 104. Погибло сто четыре человека. В основном государственные служащие, но среди них была восьмилетняя девочка. Как призёр конкурса по изобразительному искусству, она вместе с мамой направлялась к Триумфальным Башням, чтобы встретиться с Премьер Министром.

Сто четыре.

Я судорожно вздыхаю и убавляю на мгновенье новости.

- Найти: предпосылки террористического акта с андроидами, - диктую я. Когда наруч посылает информацию в глаза - зрение заволакивает дымкой. Через секунду в моей голове образуется полукруг из парящих иконок или, по крайней мере, мне так кажется. Я фокусируюсь на различных иконках, вчитываюсь в текст и прослушиваю отчёты, но здесь лишь теории, далекие от истины.

Может быть, ответов там и нет вовсе. Может, их там никогда и не будет.

В большинстве новостей ссылаются на речь Премьер Министра Янг, которая предполагала, что террористы начали действовать ещё во времена катастрофы на базе Успокоения. Когда же я пытаюсь найти что-либо о потерпевшей неудачу колонии, почти всё, что я читаю, уже адаптировано под новую информацию.

Отчаяние охватывает меня.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я прижимаю подушку к груди, заглушая новые программы, и остаюсь одна в темноте, соответствующей моим чувствам.

- Я так хочу, чтобы ты был рядом, - шепчу я, плотно закрывая глаза и вспоминая папу из моей галлюцинации.

Я снова слышу его голос, так отчётливо, и меня пугает то, что я могу попасть в очередную галлюцинацию. Может быть это то, чего я действительно хочу? Если я могу увидеть его только в бреду, стоит ли пытаться оставаться в своём уме?

Когда я открываю глаза, его там нет.

Конечно же, его нет.

Вздыхая, я возвращаю страничку новостей. Все они твердят об одном и том же, и вскоре я улавливаю принцип. Все государственные каналы сначала сообщают об общем ущербе, повторяя то число - сто четыре смерти - снова и снова. А затем крупным планом показывают пострадавшую маленькую девочку. Они говорят что-то вроде: «Хотела стать доктором» и «Её любимым цветом был розовый», а затем они все упоминают, что девочка в ярко-розовом платье шла на встречу с Премьер Министром - как призёр, за нарисованный флаг, на котором символично отражались колонии - но она погибла на площади вместе с мамой, так и не успев дойти до Министерства. Всё это - хорошо приукрашенное сочинение, написанное для того, чтобы растрогать равнодушных, и мне тошно от мысли, что их тщательно спланированные манипуляции опутали и меня.

Я увеличиваю изображение маленькой девочки настолько сильно, что кажется, будто она стоит прямо передо мной в комнате.

Моё сердце замирает.

Я знаю её.

Мой интерфейс быстро обрабатывает информацию, пока я просматриваю историю Представителя Беллеса. Совсем скоро я нахожу то, что искала. Семейную фотографию. В грёзах, когда я шпионила за Беллесом, я видела его наихудший кошмар, его величайший страх. Двое детей - жертвы войны, мёртвые у его ног. И я видела его младшую дочь, сегодня и раньше, смеявшуюся и игравшую с представителем, перед тем, как потеряла сознание.

До того, как она погибла во взрыве с андроидами.

Я прочитываю ту малость, которую нашёл интерфейс. Её звали Эстелла Беллес, и ей было восемь. Я продолжаю изучать фотографию. Теперь я узнаю в женщине из новостных статей её маму - ещё одну жертву взрывов. Беллес и его сын Маркос - тощий мальчик приблизительно пятнадцати лет. Они единственные из семьи, кто остались в живых.

В новостях Эстелла одета в ярко-розовое платье с шоколадным пятном на переднике. Её сфотографировали в полоборота.

«Невинная жертва террористической атаки,»- гласят заголовки.

Это не просто фото девочки, идущей к Триумфальным Башням. Это дочь Представителя. Она не ходила на встречу с Премьер Министром - она шла к своему отцу. И они покидали здание, а не подходили, когда я шла мимо них, значит, у них было достаточно времени на побег. И единственное фото в новостях показывает, как она кружилась, задолго до атаки.

Потому... Потому что у них нет других фотографий. Я закрываю глаза и пытаюсь восстановить в памяти площадь до того момента, когда произошел взрыв. Маленькой девочки там точно не было.

Я сворачиваю новости, и пытаюсь осмыслить все на свежую голову. Если смерть Эстеллы Беллес не была несчастным случаем, это наверняка было убийством. ПМ Янг знала, что Представитель Беллес планировал восстание и, вероятно, уже сотрудничал с террористами. У них не было причин убивать его семью... но, возможно, были у ПМ Янг.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Вздрагиваю при мысли об этом и обхватываю себя руками. Готова ли я обвинить государство в убийстве Белесс, а не террористов? Следовательно, государство использовало террористическую атаку, чтобы скрыть спланированное ими убийство двух невинных людей, включая ребёнка... или же взрыв андроидов изначально был подстроен самим государством.

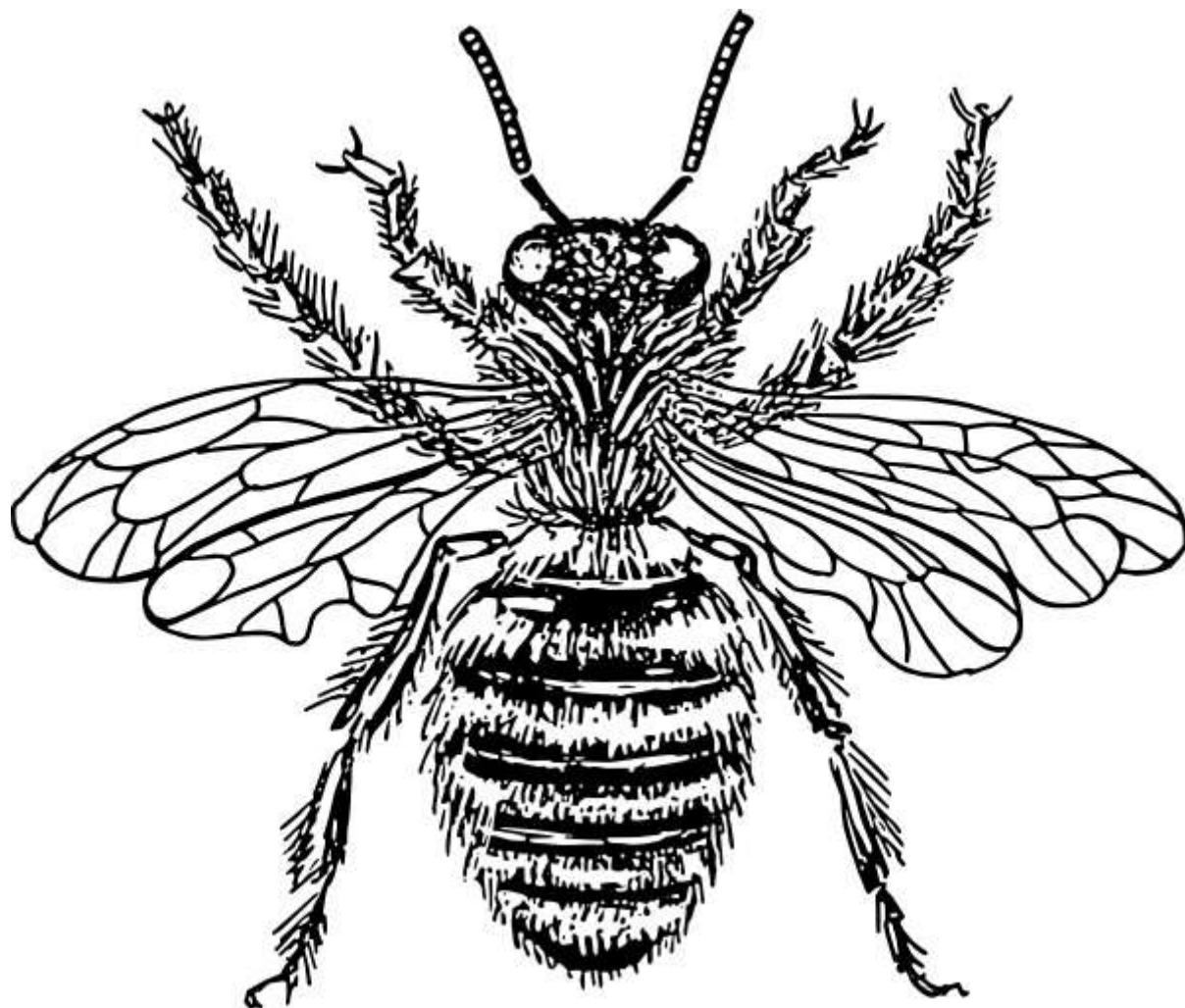
Я инстинктивно тянусь к наручу, чтобы позвонить Акиле и обсудить с ней мои опасения, как я делала это всю свою жизнь при любой проблеме. Но останавливаюсь. Благодаря Джеку я даже не знаю, могу ли теперь доверять своей лучшей подруге.

Едкий запах сожжённого металла проникает в мою комнату, он исходит от остатков второй половины дома. Роузи не взорвалась вместе с другими андроидами. Она сломалась позже - потому что она была занята взломом системы интерфейса. Взрывающиеся андроиды по всему городу были отличным отвлекающим маневром для всех, включая нас, пока взламывали интерфейс.

Был ли взрыв андроидов прикрытием для террористов, чтобы они смогли украсть мамины данные, или это государство пыталось припугнуть Представителя Беллеса?

Но, без сомнения, война продолжается.

И я больше не уверена, что нахожусь на правильной стороне.

Глава 27

Я накидываю на плечи свою сине-коричневую защиту из дамасской ткани, не смотря на то, что она еще не остыла. Краем глаза я улавливаю мерцание справа от себя, и подбираю цифровую фотографию в рамке, которую храню у кровати. На ней мы с Акилой плаваем, тем летом нам исполнилось по двенадцать. Акила заставила свою маму заснять этот момент, потому что мы устроили соревнование, и эта запись была бы свидетельством её неминуемой победы надо мной. Но всё закончилось иначе.

Мы плыли и плыли по морю, заплывая все дальше, чем когда-либо ранее. Акила была намного быстрее меня, но я была выносливее, так что, в конце концов, мы были наравне.

- погоди, остановись! - прокричала Акила, переставая плыть. Мы были так далеко от берега, что волны казались лишь тихим плеском. Акила откинула голову назад и закрыла глаза от слишком яркого солнца.

Я подплыла и натолкнулась на неё, от чего она удивлённо вскрикнула. Мы засмеялись и начали брызгаться, а затем Акила оглянулась на берег.

- Мы заплыли так далеко, - сказала она.

Её волосы расплывались в воде, а крошечные капли, словно кристаллы, были спрятаны в плотных локонах. Она замечает мой взгляд и, взмахивая головой, окатывает меня водой.

Я подпрыгиваю, чтобы получше разглядеть берег. Её родителей едва видно на скалистой береговой линии. Это место сплошь усыпано камнями и раньше было известно, как Лазурное Окно. Один из родителей, наверное папа, машет нам.

- Давай не будем возвращаться, - предлагает Акила.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Она качается на воде, после чего переворачивается на спину и растягивается.

- Давай, - соглашаюсь я, и, следуя её примеру, откидываю голову назад и позволяю телу всплыть на поверхность.

- Я имею в виду никогда.

Приподнимаю голову над водой, чтобы видеть её. Акила могла перейти от веселья к серьёзности без предупреждения. Её отец только что оставил семью, а мать поговаривала о переезде в район Фокра. Я никогда там не бывала, но этот район располагался в нижней части города, в бедном секторе. Мои родители предупредили меня, что если они переедут, Акиле придётся самой навещать меня. Мне будет запрещено приезжать к ней.

- Закрой глаза, - попросила она.

Я молча выполняю её просьбу.

- Хорошо, не правда ли? Притворяться, будто бы мы здесь в безопасности. Только солёная вода и мы, двое, навсегда.

Я украдкой кидаю на неё взгляд. Сейчас она кажется свободной. Моей маме уже диагностировали болезнь Хебба, но она пока ещё не причиняла вреда. Даже не смотря на то, что я знала, что такое страх и потеря, я также знала о сильной любви и о безопасности моих родителей. Думаю, именно тогда я и осознала, что у Акилы этого не было. Её отец ушёл, и даже прежде её родители часто ссорились. Акила осталась с беспокойным, разбитым родителем и долгом, который вынудил её отдалиться от меня. После того, как её девушка порвала с ней, я была одной из немногих, кто у неё остался.

- Мы продолжаем отправлять колонии в космос, - говорит Акила, - и даже не знаем, что находится на морском дне.

- Но мы знаем,- возражаю я. - Рыба и всякое такое прочее.

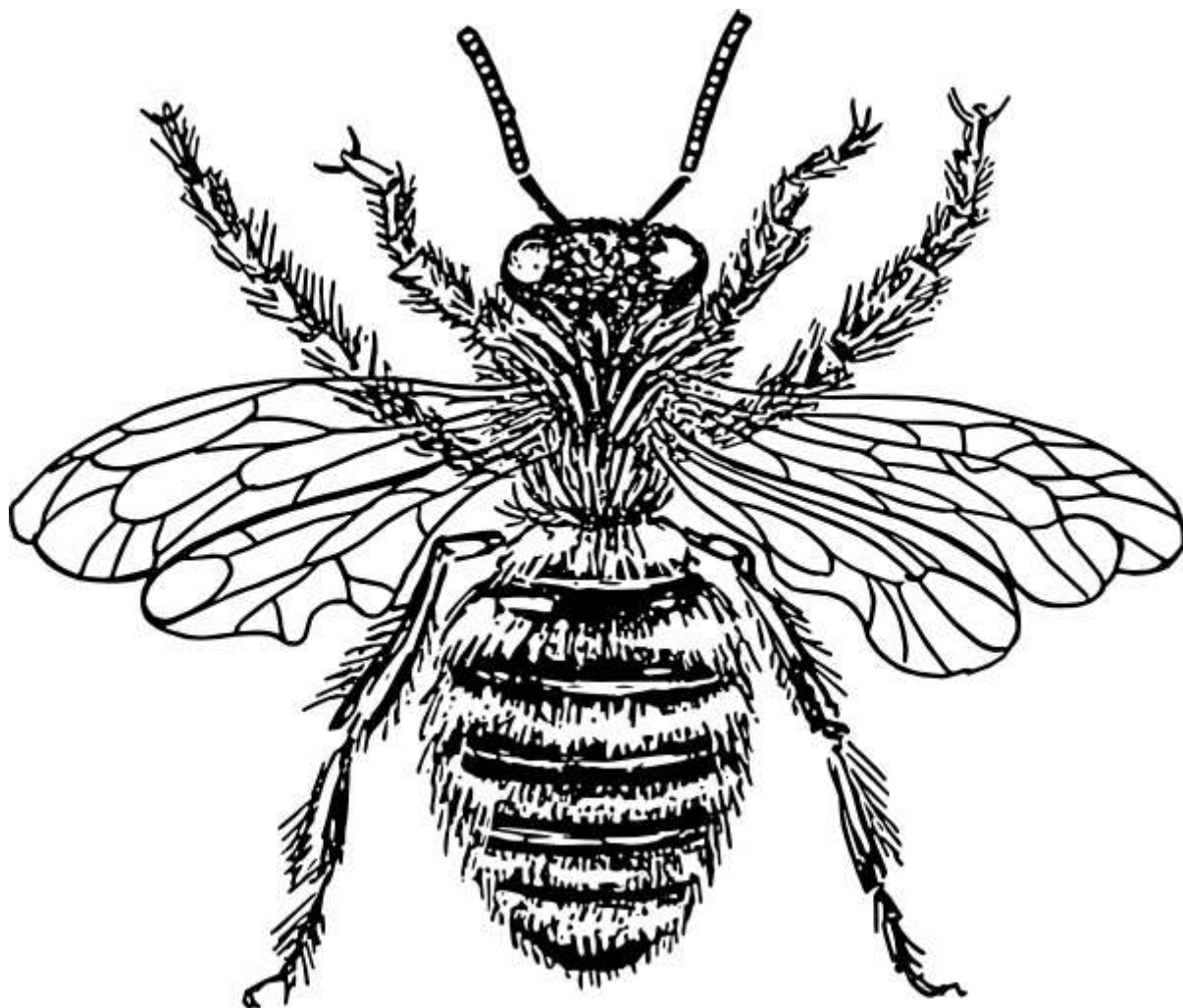
Акила смеётся.

- Мы почти не исследовали море. Есть места настолько глубокие, что свет никогда не проникает туда, - она вздыхает. - Я бы хотела оказаться в таком месте. Я бы хотела опуститься вниз, ниже, ещё ниже, и увидеть, что спрятано там, на дне.

Море - опасное место, потому что оно заставляет поверить в вечность. Я оглядываюсь на береговую линию, где тяжёлая валуны загромождают берег, как напоминание об атаке времен Гражданской войны. Из сотен тысяч людей, убитых на войне, большинство погибли и исчезли под покровом моря. Я отталкиваю воду и медленно разворачиваюсь так, чтобы остров находился позади меня, а все, что я могла видеть, были лишь сине-зелёные воды. Море безгранично. А мы - крошечные, почти невидимые пылинки. Оно запросто может поглотить нас. Мы меньше ярких звёзд в ночном небе, по сравнению с бескрайностью моря.

И именно в этом крошечном месте, едва заметном пятне, Акила чувствует себя в безопасности.

Возможно, быть в одиноком море, с его неизведанными глубинами и цепкими волнами, на самом деле безопаснее, чем на земле, где есть люди, зло и смерть.

Глава 28

На следующий день город погрузился во мрак. Самодельные чёрные флаги украшают окна магазинов, повсюду свидетельства произошедшей атаки: это не только дыра в моей квартире или выжженные следы от взрыва, но и разбросанный по улицам мусор - андроиды больше не убирают дороги; больше не торгуют уличные продавцы; в Центральных Садах, где обесточили всех продавцов-андроидов - царит хаос. Люди мельтешат по центральной площади, ожидая, когда разорённые рабочие выпустят билеты для лифта.

Общественная лестница располагается у небольшого магазина подарков на краю площади. Двое мужчин, облаченных в чёрную военную униформу, проверяют наручКОМы проходящих по ней людей - теперь это самый востребованный проход с тех пор, как лифты превратились в сущий кошмар. Один из мужчин тормозит меня, заметив зелёную повязку и приняв меня за мальтийку.

- Цель посещения Нижнего города? - грубо спрашивает он.

Я стараюсь быть как можно любезнее: - Моя мама работает в Казино Комино, - лгу я, - ей сказали, что придётся остаться работать на всю ночь, поскольку их андроидов отключили.

Военный пожимает плечами. - Мне жаль, но вам нет нужды спускаться туда. Мы пытаемся ограничить доступ к Нижнему городу. Людям лучше оставаться дома как можно дольше.

- Но ей нужно лекарство! - настаиваю я, - она не сможет проработать без него всю ночь.

Я шарю в карманах. У меня всегда есть парочка таблеток мофема на случай, если у мамы случится приступ на улице. Такое случалось, но очень редко.

Военный выхватывает флакончик из моих рук и изучает бирку. Его лицо бледнеет.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- У вашей матери заболевание Хебба? - осторожно спрашивает он. Я киваю. Слёзы, выступившие на глазах, - искренние. На свете нет ничего хуже чужой жалости.

- Сочувствую, - говорит военный, возвращая мне флакон, - проходите.

Я бросаюсь к двери, убирая таблетки в карман и взбегая по ступеням. Здесь намного больше людей, чем я ожидала. Зброшенная лестница покрыта грязью и влагой, а голоса людей и громкий топот эхом отзываются от стен. После утренней атаки туристы лишь хотят вернуться в свои отели в Нижнем городе.

Верхний город возвышается над морем практически на четыре тысячи пятьдесят метров – сравниваясь по высоте с восстановленным Эмпайр-стейт-билдинг в Нувэ Йорке. Самая большая из Триумфальных Башен, стоя на ее смотровой вышки, вы оказывается почти в ста метрах над уровнем моря. На такой высоте можно разглядеть южное побережье Африки, если использовать телескопы или скачать бот-приложение для глаз.

В любом случае, даже несмотря на то, что Нижний город находится столь далеко, спуститься к нему по лестнице вполне возможно. Но не прошла я и полпути, как мои ноги взвыли от усталости. Кругом туристы и прочие прохожие сидят на ступеньках, вытянув ноги и тяжело дыша. Я пробираюсь вперёд. Мне нужны ответы.

Лестничная шахта встроена в колонны, что служат опорой для моста Верхнего города, и хотя окна здесь есть примерно на каждом этаже, они едва ли пропускают свет, отражающийся от потолка Нижнего города с солнцезащитным покрытием. Если наверху лестницы пахло затхлостью, то теперь меня сводит с ума запах пота. Футболка прилипает к телу, и мне остаётся только мечтать, чтобы море оказалось достаточно чистым, когда я, наконец, спущусь вниз и нырну в него. Выползая через дверь на причал, оглядываюсь на сотни ступеней, по которым только что спускалась.

Я очень-очень сильно надеюсь, что к тому времени, как я разберусь с Джеком, лифты починят, потому что я ни за что в жизни не стану подниматься по этим ступеням. Лестница вывела меня на западную часть пристани. Огромный экран позади доков высвечивает непрерывный поток новостей, снимки жертв крупным планом до катастрофы, журналистов, пытающихся предугадать реакцию правительства, печальные показания очевидцев.

И каждую секунду транслируют фотографию Эстеллы Беллас. О том, что она - дочь представителя, умалчивалось. Это было бы крайне ошеломительной новостью, однако кто-то позаботился о том, чтобы её личность оставалась в секрете. Интересно, неужели это тоже часть плана. Скрыть имя девочки, погибшей во время атаки, умолчать некоторые факты. Она могла быть кем угодно. Даже вашей дочерью.

Разве это не терроризм? Заставлять людей испытывать ужас? Все вот эти манипуляции. Словно военная пропаганда.

Нижний город заметно опустел. Видно большинство людей расходится по домам, и хотя авиарейсы отложены, а морское сообщение не работает, некоторые люди по-прежнему бродят по док-станции, направляясь к границе города. Каникулы никто не отменял. Всегда найдётся время для шоппинга.

Я ускоряю шаг, а ближе к центральной площади перехожу на бег. Странно видеть улицы без андроидов. В Нижнем городе их всегда было меньше - это производит на туристов большое впечатление - но чтобы их не было совсем...

Механические голуби теперь высиживают на пустых местах, где раньше были андромиды и толпы туристов. У Верхнего города есть множество способов, как проследить за безопасностью граждан. На потолке с солнцезащитным покрытием есть камеры - записывающие устройства, настолько маленькие, что их просто не увидеть невооружённым взглядом, спрятаны в каждом уличном фонаре. И, конечно же, не стоит забывать о трекере в моём наруче. Государство ежеминутно знает, где я нахожусь. Механические голуби спроектированы таким образом,

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

чтобы город напоминал Старую Венецию, но их глаза записывают всё, что они видят, ещё один трюк государства по поддержанию безопасности. Они оборудованы лучше, чем обычные трекары и сканеры. Случись какая беда - слишком большое скопление людей, нарушение порядка, серия краж - механические голуби сразу слетаются в это место. Их присутствие также опасно, как и записывающие устройства. Они - постоянное напоминание о том, что государство наблюдает за нами.

Я перехожу на шаг. Дюжина, две дюжины - все сорок механических голубей поворачивают металлические головы на меня. Мне кажется, что там, высоко наверху, на крыше, голуби настоящие, а конкретно эти - нет. Они наблюдают за мной. Записывают. Меня.

Я пытаюсь внушить себе, что это просто паранойя. Учитывая недавнюю атаку, конечно, меры безопасности сейчас повышены. Но их стеклянные глаза сосредоточены именно на мне, и я не могу от них избавиться.

Я мысленно всё прокляла. Я ничего плохого не сделала... но, чувствую, Джек сделал. Мало того, что он дезертир, так если ещё и окажется, что он связан с террористами, подстроившими взрыв андроидов, то он представляет большую опасность. И я не хочу, чтобы государство добралось до него раньше меня, и уж точно не хочу, чтобы государство посчитало меня его сообщницей, если он действительно террорист, каким я его подозреваю.

Я забегаю в ближайшее здание. Какой-то стеклодув демонстрирует своё мастерство маленькой группке туристов, которых, похоже, ничуть не смущает, что вся андроидная система в Мальте сломалась. Поразительно, как люди умудряются игнорировать угрозы окружающего мира, просто притворившись, что их не существует. Я смотрю на них с отвращением. Как они могут просто... просто стоять здесь? Это кажется настолько неправильным.

Одна из женщин, очевидно почувствовав на себе мой презрительный взгляд, оборачивается, чтобы посмотреть на меня. Мы встречаемся взглядами. И я вижу её страх, который так противоречит действиям. Она опускает руку на плечо маленького мальчика - своего сына. Насколько крепко сжимает его, что он корчится от боли.

Она знает об атаке. Конечно же знает, все знают. Но она должна двигаться дальше, жить своей жизнью. Ей придётся притворяться - ради сына. Может, если она будет достаточно хорошо играть свою роль, то и сама поверит, что этот мир безопасен для него.

Я ухожу из демонстрационной комнаты, пряча лицо. Отсюда есть проход в магазин подарков - ну, конечно же, - я прохожу дальше, расталкивая туристов в магазине. Здесь есть несколько работ настоящего искусства - круговорот цветных блестящих кристаллов. Но есть и целый ряд прилавков с абсолютно одинаковым содержимым: стеклянная роза, стеклянная лошадь, миниатюрная стеклянная статуэтка Триумфальных Башен. Вот что в основном покупают туристы, и всё это изготавливается на фабриках андроидов и машинами в южном конце Мальты, далеко от посторонних глаз.

- Здравствуйте, - приветствует меня одна из продавщиц, когда я пролетаю мимо неё, едва не опрокинув по пути к выходу полку с хрупкими статуэтками. Оказавшись на улице, сразу замечая, как три головы механических голубей оборачиваются на меня, тогда я проскальзываю в следующий магазин. Несколько женщин сидят в креслах у окон, плетя изысканные кружева. Ещё одно шоу для туристов - все товары на столах этого магазина заводского приготовления.

- Кажется, у вас продаются джеммеры (Прим. перев. *Джеммер - глушитель, подавитель GPS сигнала)? - спрашиваю я у продавца, больно ударяясь бедром об угол сенсорного стола, маневрируя сквозь толпу в демонстрационной комнате. Девушка удивленно подняла брови.

- Я просто... пытаюсь встретиться с парнем, но не хочу, чтобы об этом узнала моя мама, - добавляю, смущенно опуская взгляд в пол, надеясь, что выгляжу влюблённо.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Один из огромных недостатков наручей таков, что у родителей есть доступ к гео-локатору, до тех пор, пока вы не достигнете совершеннолетия. Маме навряд ли придёт в голову такая мысль, но это хорошее оправдание.

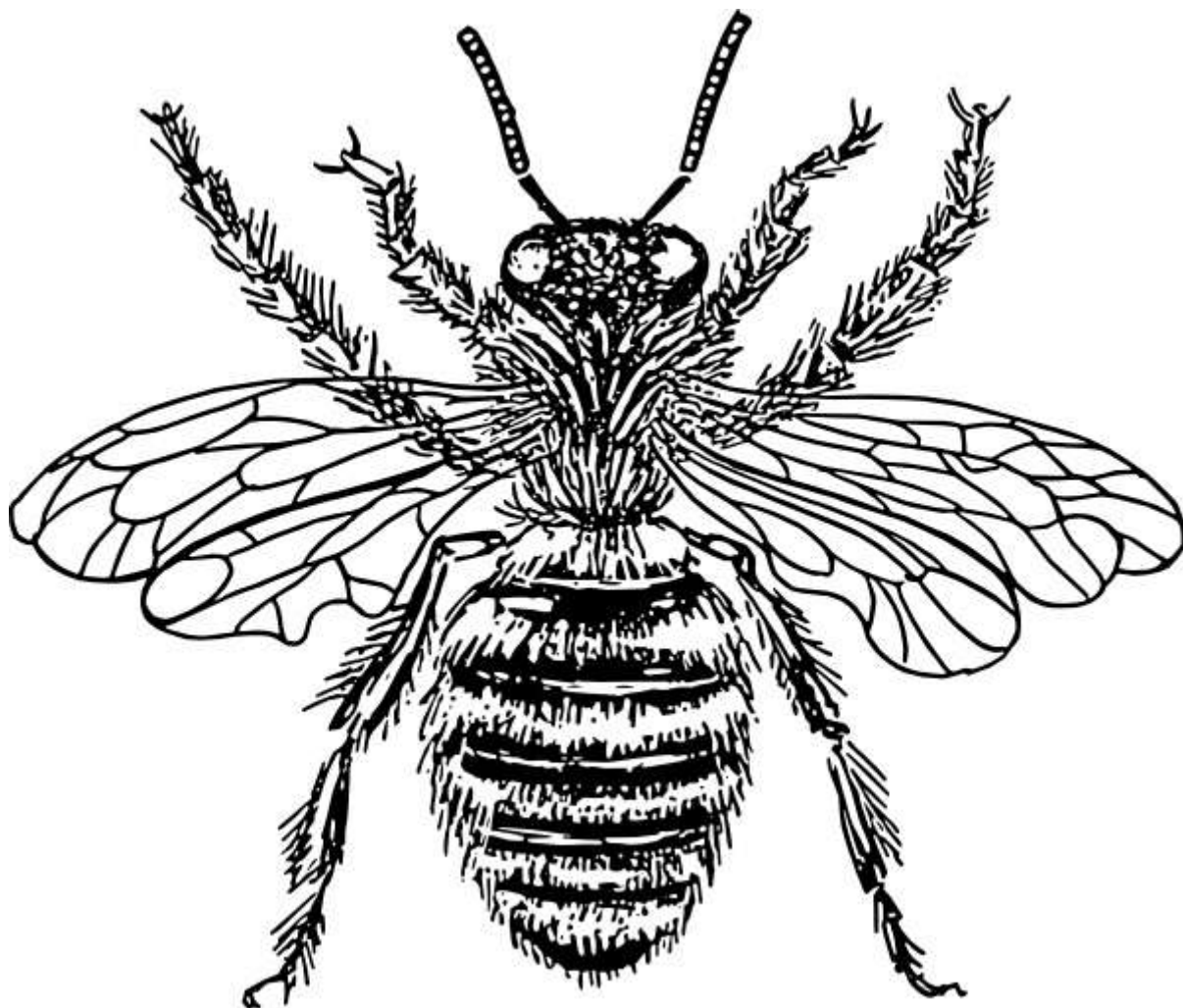
Продавщица кривит губы.

- Мы такого не продаём. Это незаконно, - говорит она, заходя за прилавок. Она открывает панель сзади витрины и выдвигает тонкую подставку, спрятанную под чёрной тканью. - А даже если бы и продавали, они стоили бы безумно дорого, - многозначительно добавляет она, поднимая ткань и показывая набор джеммеров. Я указываю на один из самых дешёвых - такой только сможет создать ложную гео-локацию на моём наруче. Продавщица вводит число в свой сканнер - 250 кредитов - после чего протягивает джеммер мне. Не говоря больше ни слова, она задвигает поднос назад в потайной отдел, а я выскальзываю из магазина через чёрный ход.

Как только открывается дверь, до меня доносится звонкое клацание металлических крыльев. Я прокрадываюсь в общественный туалет, прилепляя тонкий чёрный прямоугольник на запястье. Перед тем как выглянуть из-за двери, мне нужно заплатить пятнадцать кредитов за право помыть руки и остаться здесь насколько я захочу.

- Поторопитесь, - просит женщина в очереди.

Я обмениваюсь с ней местами. На горизонте никаких голубей. Должно быть, джеммер сбил их с пути. Плохие новости: теперь я знаю, что они ищут меня. Птичье преследование было не случайным. Кто-то следит за мной.

Глава 29

С широко распахнутыми глазами я стараюсь держаться поближе к стенам, пока скольжу по переулку к двери с облупившейся краской. Слева от меня плывут лодки луззу. Я стараюсь выглядеть непринужденно, пока они не проходят мимо, затем ныряю в переулок. Сердце дико колотится, когда я сворачиваю за угол к зданию, где я впервые нашла Джека. Прямо напротив крыльца стоит черно-желтый ауто-луззу - катер, запрограммированный, чтобы перевозить туристов с одного адреса на другой без помощи луззофера. Однако он пуст, покачивается на воде, мягко ударяясь о каменный и бетонный фундамент города.

Вот оно. Я знаю. Это определенно дверь Джека - все та же старая бордовая краска, хотя теперь гораздо более поцарапанная и облупившаяся, тот же потускневший дверной молоток, сбитый набок. Я тянусь к нему, разбрасывая мусор на крыльце.

- Я могу отвести тебя туда, куда тебе нужно! - слышу за спиной веселый голос. Я подпрыгиваю от неожиданности и случайно опрокидываю пустую банку. Стекло разбивается о каменную ступеньку.

Но, обернувшись, я никого не обнаруживаю. Только авто-луззу.

- Я могу отвести тебя туда, куда тебе нужно! - снова повторяет электронный голос. Просто реклама. За пятьдесят кредитов лодка автоматически доставит меня в любую точку Нижнего города.

Я хватаю серебряное кольцо дверного молотка и позволяю ему стукнуть в деревянную дверь. Никто не отвечает. Я кручу ручку. Заперто.

- Я могу отвезти тебя туда, куда нужноooooo!

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Лодка подпрыгивает, кажется, издеваясь надо мной. Я понятия не имею, что на самом деле собираюсь сделать - проклясть лодку? Но почти добравшись до нее, я уже практически готова заплатить, лишь бы она просто убралась отсюда.

И затем я замечаю глаза.

Все лодки луззу раскрашены гигантскими глазами на носу - традиция, оставшаяся с давних времен, которая нравится туристам. Но это... это настоящие глаза. Или, по крайней мере, механические. Я наклоняюсь ближе, почти ложусь на теплый бетонный выступ у воды, вглядываясь в электронный глаз. Линза за стеклом расширяется, уставившись на меня.

- Идентификация: Элла Шепард. Борт доставит вас туда, где вам нужно бы-ы-ыть.

Отползаю назад; я даже и не заметила, что электронный глаз просканировал меня, пока я смотрела на него. И он каким-то образом узнал меня.

Лодка луззу продолжает повторять свое сообщение. Я оглядываюсь здесь больше никого нет. Часть меня хочет сесть в лодку - может, это приведет меня к ответам, которые я так отчаянно ищу. Но я не могу ей доверять. Я оглядываюсь на дверь, которая когда-то вела в дом Джека Тайлера. Джек Тайлер - человек с золотой булавкой в виде шмеля. Кувшин с медом, который был на днях у двери, тот, который сейчас пуст, и ничего, кроме битого стекла на ступеньках. Черно-желтые полосы на лодке и то, как запрограммированный голос произносит «би-и-и-и-и». Пчела. Пчела.

Эта лодка от Джека.

Я стою на краю дорожки, одной ногой уже переступив через борт черно-желтой лодки. Я понятия не имею, куда она меня привезет, будет ли это безопасно, и было бы так глупо просто попасть внутрь и узнать. Но если я сейчас позвоню ПМ Янг, она пришлет копов. Если Джек увидит копов, он больше никогда мне не поверит. Эта лодка может не привести меня прямо к Джеку - это может быть только первый шаг на карте сокровищ, где он зарыл золото.

Кроме того, я больше не уверена, что могу доверять ПМ Янг.

Я позволяю своему телу сместиться и забираюсь в лодку. Как только я сажусь, пропеллеры мотора начинают взбивать воду. Я немедленно начинаю программировать манжету. Я не хочу, чтобы тот, кто следит за мной, нашел меня, поэтому я держу джimmy включенным... но в то же время я не совсем уверена, во что ввязываюсь. Я настроила манжету, чтобы запрограммировать мои наноботы на запись всего, а затем сделала сообщение системы сигнализации - если я не выключу его через час, все, что было записано, отправится прямо в манжету мамы, и мисс Уайт, на всякий случай.

Авто-лодка несет меня вниз по водным путям, в них настолько тесно, что я могу коснуться каменных стен по обе стороны от меня. Мимо проплывает мусор, ударяясь о деревянные борта лодок. Здания вокруг нас не имеют богато украшенных фасадов; вот что находится за красивой маской города.

Я ахаю, хватаясь за борта лодки, когда она покидает главные водные пути города и набирает скорость. Мы пересекаем Большой канал - отрезок воды, отделяющий воссозданный Венецианский город от острова Комино, единственной части Нижнего города, не созданной человеком. Но вместо того, чтобы повернуть на запад, где находятся Казино Комино и Голубая лагуна, лодка идет на восток. Мы держимся поближе к берегу, как будто празднично бродим вдоль острова.

Лодка замедляет ход, когда мы достигаем южной части острова Комино. Двигатель начинает барахлить, а мое сердце подпрыгивает к горлу, когда лодка скользит за естественным образованием скалы.

- Где мы? - я вздрагиваю, но мой голос затихает. В известняковой стене острова виднеется пещера, арочный зияющий проем. Через мгновение мы погружаемся во тьму.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Где мы? - снова тихо спрашиваю я, зная, что лодка не ответит. Мой голос звучит странно. Большая часть Нижнего города вызывающая, спроектированная так, чтобы внушать благоговейный трепет и захватывать дух, но именно здесь, в тихой темной пещере, я чувствую благоговение. Это реально. Эта пещера не построена, это как раз то, что бьющиеся о скалы волны создавали столетиями.

Вглядываюсь в темноту. К стене пещеры пристроен небольшой деревянный пирс, а в темноту ползет выщербленная каменная тропинка. Лодка ударяется о пирс, двигатель глохнет.

- Не-ет, - говорю я вслух. Это слишком жутко и слишком опасно. Я ни за что не стану бродить по пустынной пещере в необитаемой части острова, где никто не услышит моего крика.

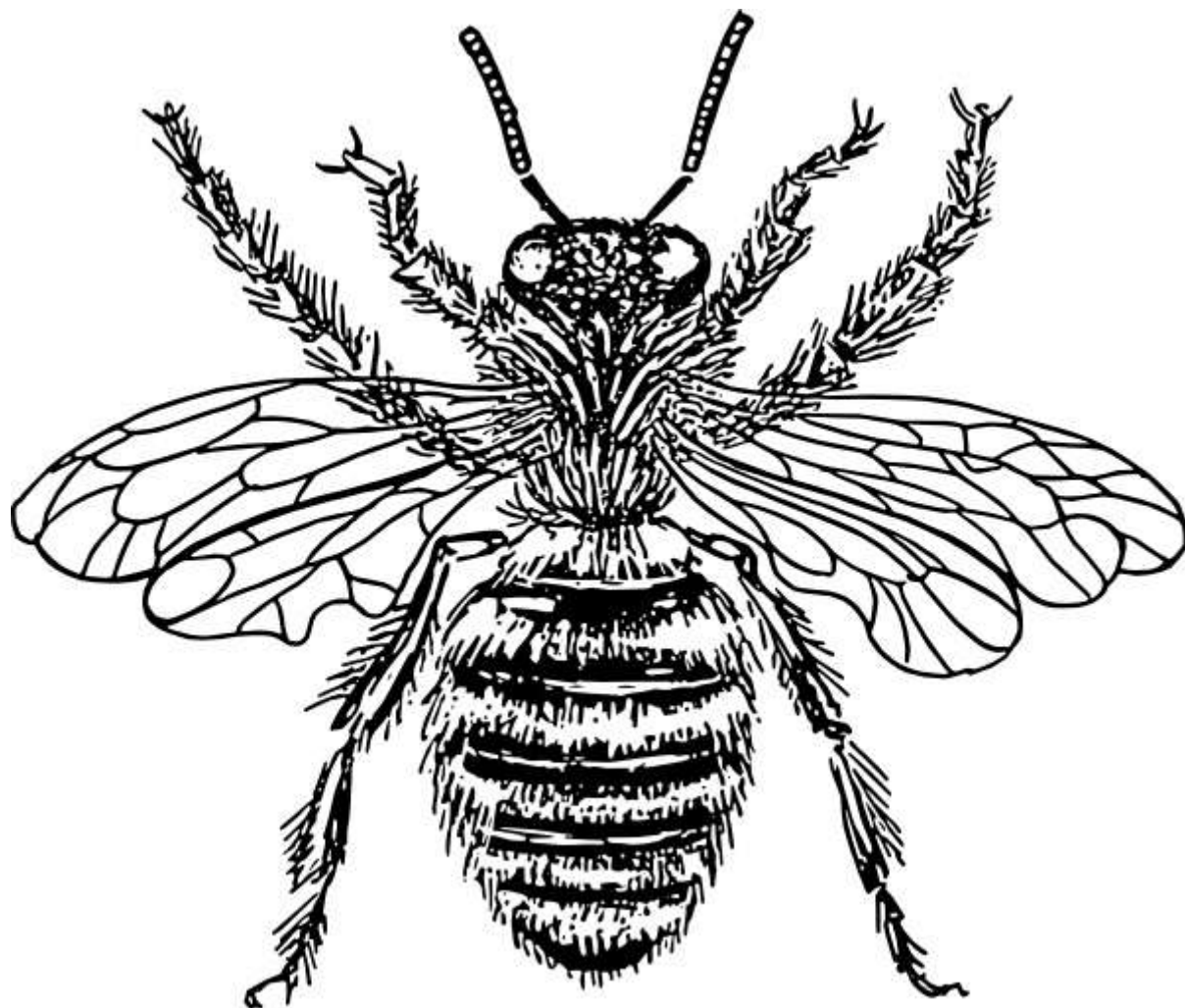
Лодка, очевидно, не собирается отвечать и не двигается в принципе. Я пытаюсь найти рычаги управления, но я не умею управлять лодкой, даже если бы я смогла разобраться в системе. Луззу покачивается, пока я пытаюсь встать, и я едва не падаю в воду, карабкаюсь по сгнившим доскам пирса и громко ругаясь.

Неровные ступени уходят прямо в гладкий известняк, уходя все выше и выше, в темноту. Ступени неровные, и большинство из них изогнуты посередине от многолетнего износа. Вдоль стены вделаны металлические кольца, а между ними натянута колючая толстая веревка в виде импровизированного поручня.

- Отлично, - подвожу итог, глядя в глубину пещеры, где лестница исчезает в темноте. - Что теперь?

Ответ один.

Вверх.

Глава 30

Я использую тусклый свет от манжеты, чтобы осветить себе путь, убедившись, что геолокатор и диктофон все еще включены. Мои бедра кричат на меня, когда я достигаю вершины лестницы. Я толкаю старую сломанную деревянную дверь и вхожу в заброшенное, полуразрушенное здание. Видны едва заметные очертания каменных стен. Солнечный свет льется из трещины в потолке, такой большой, что сквозь нее растет маленькое дерево. А под деревом, прислонившись спиной к стене и наполовину спрятав лицо в тени, сидит Джек Тайлер.

Я пересекаю комнату прежде, чем он открывает глаза, и бью ногой. Джек вздрагивает от неожиданности, и только тогда я понимаю, что он спал.

Спит.

Я слышу движение позади себя и настороженно оборачиваюсь. Из тени появляется крупный мужчина с кожей почти такой же черной, как и его одежда. Он выше шести футов, а его бицепсы размером примерно с мою голову. Рядом с ним, щелкая жвачкой, стоит гораздо меньше в размерах по сравнению с ним белокожая девочка со смеющимися глазами и ухмылкой на губах. На ней желтый сарафан и сандалии на ремешках, которые совсем не скрывают огромное множество татуировок. Яркие краски струятся по ее рукам, и единственное слово каллиграфическим почерком нацарапано у нее на груди тяжелыми чернилами. Понятия не имею, что это значит или даже на каком языке, но это странно зловеще для такой маленькой красивой девушки.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Пока я рассматриваю татуировку анаконды на ее правой руке, та начинает двигаться: голова поворачивается на ее плече и щелкает, обнажая два длинных клыка. Татуировка нанобота.

Джек кивает им, и они молча направляются к двери в дальнем конце комнаты - той, что ведет наружу.

- Значит, ты взял с собой телохранителя? - спрашиваю я.

- Я ждал, что ты начнешь драться, - замечает Джек. - Но пинок - это что-то новенькое.

- Телохранитель, - повторяю я, качая головой. - Ты считаешь меня такой опасной? Он довольно грозный.

- Да, - говорит Джек. - Так и есть.

Я делаю двойной дубль. Девушка оборачивается, продолжая идти к двери, и ухмыляется мне, прежде чем последовать за гигантом. Понятия не имею, где она хранит свое оружие, и не знаю, зачем там ее неуклюжий спутник, и, собственно, выяснять не собираюсь. Они вдвоем выходят за дверь, но дальше не идут. Оглядываясь на них, я проверяю манжету, чтобы убедиться, что она все еще записывает все, что мы с Джеком говорим.

Я поворачиваюсь к Джеку. Я устала. Я так устала: от лестницы, от погони за ним, от попыток все выяснить.

- Вчера андроиды самоуничтожились, - говорю я, сразу переходя к делу.

Лицо Джека мрачнеет. Впервые я замечаю темные круги под его глазами, то, как он сидит, будто он еще более измучен, чем я.

- Да, - говорит Джек, подтверждая мои слова.

- Одним из них был андроид, которого моя мать использует в качестве медсестры, - говорю я. Я заставляю Джека смотреть мне в глаза, почти не моргая. Чем больше я говорю, тем сильнее во мне нарастает ярость. - Моя мать - больна, ты знаешь? Болезнь Хебба.

- Я понимаю, - теперь в его голосе нет улыбки, даже намек на нее.

- Она была в соседней комнате, когда андроид взорвался - если бы я пришла на несколько минут позже... - я не могу заставить себя произнести эти слова. - Даже сейчас, стресс от бомбы... она слаба. Она не может справиться с андроидами, взрывающимися в ее квартире. - Я не могу прочитать выражение лица Джека. - Это могло убить ее, - все-таки заставляю себя сказать. Мое правое плечо приподнимается, как будто я стряхиваю с себя произошедшее, как пустяк. Но это не так.

- И тебя, - голос Джека текучий, но мрачный. Как медленно льющийся мед.

Я снова пожимаю плечами. На этот раз я серьезна.

- Это был ты? - спрашиваю я. Я должна услышать это от него. Мне нужно его признание. Мне нужно это записать.

Джек поднимает голову и прищуривается.

- Пчелы, - говорю я. - Это твой символ, не так ли? Булавка, которую ты носишь, мед у двери, черно-желтая лодка. И... - я просто осознаю это, только сейчас, в этот момент. - И звук, который издавали андроиды. Как раз перед тем, как взорваться. «Ж-ж-ж-ж-ж-ж», - мой голос дрожит от шума, и я ощущаю вкус желчи, воссоздавая звук. - Жужжание, - отвечаю я. - Андроиды жужжали, как пчелы. А потом они взорвались. И все, кто стоял достаточно близко к ним, тоже взрывались.

Когда я сейчас смотрю на Джека, я знаю, что он чувствует всю силу моего обвинения. Я перевожу взгляд на его воротник. К крошечной золотой пчелиной булавке, которая там приколоты.

- Нас зовут Зунзана, - говорит Джек. Он проводит пальцами по волосам и начинает расхаживать по комнате, его ботинки стучат по пыльному каменному полу и отдаются эхом под сводчатым потолком.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Зунзана? - мои шестеренки пришли в движение. - Разве это не старое мальтийское слово, обозначающее шмеля?

Джек кивает.

- Какое милое название для террористической организации.

- Мы не террористы! - Джек останавливается и поворачивается ко мне. - Элла, мы не...

Я оборвала его: - Взрывать людей - это то, что делают террористы, Джек. Это в их духе.

- Мы этого не делали! - ревет он.

Я скрещиваю руки на груди. - Докажи это.

- Ты действительно веришь, что я террорист? Я?

Я фыркаю. Да. Вообразить это на удивление легко. Джек делает паузу. - Ты действительно меня не помнишь? - спрашивает он, заглядывая мне в глаза. - Да?..

Я отскакиваю от него, когда он протягивает ко мне руку, и мы оказываемся в паре метров друг от друга.

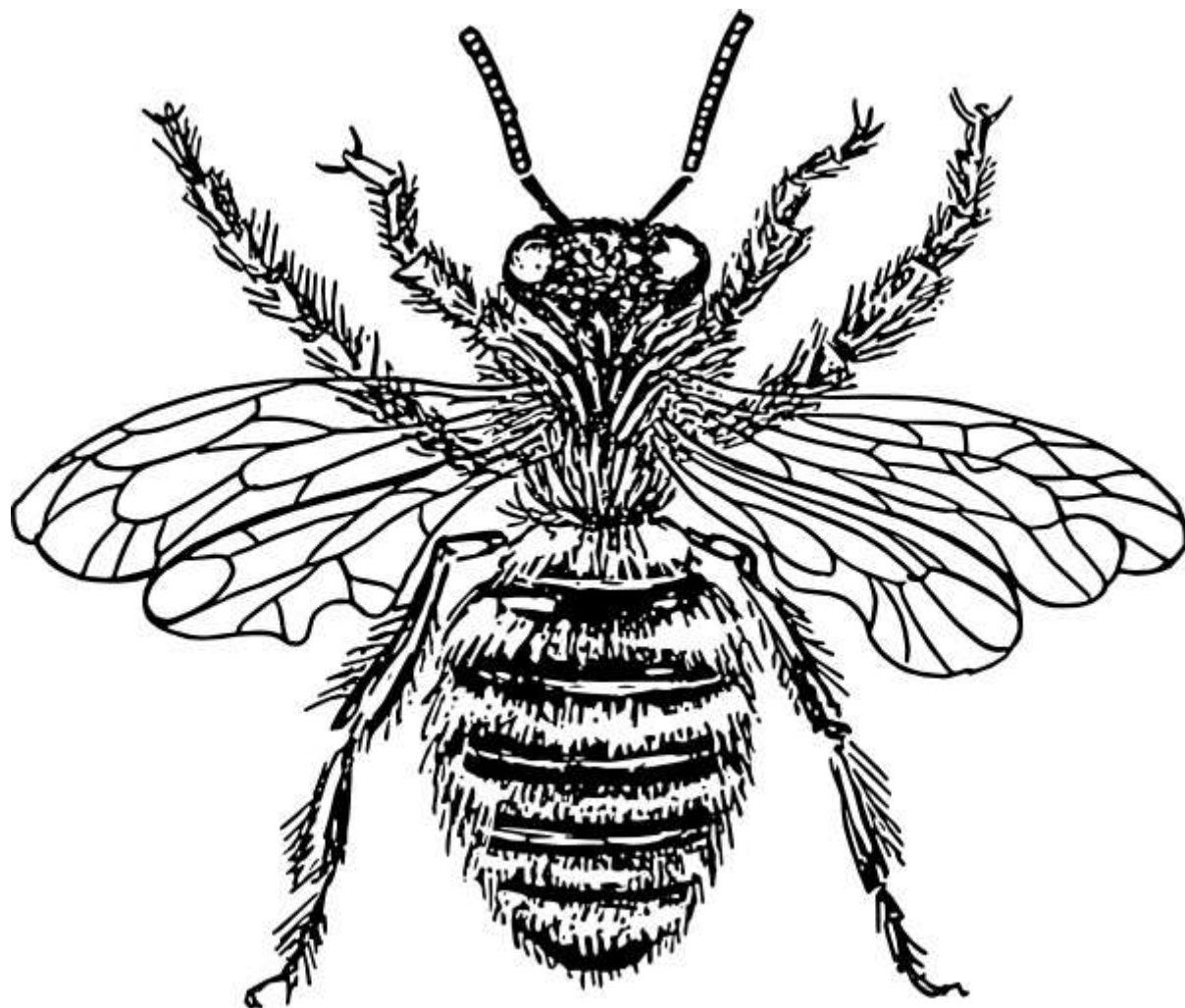
- Я и подумать не могу, что они и до тебя доберутся, - тихо говорит Джек.

Я ухмыляюсь. - Никто до меня не добирался, - огрызаюсь я. Я не какая-то жертва с промытыми мозгами, как думает Джек.

Джек печально качает головой. - Хотел бы я, чтобы это было правдой.

- Это правда! - кричу я. Делаю глубокий вдох, заставляя себя сосредоточиться не на своей ярости, а на ответах, которые мне нужны.

- Кто-то заставил тебя забыть меня, Элла, - грустно говорит Джек. - Забыть нас.

Глава 31

- Нас? - недоверчиво переспрашиваю я, размахивая руками. - Нет. У меня нет времени на твои игры разума. Ты ответишь на мои вопросы, а потом я уйду, и мы больше никогда не увидимся.

Джек смотрит на меня настороженно, словно я смертельный хищник. - Но... - начинает он. Я обрываю его:

- Ваша маленькая террористическая организация ответственна за взрыв андроидов? - прямо спрашиваю. Я незаметно поворачиваю запястье к Джеку. Все что мне нужно - это признание, и я могу идти.

- Мы не террористы, - повторяет Джек тяжелым голосом.

Я отвергаю это. - Это вы? - настаиваю на своем.

- Нет, - решительно говорит он.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не заклатить глаза. Если бы он уже сознался, мы бы закончили.

- Ладно, ты не признаешься в нападении андроидов. А кто, как вы думаете, это сделал?

- Очевидно, правительство.

- О, очевидно, - огрызаюсь я. - А почему же правительство? Не похоже, что у нас есть идеально действующая террористическая группировка, чтобы сделать это.

- Зунзана - не террористическая группировка! - не сдержавшись, кричит Джек. Его лицо покраснело, дыхание стало тяжелым. Я задела за живое.

- Тогда в чем же дело? - ухмыляюсь.

Джек проводит рукой по волосам.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Мы... мы просто... Смотри, раньше...

- Раньше что?

- До всего. Мои родители были против СС со времен кризисной войны, и они пытались изменить ситуацию. Не через насилие, - добавляет он, увидев мое лицо. - Политически. Затем...

- Затем? - требую я.

- Затем они начали умирать. Как и любой, кто соглашался с ними. Мы - все, что осталось. Я, Джули, Ксавье, - он произносит фамилию по-французски, за-ви-ай. - Наши родители... все наши друзья... главнокомандующий приказал их всех убить. Может быть, не напрямую, но это не так сложно собрать воедино. Несчастный случай, внезапный переход в кризисное состояние, автомобильная авария... - его голос затихает, и я вспоминаю некролог родителей Джека, двух помощников в кабинете представителя администрации. Автомобильная авария. Интересно, что случилось с родителями Джули и Ксавье? Джек поднимает голову, его глаза пронзают меня насквозь. - Несчастный случай в лаборатории.

Я с трудом сглатываю. Папу убили террористы, а не правительство. Он не имел никакого отношения к политике. Но... Эстелла Беллз тоже не имела никакого отношения к политике.

- Так вот в чем дело! Мечь?

Джек разочарованно качает головой. - Нет, нет, конечно, нет, - говорит он, но я не уверена, что верю в это. Если я узнаю, что правительство убило моих родителей, я захочу отомстить так кроваво, что море станет красным.

Джек снова начинает расхаживать по комнате. - Только недавно мы начали понимать, что произошло. Я поступил на военную службу в прошлом году, - он смотрит на меня так, словно это важно для него, но продолжает, когда я не отвечаю. - Потом увидел, что творит правительство с солдатами, людьми из бедных домов, по которым некому было скучать. Людям как Акила.

- Она не умерла, - шепчу я, слыша сомнение в своем голосе. Я повторяю, уже громче. - Она не умерла. И она не имеет к этому никакого отношения.

Мой разум пошатнулся. Я ожидала увидеть целое подпольное движение, систему шпионов и мятежников, а не трех подростков против Объединенных стран. Я почти смеюсь над ними, но потом вспоминаю зияющую, горящую дыру в моей квартире и понимаю, какой вред может причинить горстка людей.

- Вас всего трое? Пытающихся свергнуть правительство?

Джек уставился на меня. - Мы не этим занимаемся.

- Разве не это представляет собой Зинзана? - интересуюсь, не скрывая презрения.

- Мы не устраивали атаку андроидов! - говорит Джек, повышая голос. - Все, что мы хотим - это дать людям знать, что люди исчезают!

- Акила не исчезла, - говорю я. - Но знаешь, кто исчез? Сто четыре человека, погибших во вчерашних взрывах.

Джек расхаживает, как зверь в клетке, бросая на меня разочарованные взгляды. В его движениях отчаяние, гнев.

- Элла, - отрывисто произносит Джек. - Почему ты здесь? Что... что ты помнишь обо мне?

- Ничего, - немедленно отвечаю я. - Потому что нечего вспоминать.

Его лицо превращается в бесстрастную маску. Я заметила, что он делает это всякий раз, когда вспоминает о нашем предполагаемом прошлом. Это его бесстрастное лицо, его способ убедиться, что я не вижу, как он пытается мной манипулировать.

Ну, в эту игру могут играть двое.

- Давай договоримся, - предлагаю я. - Я тебя о чем-то спрашиваю, затем ты меня о чем-нибудь спрашиваешь, - он не узнает обо мне ничего важного, потому что просто нет ничего важного, - но я смогу вытянуть больше информации, чтобы распылить его.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Джек снова падает под дерево, его тело оседает. Он похлопывает по камню рядом с собой, но я не принимаю его предложение. Я хочу стоять. Я хочу иметь возможность убежать.

- Ты что-нибудь помнишь обо мне? - спрашивает Джек.

- Мы познакомились несколько дней назад, - отвечаю я. - Ты приставал ко мне в Центральном саду.

- Я пытался предупредить тебя, - рычит он. Потом его лицо смягчается. - Ты не помнишь, что было раньше?

- Никакого «раньше» не было, - огрызаюсь я. - И теперь моя очередь. Ты лидер этой террористической организации?

- Мы не террористы.

Я не утруждаю себя ответом; он может сколько угодно спорить о семантике. Я почти верю ему, но не могу рисковать и ошибиться, основываясь на интуиции. Наконец, Джек вздыхает и говорит: - Полагаю, что теперь, после... после всего, я ближе всего к лидеру. Что ты знаешь об исследованиях своего отца?

Вопрос застает меня врасплох. Я совсем не ожидала, что папа будет вовлечен в этот разговор. - Его последние эксперименты были направлены на создание искусственного мозга, - отвечаю я. Судя по документам представителя Белл, это не секрет или что-то, чего Джек еще не знает. - Что невозможно, - добавляю я. - Ученые могут создать что-то в точности похожее на человеческий мозг, вплоть до каждой морщинки и складки, но они не могут заставить его думать. Андроиды - ничто, кроме сложных схем внутри и лишь похожие на людей. Они не могут думать самостоятельно.

Джек кивает. - Но знаешь ли ты, что у него начались проблемы с методами, которые хотел использовать СС? Он не соглашался с ними в некоторых вещах - я до сих пор не уверен, в чем именно. Так или иначе, у него начались проблемы с начальством.

Я тупо смотрю на него. - Нет, - отвечаю я. Я никогда не слышала, чтобы папа жаловался на свою работу. Но в моих последних воспоминаниях об отце я помню, как он волновался. Он сильно похудел. Какое-то время я волновалась, что он тоже болен, как и мама. - Почему ты так думаешь?

Джек выглядит удивленным. - Потому что я работал с твоим отцом над этим исследованием, - говорит он. Теперь я вспоминаю фотографию, на которой он и папа в лаборатории, рука отца мягко лежит на плече Джека.

- Меня завербовали сразу после окончания средней школы, на год службы, - продолжает Джек. - Я должен был быть только лаборантом, но доктор Филипп взял меня под свое крыло.

- Папа всегда любил безнадежные дела, - это вызывает у меня кривую усмешку.

- За месяц до смерти доктора Филиппа он меня уволил. Ни за что, - торопится сказать Джек. - Но он не хотел, чтобы я вмешивался в политику и беспокоился, что у него будут неприятности из-за некоторых его исследований, не хотел опорочить мое имя. Ни одна из его проблем так и не вышла наружу.

Потому что он умер. Потому что его убили. Я не могу позволить себе забыть или потерять концентрацию на этом.

- Итак, после того, как тебя уволили, - продолжаю я, - ты решил создать небольшую террористическую группировку...

- Группу протеста! - говорит Джек, повышая голос. - Есть разница.

- С моей точки зрения, нет.

- Может, ты стоишь не на той стороне.

Я закатываю глаза.

- Всегда были протестующие против СС, еще до гражданской войны. Как ты думаешь, Мальта хотела, чтобы ее столица была названа в честь города в Италии? Вы думаете, что люди

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

хотели переехать в район Фокра? Протесты начались здесь, на Мальте, и как бы она ни старалась, ПМ Янг не сможет уничтожить всех. Он бросает взгляд на дверь, за которой остались только Жюли и Ксавье.

- Раньше нас было больше, - продолжает он. - Раньше мы были сетью людей не только на Мальте, но и во всем СС. Мы были организованы, мы были сильны... И мы собирались изменить мир.

- Зунзана, - говорю я, пробуя это слово на вкус. Неужели это действительно то, о чем говорит Джек? Не террористическая группировка, а Сила добра?

- Зунзана, - задумчиво произносит Джек, - это старое мальтийское слово, означающее «Шмель», как ты и сказала. Пчелы были символом ума и жизни. А название нашей страны «Мальта» - значит «мед». - Как пчелы защищают свой мед, так и мы защищаем свою страну.

- Защищаете от чего? - спрашиваю я.

- От СС.

- СС ничем не хуже любого правительства, - говорю я. - И нам не нужна еще одна война, - Гражданская война началась задолго до меня, но там, где когда-то стояла столица Мальты, есть гигантский, заполненный морем кратер, который никогда не позволяет нам забыть о цене, которую пришлось заплатить.

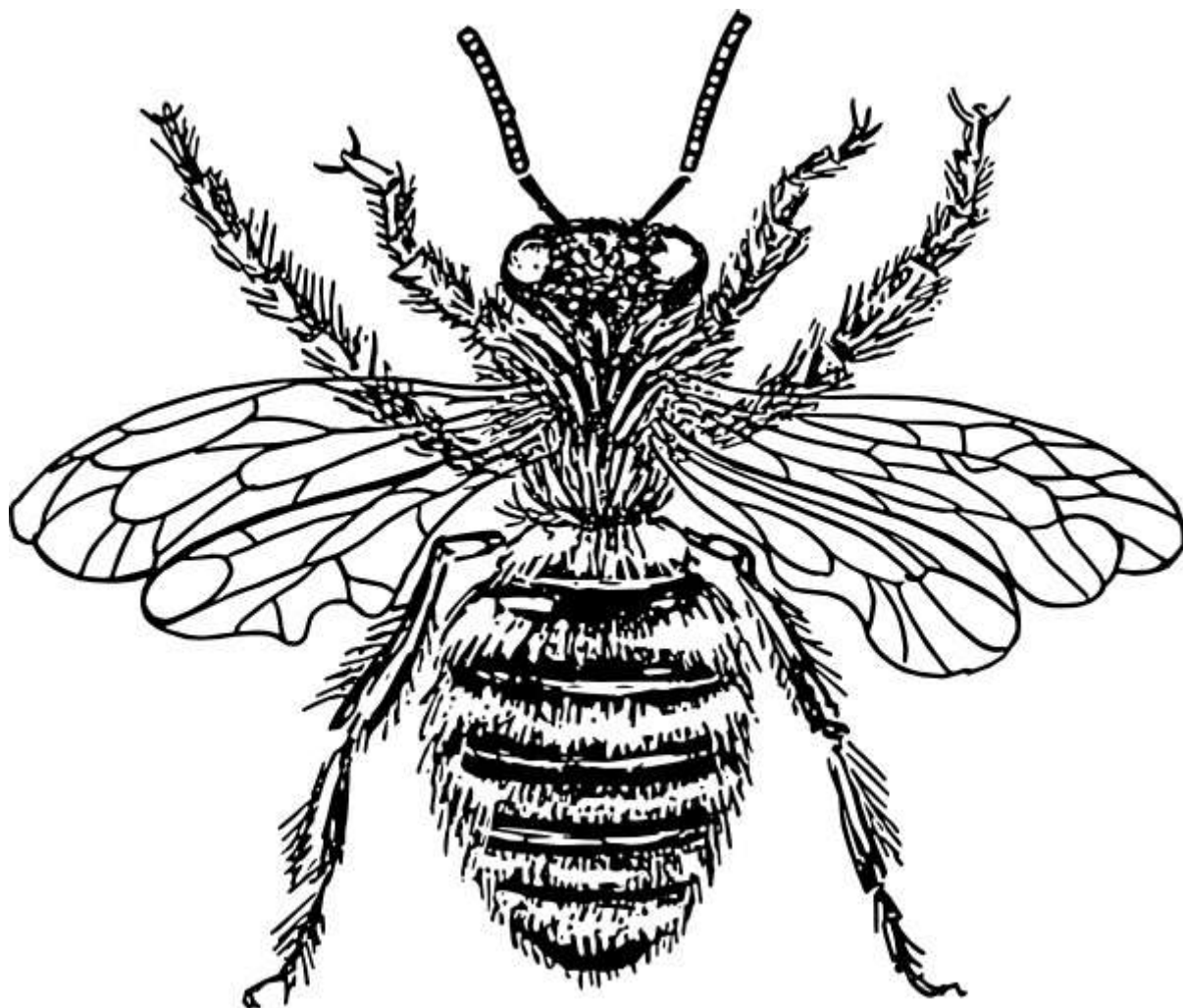
Джек издает разочарованный стон. - Как заставить тебя видеть? - спрашивает он. - СС готов контролировать нас любыми возможными способами. Только посмотри на свои наручники - посмотри, как правительство все контролирует. Думаешь, они делают это ради твоей безопасности? Они лгут. Это то, за что сражались Зунзаны - за что боролся твой отец перед смертью. Он не хотел, чтобы мы превратились в игрушечных солдатиков и марионеток.

- Оставь моего отца в покое, - огрызаюсь я.

- Как я могу? - ревет Джек, вскакивая. Он бросается на меня и останавливается прямо перед моим лицом. - Твой отец погиб, сражаясь с правительством, как и мои родители, и ты отвергаешь его жертву, как будто это ничего не значит. Возможно, тебе было легко забыть прошлое, но мне никогда не удавалось.

- Я ничего не забыла! - кричу в ответ. - Я просто не верю твоей лжи!

Лицо Джека застывает. - На самом деле? - спрашивает он низким и опасным голосом. - Это ложь? - прежде чем я успеваю что-либо сделать, кроме как ахнуть от шока, Джек прижимает меня к своему твердому телу, обнимая, и целует в губы.

Глава 32

Мои руки прижаты к его груди так, что я чувствую твердые очертания мускулов под кончиками пальцев. Долгое мгновение все, о чем я могла думать, это о его теле напротив моего, его губах напротив моих. А потом... Потом мои руки сжимаются в кулаки, и я отталкиваю его. Вытирая рот, смотрю на него.

- Как ты смеешь! - кричу я.

- Элла, я просто подумал... - сукин сын выглядит оскорбленным, что я оттолкнула его.

Я пересекаю небольшое пространство между нами, вскидываю руки и толкаю его так сильно, что он ударяется спиной о стену. - Не прикасайся ко мне больше, подонок! - я поворачиваюсь на каблуках и бегу к двери. Не думая о том, как горит мое тело, как я не могу избавиться от его вкуса во рту. Он не имел права.

Он хватается меня за запястье и тянет к себе. Я использую инерцию своего тела,двигающегося в его направлении, чтобы направить кулак ему в лицо, но он ловит мою руку на полпути. - Элла. Элла! Прости, ладно? Я просто подумал, может, ты меня вспомнишь.

- Вспомню тебя? Вспомню тебя?! Если ты хочешь, чтобы я это вспомнила, я рада, что забыла! Я вырываюсь из его хватки, но он легко отпускает мое запястье. Он выглядит расстроенным.

- Мы встречались год, - глухо говорит он.

Я смотрю на него.

- Ты говорила, что любишь меня, - говорит он. - Мы...

Я оборачиваюсь. - Хватит врать. Я никогда не встречала тебя прежде.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Его взгляд наполняет меня страхом и ужасом. - Я работал с твоим отцом. Я ужинал в вашем доме, с вашей семьей - вот как я тебя встретил. Мы были вместе целый год. Я был с тобой, когда тебя назначили стажером в Ревери на год службы, когда Акилу назначили на военную службу. Мы были... вместе, - то, как он произносит это слово, заставляет меня понять, что он имеет в виду нечто особенное.

- Нет.

Джек качает головой. Его рука тянется к собственному запястью - туда, где была бы запонка, будь она у него. Но какие бы доказательства он не собирался мне показать, они давно исчезли. Его рука опускается. - Как ты могла забыть меня? Нас?

- Потому что я никогда не встречала тебя раньше!

Он кажется таким потерянным, таким растерянным. Мой голос смягчается. Может быть, это не какой-то сложный трюк.

- Не знаю, за кого ты меня принимаешь, но я не та девушка, которую ты знал год назад. Мы никогда раньше не встречались.

- Ты - Элла Шепард, а я Джек Тайлер, - он произносит эти слова громко, словно подтверждая их истинность своей речью. - Мы были вместе целый год. Ты порвала со мной, и я пошел в армию. Я знаю тебя так же хорошо, как себя. Твоим отцом был Филипп Шепард, он был нейробиологом, специализирующимся в наноробототехнике и созданием интеллекта для Андроидов. Твоя мать - Роза Шепард. У нее болезнь Хебба, но до этого она разработала технологию, используемую в Ривьере, ведущем в мире психическом спа. У тебя за спиной год службы, и через несколько недель ты должна решить, поступишь ли ты в университет или пойдешь на работу, но в день смерти отца ты решила не поступать. Твоя лучшая подруга - Акила Сюэреб, и ты проплакала целую неделю, когда ее назначили в армию, не в качестве стажера, как ты. Ты носишь медальон с печеньем-предсказанием, который подарил тебе отец, когда ты переехала от Акилы, тебе было восемь лет, а внутри него файл, где вы вдвоем играете в Центральном саду, ловите светлячков после летней фиесты.

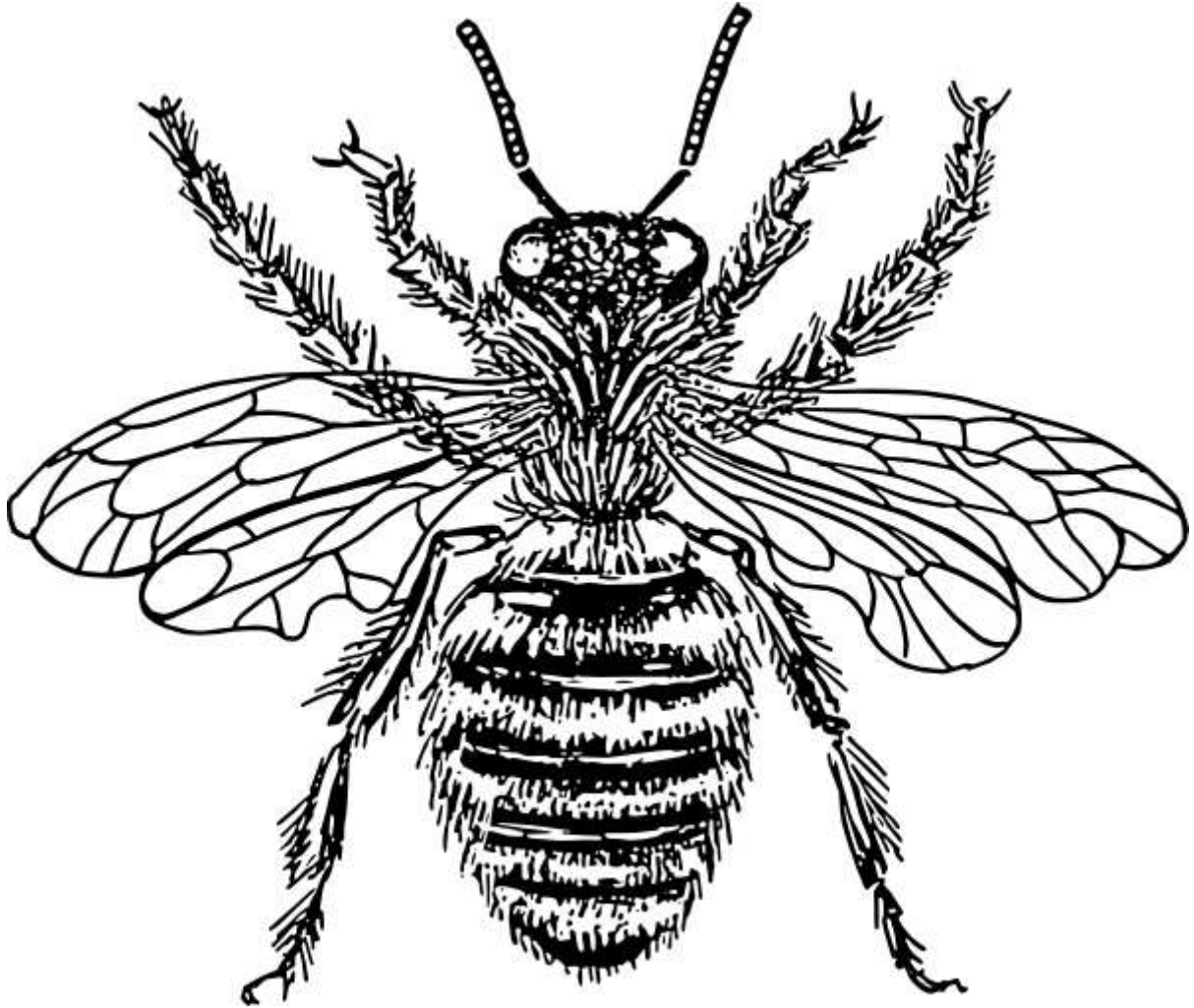
Мир вокруг меня начинает кружиться. - Откуда ты все это знаешь? - шепчу я.

- У тебя родинка под левым коленом в форме шоколадной крошки, - продолжает он громче, неуютно приближаясь ко мне. - У тебя был плюшевый мишка с зеленой бабочкой, но собака, которая жила в Рабате, съела его. Когда вы переехали, вам пришлось отдать собаку соседу, и ты неделю не разговаривала с отцом.

- Как?..

- Раньше ты хотела стать виолончелисткой, хотя и играть-то не умеешь, но никогда не говорила об этом родителям, потому что твоя мама считала, что ты пойдешь по ее стопам, будешь ученым. Но после того, как она заболела, ты не стала говорить ей, что меньше всего на свете ты хочешь изучать науку или медицину.

У меня даже нет возможности сделать вдох, чтоб заговорить. Я падаю прямо в лужу на полу. Джек садится передо мной на корточки и наклоняется ко мне. - Я знаю тебя, Элла Шепард. Вопрос в том, почему меня не знаешь ты?

Глава 33

- Это невозможно, - тихо, не желая верить, говорю я. Я хватаюсь за воздух, как будто тону, но этого недостаточно.

- Ты действительно совсем меня не помнишь?

Я бросаю на него раздраженный взгляд. - Думаю, я запомнила бы кого-нибудь столь же надоедливого, как ты.

- Но ты не помнишь. Несмотря на мою потрясающе красивую и незабываемую улыбку, - он ухмыляется мне.

Я толкаю его в грудь обеими руками, так, что он отшатывается, давая мне немного пространства. - Это не шутка, - сердито говорю я. Что-то серьезно не так. Он слишком много знает обо мне, то, чего не знал никто, даже Акила. Может быть, моя память действительно стерта... но нет. Нельзя просто выборочно стереть память. Я не забыла свое прошлое. У меня сводит живот. Может, он сможет сделать то же, что и я. Может быть, он каким-то образом нашел способ проникнуть в мой разум с помощью мечтаний, и покопался в них... но я не помню, чтобы у меня были мечты связанные с кем-то, кроме себя... но...

- Это похоже на то, что случилось с Акилой, - говорит Джек. - То же самое случилось с большинством из тех, кого я встретил в армии, - он заглядывает мне в глаза. - Поэтому я и ушел. Поэтому я присоединился к Джули и Ксавье. У правительства есть какой-то план - они заставляют людей забывать...

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

В моем разуме творится хаос. Все, что говорит Джек, невозможно. Но... это кажется правильным. Я стискиваю зубы. Хочу, чтобы он замолчал. Мне нужно выяснить - лжет ли он обо всем этом или мне действительно подчистили память? И если ее стерли... то кто?

- Что случилось с Акилой? - спрашиваю я. - Я видела дигифайл, который ты мне дал, но я не понимаю. Ее убили, а потом... что? Кого я видела в следующем видео?

Джек проводит рукой по волосам. - Хотел бы я знать. Я исследовал его, как мог, но он бросает вызов всем законам науки.

Раз Джек работал с моим отцом - он, должно быть, гораздо умнее, чем кажется.

- ... то, кем стала Акила... Она не может быть клоном - клоны растут с нормальной скоростью, и даже с ускорителями роста они не смогли бы вырастить ее так быстро. И, несмотря на это, кажется, она сохранила большинство воспоминаний. Ты не можешь просто щелкнуть выключателем и бац! Идеальная копия человека.

- Но новая Акила, она была... Более сосредоточена на борьбе - и вообще стала сильнее, быстрее, но вместе с тем и... жестокой, - последнее слово он произносит тихо, будто хочет, чтобы оно исчезло, как рассеивающийся дым.

Джек смотрит на меня.

- Акила не единственная. Я не могу сказать тебе, сколько изменившихся людей я видел. Я не могу этого объяснить. Но чем дольше ты на войне, тем меньше похож на себя.

- И ты ушел.

Я смотрю на пустое запястье Джека. Дезертир. Предатель. А может и нет. Можете ли вы предать правительство, которое уже предало вас?

- Я ушел.

Что-то внутри меня напряглось. Такое чувство, будто мне на сердце давит невидимая тяжесть. И я понимаю: я начинаю верить Джеку. Все, в чем я сомневалась, полностью совпадает с тем, что говорит мне Джек.

Стискиваю зубы. Я должна взять себя в руки. Я не могу позволить этому парню повлиять на меня. Возможно, я не могу доверять правительству, но и ему тоже.

- Итак? - спрашиваю я, уперев руки в бока.

- Итак, что?

- Так как же нам спасти Акилу? Если именно поэтому ты ушел из армии, почему ты решил присоединиться к ним - к этой Зунзана - что ты узнал? Как нам спасти ее?

Лицо Джека бледнеет. - Понятия не имею. Ксавье был студентом-медиком; у него есть несколько теорий, но...

- Ты не знаешь. Ты говоришь, что Акила испорчена, но ты не знаешь, как именно и как все исправить. Ты говоришь, что я запуталась, но не знаешь в чем. Ты говоришь, что не имеешь никакого отношения к взрыву андроида, который чуть не убил мою мать, но... Ты. Не. Знаешь. Кто. И ты говоришь мне, что я должна доверять тебе? Знаешь, что отвечу тебе на это? Я не знаю как.

- Ты нужна мне, Элла, - голос Джека срывается на моем имени. Этого достаточно, чтобы я остановилась. Он делает шаг ко мне, но я инстинктивно отступаю. Может, он и не является причиной восстания этим утром, но он по-прежнему связан со всем этим беспорядком, на его руках кровь. Только не знаю, чья именно.

- Зунзана нуждается в тебе.

Мои пальцы сжимаются в кулаки. Если все это лишь способ убедить меня присоединиться к его группе, то...

- Ты мне не доверяешь, - глухо произносит он.

- Конечно, нет, - немедленно отвечаю я. - Я тебя не знаю.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Чего ты от меня тогда хочешь? - Джек всплеснул руками. - Если бы я мог расколоть себе череп и позволить тебе прочесть мои мысли, как книгу, я бы так и сделал!

У меня перехватывает дыхание. Потому что я... я могу читать его мысли, как книгу. И я могла бы найти все секреты Зунзаны - я могла бы узнать все, о чем он молчит, правду обо всей ситуации. Это было бы последним доказательством, которое мне нужно передать мисс Уайт и ПМ Янг, и любая маленькая война, в которой Джек думает, что участвует - в какую бы паутину Акила не попала - может закончиться.

Он только что дал мне доступ к самой важной информации, которую мы когда-либо могли получить. Забудь о представителе Беллз и других мелких правительственных чиновниках, вовлеченных в мятеж. Джек внутри.

- Есть способ, - говорю я.

Джек с любопытством смотрит на меня.

- Я имею в виду, что могу выяснить, врешь ли ты или говоришь правду.

- Я слишком боюсь уколов, чтобы позволить тебе ввести мне сыворотку правды, - саркастически замечает он. - А мое лицо слишком красивое, чтобы выбить из меня правду.

Я заставляю себя рассмеяться. - Хватит об этом. Это... Это что-то из Ривьеры.

На лицо Джека падает маска. - Не уверен, что могу доверять хоть чему-то в психбольнице.

- Это простая процедура. Ты погружаешься в грезы, и у нас есть мониторы, которые показывают, говоришь ли ты правду. Все очень просто, - качаю головой. - Я это уже говорила. В любом случае, просто сделай это. И тогда я пойму, что ты...

- Говорю правду или нет? - заканчивает за меня Джек.

- Псих ты или нет.

- Та же разница, - эта глупая улыбка снова приклеилась к его лицу.

- Ты сможешь сам добраться до Ривьеры? - спрашиваю я. - Сегодня вечером?

Джек кивает. Он почувствовал настойчивость в моем голосе. - Встретимся в нашем старом доме.

Я тупо смотрю на него. Что-то темное вспыхивает в глазах Джека. - Точно. Ты же не помнишь наш дом.

Я качаю головой.

- На крыше.

- Часть его исчезла, - говорю я. - Он взорвался.

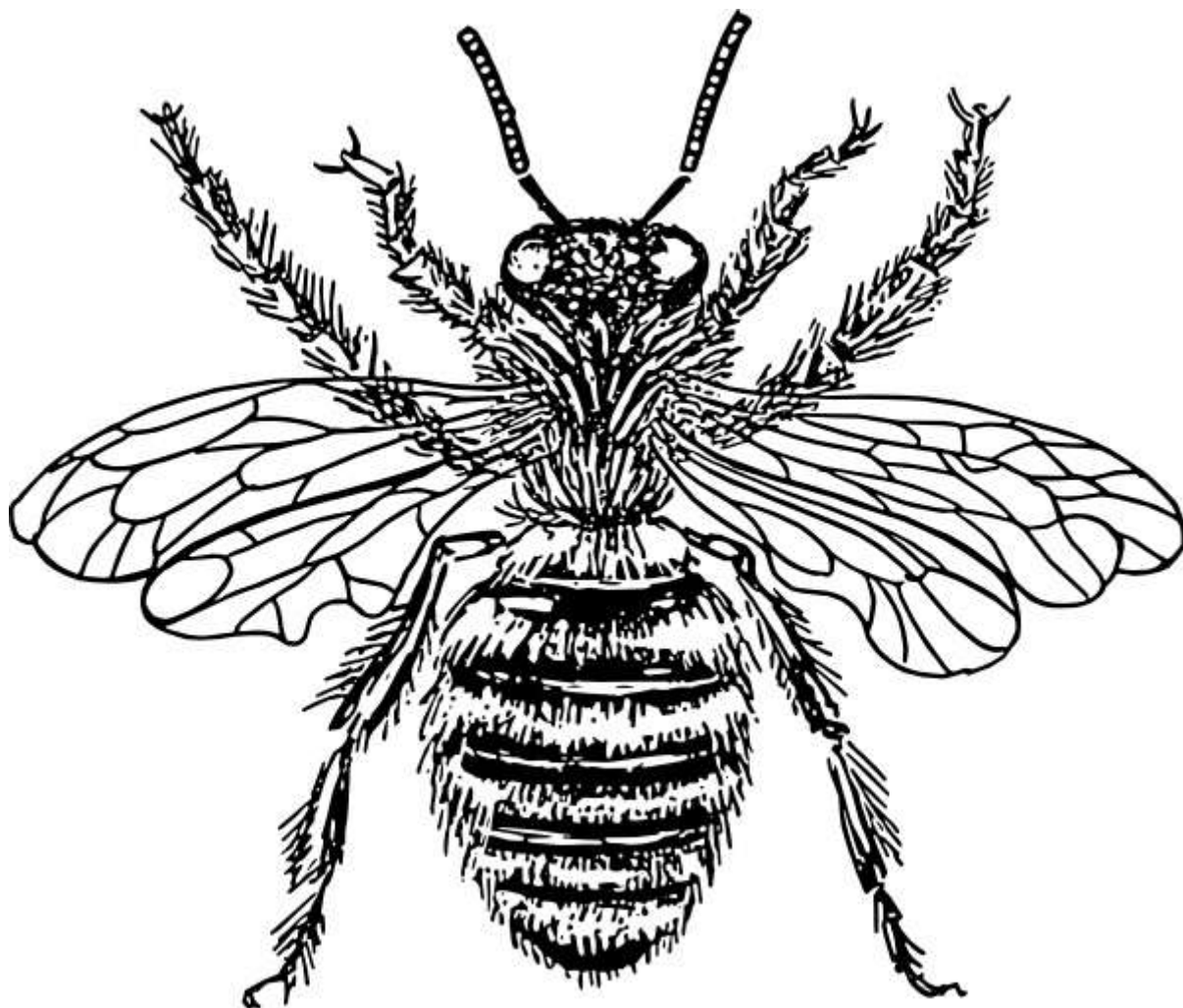
Глаза Джека слегка расширяются. Не думаю, что он осознавал, насколько близко к дому было нападение.

- Но сад цел, - говорю я. По крайней мере, я так думаю. Джек пристально смотрит мне в глаза.

- Я не доверяю ментальному спа. Но я доверяю тебе, Элла.

- Даже если я тебе не доверяю? - не могла не спросить.

- Даже тогда.

Глава 34

Джек показывает мне скрытый лифт внутри одной из колонн, на которых держался мост Верхнего города Новой Венеции. Он явно предназначен для рабочих, которые должны обслуживать электрические и канализационные потребности города, но мне все равно; я просто благодарна, что мне не нужно подниматься по лестнице, чтобы вернуться домой.

Лифт останавливается у триумфальных башен, и когда я прохожу мимо площади, меня поражает странная смесь цветов и пламени. На мраморе и известняке площади есть глубокие черные шрамы, огороженные желтой лентой. Толпы людей собираются на небольшом пространстве между отделенной зоной и воротами в Центральный сад, и оставляют цветы и записки, свечи и молитвы.

Я стараюсь избегать толпы. Мне достаточно пересечь Центральный сад, чтобы вернуться домой, но тут я вижу знакомое лицо.

- Она была вашей дочерью, не так ли? - тихо спрашиваю я.

Человек в мятом грязном костюме смотрит на меня. Глаза представителя Белл сухие, но это только от того, что уже больше нет слез. Он смотрит на белого плюшевого мишку с розовыми бантиками, точно такого же цвета, как платье его дочери.

- Откуда ты знаешь? - спрашивает он хриплым голосом. Интересно, как давно он здесь сторожит свою дочь?

- Я узнала ее по вашему профайлу, - вру я. - Тот, который был для ваших грез.

Представитель хватает меня за локоть и отводит подальше от толпы. - Грезы, - говорит он, и свет заполняет его пустые глаза. - Могу я снова увидеть ее в мечтах?

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Э-эм... - я колеблюсь. Сейчас ему, наверное, будет легко погрузиться в задумчивость, и это идеальное прикрытие для меня, чтобы проникнуть в его мысли и увидеть, что он скрывает от ПМ Янг. Но это так... так неправильно. Так неправильно пользоваться горем человека из-за потери жены и дочери, чтобы шпионить за ним.

- Пожалуйста, - говорит он, и теперь я замечаю осунувшееся лицо и темные круги под глазами.

Мой позвоночник напрягается. Независимо от того, кого убили террористы в этом восстании машин - и кто они такие на самом деле - вина за то, что он сделал, лежит у его ног, точно так же, как плюшевый мишка с розовыми бантами и увядающими цветами, усеянные мерцающими свечами. Я не могу позволить жалости скрыть от меня тот факт, что он был связан с изменническими заговорами и террористами, и что его семья заплатила за это. Это он играл с огнем, думал присоединиться к террористам. Я не могу думать о Зунзане, террористах или правительстве - мне просто нужно найти убийц.

Моя цель - остановить их.

Это то, что я могу сделать.

- Идемте со мной, - зову я. - Мы можем провести сеанс грез сейчас.

Когда мы добираемся до Ментального Сна Грез, я вздыхаю с облегчением, что мисс Уайт здесь. К ее чести, она немедленно поглощает представителя сочувствием, уводя его в комнату грез, давая мне время ускользнуть и войти в потайную комнату.

Руки трясутся, пока я готовлю кресло для грез, чтобы войти в сознание представителя Белл. Сглатываю комок в горле. Я не могу позволить себе погрузиться в кошмары, как раньше. Я не могу позволить себе галлюцинации, ни здесь, ни сейчас.

Слабый гул наполняет мои уши, когда ультразвуковой шлем нагревается. Это напоминает мне звук, который издавали андроиды перед тем, как взорваться. Я опускаю ультразвуковой шлем на голову и отключаюсь.

В голове представителя Белл бушует ураган. Как только я вхожу в его сон, я чувствую это. Воздух тяжел от запаха теплой влажной земли, и я слышу, хотя и не вижу, грохот волн и отдаленные крики, наполненные страхом. Там темно. Этот мощный шторм заливают улицы и топят лодки. Поначалу, из-за темноты, я боюсь, что это то, что старики называют хита тал-амриджа - шторм, когда песок из пустынь на юге переносится облаками и осыпается на Мальту. Постепенно мир проясняется. Свет жуткий, почти зеленый. Город заброшен - я даже не вижу здесь представительниц прекрасного пола.

Огромная капля дождя падает мне на плечо. Я вытираю каплю рукой, и та сразу становится красной. Определенно, это пылевая буря - иногда люди называют ее кровавым дождем, потому что Земля красноватая и оставляет все - окна, машины, одежду - в пыльном, темно-розовом цвете.

Снова идет дождь, словно стена из воды. Липкий, вязкий - не зернистый, как шита тал-амриджа. И тут я понимаю: это не грязная вода, падающая с неба. Это, буквально, кровь.

Я поднимаю голову, и капля крови попадает мне прямо в глаз. Ругаясь, вытираю лицо, пытаюсь стереть кровь, но она повсюду, словно я пытаюсь высохнуть посреди океана. Прикрывая лицо ладонью, смотрю в небо.

Я в центре циклона.

Гигантские белые облака кружатся надо мной, как спиральная галактика, глаз - крошечное темное пятнышко. Буря набирает обороты, хлещет кровавым дождем, как удары кулаков, ветер столь свирепый, что рвет одежду и режет кожу.

В голове представителя Белл крутятся мрачные мысли - кровавые мысли - и они вызвали самую большую бурю, которую я когда-либо видела. Я закрываю глаза, когда над головой раскатывается гром, молния шипит и потрескивает так близко, что волосы на руках встают

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

дыбом. Представитель Беллз здесь, где-то в этом шторме. Я должна найти его. Я должна остановить циклон. Я должна погрузить его в мирную задумчивость, что-то, за что он сможет держаться, пока я роюсь в его мозгу в поисках ответов.

Я сосредотачиваюсь на том, чтобы остановить кровавый дождь. Капли падают все медленнее и медленнее. Делаю глубокий вдох, представляя, как облака распадаются, превращаясь в пушистые кусочки сахарной ваты. Я не открываю глаз до тех пор, пока шум дождя не стихает и я не чувствую тепло средиземноморского солнца на своем лице.

Однако когда я поднимаю глаза, вихрь все еще никуда не делся - это просто яркие белые облака, никакого дождя. Он нависает над нами, напоминая о том, что сознание представителя не может быть полностью очищено от его насущных мыслей. Но так как больше не льется кровь, а гром и молния прекратились - я оставляю его.

Солнечные лучи из облаков прекрасно освещают представителя. Он лежит на земле, весь в крови. Поначалу я думаю, что он ранен - редкое зрелище в мечтах, будь они счастливыми или нет. Но потом он моргает, белки его глаз невозможно ярко выделяются на темно-красном лице, и я понимаю - он не пропитан собственной кровью. Эта буря была хаосом его разума; кровь была кровью его жены и дочери, лежащих мертвыми на земле перед ним.

- Простите меня! - он кричит на их тела. - Простите меня!

Представитель хотел снова увидеть жену и дочь, но не для того, чтобы вновь пережить счастливые воспоминания. Это было извинение, а извинение означает, что он помнит, что произошло, а это значит, что он оказался в ловушке кошмара, который уже сбылся. Я должна заставить его погрузиться в другую задумчивость, такую, чтобы он мог забыть.

Я закрыла глаза и сосредоточилась.

- Что ты делаешь, мальчик? - спрашивает грубый голос.

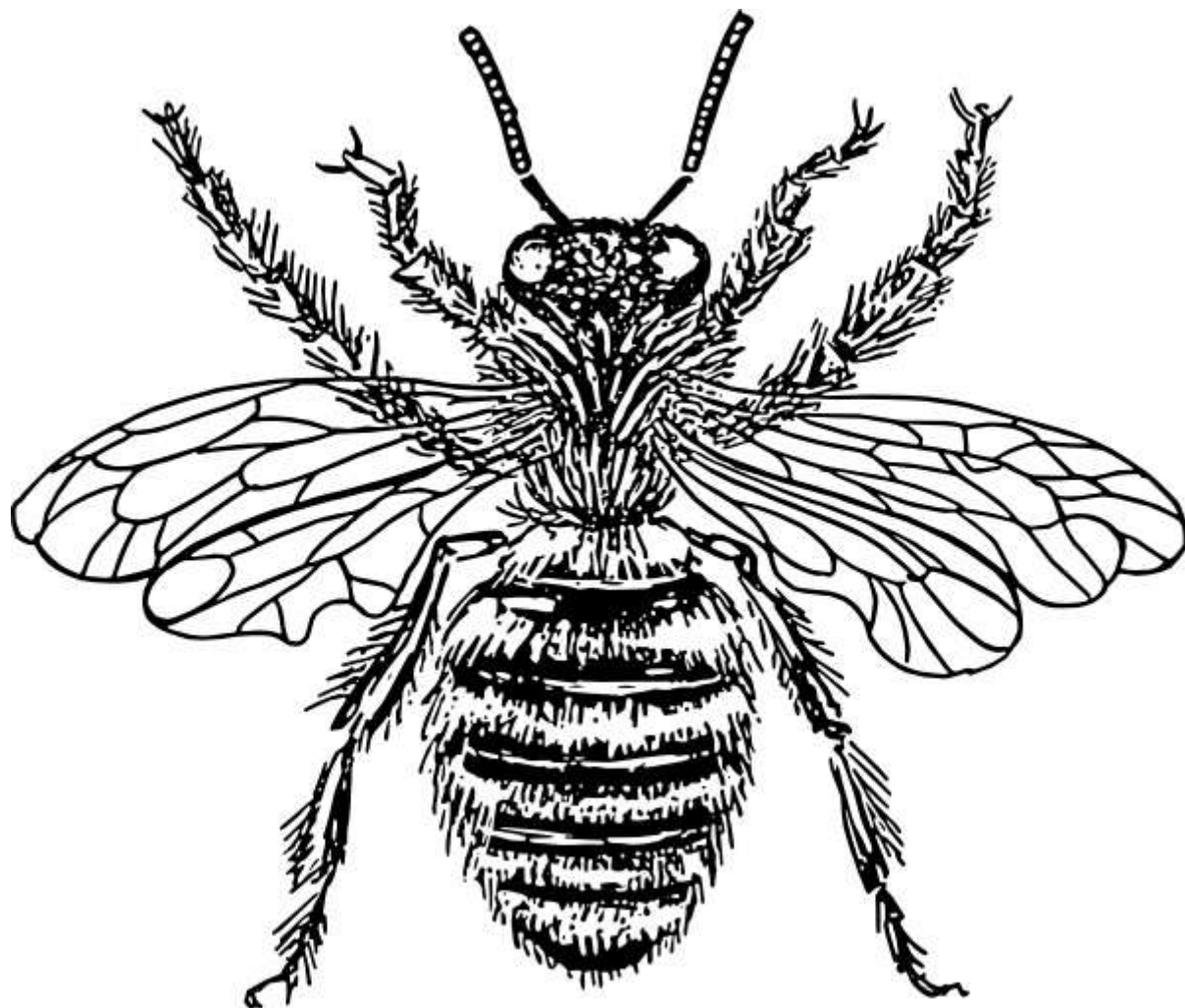
Представитель смотрит на деда. Пока он смотрит на него, город растворяется в апельсиновой роще, а печаль представителя Беллз постепенно тает, откидывая его воспоминания в то время, когда он еще не стал отцом, до того, как у него появились обязанности, до того, как он стал виновен в их невыполнении. Но тела по-прежнему там. Он почти спотыкается о них, приближаясь к деду.

- Они ушли, - глухо говорит представитель Белл.

- Семья никогда не исчезает, - говорит дед.

На моих глазах кровь медленно блекнет, а вместе с ней и последние страхи и тревоги представителя Белл. На какое-то мгновение он погрузился в задумчивость. Он заново переживает свое детство. На горизонте темные тучи — он еще не все забыл — но и этого уже достаточно.

- Я могу приступить к работе.

Глава 35

В прошлый раз я искала вслепую, надеясь наткнуться на что-нибудь полезное. Но в этот раз, когда я сама лично леплю образы и мечты представителя Белл, я точно знаю, что ищу.

Я направляю сознание представителя Белл в кабинет, заполненный шкафами с картотекой. В каждом шкафу есть папка. В каждой папке - память. Хрустнув костяшками пальцев, я начала копаться в его мозгу.

В воздухе разносится музыка. Я... я знаю эту песню... «Лунная река» - любимая мелодия отца. Я медленно поворачиваюсь. Вдали, почти вне поля зрения, представитель беседует со своим дедом. Но здесь, рядом со мной...

- Папа? - неуверенно спрашиваю я. Но там никого нет. Только музыка и ощущение, что за мной наблюдают.

Я пожимаю плечами и снова возвращаюсь к мыслям представителя Белл. И, наконец, вижу именно то, что искала. Картотечный шкаф с написанной от руки, зелеными чернилами того же цвета, что и наркотик грез, этикеткой.

«Джек Тайлер».

Заперто. Мои напряженные пальцы дергают ящик, но он не поддается. Не могу его открыть.

- Как думаешь, почему? - интересуется голос. Я оборачиваюсь, сердце бешено колотится. Вдали, почти вне поля зрения, представитель беседует с памятью своего деда. Но здесь, рядом со мной...

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Папа? - зову его. Папа не останавливается, кружа маму - молодую маму, здоровую - в такт музыке. Они раскачиваются вместе, кружатся, смеются и игнорируют меня.

Сон смазывается. Их движения становятся дергаными, как при помехах. Изображение родителей, танцующих, останавливается и возобновляется на несколько секунд, как поцарапанный диджи файл.

Они не реальны. Я знаю, что они не настоящие. Здесь, во сне, нет ничего реального. Но они не являются реальной частью мира снов.

Нет, конечно. Они не являются частью мечты представителя Белл. Они - часть меня.

- Уходи, - говорю я как можно тверже.

Я слышу тихое жужжание в глубине сознания.

- Не могу! - кричит он через мамино плечо. Она прислоняется к нему, словно не замечая ни меня, ни папу. - Это твои мечты. Ты контролируешь нас.

- Это не мои мечты! - я подхожу ближе к родителям, но с каждым шагом они становятся все дальше и дальше, будто изящное движение, часть танца. Но они всегда вне досягаемости для меня.

- Как и этот картотечный шкаф, - добавляет папа, кивая головой туда, где я работала. Я разворачиваюсь на каблуках как раз вовремя, чтобы увидеть, как запертый шкаф с именем Джека исчезает в клубах зеленого дыма.

- Это не мое, - словно оправдываюсь я. - Я в грезах представителя Белл.

- Ты, Элла. Это ты видишь сны в картотеке, - папа поворачивает маму на каблуках, и она хихикает. - Картотечные системы устроены так же, как и компьютеры. Давным-давно, когда их только изобрели, разработчики организовали систему тем же образом, каким устроены обычные картотеки, потому что именно это они использовали для классификации и ведения записей. Мы больше не используем картотеки, но компьютеры по-прежнему используют. Это эффективный способ организации.

- Спасибо, папа, - говорю я, проходя мимо него. - Будто я андроид с компьютером вместо мозга.

- Именно на этом были сосредоточены мои исследования. Мозги андроидов и наноботов, наноботов и мозги андроидов.

- Я знаю, - пытаюсь отодвинуться от мамы и папы, но, они все так же кружились вне моей досягаемости, но теперь они, наоборот, начали наступать.

- Уходи, - повторяю я, на этот раз в моих словах слышится отчаяние. - П-п-п-пожалуйста, - заика-придурок-придурок. Мое тело дергается. Я то появляюсь, то исчезаю. Боже. Я вглядываюсь в ярко-белые клубящиеся облака циклона, затмевающие все мои мечты. Что, если я проснусь, пока буду в мыслях представителя Белл? Что будет с ним?

Что будет со мной?

- Эл-ла-а-а! - зовет отец, продолжая кружить маму. Ее платье развевается вокруг лодыжек, черно-красное, расшитое бисером, постепенно превращаясь в пушистое белое свадебное платье, которое тут же испаряется на моих глазах, оставляя после себя пропитанный соленой водой саронг (Прим. ред.: Саронг - традиционная одежда ряда народов Юго-Восточной Азии и Океании.). А следом и он падает с ее бедер, обнажая обтягивающую шелковую сорочку.

- Па-а-ппа? - я начинаю заикаться.

Я хватаюсь за голову. - Что про-про-происходит?

Музыка смолкает. Родители исчезли. Тишина. Что это было?

Я делаю глубокий вдох. У меня нет времени сходить с ума. У меня есть работа, а представитель может проснуться в любую минуту. Я снова поворачиваюсь к шкафам. Ящика с именем Джека больше нет, но я открываю ящик с надписью «Z».

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Неуместная папка с файлами — неуместная память - шлепается на пол, будто движется по собственной воле. Поднимая ее, зачитываю этикетку.

«Наноробототехника и управление «Киборг» в теории Андроида: связь между биологией и технологией».

Что-то похожее на каплю дождя падает мне на шею. Я потираю ее, вскидывая голову вверх: тучи сгущаются. Неужели представитель Белл выходит из задумчивости и попадает в кошмар? Но когда я смотрю мимо своего рабочего места, то вижу, что он все еще разговаривает со своим дедом, совершенно не зная о темнеющем небе.

И тогда я понимаю от чего небо начало темнеть. Рой пчел опускается в воронкообразное облако. Надвигающийся циклон состоит отнюдь не из облаков, нет. Он состоит из пчел. Вихрь черно-желтых, жалящих насекомых. Они гудят так громко, что все мое тело начинает вибрировать.

Я кричу и тут же падаю на землю, закрывая голову.

Пчелы роятся надо мной. Я снова кричу, и тогда они заполняют мой рот. Пушистые тела давят на внутреннюю часть щек, жала стучат по зубам. Они проваливаются мне в горло, и я, почти задохаясь, глотаю их. Жала царапают пищевод, а жужжание заполняет мой живот. Пчелы кусаются и жалят щеки... они проедают во мне дыру... пчелы выпадают из проеденных дыр на моем лице. Гной и кровь вытекают из меня обильным потоком, кажется, будто я таю.

Пчелы зарываются в мою плоть, под кожу. Они ползают по моим пазухам, их маленькие ножки дергают меня за волосы в носу. Они запихивают свои жирные тела в мои слуховые каналы, наполняя мозг жужжанием, царапая своими жалами чувствительную кожу моего уха. Они льются из моих глаз, как слезы.

Пчелы, пчелы, пчелы повсюду, и они едят меня живьем.

Я кричу, но из меня выходит только «бж-ж-ж-ж-жб-ж-ж-жб-ж-бжбж-ж-ж-ж-ж»

- Элла? - зовет отец. - Элла, вставай. Что ты делаешь на полу?

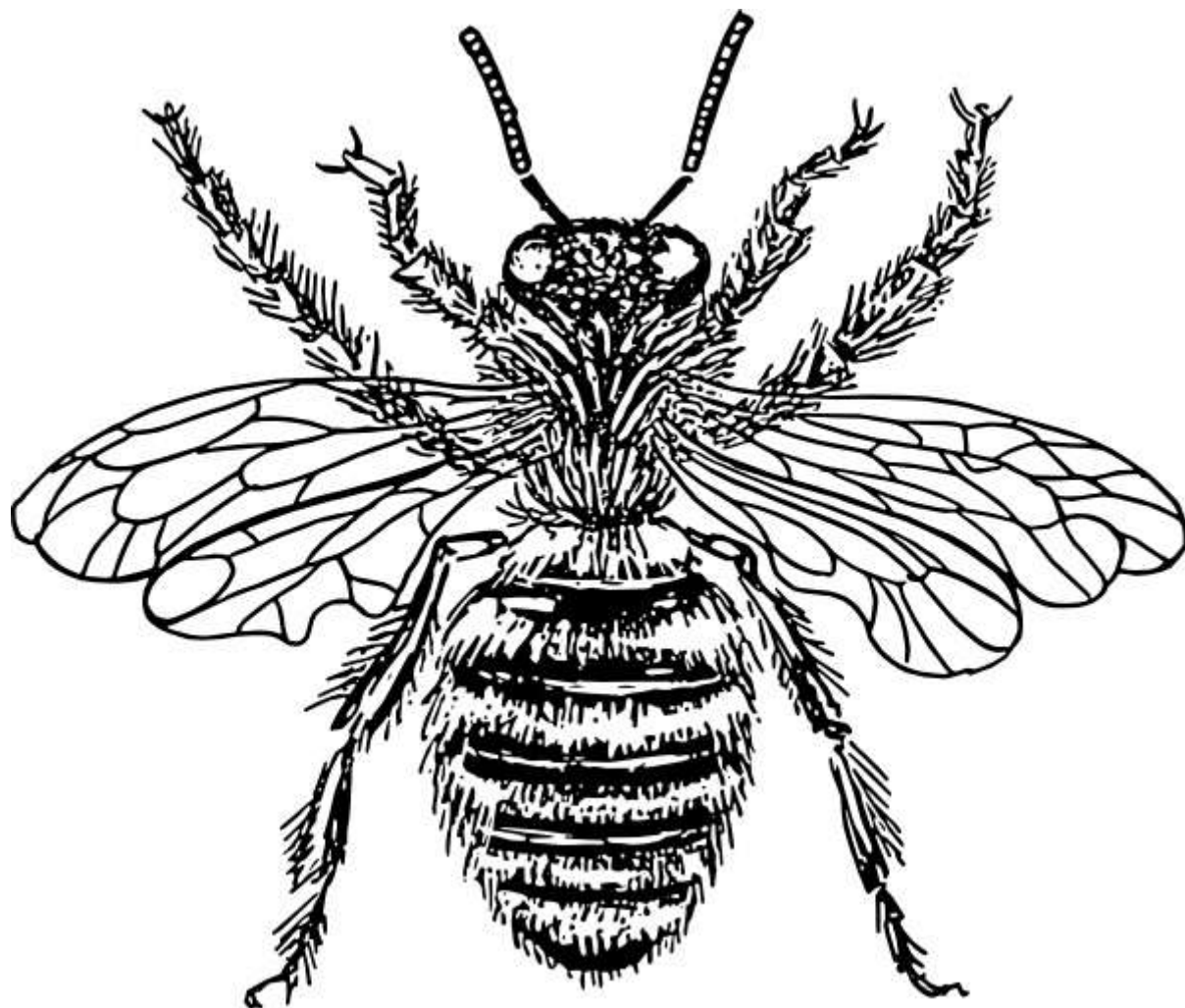
Я открываю глаза.

Пчел нет. Где-то там представитель Белл совершенно спокоен в своих собственных мечтах. Отец стоит надо мной с разочарованным видом.

- Правда, Элла, - насмешливо говорит папа. - Ты собираешься ж-ж-ж проснуться ж-ж-ж? Или нетж-ж-ж.

Слезы и сопли текут по моему лицу. - Иначе что? - шепчу я надтреснутым голосом, раздутым от сотен пчелиных укусов.

- Иначеж-ж-ж, - говорит он, насмешливо глядя на меня, когда одна пчела ползет по его лицу, а ее острые лапки прокалывают кожу под левым глазом, - ты ж-ж-ж сойдешь с ума.

Глава 36

Я резко просыпаюсь и скидываю с себя ультразвуковой шлем. Грудь тяжело вздымается, сердце бешено колотится. Широко раскрытыми глазами смотрю вникуда. Я должна рассмотреть реальную вероятность того, что я, буквально, схожу с ума.

Свернувшись калачиком на боку, подтянула колени к груди и больно прижала к креслу. Становится хуже. Более продолжительные галлюцинации, ужасы все ярче – более неконтролируемые, как шторм, циклон. Возможно, не разум представителя Белл был таким хаотичным и жестоким. Может быть, это я отравляла его разум.

Что происходит, когда я теряю контроль? Что происходит, когда не могу остановить бурю, когда не могу избежать кошмара? Я в ужасе смотрю на кресло. Что, если я застряну в грезах? Нельзя представить более совершенный ад, чем быть пойманным в ловушку в собственном уме.

– Я так рада, что на этот раз все прошло спокойно и мирно! – голос мисс Уайт разносится в комнате на второй камере. Я замираю. Мне так хотелось поскорее убраться отсюда, что я забыла, насколько важен этот сеанс.

Ответ представителя Белл слишком низкий, чтобы я могла разобрать, но он, кажется, довольно положительно относится к грезам. Я включаю видео и вижу, что мисс Уайт назначает ему новые встречи. Меня охватывает тревога – чем больше встреч, тем больше времени я провожу в его мечтах, а значит, больше шансов застрять в кошмарах. По коже бегут мурашки от ощущения воображаемых пчел.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я все еще в комнате грез, когда мисс Уайт открывает дверь. – Элла! – восклицает она. – Ах, милая девочка! Что ты обнаружила?

Я уклоняюсь от вопроса. – У Белл были хорошие грезы?

Улыбка мисс Уайт исчезает. – А есть причина, по которой они не должны были быть?

– Мне было трудно проникнуть в его мысли, – говорю я.

Мисс Уайт тяжело присаживается рядом со мной. – На снимках нет ничего необычного, – говорит она. – Я заметила, что во время раздумий представитель часто двигал руками, как будто пытался отмахнуться от насекомых.

Или пчел...

– Он был на улице со своим дедом во сне, – говорю я. – Там были жуки.

И сто миллионов пчел.

– Ты обнаружила что-нибудь полезное? – спрашивает мисс Уайт.

– Я думаю, что дедушкины грезы происходят из его мыслей о семье – что понятно, учитывая обстоятельства.

– Но у него были грезы о своем дедушке до того, как на его семью напали. Им угрожали до взрыва андроида?

– Мисс Уайт? – спрашиваю я, заглядывая ей в глаза. – Вы... вы беспокоитесь?

– Беспокоюсь?

– То, что мы делаем... правильно?

– Я... я не уверена, – признается она. – Я хочу защитить нашу нацию, нашу семью, чтобы сепаратистская война никогда не повторилась, но...

Но.

Она потирает свою железную руку, которую она потеряла на войне. – Это было ужасно, – говорит она, отводя от меня взгляд. – Война. Я даже не видела никаких сражений, но я была там, когда Валлетту бомбили, я видела, как город тонул в море... – ее голос срывается, и я вижу непролитые слезы в ее глазах. – Да-да, это того стоит. Если мы сможем гарантировать, что такая война никогда не повторится...

Я прикусываю губу. – Не уверена. Быть может, некоторые войны стоят того, чтобы воевать...

Мисс Уайт кладет руку мне на колено. – Это террористы, они убили твоего отца, Эллу, – говорит она. – Что может быть страшнее, чем сражаться с ними?

Я киваю, но больше не смотрю ей в глаза. Это неправильно. Джек не был похож на террориста, и я не думаю, что он в принципе причастен к убийству отца.

– В любом случае, грезы, – добавляет мисс Уайт, – помни: грезы часто бывают символическими, как сны. Если у него была какая-то неотложная мысль, она должна была появиться в его грезах.

Я тупо смотрю на нее. Я чувствую себя такой опустошенной. – Грезы начались со шторма, – говорю я.

– Шторм?

Я киваю. – Циклон. Но поскольку с неба падала только кровь, я почти уверена, что это было связано с тем, как его жена и дочь были убиты вчера.

– О, Эллу, – говорит мисс Уайт, обнимая меня. – Какой ужас! – она железной рукой сжимает меня еще крепче, прижимая к себе.

Я отталкиваю ее. Не хочу, чтобы меня трогали. Не хочу думать о циклоне, пчелах, моем отце. Мисс Уайт выглядит немного обиженной, когда я отдаляюсь от нее, и я чувствую себя виноватой. Она ведь здесь только для того, чтобы помочь моей маме и после того, как она узнала, что я могу помочь правительству. Она не виновата, что я начинаю сомневаться во всем, включая правительство, на которое она работает. На которое Я работаю, напоминая я себе.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

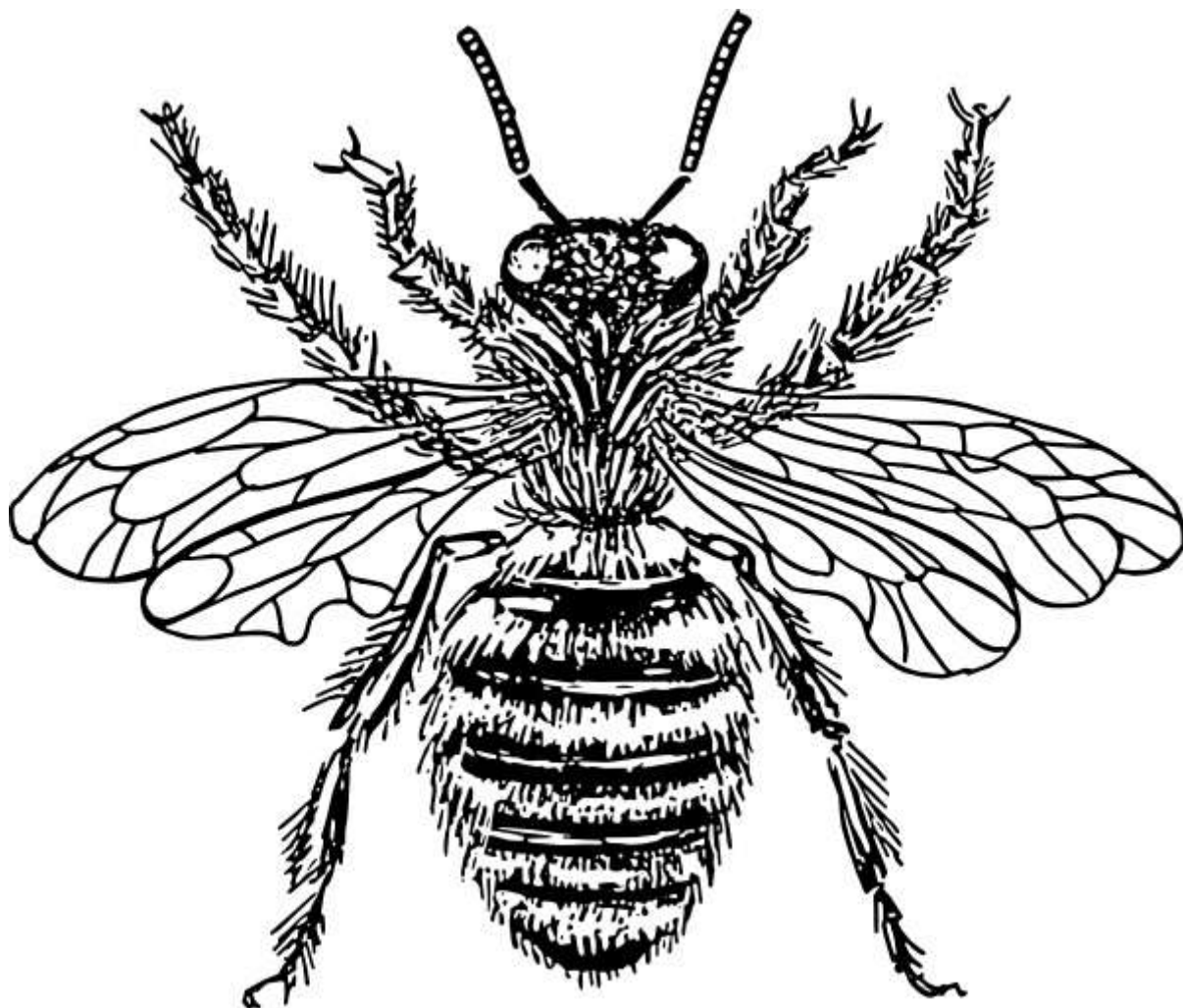
По крайней мере, пока.

Сегодня, я получу ответы сегодня вечером, когда ворвусь в сознание Джека. Кожу покалывает, и я вспоминаю, как тысячи пчел жалили и поедали меня изнутри. И вдруг мне становится страшно. Может быть, я утратила способность проникать в чужие сны. Может быть, если я войду в сознание Джека, я никогда не смогу уйти. Пчелы проглотят меня живьем.

И тогда, как сказал папа, я сойду с ума.

Я прикусываю губу. Ведь папа ничего не говорил. Все это было галлюцинацией – включая его самого.

Может, я уже сошла с ума.

Глава 37

Я та еще сова, но за кофе обычно добираюсь только часам к десяти. Не очень-то мне хочется свалиться перед Джеком от недосыпа. К полуночи я превращаюсь в сплошной нервный комок.

Я не должна этого делать. Не должна впускать члена Зунзаны в свой дом, где находится мама, где есть Грезы. Я должна ввести код «паника» на манжете, как только увижу его.

Я должна.

Вместо этого я поднимаюсь по небольшой лестнице в конце коридора, что ведет в сад на крыше. Мама часто проводила здесь время, постепенно засаживая террасу перцем помидорами, фасолью и горошком, вьющимися желтыми розами и веточками незабудок, спрятанными по углам. Теперь сад совсем не такой цветущий, как до болезни мамы, но все еще подает признаки жизни.

Скамейка у водоема обычно завалена инвентарем: грязной лопаткой, несколькими ведрами и корзинкой, в которой я собираю овощи. И сейчас на ней сидит Джек. Хоть я и ждала его, но видеть человека, который тесно ассоциируется с терроризмом, сидящим на крыше моего дома, - странно.

Толстый жук пролетает мимо моего уха, и я яростно отмахиваюсь от него, подпрыгивая от жужжания. Это всего лишь жук, но сердце колотится просто бешено.

Пчелы. Повсюду пчелы. Ползут под кожей, пережевывая мою плоть.

Я подавляю дрожь.

– Давай покончим с этим, – прошу я.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Джек встает.

– Значит... все, что нужно, – это только чтобы я погрузился в грезы, и тогда ты снова мне поверишь?

Что-то вроде того.

– Да, – отвечаю я.

Джек хлопает в ладоши, как будто только что закончил что-то строить и гордится своим достижением.

– Прекрасно! Чем скорее ты снова начнешь доверять мне, тем легче будет. Хотя, честно говоря, я понятия не имею, как ты можешь мне не доверять. Посмотри на меня. – Он выпячивает подбородок и ухмыляется. – У меня очень «надежное» лицо, тебе так не кажется?

– Помнишь, как я ударила тебя у могилы отца? – спрашиваю сентиментальным голосом.

– Да, – осторожно отвечает Джек.

– Ты хорошо смотрелся с разбитой губой.

– Стыд – это исцеление. Я выглядел немного опасным, да?

– Я могу ударить еще раз, если хочешь.

Джек вскидывает руки.

– О, нет, не могу причинять тебе такие неудобства.

– С удовольствием сделаю это снова.

Джек отрывисто смеется, пока доходим до лестницы.

– Тихо, – приказываю я.

Он вскинул бровь.

– Не хочешь, чтобы кто-нибудь увидел, как ты крадешься с таким чертовски красивым мной?

– Не хочу будить маму.

К его чести, Джек тут же трезвеет. Он молча спускается за мной по лестнице. Мы крадемся мимо маминой комнаты, через квартиру. Джек реагирует только тогда, когда видит зияющую дыру там, где когда-то была наша комната интерфейса – а ныне обгоревшие останки, накрытые брезентом.

Джек открывает рот, но не издает ни звука. Он просто смотрит на всю эту разруху, пока я не тяну его за руку к двери, а затем к лифту, который ведет вниз, на этаж спа ментальных Грез.

– Итак, эти грезы... – начинает он нервно, когда двери лифта открываются.

– Мечтать не трудно, – отвечаю я. – Так же легко, как засыпать.

– О, я знаю, – говорит Джек. – У меня уже был такой опыт.

Я недоверчиво смотрю на него.

– Я имею в виду, что у военных есть нечто подобное, – уточняет он.

– Нет, это придумала мама, она не продала свою формулу.

Джек пожимает плечами. – У них были комнаты отдыха после интенсивных тренировок или стычек.

– Это совсем другое дело, – говорю я, когда мы достигаем подвального этажа здания. – Ладно, значит, грезы – это в основном сны о воспоминаниях. Мне нужно, чтобы ты сосредоточился на воспоминаниях обо мне. У нас есть мониторы, которые могут показать, снится ли тебе то, что действительно произошло, или ты это выдумываешь.

– То есть, я всегда могу сказать, что мечтаю о тебе с тех пор, как мы встретились, но на самом деле мечтаю о чем-то другом. Тогда ты не узнаешь, реален мой сон или нет.

Я злобно ухмыльнулась, открывая дверь в комнату грез. – О, я узнаю, поверь.

Джек прыгает в сенсорное кресло, как в шезлонг, и протягивает руку за электродами. У него нет подходящего наруча, поэтому это усложняет процесс мечтаний, но не делает невозможным.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я опускаю ультразвуковой шлем на голову Джека и даю ему затянуться ярко-зеленым наркотиком грез. Когда он засыпает, я бесшумно выскальзываю из сенсорной камеры в рубку управления. После чего включаю сканирование мозга и настраиваю монитор, который показывает активность мозга. Я хочу знать, являются ли воспоминания, за которыми я собираюсь шпионить, правдой или же воображением.

Добравшись до второй камеры, я работаю быстро, подключаясь к механизму и накачивая себя еще большим наркотиком грез. Не имеет значения, что я выпила четыре чашки кофе – как только наркотик попадет в мой организм, я отключусь.

Меня ошеломляют виды, запахи, звуки всей Новой Венеции. Свет становится ярче, воздух пропитан запахами пастицци* (*Прим. ред.: Пастицци – традиционные мальтийские булочки с сыром или другими наполнителями) и медовых колец, гудки и сирены так раздражают, что я закрываю уши руками. Я не могу сосредоточиться в этой какофонии звуков.

В центре столпотворения – грезы, но не совсем те, что я знаю. Прыгающая неоновая овца больше и блестит ярче, мигающий лозунг мигает беспорядочно.

Это память Джека, и для него новая Венеция была хаотичной массой образов и звуков. Интересно, как долго он был в городе на тот момент. Интересно, он все еще считает новую Венецию такой же? Для меня город так же удобен, как и моя квартира.

Джек начинает входить в Спа-салон Ментальных Грез, но колеблется. Он, кажется, испугался. Затем останавливается у окна, нервно проводит пальцами по волосам, пытается пригладить их. На нем мятый костюм и начищенные ботинки. Он пытается поправить галстук в отражении на блестящей поверхности окна.

И затем...

Я иду к нему.

Я.

Это не я – это воспоминание обо мне. Воспоминание меня более совершенно, чем настоящая я. Она больше похожа на лучшую версию меня; на то, как я хотела бы выглядеть, чем на то, какая я на самом деле. На мне черная майка, джинсы, кроссовки и подвеска в виде печенья. Волосы собраны в хвост. Кажется, я возвращалась с йоги в Центральных Садах – я занималась этим до того, как маме стало хуже. В воспоминании я занята своим наручКОМом, просматривая сообщения.

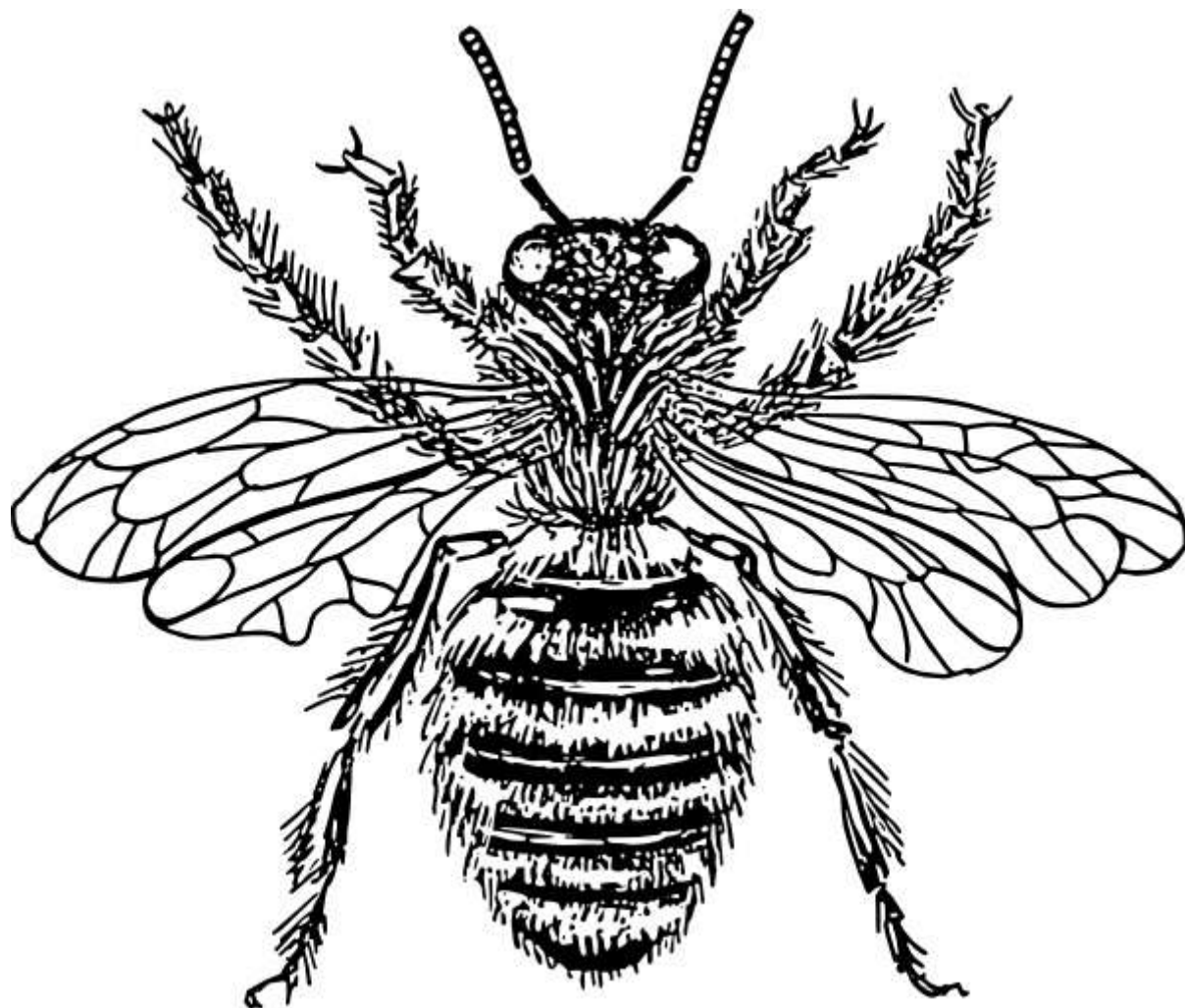
Я смотрю, не в силах оторваться от воспоминаний Джека.

А затем Джек отворачивается от окна, где в отражении поправлял галстук, и видит меня. Город исчезает.

Сонный пейзаж – серый и пустой, не бесплотный, просто пустой. В какой-то момент город был там, такой властный и огромный, а в следующую секунду он исчез.

Это происходит так внезапно, что я начинаю задыхаться.

Значит, это правда. Джек действительно встречал меня раньше. И когда он увидел меня впервые, весь мир для него померк.

Глава 38

Я не могу понять, что вижу.

Я... я и понятия не имела, что когда-то встречала Джека. Но когда он увидел меня в первый раз... он видел только меня, все остальное исчезло. И через его глаза – это была та самая Я, которой мне хотелось быть. Он видел меня лучше, чем я есть на самом деле.

Едва дыша наблюдаю, как мы разговариваем в его воспоминании. Мир вокруг Джека и его воспоминания обо мне медленно всплывают, но грань исчезает. Свет теперь тусклый, едва видимый. Звуки приглушены. Запах лимонов и лаванды – как и мой шампунь – сильнее запахов еды, продаваемой уличными торговцами, вездесущая соленость в воздухе.

Я изменила восприятия Джеком мира.

Его воспоминания ускоряются по мере того, как он следует за воспоминаниями – я погружаюсь в грезы. Он встречается мисс Уайт, они разговаривают. Мои глаза танцуют над картиной воспоминаний Джека в первые дни его работы в Грезах в качестве помощника мисс Уайт. Она никогда не позволяла ему заниматься серьезными делами, но он поддерживал графики и данные, помогал ей с клиентами-спа, но не с грезами.

И я замечаю, что он смотрит на задний план, а не на нее. Он смотрел на меня.

Теперь, когда я вижу его воспоминания, это так странно. Но я не могу не обратить внимание на то, как Джек думает обо мне в своих воспоминаниях. В каких бы воспоминаниях я не появлялась, его мир становился сразу ярче, слаще. За пределами моего сияния он тусклый и темный.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Вскоре память Джека замедляется – примерно через месяц после того, как он начал работать в Грезах. Он видит, что я плачу. Я помню ту ночь. Не Джек, – но я помню, как плакала, сидя на скамейке на крыше нашей квартиры. В тот вечер мамы врачи заговорили об уходе после смерти, и их лечение было направлено на то, чтобы мама чувствовала себя комфортно, а не пыталась найти лекарство.

В ту ночь врачи отказались от нее.

Я закрыла глаза, вспоминая. Я поднялась по лестнице в мамин сад – к сожалению, заброшенный на тот момент, почти все было мертво, а в гидропонной системе начали цвести водоросли. Я села на скамейку и заплакала. Я ничего не скрывала. Несмотря на то, что я сидела на крыше, в одном из самых больших городов в мире, я чувствовала, что это самое уединенное для меня место – вне пределов слышимости от всех остальных, в месте, куда мама больше не могла попасть.

Когда я думаю о том времени, я вспоминаю насколько мне было одиноко.

Но в памяти Джека он там. Он услышал меня с улицы и поднялся по пожарной лестнице. И нашел меня.

В памяти Джека он был со мной. В своей памяти – я одинока.

Каждая деталь верна. В тот день я была именно в этой одежде, на штанах было горчичное пятно. Это было лето моей несчастной челки, и вот она, в памяти – мое лицо.

Но Джека нет в моей памяти о той ночи.

В этом воспоминании, в его воспоминании, которое я наблюдаю, Джек обнимает меня до тех пор, пока я не перестану плакать, а затем, в его воспоминаниях, я смотрю ему в глаза, и мы целуемся.

Я помню, как плакала в ту ночь, а потом легла спать одна. Но мои губы в синяках. Я прикасаюсь к ним, наблюдая, как мы целуемся. Я закрыла глаза. Кажется, я помню прикосновение его губ к своим. Давление, его вкус.

Нет.

Я открываю глаза. Это не реально. Мы очнемся от Грез Джека, и экраны покажут мне, что все это – плод его воображения. Но часть меня хочет, чтобы это было реальностью. Та часть меня, которая помнит, как плакала в одиночестве. Хотела бы я, чтобы в ту ночь там был кто-то, кто мог поцелуями прогнать боль.

Память Джека прогрессирует. В его сознании мы стали ближе – ближе, чем я когда-либо была с кем-либо в своей жизни, даже с Акилой. Проходят месяцы. Я рассказываю ему о своих самых темных страхах, а он шепчет мне свои. Мы целуемся. Мы не просто целуемся. Мои щеки горят, а глаза расширяются, когда я вижу Джека и в воспоминаниях я, снимающая с нас одежду, наши руки, глаза и губы жаждут большего, большего, большего. Я не могу оторвать глаз, наблюдая за всем этим. Я наблюдаю за ним. Впитываю, как он смотрит на меня, любовь в его глазах. Нежное прикосновение. Голодные прикосновения. Как он держит меня, позволяя мне парить.

Я с трудом сглатываю. Я никогда... никогда этого не делала. Не с ним. Ни с кем.

Вранье. Это все ложь. Это болезненное воображение Джека. Его одержимость. Ничего этого не было.

Я бы знала.

Я отворачиваюсь. Пытаюсь построить стену между воспоминаниями Джека и мной. Нет, не его воспоминания, не его галлюцинации – но в любом случае я не могу оторваться.

Становится холоднее. Я чувствую это нутром, хотя на самом деле меня здесь нет, сейчас не зима, все это происходит в голове Джека.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я вижу Акилу и громко ахаю. Я забыла, как подпрыгивают при ходьбе ее туго завитые волосы, ее склонность к ярко-красному блеску для губ. Джек висит на заднем плане, пока Акила говорит мне, что уходит в армию.

Это я тоже помню. Момент, когда поняла, что моя подруга, моя единственная подруга, моя самая лучшая подруга – уходит. Я была так расстроена, что не ела несколько дней.

Но в этом воспоминании есть Джек. Он подбадривает меня историями и шутками, отвлекает, чтобы вывести из состояния паники.

Зимняя Феста. Я помню, как вышла одна и быстро вернулась домой. Без людей, с которыми можно разделить праздник, не весело.

Джек же помнит все совсем по-другому. Он помнит, как пошел со мной, разделив медовое кольцо, теплые сладко-жаренные грецкие орехи и шипучий пряный сидр. Мы вместе смотрели парад; он дал мне люминесцентную пластиковую снежинку, которую поймал с одного из поплавков. Мы смотрим на фейерверк и задыхаемся от восторга, когда в центре Центрального Сада зажигается дерево памяти.

Я сдерживаю рыдание. Я больше не могу этого выносить. Это... это жизнь, которую я бы хотела – жизнь без одиночества, без мучительной тоски по кому-то, по кому-то, кто мог бы понять меня. Это жизнь, которой у меня никогда не было, о которой я всегда мечтала, и она нарисована здесь так ярко, что я почти поверила в нее. Вот что больно. Видеть это и знать, что это неправда.

Что-то меняется.

Другой вид холода.

Темнота. Пустая чернота.

Громкие голоса.

Мой голос.

Я не слышу слов. Только звуки, звуки.

И они в ярости.

А потом на переднем плане появляются две длинные прямоугольные фигуры. Сейчас все погружено во тьму, но чернота этих прямоугольных коробок похожа на черную дыру, высасывающую свет и превращающую все в ничто.

С болью в животе я понимаю, что это за черные прямоугольные коробки.

Гробы.

Нет крышек. Я прокрадываюсь в память Джека и всматриваюсь в лица его родителей. Я помню некролог, который нашел ранее, в котором упоминаются его родители, оба рабочие из СС, убитые в автокатастрофе в Гозо. Они окровавлены и искалечены здесь, едва узнаваемые, с простыней, покрывающей все ниже груди. Это последний образ его родителей, когда он опознал их тела в морге, смешанный с днем похорон, когда их гробы наверняка были закрыты.

Я поднимаю глаза и вижу меня-воспоминание и Джека, одетых для похорон. На нем черный костюм и черная рубашка; на мне платье, которое я не узнаю, черное с серебром.

– Нас больше нет, – говорю я в воспоминании. – Я больше не хочу тебя видеть, – все сомнения в том, что это может быть реальностью, исчезли. Я бы никогда не сделала ничего настолько бессердечного, чтобы расстаться с кем-то на похоронах его родителей.

– Что... почему? Элла, почему? – в его голосе мольба, он дрожит. Думаю, от страха. Или печали.

Следующие слова исчезают в бормотании. Джек не помнит, что именно мы говорили, только ссору.

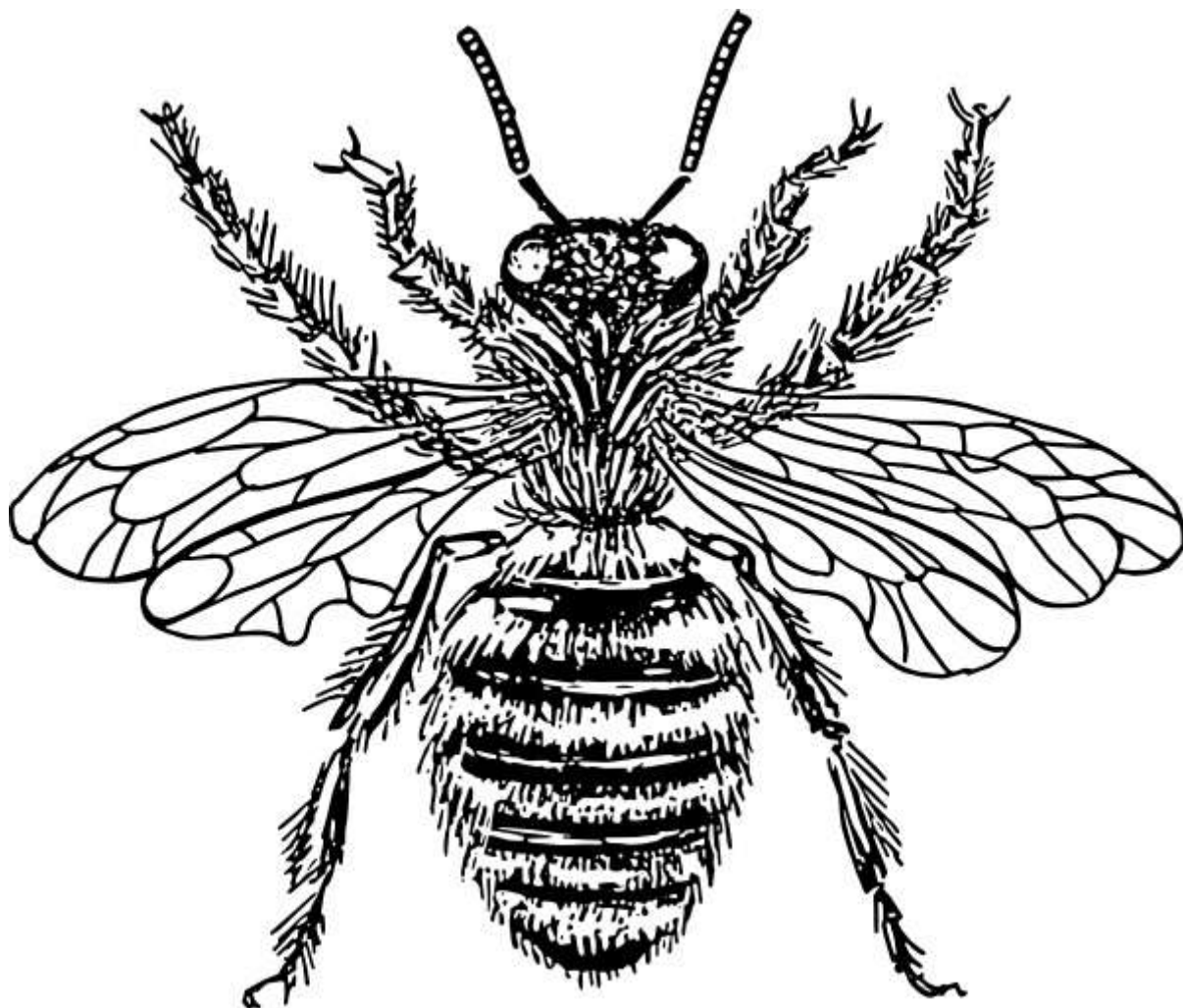
Затем из хаоса звуков возникает одно предложение:

– Они заслужили смерть, и ты тоже!

И затем...

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Тишина.
Все кончено.

Глава 39

Я просыпаюсь.

Веки кажутся такими тяжелыми, а когда я касаюсь щек, пальцы становятся влажными от слез.

Я встаю, мое тело все еще дрожит.

Что это было?

Последнее воспоминание, когда все потемнело. Если все воспоминания Джека обо мне фальшивы, зачем ему создавать что-то настолько ужасное?

Я срываю электроды с кожи. Я чувствую дрожь в ногах, но быстро пересекаю комнату. Я должна увидеть это сама, подтвердить правду, которую знаю. Дверь открывается, я протискиваюсь мимо и падаю в кресло перед панелью управления. Провожу руками по монитору, записывающему сканирование мозга Джека.

Мой мир на дне.

Воспоминания Джека пришли из места истины.

Все это не было плодом его воображения.

Воспоминания реальны.

– Невозможно, – шепчу я. Ничего этого не было, ничего. Особенно последнего воспоминания. Я бы никогда так не поступила. Я знаю, каково это – потерять родителя. Я бы не... я бы не смогла....

Но его воспоминания реальны.

Но и мои воспоминания реальны.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я закрываю глаза и прижимаю кулаки к груди. Я чувствую пустоту внутри, как будто там, где было мое сердце, теперь черная дыра, будто я проваливаюсь внутрь себя.

– Что невозможно? – Джек стоит в дверях сенсорной камеры и наблюдает за мной. Его лицо помрачнело; он только что очнулся от последнего ужасного воспоминания.

Я смотрю на него и понимаю, что ничего не могу сдержать. – Ты... ты помнишь меня. Реальная память. Но... я никогда не встречала тебя прежде. Как это возможно?

Джек разворачивает кресло в другой комнате управления и плюхается на него. – Я же говорил, – с печалью произнес он.

– Не похоже, что память можно просто стереть. Воспоминания так не работают. Ты не можешь просто стереть человека из своего прошлого.

Джек смотрит на мониторы и сканирование мозга. – Может, ты можешь.

Я закатываю глаза. – Разум может потерять память: амнезия – это научная возможность, но это не избирательно. Может быть, но не так. У меня остались воспоминания о последних нескольких годах. Они просто... отличаются от твоих. Мозг функционирует не так аккуратно. Истинная наука запутанна. Это не научно-фантастический роман.

Джек вскидывает бровь. – Мы делаем сканирование мозга в психиатрической клинике, любимая.

– И что? И не называй меня любимой.

Джек проводит рукой по волосам. – Не знаю, – говорит он. – Ксавье – гений, да и я не идиот, но мы не можем понять, как это происходит. Мы просто знаем, что это не клонирование, люди, которые возвращаются, – их не заменяют андроидами.

– Как Акила, – перебиваю я. «Как я?» – хочется спросить.

– Как Акила. Эти люди все те же. Они просто... им чего-то недостает, чего-то в их мозгу – у одних воспоминаний, у других эмоций.

– У меня есть эмоции, – шепчу я. Я всего лишь черная дыра эмоций.

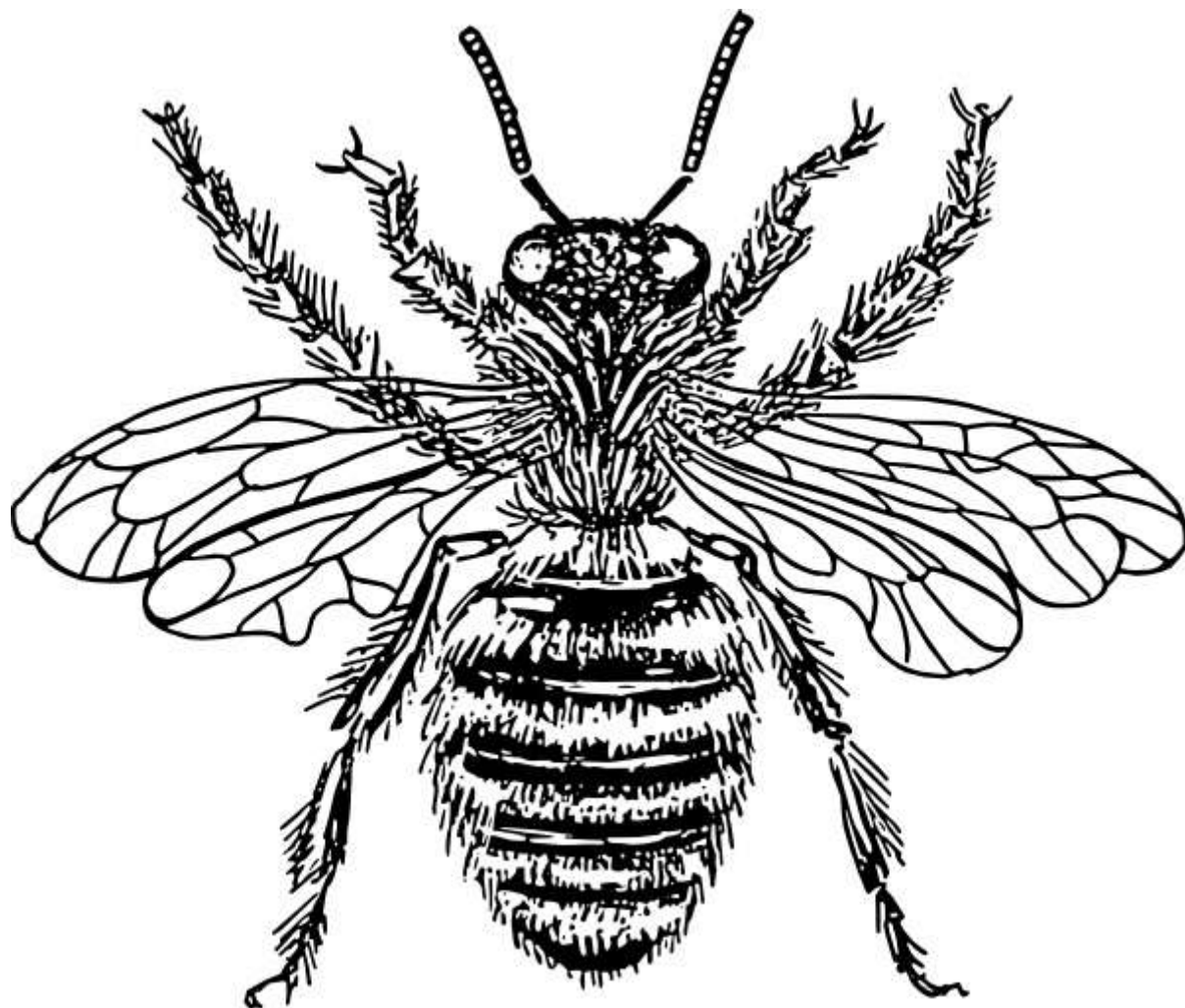
Джек качает головой.

– Не понимаю, – только и говорит он.

– Наркотик Грез предназначен для усиления памяти, но нет такого наркотика, который мог бы просто стереть ее, переписать.

– Но я знал тебя, – мягко говорит он.

И как бы там ни было, я не могу этого отрицать.

Глава 40

На следующее утро я просыпаюсь от запаха бекона. Потянувшись, откидываю одеяло, но взгляд замирает на сине-коричневом дамасском узоре. Джек знал это одеяло. Джек знал эту кровать.

Я вздрагиваю, щеки пылают.

Джек знал меня.

После сеанса Грез Джек ушел, сказав, что, если мне понадобится его найти, я могу отправиться в Нижний город и снова нанять черно-желтую лодку. Я думала, что раскрою секреты Зунзаны, а затем смогу передать его мисс Уайт и Калифорнийскому университету... но я больше не знаю, что правильно, а что нет, где правда, а где ложь.

И я больше не знаю, кто я. Само собой я это все еще я. Но эти недостающие воспоминания беспокоят меня, ноют на краю сознания, как жужжащая пчела в ухе. Что-то случилось со мной, что сделало меня... другой? Вот куда ушли мои воспоминания?

Бекон горит. Я чувствую вкус желчи.

Я помню, как в последний раз почувствовала запах гари, взрыв андроидов на Триумф-Плаза, обрубок ноги человека, с которым я разговаривала пару минут назад. Взрыв в моем собственном доме, зияющая дыра покрытая брезентом, на месте нашей комнаты интерфейса. Я не могу позволить себе отвлекаться на Джеке или на себя или на тех, кем мы были раньше. Я должна сосредоточиться на поиске того, кто нападает на мою страну – а значит и мою семью.

Бекон... горит. Я вскакиваю с кровати и бегу к двери. Мама не должна вставать, не должна готовить бекон. Она слишком больна, слишком слаба. Скользя по кафельному полу, я бегу по

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

коридору на кухню, где слышу, как трещит жир на сковороде. Мы не ели бекон... целую вечность. Больше года. У мамы были проблемы с жирной едой, и было безопаснее подавать ей протеин в виде таблеток и готовить супы и овощи.

Но когда я, моргая, выхожу на свет, то вижу маму, стоящую над плитой, а на чугунной сковороде шипят ломтики бекона. На ней синие джинсы с дырками на коленях. Те, которые она не носила годами, которые закинула в шкаф и забыла, выбрав вместо них эластичные брюки, которые было легче надевать и снимать. Нет никаких признаков медсестры, которую мисс Уайт наняла для мамы.

– Мам? – в шоке спрашиваю я.

Она поворачивается с широкой улыбкой на лице. Она бледнее, чем обычно, и все еще слишком худая: щеки ввалились, как у людей, страдающих длительной болезнью. Но она стоит одна и готовит.

– Мам? – шепчу я, подкрадываясь ближе, осторожная радость поднимается в моем горле.

– Я не хотела тебя обнадеживать, – говорит она. – После моего рецидива доктор Симпа поревел меня на новую терапию и лекарства.

– Тебе... лучше? – мне кажется я не понимаю простых вещей.

Улыбка мамы заторможена. – Не совсем. У меня всегда будет Хебб. Но... мне немного лучше. Достаточно, чтобы сделать это, – она стряхивает кусочек хрустящего бекона со сковороды на тарелку, накрытую бумажным полотенцем, а затем берет его и кладет в рот. – Ммм, – говорит она, улыбаясь. – Жизнь не стоит того, чтобы жить без бекона.

Мама протягивает мне тарелку с уже приготовленными блинами и откладывает здоровую порцию бекона. Я все заливаю сиропом и запихиваю в рот. Мама съедает только один кусок бекона и один блин, но это больше твердой пищи, чем она съела за недели.

– Это... неожиданно, – я вспоминаю, как всего несколько дней назад единственное, что помогало ей спать по ночам, были Грезы и куча таблеток. Тогда она едва держалась на ногах, а теперь готовит завтрак?

– Я не хотела, чтобы ты этого ожидала, – говорит мама. – Похоже, у моего Хебба наступила ремиссия, но мы не были в этом уверены... и мне определенно стало хуже, прежде чем я поправилась.

– Ремиссия? Это что-то постоянное, или..? – не знаю, смогу ли я снова видеть маму больной, особенно после того, как увидела ее почти здоровой.

Мама улыбается.

– Пока еще рано говорить, но снимки хорошие. Надеюсь, когда-нибудь... когда-нибудь они станут нормальными.

В ее глазах слезы счастья – в моих тоже. Я уронила вилку на стол. – Это просто... это так быстро!

– Я понемногу начала чувствовать себя лучше, – говорит мама. – Но, как я уже сказала, я не хотела, чтобы у тебя появилась надежда, если вдруг ничего не получится.

Я даже не знаю, что сказать. Горячие слезы текут по моим щекам, и я понимаю, что это слезы радости. За последний год, по мере того как мама все больше и больше попадала в тиски своей болезни, я почти сдалась. Я ждала того дня, когда врачи скажут мне, чтобы я перестала возиться с лекарствами, что для мамы будет лучше просто тихо ускользнуть. Я была готова к прощанию – насколько это вообще возможно, – но совсем не была готова к приветствию.

Я откидываюсь на спинку стула и обнимаю маму. Она уже чувствует себя более материальной. Раньше, когда я помогала ей сесть в кресло, всего несколько дней назад, она чувствовала себя почти призраком, уже наполовину призраком. Но теперь она настоящая. В этом случае она больше моя мама, чем за весь предыдущий год.

– Не могу поверить, – бурчу я, уткнувшись ей в фартук.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Она гладит меня по волосам.

– Верь этому. Самое время для хороших новостей, не так ли?

Я киваю, крепче прижимая ее к себе. Это все, что я когда-либо хотела сделать: прижать мать к себе обещанием, что она не уйдет. Отпустив ее, я чувствую себя на сто фунтов легче. Я и не подозревала, как тяжела тяжесть ее болезни на моих плечах.

Мама приглаживает мои волосы, снисходительная улыбка скользит по ее лицу.

– Пойдем погуляем, – говорит она, ее голос такой легкомысленный и молодой. – Пикник. В Нижнем городе. Мы найдем лужу и поплывем по водным путям, а потом поедем бутерброды и будем смотреть, как туристы загорают. Что скажешь?

Я одета и уже готова идти ровно через десять секунд.

Мы идем через Центральный сад к лифтам. Мама весело болтает, а я едва слышу слова, только звук ее голоса, густого, цельного и не надтреснувшего от усталости. Кто-то большой врывается в меня с такой силой, что я едва не падаю на землю. Когда я спотыкаюсь, чья-то рука хватается меня, рывком поднимая на ноги.

– Извини, – произносит мужской голос с сильным французским акцентом.

Я вздрагиваю от удивления. Это тот гигант, с которым работает Джек – как он его назвал? Ксавьер.

Мои глаза расширяются от шока, но Ксавьер наклоняет голову ближе ко мне и шепчет:

– Чш-ш-ш.

С противоположной стороны маленькая девочка в ярко-оранжевом сарафане прыгает вперед, по-видимому, отвлеченная своими глазными ботами. Когда она проходит мимо мамы, большая татуировка анаконды обвивает ее руку, переходя на шею девочки и шипит около ее уха. В руке Джули мелькает что-то металлическое – красный сканер.

– Ты в порядке? – спрашивает мама, отталкивая от меня руки Ксавье. Все это произошло в считанные секунды, и пока я стою, Ксавье и Джули исчезают в толпе.

– Да, – медленно говорю я, глядя на толпу.

Для большинства туристов еще слишком рано, но, по крайней мере, лифты снова работают. Лифт спускается довольно быстро. Я наблюдаю, как Верхний город исчезает, а по другую сторону стеклянного лифта расцветает Водный мир нижнего города.

– Красиво, правда? – тихо произносит мама, прислонившись к стеклу. – Особенно отсюда, откуда не видно людей.

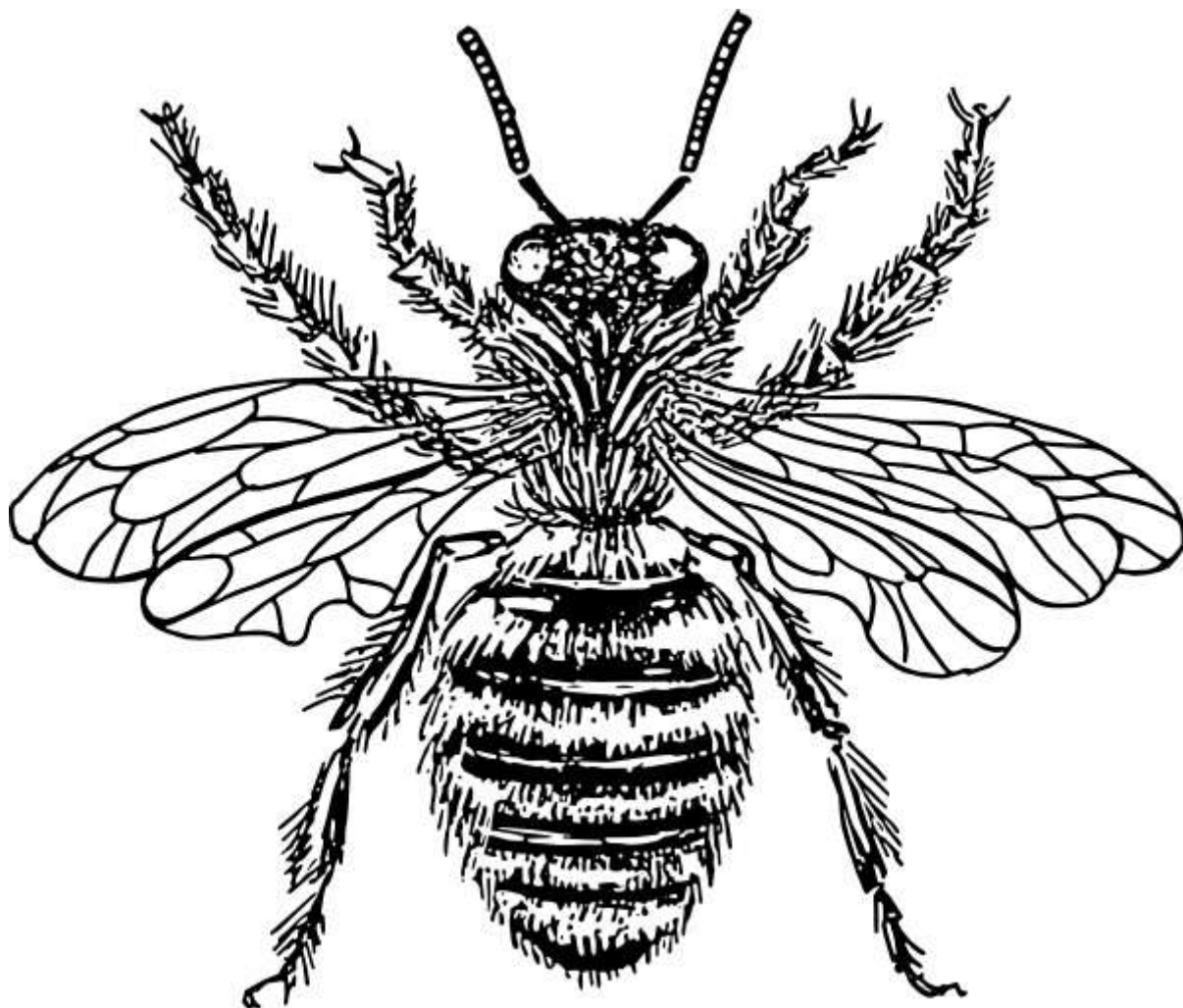
Я прижимаюсь к стеклу, вглядываясь в сверкающие воды Средиземного моря, и в этот момент я позволяю себе мгновение радости.

НаручКОМ вибрирует на запястье.

Я смотрю вниз и читаю на экране.

«Эта женщина не твоя мать. Будь осторожна.

– Джек».

Глава 41

Когда дверь со звоном открывается, мама выходит первой, уже направляясь к ряду лодок луззу. Люццольеры зовут ее, и она улыбается. Она наслаждается вниманием – первым вниманием за долгое время, которое не вызывает жалости или беспокойства.

– О, как вкусно! – говорит она, широко улыбаясь. Я смотрю на нее. Она никогда не использовала слово «вкусный» как прилагательное для чего-либо, кроме еды.

– Что-то не так? – спрашивает она, жестом предлагая мне догнать ее.

Я провожу пальцем по экрану наручКОМа и смотрю в глаза матери. Ее большие яркие глаза, полные щеки, которые не похожи на глаза женщины, которая несколько дней назад считала дни до своей смерти. «– Глаза – это окно в душу», – всегда говорил отец. Но сейчас я ее не вижу.

– Что случилось, Элла? – спрашивает женщина, похожая на мою мать.

Я качаю головой.

Я хочу в это верить.

Даже если...

Даже если ее лечение было слишком чудесным. Даже если небольшая часть меня сомневалась в этом с самого начала. Я думаю о мигающем красном экране сканера Джули.

Нет. Нет. Она мама.

Она должна быть. Она должна быть.

Мама наклоняется вперед, на ее лице читается беспокойство. – Элла?

Я заставляю себя улыбнуться.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Прости, мам, – говорю я. – Я просто вспомнила, когда мы в последний раз это делали, – я машу рукой лодкам луззу и толпе туристов.

– Когда мы делали это в последний раз? – с любопытством спрашивает мама.

Я смеюсь, мой голос слишком высокий. Внутри я кричу, кричу!

– О, мам! Ты всегда называла это «своим последним хорошим днем». В тот день, когда ты, я и папа приехали сюда, в Нижний город, как раз перед тем, как тебе поставили диагноз.

– Мой последний хороший день? – переспрашивает мама, и медленная улыбка расцветает на ее лице.

Я киваю. – Разве ты не помнишь? Ты, я и папа приехали сюда на пикник на пляж. Это было до того как ты заболела.

Это ложь. Все это. Мы никогда не были на пикнике в Нижнем городе, и даже если бы были, это не последний хороший день мамы. Ни в коем случае. Ее последний хороший день тот, который она повторяет в каждой грезе, снова и снова.

Дом в Рабате, танцы с папой, когда я была маленькой.

Я стараюсь не выглядеть очевидной, ожидая ответа мамы. Я чувствую себя так, словно нахожусь на острие ножа, мои ноги разрезаны лезвием, и я шатаюсь словно на ветру.

– О, конечно! – восклицает мама, ее голос звенит от смеха. – Как я могла забыть?

Теперь я знаю. Действительно знаю. Эта женщина – не моя мать. Я не знаю, кто она, но точно знаю, кто не она.

– Давай, пошли! У меня для тебя сюрприз.

Она тянет меня к луззу, но я отстраняюсь. – Сюрприз?

– Я хочу отвезти тебя кое-куда.

Мой желудок сжимается от страха. Пойти куда-нибудь? С этой... штукой? Эта штука, похожая на маму? Террористы умны – достаточно умны, чтобы сделать копию мамы, чтобы найти способ остаться со мной наедине. Что им от меня нужно? Держать меня ради выкупа, чтобы моя мать передала свои исследования?

– Элла? – зовет она, когда я не двигаюсь, и она звучит, выглядит и пахнет так точно, как моя мать, так что я делаю шаг к ней навстречу.

– Позволь мне отвести тебя туда, где тебе нужно быть! – звонит веселый электронный голос.

Черно-желтый луззу врезается в причал. Люди-луццольеры пытаются отодвинуть его в сторону – они не хотят потерять плату за проезд на автоматической лодке, но я бросаюсь к нему.

– Куда ты идешь? – кричит она мне вслед.

Я спрыгиваю с причала и сажусь в лодку.

Я стучу наручКОМом по счетчику, и электронный голос лодки произносит: «Идентификация: Элла Шепард. Началась экстренная эвакуация».

Прежде чем существо, которое выглядит как мама, успевает что-то сказать, луззу заревело, сбивая другие лодки с пути и посылая туристическую пару с плеском в воду. Я оглядываюсь назад, брызги морской воды застилают мне глаза. Авто-лодки должны двигаться только в спокойном темпе, но эта практически летит по воде. С пристани я все еще слышу, как мама выкрикивает мое имя.

Мое запястье снова гудит, и я принимаю сообщение от Джека. Его лицо заполняет мое зрение, когда мои глазные боты проецируют голографическое изображение его напротив меня.

– Ты добралась до лодки, – говорит он.

– Что, черт возьми, происходит?! – кричу я.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Извини, у нас нет времени. Посмотри под сиденьем – там должна быть горелка для тебя. Отрежь себе манжету и брось ее в воду.

Лодка увозит меня прямо отсюда, с Мальты, от мамы. Я ослеплена солнечным светом – настоящим солнечным светом, а не ложным светом от солнечного стекла, которое покрывает крышу Нижнего города. Впереди нет ничего, кроме волн.

Сквозь шум прорезается сирена, и я поворачиваюсь на сиденье. Ко мне приближается пара полицейских катеров.

– Джек, что...

– Элла! Отрежь манжету! В нем есть гео-локаторы! Тебе придется бежать!

Я опускаюсь на дно лодки и заглядываю под сиденье. К дереву приклеены нож и одноразовый браслет. Когда сирены приближаются, я просовываю лезвие ножа между фольгой и своей кожей, разрезая манжету. Это требует некоторого пиления, но мгновение спустя я разрезаю механику. Я задыхаюсь от боли, когда срываю наручКОМ – крошечные иглы, соединяющие наручКОМ с наноботами внутри моего тела не заметны, пока они не вырваны из моей плоти. Без него моя рука кажется голой и слабой, кожа там, где манжета всегда была слишком бледной по сравнению с остальным телом.

Я выбрасываю наручКОМ в Средиземное море.

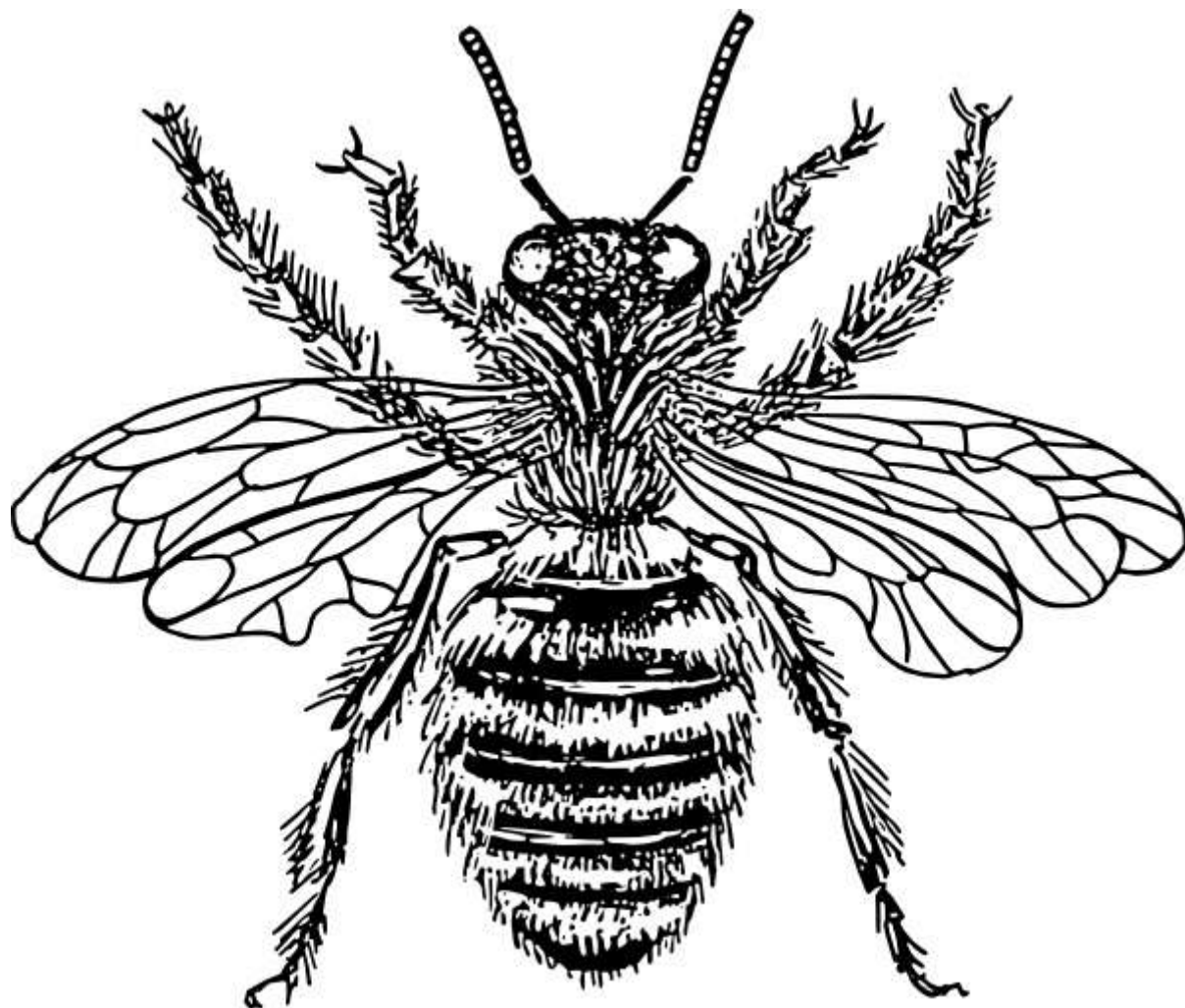
Одноразовый браслет – одна из тех временных вещей, которые вы носите, если каким-то образом сломаете наручКОМ. Я надеваю его – он кажется чужим на моей коже, слишком грубый, не то что наручКОМ. Когда я провожу пальцем по экрану, то вижу, что манжета идентифицирует меня как Карли Пакетт, уроженку Гозо, сироту фабричного рабочего. Это хорошо – выглядит хотя бы законно, вплоть до фотографии на экране идентификатора.

Как только он включается, программа загружается на мои наноботы. Лодка резко поворачивает направо, направляясь обратно к острову, и полицейские лодки меняют курс.

Мои руки сжимаются в кулаки, ногти впиваются в кожу ладоней. У меня есть два варианта. Я могу убедиться, что полиция догонит меня. Пойти домой. Забыть обо всем этом. Я могу выпрыгнуть из лодки, могу перевернуть ее.

Или...

Или могу убежать.

Глава 42

Паника поднимается во мне, когда лодка начинает автоматически набирать скорость, направляясь не в туристический район Новой Венеции, а в район Фокры, бедный район за блестящей поверхностью города. Я никогда там не была, но Акила жила здесь до того, как пошла в армию.

Акила – разрезание наручКОМа прервало и мое общение с ней. Но... она была как мама. То же самое, но другое.

Что-то сделало эту штуку похожей на маму. Если история Джека правдива – а теперь я склонна в это верить, – правительство действительно несет ответственность за атаку андроидов. И эта атака была частично сосредоточена на моем собственном доме и внутренней интерфейсной системе Спа Ментальных Грез. А мама – она ходила к новому врачу, который работал в лаборатории университета. Ее «лекарство», должно быть, пришло оттуда.

Волна вопросов поднимается во мне. У них где-то в плену моя настоящая мама? Джек сказал, что солдаты, такие как Акила... они погибли в бою, прежде чем их превратили в двойников. Мои глаза горят. Значит, маму убили? Нет – если им нужны ее исследования. Конечно, они не убьют ее.

В конце концов, очень тихий голос в моей голове говорит, что они что-то сделали с моей памятью, и я не умерла. Сквозь шум разбивающихся волн и вой сирен я слышу жужжание-жужжание-жужжание пчелы у себя в ухе. Я шлепаю себя по лицу, но там ничего нет.

Я делаю глубокий вдох, подавляя панику, душащую меня. Я не могу сломаться. Не здесь. Не сейчас.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Лодка сворачивает за док-станцией – длинной платформой, которая простирается на всю ширину Нижнего города. В центре находятся ряды лифтов, которые соединяют Нижний и Верхний город, и в то время как луццу толпятся на открытой площадке перед док-станцией, вся ее задняя часть сделана из гигантских электронных дисплеев, рекламирующих отели и рестораны, спа и туристические

Достопримечательности.

Я никогда не стояла за этим.

По мере приближения лодки программа автоматически загружается с одноразового браслета, загорается. Он похож на тот, который я использовала, когда следовала за призрачным образом отца к Джеку. Но поскольку я вижу, что такое район Фокра, мне трудно сосредоточиться на программе.

Потому что Фокра район-город. Город, построенный из лодок.

Сотни – нет, тысячи лодок луззу толпятся за док-станцией вплоть до естественного побережья острова.

Я и представить себе не могла, что Акила поселится в подобном месте, в тени городского моста, где жила я. Хотя я знала, что в этом районе живут бедные люди, я никогда не понимала, где именно. Или что это было.

Плавучий город, сделанный из лодок.

Массивные колонны из стали и бетона, обернутые прорезиненными проводами и трубами, тянулись от темного потолка до воды. Канализационная система, так понимаю. И электричество, и пресная вода. Здесь свет тусклее, скрывая в тени убогость района. С другой стороны док-станции туристическая секция – чистая и солнечная, благодаря солнечному стеклу, встроенному в крышу. Здесь нет солнечного стекла. Если Нижний город постоянно освещен солнцем, то район Фокра постоянно погружен в тусклые сумерки, единственный свет исходит от костров в лодках или случайных лучей солнечного света, пробравшихся сквозь темноту.

Я щурюсь на темный потолок, ухабистый от торчащих труб и проводов. Картографическая программа помечает то, что находится по другую сторону моста. «Центральные Сады», – написано там, где находится рекламная стена в задней части док-станции. Мой взгляд скользит к ближайшей колонне. «Спа Ментальных Грез». Слово вспыхивает в моих глазах. По другую сторону этого потолка мой дом.

Я никогда не знала, что у меня под ногами.

Лодка врезается в другую, и мое внимание возвращается к уровню воды, где тысячи лодок сгрудились вокруг труб и колонн. На самом деле в воде есть тонкие прозрачные пространства, предназначенные для пропуска лодок. Авто-лодка сворачивает в один из этих узких водных путей так быстро, что ближайшие лодки бьются друг о друга, а люди внутри лодок кричат на меня.

Мой взгляд падает на колонну, которая ведет прямо в Верхний город, вероятно, недалеко от того места, где находятся Грезы. Одна из ближайших лодок луззу вспыхивает зеленым.

– ПРОПАЛ ЧЕЛОВЕК! – раздается голос, громкий и странно приглушенный. Моя голова поворачивается к источнику звука – стене, скрывающей район Фокра от туристической части Нижнего города, стене за док-станцией, полной рекламы. – ЭЛЛА ШЕПАРД, ДОЧЬ ИЗВЕСТНОГО УЧЕНОГО ФИЛИППА ШЕПАРДА И ОСНОВАТЕЛЬНИЦЫ ГРЕЗ РОЗЫ ШЕПАРД, ПОХИЩЕНА СЕГОДНЯ МЕНЕЕ ТРИДЦАТИ МИНУТ НАЗАД.

Похитили? Едва. Но тот факт, что эта правительственная тревога объявляет об этой лжи, заставляет меня еще больше сомневаться в том, что терроризм, с которым я якобы боролась, исходит непосредственно от них.

– ЛИФТЫ ЗАКРЫТЫ ДО ДАЛЬНЕЙШИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Они знают, что я здесь, в Нижнем городе. Закрытие лифтов удерживает меня на воде. Так меня легче найти.

Красные и синие огни начинают мигать рядом с тем местом, где я вошла в район Фокра. Полицейские лодки догнали меня.

Мое сердце колотится в груди, когда я встаю. Я оглядываюсь назад. Моя мать – нет, существо, похожее на мою мать, – стоит на носу лодки, указывая прямо на меня.

Я поворачиваюсь к ней спиной, к лодке, освещенной зеленым светом с картой в глазах. Я слышу, как существо, похожее на мою мать, кричит, когда я с глухим стуком спрыгиваю с лодки на деревянный пол другого луззу, изношенного и побитого, с облупившейся краской и пятнами потрескавшегося дерева. Пожилая женщина с кривой спиной набрасывает мне на голову и плечи грязную шаль.

– Ты с Джеком, да? – произносит женщина скрипучим голосом. Она смотрит через мое плечо на полицейские катера, петляющие по дорожкам.

Прежде чем я успеваю ответить, к нам приближается один из этих катеров. Громкий гул эхом разносится по воде, и на мгновение я не вижу ничего, кроме маленьких сверкающих, похожих на кристаллы веществ, летящих из широкоствольного ружья с носа полицейского катера.

Старуха падает. Ее тело сотрясается в конвульсиях, ударяясь о деревянный пол лодки громкими тошнотворными ударами. Ее бок усеян кристаллами-тейз, оглушающими. Электричество вливается в нее, выводя из строя.

– Взять ее! – кричит один из полицейских на другой лодке.

– Беги! – старая леди задыхается от боли.

Я не останавливаюсь – просто прыгаю в следующую лодку, бегу по деревянным доскам к следующей и к следующей.

Карта в моих глазах указывает налево, вглубь района. Позади себя я слышу приближающийся вой сирен и осмеливаюсь еще раз оглянуться через плечо – взгляд, который заставляет меня чуть не споткнуться и выпасть из лодки. Молодой человек хватается за руку и удерживает, но в то же время подталкивает к следующей лодке. – Не стесняйтесь, – говорит он настойчиво. – Никогда не колеблись.

– Почему ты мне помогаешь? – спрашиваю я.

Мужчина не отвечает, помогая мне перелезть через кучу веревок и толкает к следующей лодке; он лишь издает низкий горловой звук. И только когда я сажусь в следующую лодку, я понимаю, что это был за звук: «жжж, жжж». Гул. Зунзана мала, но люди все еще поддерживают ее.

Я прыгаю в следующую лодку, скольжу по мокрому полу и падаю. Мое колено обжигает грубое раскрашенное дерево, и ряд царапин расцветает кровью на моей ладони. Я поворачиваю голову, пытаюсь встать и увидеть людей, которые живут в этой лодке. Сбоку сидит девочка с двумя маленькими детьми на руках. Не знаю, мать она или старшая сестра, но вид у нее испуганный.

– Прости, – вынуждена сказать я, пробегая мимо. Она не замечает моих слов, просто смотрит на полицию.

Теперь я их слышу. Их тяжелые сапоги стучат по деревянному полу. Сирены прорезают воздух. Крики и крики, сосредоточенные на мне.

– Элла Шепард! – громкий, низкий голос кричит через усилитель. – Прекрати бежать. Вас разыскивает правительство Объединенных стран.

У моих ног девочка, держащая детей, задыхается, издавая негромкие звуки ужаса. Я перепрыгиваю с ее лодки на следующую, ноги уже горят от перенапряжения и боли. Это не просто местное похищение – эти копы не пытаются спасти меня. Они пытаются поймать меня.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я дико озираюсь, пытаюсь понять, куда идти дальше. Следующая лодка, до которой мне нужно добраться, слишком далеко, чтобы добраться одним прыжком. Я быстро принимаю решение, прыгая в ближайшую лодку.

Мужчина с усами, усеянными кусочками сушеной еды, бросается на меня, хватая за локоть и тянет назад. – Держу пари, за тебя ждет награда, – рычит он, таща меня на другую сторону лодки, подальше от той, куда мне нужно добраться.

Один из маленьких детей, которых держала девочка в другой лодке, вырвался.

– Отпусти ее! – возмущенно говорит мальчик. Его мать или сестра хватается за него, тянет вниз, но я все еще слышу, как ребенок кричит старику, который сжимает мою руку: – Отпусти ее! Она подруга Джека!

Он меня не знает – по крайней мере, мне так кажется. Но маленький мальчик знает Джека, и ему этого достаточно.

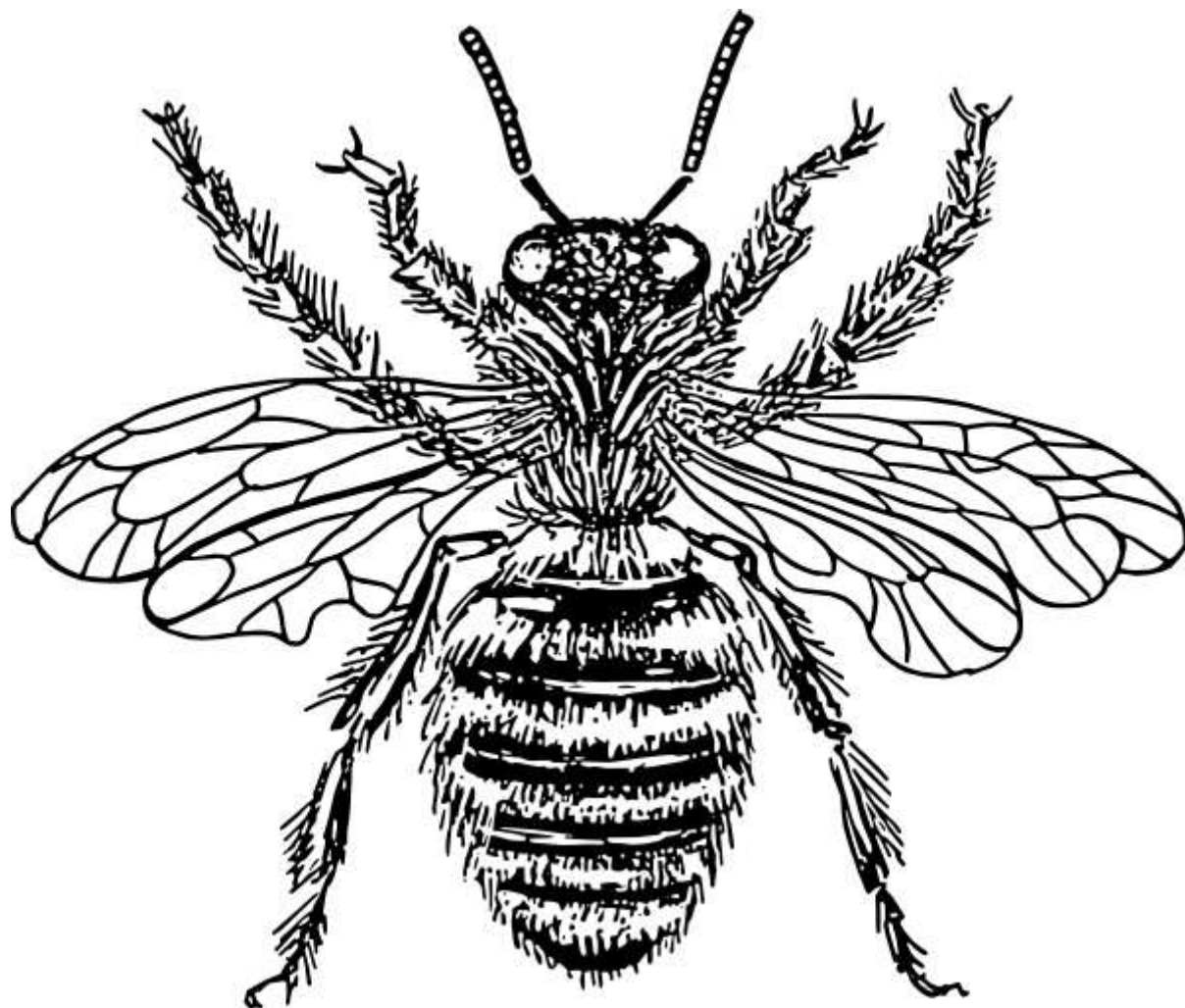
Копы приближаются. Теперь я вижу их каждого по отдельности. У них больше электрошокеров, но есть и настоящее оружие. По крайней мере, то, что выглядит как моя мать, не с ними. Не знаю, смогу ли я встретиться с ней лицом к лицу.

Я врезаюсь ногой в ногу старика и вырываюсь, бросаюсь через лодку и бегу на другой берег, слепо прыгая на следующую лодку. Я приземляюсь так сильно, что кости трещат внутри меня.

Что они со мной сделают? Это правительство, сторона правительства, которую я никогда раньше не видела, сторона, которая делает двойников и использует целую эскадрилью, чтобы поймать подростка.

Я поднимаю глаза, и только когда я сканирую лодки передо мной, я понимаю, что картографическая программа не работает. Я смотрю на одноразовый браслет – экран пуст. Я не знаю, сломала ли я его или он был удаленно отключен, но это не имеет значения. Конечный результат тот же: у меня больше нет безопасного маршрута.

Я сама по себе.

Глава 43

Я дико озираюсь, пытаюсь отыскать кого-нибудь, кто мог бы мне помочь, но эта лодка старая и пустая. Теперь я слышу, как копы кричат о награде. Тот, кто схватит меня и сдаст, получит десять тысяч кредитов.

Этот старик хотел сдать меня бесплатно.

Куда мне идти? Куда мне идти?

Одна из лодок не слишком далеко – желто-черная, точно такая же, как и авто-лодка. Я стискиваю зубы и бросаюсь к ней. Внутри женщина кивает мне, подталкивая к другой стороне. Она указывает на другую лодку, покрашенную в традиционный красный, синий и зеленый цвета, но на носу нарисована маленькая пчела.

– Стой, Элла Шепард! – кричат полицейские у меня за спиной.

Я пригибаюсь, стараясь бежать как можно быстрее. Программа Джека полностью мертва, но между символами Зунзаны и несколькими людьми, готовыми указать на следующую дружественную остановку, я могу продолжить путь. Лодки становятся все меньше и дальше, а некоторые из людей в лодках, которые я должна пересечь, хватают меня – возможно, жаждут награды или просто хотят получить похвалу от полицейских.

Но затем я вижу лодку у самого края воды, рядом с серым песком пляжа, затененного мостовым городом. Я подпрыгиваю ближе, спотыкаясь и чуть не падая. В лодке стоит женщина – молодая, примерно возраста моей мамы. Рядом с ней мальчик лет на десять моложе меня, но высокий и стройный. Он подталкивает меня ближе к их лодке, бросая безумные, обеспокоенные взгляды на копов позади меня. Я делаю глубокий вдох и бросаюсь по воде к их

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

лодке. Я врезаюсь в кучу тряпья и оглядываюсь. По меньшей мере дюжина полицейских в черной форме продолжают преследовать меня. Они быстро приближаются к земле, как стервятники к раненому кролику.

– Быстрее! – кричит мне женщина в лодке. Я резко оборачиваюсь к ней, но она уже тянет меня вниз. О чем она думает? Я не могу здесь спрятаться, копы слишком близко. Они знают, где я.

– Чарли! – женщина срывается. Мальчик падает на палубу рядом с ней. Она обхватывает его лицо руками и быстро целует в лоб. – Беги, малыш, – говорит она, срывая с моей головы грязную темную шаль и заворачивая его в нее. Она держит меня за плечи, толкая вниз, а Чарли, одетый в мою шаль, убегает, прыгая в ближайшую лодку. Копы кричат друг на друга, и я слышу свист, ругань, вопли.

– Глубокий вдох, – требует женщина.

– Что? – я задыхаюсь.

Она поднимает меня подмышки, а затем бросает меня в воду с плеском, заглушаемым какофонией погони.

Я подпрыгиваю, хватая ртом воздух, а женщина, перегнувшись через борт, толкает меня обратно. – Чш-ш-ш, – шипит она, широко раскрыв глаза. Я киваю и опускаюсь в воду, вцепившись в борт лодки. Я стараюсь двигаться как можно тише, надеясь, что копы меня не заметят.

Женщина начинает кричать. – Туда! Она пошла туда! – я слышу ее шаги, стучащие по деревянным доскам, когда она бежит к противоположной стороне лодки, указывая на своего сына, который уже был в нескольких лодках от нее.

Я вижу землю неподалеку, узкую полосу пляжа, заполненную людьми и хижинами, освещенную маленькими лагерными кострами. Я могу это переплыть. Это будет нетрудно. Но здесь меньше лодок. Меня будет слишком легко заметить.

Воды Средиземного моря серые, почти черные, испещренные мусором и отбросами. Я повисаю на носу лодки женщины, цепляясь за дерево прямо под нарисованными глазами луззу. Дерево потрескалось, краска облупилась, большие куски тускло-желтого цвета осыпались в воду.

Лодка раскачивается так сильно, что я едва не теряю равновесие. Грязная соленая вода наполняет мой рот, и я выплевываю ее, снова цепляясь за деревянные доски.

– Она была здесь, – рявкает низкий мужской голос. Дерьмо. Это один из копов.

– Да, она запрыгнула в мою постель, – та куча тряпья, в которую я врезалась – это ее кровать?

Раздается громкий хлопок, за которым следует тяжелый удар. Полицейский ударил ее так сильно, что женщина упала на лодку.

– Знаешь, что я думаю? Думаю, ты помогаешь ей бежать. Она здесь прячется? – коп рычит.

Я съеживаюсь в воде. Я опускаюсь так низко, что выглядывает только нос. Я должна быть храброй. Должна помочь защитить эту женщину, которая послала своего сына вместо меня, чтобы отвлечь копов. Я не знаю, что мне делать. Но это неправильно – прятаться здесь, пока ее бьют.

Я закрываю глаза и молюсь, чтобы меня не обнаружили.

Ненавижу себя.

Я такая трусиха.

Тряпки и одежда падают за борт лодки, и женщина кричит. Он выбрасывает ее вещи. Тряпка была просто никчемными обрывками, но это была ее кровать, одна из немногих вещей, которыми она владела, и он сбрасывает их в воду. Мокрая фотография ребенка – Чарли? –

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

уплывает. Я машинально хватаю фотографию. Я мало что могу сделать, но, по крайней мере, хоть это могу спасти. Женщина начинает кричать, умоляя полицейского остановиться.

Еще один треск кулака, встречающий плоть. Она замолкает, но я слышу ее тихие рыдания. Это самое громкое, что я когда-либо слышала.

Тяжелые шаги приближаются ко мне. Он собирается заглянуть в воду.

Я делаю глубокий вдох и погружаюсь в воду. Надеюсь, барахло в воде – достаточное укрытие, чтобы спрятать мои брыкающиеся ноги, когда я заставляю себя спуститься под лодку.

Я считаю секунды. Раз... два ... три...

Десять...

Двадцать...

Когда мне будет безопасно всплыть? Поднимусь ли я из воды только для того, чтобы быть пойманной?

Сорок...

Шестьдесят секунд – полная минута.

Мое сердце колотится, и я сжимаю фотографию малыша Чарли в одной руке, а другой касаюсь дна лодки женщины.

Восемьдесят...

Сто...

Сто двадцать – две минуты.

Я думала, что мои легкие будут гореть от долгого ожидания, но я в порядке. Я могу это сделать. Я могу спрятаться.

Сто пятьдесят секунд.

Как долго я смогу задерживать дыхание?

Три минуты.

Разве мне сейчас не нужен воздух? Почему я могу так долго задерживать дыхание? Мое сердце все еще колотится; я чувствую панику – разве мне не нужно дышать?

Четыре минуты.

Лодка кажется стабильной и тихой, но, хотя внутри меня охватывает паника при мысли о том, что я так долго буду под водой, я остаюсь. Чем дольше я здесь, тем дальше будет полиция, когда я всплыву.

Пять минут.

Я даже не чувствую боли. Я помню, как училась плавать в детстве, как старалась оставаться под водой дольше, чем Акила, как болели легкие, как горело лицо. Но здесь, сейчас – ничего.

Шесть минут.

Я должна быть мертва, не так ли? Шесть минут под водой... это точно убьет меня.

Семь минут.

По привычке я смотрю на браслет в поисках официального времени. Может, я просто очень быстро отсчитываю секунды, может, на самом деле не прошло и семи минут. Но когда я смотрю на свой браслет, то вижу, почему он не работает. Крошечный кристалл тейз встроен в тонкую технологическую фольгу. Я протягиваю руку, удивляясь тому, что вижу. Дюжина или больше оглушающих тейз колют мою плоть, усеивая ее кристаллами.

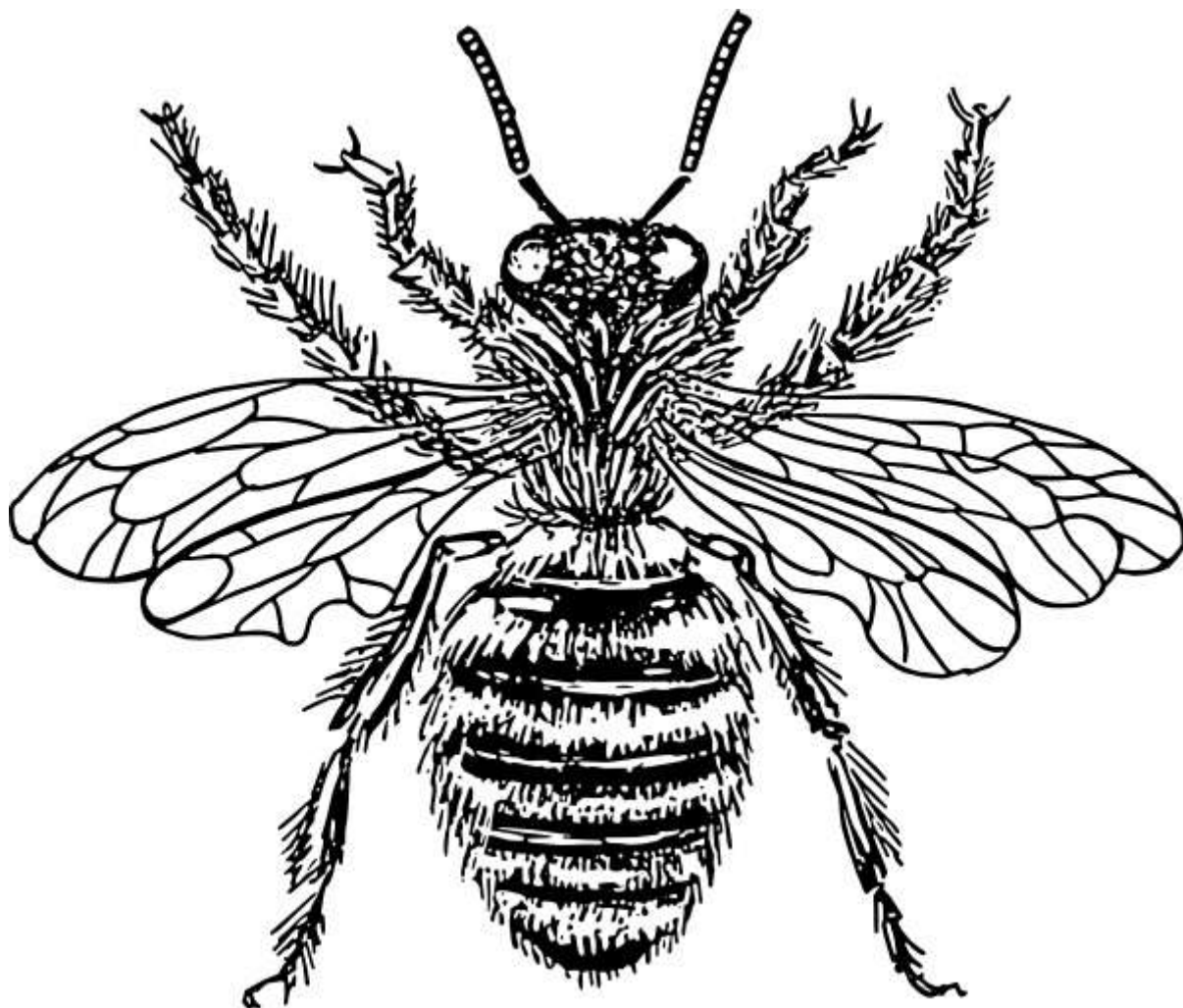
Я беру одну из них и сжимаю двумя пальцами. Существо разбивается под водой, испуская короткую вспышку искр.

Оно работало. Оно работало, и это было в моей коже, и я ничего не чувствовала.

Я смотрю на дно лодки, под которой прячусь. Прошло не меньше десяти минут. Десять минут под водой, и я ничего не чувствую. Я в порядке. Я была поражена дюжиной или более кристаллов тейз, и я даже не заметила.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я... я не человек.

Глава 44

Я просидела под водой целых полчаса, и только потом отпустила лодку и, ухватившись, подпрыгнула рядом с ней. Я дрожу в прохладной темной воде. На лодке, что находится ближе к заливу, старик встает у борта и мочится прямо в море. Его водянистые глаза скользят по мне, но его, кажется, не заботит девушка, цепляющаяся за бок старого луззу.

Я подпрыгиваю в воде настолько, что б получилось шлепнуть промокшую фотографию ребенка на деревянные перила.

С лодки донесся тихий писк удивления, и маленькая рука сжала мое запястье.

– Спасибо, – шепчет мне хозяйка лодки. – Не знаю, как ты ее спасла, но спасибо.

– Спасибо, что защитили меня, – шепчу я в ответ. Ее лицо все в синяках, губа рассечена, мокрая куча тряпья, темным пятном валяющаяся на полу лодки, – вещи, которые она смогла спасти из воды.

– Чарли?.. – я не могу заставить себя задать этот вопрос.

– С ним все будет в порядке, – говорит женщина, но я в этом не уверена, да и она тоже.

Моя кожа вся сморщилась, а волосы стали жесткими от соли и всего, что плавает в той грязной воде. К тому времени, когда я, наконец, доплыла к узкому многолюдному пляжу, несколько человек поднимают глаза, но их, похоже, не особо волнует ни я, ни мое присутствие. Они погружены в свой собственный микрокосм, и даже вознаграждения, предложенного полицией, недостаточно, чтобы вовлечь их в мои дела. Вдалеке, на краю лодки, я вижу мигающие огни, полицейские лодки, мужчин и женщин, одетых в черную форму военного образца. Но они висят по краям района Фокра. Даже они знают, что эта земля – ничья.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Дома, построенные из мусора – ломаного олова и сломанных досок, явно с лодок «луззу», картона и пластиковых брезентов – выстроены до самой кромки воды, все видимое пространство занято. Несмотря на то, что сейчас лето, по всему этому импровизированному городу мерцают небольшие костры.

Я кашляю. Вонь от дыма, равно как и от старых двигателей, так и от готовки – невыносимая. Я высыхаю на суше, а кожа становится липкой от грязи. Я смотрю на свою одежду: та порвана, пропитана грязной морской водой. Кусочки мусора прилипли к моему телу и запутались в волосах. Но меня это не волнует. Я думаю только о том, что мне не нужно дышать воздухом, что электрошокеры даже не причиняют мне боли.

Я не человек.

Эти слова звучат в моей голове набатом с каждым шагом по берегу все сильнее.

Я не человек.

Человек не способен на такое. А еще – я думаю о том, что когда андроиды впервые предупредили меня, я сбросила Розы, чтобы сорвать ее шунтирующую панель. Мне не должно было хватить сил для этого. Я сбросила Джека с себя, когда он напал, как будто он был ничем, при этом ранив его, учитывая, что я никогда ни с кем не дралась в жизни.

Я не человек.

Я смотрю на свои руки. Что у меня под кожей: провода и схемы или плоть и кости?

Я не человек. Я не могу быть человеком. Но тогда...

Что я?

Я едва сдерживаю рыдания. Все, чего я хочу, это раздеться и принять обжигающий душ, затем завернуться в свой пушистый халат и свернуться калачиком в маминой постели рядом с ней. Но это напоминает мне о женщине, которая носит мамино лицо, и мой желудок сжимается. Я даже не знаю, что реально, а что плод воображения.

– Элла? – кто-то встает и направляется ко мне из-за навеса.

Джек.

То, как он выглядит... ничего, что указывало бы на то, что он живет в районе Фокра, но, несмотря на это, по его походке видно, что он чувствует себя здесь как дома.

– Джек, – говорю я с облегчением и бросаюсь к нему. Безумный бросок через лодки, начинаю задыхаться, но мои легкие отвергают этот густой загрязненный воздух, и я бы задержала дыхание, если бы только оно не напоминало мне о том, что я – другая. Он протягивает руки, словно собираясь обнять меня, но я останавливаюсь, внезапно осознав:

– Они почти схватили меня, – шепчу я, указывая на затихшие лодки в заливе.

Джек мрачно кивает. – Я знаю.

– А мама? Что случилось с моей мамой? – слова вырываются из меня. – Что это было... Что. Это. Было? Что случилось? – голос срывается, и на мгновение я боюсь, что заплачу. Я закрыла глаза, желая, чтобы жжение внутри них не вылилось наружу.

Джек касается моей руки и, распахнув глаза, я вижу его печальный взгляд.

– Она, может быть, в порядке, – говорит он. – Это... это... не твоя мать. Но ты должна верить, что она все еще там, что с ней все будет хорошо.

Я могу это сделать. Я могу притворяться. Я провела последние несколько лет своей жизни, притворяясь, что с мамой все в порядке.

Что со мной все в порядке.

Я тру ладонями глаза, мысленно поклявшись себе, что выясню, что произошло с мамой. Я спасу ее.

– Как? – тихо спрашиваю я, хоть Джек и не был посвящен в мои молчаливые размышления, он понимает мой вопрос.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Я не знаю, как нам спасти ее, – говорит он. – Но мы это сделаем. Вот чем занимается Зунзана, Элла. Мы не террористы. Мы не верим в слова правительства. А если видим, что что-то не так – пытаемся это исправить.

Как моя мать. Как я.

Я все еще не уверена, доверяю ли я Джеку и его Зунзана. Но точно знаю, что не доверяю правительству, не после того, как они преследовали меня, словно преступника; не после того, как увидела лицо матери и то, что могли сделать только в правительственной лаборатории.

Я буду доверять себе, кем бы я ни была сейчас. И я спасу свою мать. Настоящую мать.

Я расправляю плечи и оглядываюсь.

– Где мы? – наконец, спрашиваю я.

Джек заливается горьким смехом:

– Это место называется Парадиз-Бей.

Он видит мой взгляд и добавляет:

– Так он был назван до того, как построили новую Венецию. Это очень красивый пляж.

Те дни давно прошли, это точно. Лодки в воде стоят так близко друг к другу, что было легко перепрыгивать с одной на другую. Здесь тесновато, деревянные стены натыкались друг на друга, но клаустрофобия тут ни при чем. Люди повсюду. Нам приходится протискиваться мимо грубо сколоченных стен импровизированного корпуса. Иногда Джек убирал с нашего пути часть какой-нибудь лачуги, а затем ставил ее на место. Кричащие дети с невероятной скоростью проносятся сквозь обломки, но единственный ребенок, которого я вижу – худенькая маленькая девочка, кормящая грудью своей матери, — кажется, она уже апатично приняла свою судьбу. Ее глаза безжизненны, а тело... съезжилось, побежденное обстоятельствами.

Я не знаю, по крайней мере тысяча или больше людей обездолены на этом пляже. Я оглядываюсь на лодки, сгрудившиеся вокруг колонн в воде позади нас. Лодки, находящиеся поодаль, – лучше. Я вижу их яркие цвета даже отсюда. А вот лодки, которые ближе к берегу, – тусклее, увядшие, поврежденные, сломанные. Как и люди.

Еще тяжелее людям не на лодках, а на берегу и у окружающих его Утесов. Здесь мало места, мало тепла и совсем нет радости. Я смотрю на один из горшков. Обьедки, морковная кожура и что-то еще, я почти уверена, там трава вперемешку с мясом, которое, как я предполагаю (надеюсь), когда-то было кроликом – кипятят в глиняном горшке над маленьким каменным очагом кенура. Девочка примерно моего возраста тычет палкой в еду, разгоняя рукой пар.

Она поднимает глаза и видит, что я смотрю на нее. Ее глаза сужаются и в них появляется злость, она выхватывает горшок из огня и прячет его за спину. Она вертит в руках ложку и тычет ею в мою сторону.

Я поднимаю обе руки и делаю шаг назад. Она подозрительно смотрит на меня, затем медленно ставит котелок обратно на огонь.

Я придвигаюсь ближе к Джеку. Его лицо мрачно, челюсти сжаты, когда он ведет меня к высоким утесам в конце пляжа.

– Откуда здесь так много людей? – спрашиваю я, обхватывая себя руками и стараясь держаться поближе к Джеку.

– Некоторые родились здесь, – отвечает Джек. – Какие-то семьи спрятались здесь от гражданской войны, – Джек останавливается и оглядывается. – Большинство из них просто бедны, и они не хотят делать то, чего требует от них правительство, чтобы они смогла заработать. Деньги ничего не значат, если вы должны отказаться от своих убеждений и того, во что верите, чтобы получить их.

Скалы пятнистые и даже темнее, чем остальная часть района Фокра, полые пещеры, вырезанные во внешних краях. Джек ведет меня мимо большинства из них, затем

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

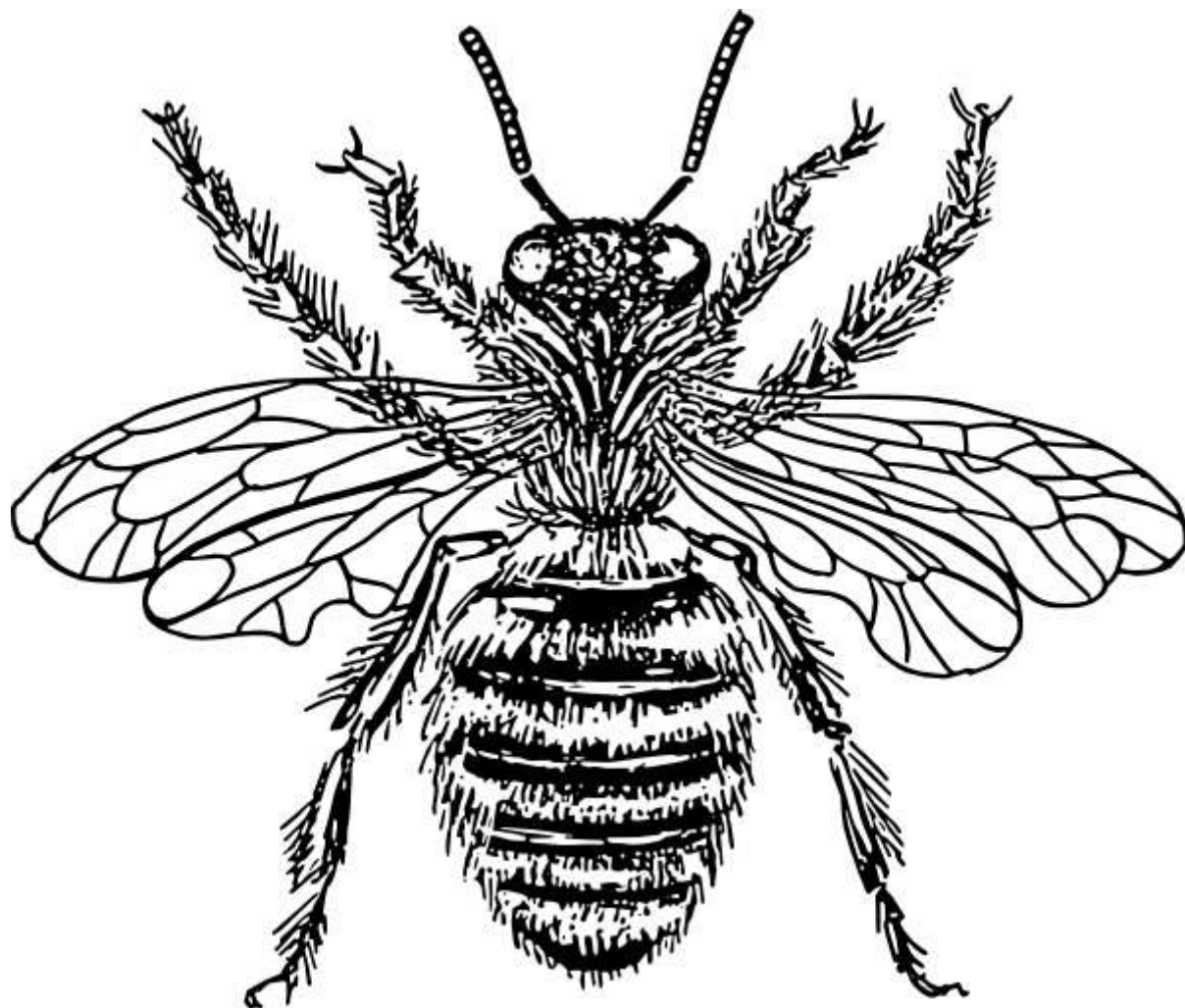
останавливается перед узким отверстием на западной стороне, так близко к краю воды, что я могу вижу солнечные лучи, уходящие под воду.

И только когда мы почти добрались до похожего на пещеру отверстия в скале, я замечаю нескольких людей, собравшихся у входа. Большинство из них мужчины, но есть и женщины. У них у всех пронизательные взгляды, и все они направлены на нас. Комки с твердыми краями – оружие – двигаются под свисающими с них тряпками.

Джек поднимает руку, сверкая одноразовым браслетом на запястье.

– Она со мной, – добавляет он. Внезапно напряженный воздух вокруг пещеры расслабляется. Я помню, что Джек говорил о Зунзанах – хотя основная группа сводится к ним троим, но сеть, созданная ими, очень обширна, с «друзьями» по всем объединенным странам и за их пределами. Люди не совсем готовы встать и бороться с правительством, но они готовы помочь тем, кто борется.

Джек отступает в сторону, пропуская меня вперед. Я шагаю в темноту.

Глава 45

Открыв металлическую дверь в пещеру, мы входим в комнату, настолько светлую, что мне пришлось быстро заморгать, чтобы глаза привыкли.

Вокруг нас изгибались грубые известняковые стены, простираясь далеко за пределы моего зрения. Это не пещера – это туннель. Я спотыкаюсь, сделав всего шаг вперед, и только тогда замечаю длинный магна-трек, вделанный в пол. Наверху колеи стоит изношенный вагончик – размером чуть больше металлической ванны, вмонтированный в колею, – а в центре вагона, где должен быть источник питания, – светящийся стеклянный кирпич.

– Солнечное стекло, – выдыхаю я, вглядываясь внимательнее. Солнечное стекло происходит в одной из межзвездных колоний – идеальный источник топлива. Стоит только выставить его ненадолго на солнце, и он накопит достаточно энергии, чтобы проташить поезд через весь мир. Сверкающие вершины триумфальных башен обеспечивают энергией все Верхние города Новой Венеции, а солнечные стеклянные кирпичи, встроенные в дно моста, перекинутого через короткий участок моря между Мальтой и Гозо-крышей Нижнего города – обеспечивают альтернативу солнечному свету и энергии для всего Нижнего города.

Но само по себе, как отдельные кирпичи, используемые людьми, а не гигантские электростанции, солнечное стекло встречается крайне редко и это очень дорогое удовольствие.

Друзья Джека – Ксавье и Джули, делают шаг вперед, их тела отбрасывают длинные тени, пляшущие в туннеле.

– Что... что это за место? – спрашиваю я.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Изначально Парадиз-Бей должен был стать достопримечательностью, – говорит Джек. – Это должна была быть одна из остановок на пути следования поездов. Но потом планы провалились, бездомные заселили туннель, но в конце концов все равно был заброшен. Он идет до самого безмолвного города.

– Так было удобно, – произносит Ксавье своим грубым голосом. – Путь сопротивления проходил через тоннели, как и до гражданской войны. Правительство любезно забыло о его существовании.

– С тех пор как?..

– С тех пор, как обмен финансовыми ресурсами начался в середине 21-го века, люди видели, что происходит, и работали, чтобы предотвратить это. – Джек ведет меня к металлическому экипажу.

– Что должно было произойти? – я изо всех сил стараюсь не отставать: ноги Джека вдвое длиннее моих.

– Объединенное правительство. Да, звучит неплохо. Но дело в том, что если правительство становится слишком большим... ну, оно забывает о людях. Район Фокра является тому подтверждением. В Новой Венеции не должно было быть бедняков — во всяком случае, таких. Семья Акилы никогда не была богатой, но у них всегда был дом и достаточно еды. Или, по крайней мере, я так думала. Она никогда не говорила мне... я не знала... неудивительно, что она хотела сбежать в армию.

– Жертвовать немногим ради блага остальных – прекрасно, пока не вспоминаешь, что мы говорим о людях, – добавляет Джек с горечью в голосе.

– Жертвовать немногими ради блага остальных... – повторяю я его слова, останавливаясь как вкопанная.

– Во взрывах андроидов Зунзана не виновата, – говорит Джек сразу.

– О, я тебе верю... – говорю я, останавливая его. – Но... – я думаю об Акиле, о маме. О Папе. Об Эстелле Беллес и еще ста трех людях, погибших при взрыве андроидов. А затем о еще сотнях тысяч людей, погибших в гражданской войне. О оспинах, оставленных бомбами на острове, о разрушенных городах. – Я не хочу, чтобы мои друзья умирали. Моя семья. Я не хочу умирать, – говорю я. – Но я также не хочу новой войны.

– Элла, мы не можем позволить правительству лишить нас человечности, – начинает Джек.

– Это они начали! – говорит Джули звонким чистым голосом. – Если потребуется война, чтобы остановить их... *C'est vraiment des conneries! Pute!* (Прим. Перев.; с франц.: – Это действительно фигня! Шлюха!) Она бормочет что-то по-французски, но я не понимаю, а Ксавье отводит ее в сторону, успокаивая.

Джек поворачивается ко мне, на его губах застыл аргумент.

Я скидываю руки. – Послушай, я не пытаюсь снова ввязаться в спор. Я обращаюсь к тебе из-за того, что знаю, что творится в твоей голове. Как бы то ни было – не пытайтесь быть благородными, когда у вас на руках кровь. Вы восстаете против правительства, и хоть вы еще не прибегли к их методам, к чему, по-вашему, это приведет? Если вы хотите свергнуть правительство, то просто окажетесь на их месте, – я отворачиваюсь, мне невыносимо смотреть на него. – Здесь нет победителей. Нет ни хороших, ни плохих. К тому времени, как все закончится, на наших руках будет кровь.

Джек поворачивает меня обратно, заставляя встретиться с ним взглядом. – Элла, – произносит он мрачным и серьезным голосом. – Я понимаю, что ты меня не помнишь. Но если бы ты помнила, ты бы знала, что я никогда не стану таким человеком, каким ты меня считаешь. Но я не позволю превратить себя в... что бы это ни было. Если мне придется убивать – я убью, я сделаю все, чтобы защитить себя и человечество. Но если они прибегнут к насилию, можешь

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

быть уверена: я не взорву полгорода и не убью ни в чем неповинных людей. Если я собираюсь кого-то убить, то я буду смотреть этому человеку в глаза, делая это, и он будет знать, почему и за что.

Он делает паузу, и его горячий сердитый взгляд скользит вверх-вниз по всему моему телу. – Кроме того, – говорит он, – каждый герой, которого я знаю, пропитан кровью.

Я проглатываю комок в горле, судя по тому, как Джек говорил раньше, он считает моего отца одним из своих героев.

– Нам пора, – снова прерывает Ксавье. Он открывает перед нами дверцу вагончика, Джулия первая забирается внутрь, бросая на меня злобный взгляд, когда я следую за ней. Она вспыльчива и яростна, и ей достаточно одного того факта, что я не хочу войны и прочего, чтобы она усомнилась в моей ценности.

Джек садится рядом со мной, Ксавье подходит к рулю, заводит «карету» и уносит нас в темный туннель. Солнечный стеклянный кирпич не только питает экипаж, но и отбрасывает сияющий свет, освещая туннель.

– Я не хочу войны, – шепчу я.

– Что? – спрашивает Джек. Я отворачиваюсь – я и не заметила, что говорила довольно тихо для того, чтобы меня услышали.

Джек тянется ко мне. – Я не просила об этом, – признаюсь я. – Я просто... – не знаю почему, но я трясущими руками, словно те мокрые, а я пытаюсь их высушить. Движения становятся более резкими, и вот я уже бью руками по своему телу. Я не могу это контролировать. Джулия смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Меня переполняет осознание того, что все, абсолютно все не такое, каким я его себе представляла, что даже я не та, кем себя считала; что я не человек, а нечто, которое не нуждается в воздухе; что может заглушать боль; что с таким же успехом может быть андроидом, монстром, бездушной оболочкой, – как то, чем стала моя мать и, возможно, Акила. Я одинока, я бездушное чудовище... и я одна... одна... одна.

Джек обнимает меня и держит до тех пор, пока я не успокаиваюсь.

Он ничего не говорит. Просто обнимает.

– Я не дышала, – признаюсь я, успокоив сердце.

– Что? – Джек в замешательстве отстраняется.

– Я спряталась под водой. И я не дышала.

– Хорошо, – медленно произносит Джек, все еще смущенный. – Я рад, что тебя не поймали.

– Я полчаса не дышала.

Глаза Джека округлились.

Я вырываюсь из его объятий и прижимаюсь к стене «кареты». Известняк то и дело мелькает мимо нас, оставляя за собой запах мокрой земли. – Это существо, которое не было моей мамой... Акилой... боюсь, я тоже...наподобии одной из них. И я... я боюсь, – поворачиваюсь и смотрю ему в глаза. – Ты говоришь, мне не хватает воспоминаний. Может... может, я просто не выдерживаю.

Звук сотен миллионов пчел, летящих на меня, наполняет мои уши.

Но тут голос Джека перекрывает шум. – Я не знаю, кто ты, Элла Шепард, но я уверен, что ты все еще Элла Шепард. То, что создало правительство, те существа, которые выглядят как люди которых мы знаем, но которыми не являемся — у них не было эмоций. У них не было страха. Внутри была пустота. Это не про тебя.

– Но...

Джек заставляет меня замолчать. – Мы с этим разберемся. Вместе.

Я фыркаю. – Точно так же, как выиграем войну против самого большого и могущественного мирового правительства? – говорю я недоверчиво.

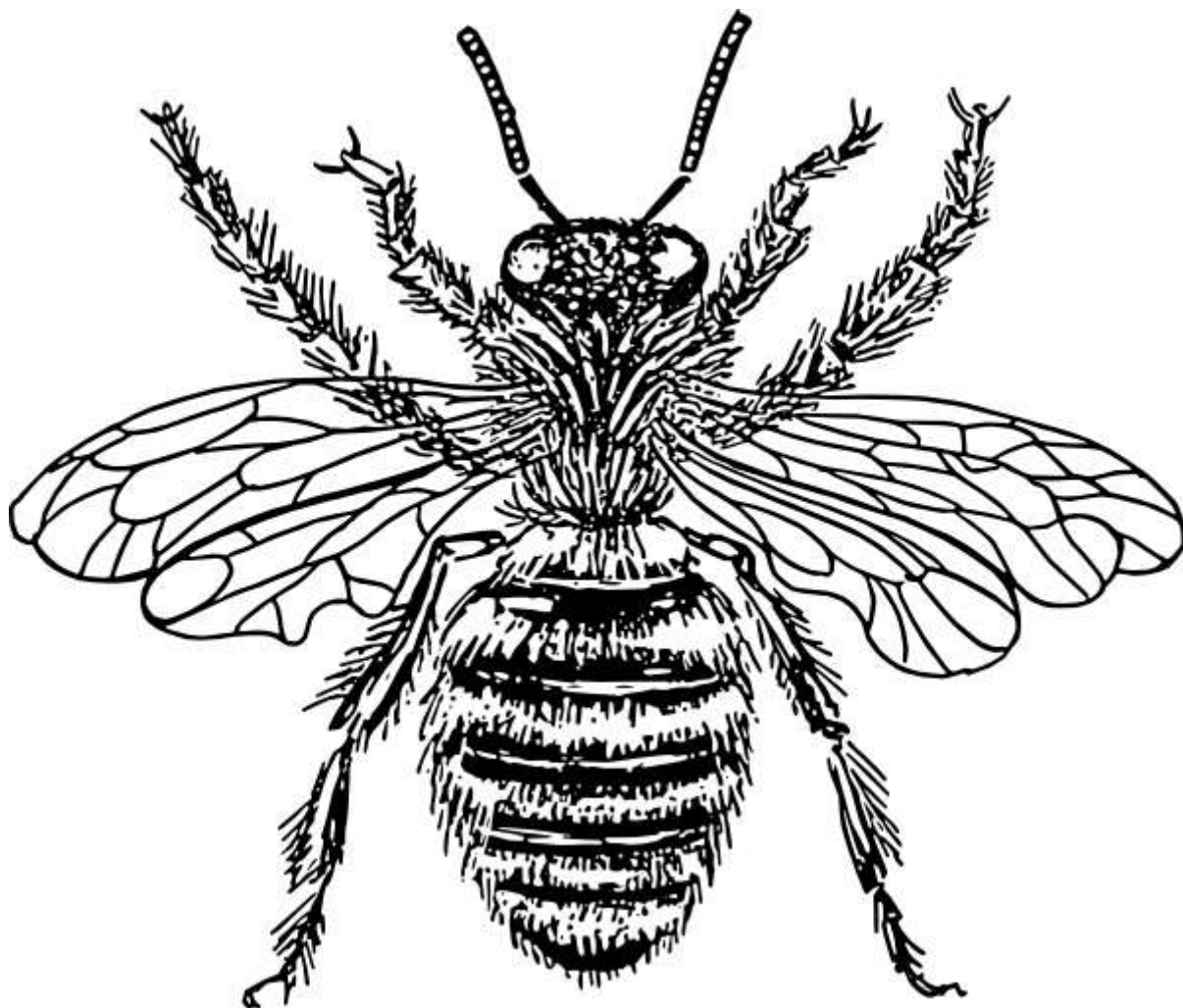
Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- Я никогда не говорил, что мы победим. - Джек выговаривает слова по одному. - Я просто сказал, что не перестану бороться.

И впервые я по-настоящему осознаю, насколько опасен Джек Тайлер. Пусть на его стороне лишь горстка людей и призраки его родителей, но он никогда не отступит.

Никогда не сдастся. Не на войне.

Не со мной.

Глава 46

Ксавье останавливает вагон так внезапно, что я едва не падаю с сиденья. На мгновение мне кажется, что мы уже прибыли к месту назначения — должно быть, проехали не меньше десяти километров. Но вместо того, чтобы открыть дверцу вагона, Ксавье чертыхается и закрывает ставнями солнечный стеклянный кирпич металлической крышкой, отправляя нас всех в крошечную тьму.

- Что случилось? - спрашиваю я. По свету на их браслетах я вижу, что у Ксавье, Джека и Джули серебряные глаза - они видят что-то своими глазными ботами - программа, которой у меня нет.

- За нами следят, - отвечает Джек.

- Пять километров... четыре с половиной... черт, они быстро едут, - шепчет Джули.

- Других экипажей на путях нет — они бегут, - говорит Ксавье. Он делает паузу. - Два человека, определенно два человека. Но...

- Ни один человек не может бежать так быстро, - говорит Джули.

- Черт, - выругался Джек. - Мы должны спрятаться. Сейчас.

Он распахивает дверцу вагона и вытаскивает меня из нее. Жюли и Ксавье бросаются следом.

- Мы должны остаться в вагоне, да?- спрашиваю я, но не успеваю договорить, как Ксавье снова заводит вагон и тот уносится в темноту без нас. Возможно, они считают, что наши преследователи продолжат погоню, не зная, что нас внутри нет.

- Туннель тамплиеров где-то здесь, - бормочет Джек.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

- В трех километрах отсюда, - говорит Джули с паникой в голосе.

Единственный свет, который у нас есть сейчас, - это свечение наших браслетов. Я оглядываюсь на гнетуще маленький туннель и проглатываю истерический смех, подступающий к горлу. - Куда мы пойдем? - говорю я тихо.

Джек хватается меня за запястье и тянет к стене — точнее, не к стене, а к узкому проходу, в который мы едва протискиваемся. Ксавье следует за нами, а Джулия замыкает шествие. Трещина в туннеле открывает нишу, в которой можно спрятаться. Он явно сделан человеком - узкий, но однородный, и как раз подходящего роста для маленького человека, но простирается гораздо дальше, чем я могу увидеть. Ксавье приходится сгорбиться, да и пол неровный.

- Один километр, - шепчет Джули.

Кто бы ни гнался за нами, он несется безумно быстро.

- Снимите браслеты, - тихо приказывает Джек. Джули и Ксавье тут же снимают наручники, но я колеблюсь. Свет от манжеты такой тусклый, но это лучше, чем ничего. Джули протягивает руку и силой расстегивает мне браслет.

Камень в расщелине мокрый и сырой, и когда я касаюсь его, слизь стекает с камня на мою кожу.

Косой луч света просачивается сквозь крошечную пещеру, в которую нас затащил Джек. Тот, кто нас преследовал – нас догнал.

Голоса.

Звуки приглушенные, но это две женщины.

Джек хватается меня за руку, его пальцы впиваются в мою плоть. Я чувствую исходящий от него страх.

И тогда я могу разобрать одно слово от наших преследователей.

- Здесь.

Они нашли нас.

Джек проводит рукой по моему лицу, крепко сжимая мои губы. И только тогда я осознаю, кому принадлежит этот голос.

Акила.

Я подкрадываюсь ближе, стряхиваю руку Джека и иду к свету. Из узкой щели в стене, скрытой от глаз, я вижу лицо Акилы. Моя подруга, моя лучшая подруга, моя сестра. Широко распахнутыми глазами впитываю образ Акилы в бледном свете фонаря, прикрепленного к ее боку. Она постарела, совсем немного, часть детского жирка вокруг ее щек исчезла, сменившись более резкими линиями. У нее темно-карие глаза, но с опущенными веками. Ее волосы... она всегда заплетала их в косы, которые змеились по спине, или в пушистое облако вокруг головы, но сейчас они обриты. Ничего, кроме выющихся черных пучков на черепе.

Она выглядит по-другому, но точно так же.

- Она рядом, - говорит Акила резким бесстрастным голосом.

- Жучок, - шепчет Джек.

Мое сердце замирает. Я тихонько ощупала одежду — простую майку и джинсы, ничем не отличающиеся от тех, что я обычно ношу. И я не могу найти на них маячок. Так же, как у Джека был жучок, который позволил мне найти его, у меня должно быть что-то, что привело врага прямо к нам. Враг... теперь она враг. Меня тошнит от того, что я думаю об Акиле как о человеке, которого нужно бояться и избегать.

- Но я ее не вижу, - продолжает она. Должно быть, она с кем-то разговаривает - с тем, кто отдает ей приказы. Она ждет команды, а затем я слышу резкое: - Да, мэм.

Я закрыла глаза. Премьер-Администратор Янг. Она контролирует Акилу, она отправила ее на охоту.

- Элла! - кричит Акила. - Элла, где ты?

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

И она так похожа на мою подругу, что мне не терпится откликнуться. Хватка Джека вокруг моего рта сжимается так сильно, что все мое тело прижимается к нему.

- Элла! - зовет Акила. - Я сбежала из армии! Мне... Мне нужна твоя помощь!

Ее слова звучат искренне, но лицо совершенно пустое.

- Мне больно! - говорит Акила. Если я закрою глаза, то по голосу это будет именно та Акила, которую я знала. Но если посмотреть на нее, то увижу - в ней не осталось абсолютно ничего от человека, которого я знала.

Она мне не подруга. Она не Акила. Больше нет.

- Элла, пожалуйста!- Голос Акилы срывается на моем имени, и это звучит так, словно она испытывает настоящую боль.

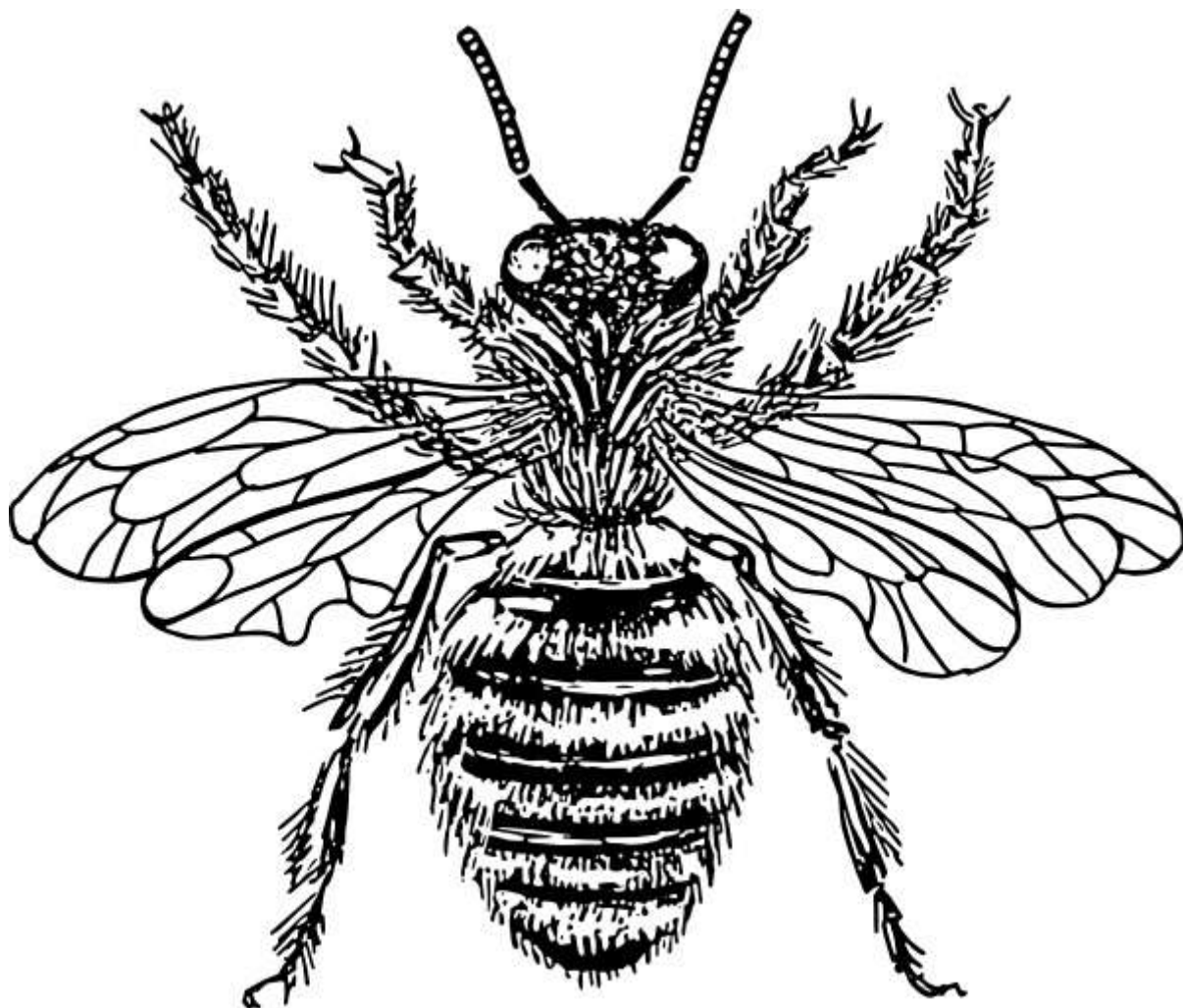
Я отрываю руку Джека от своего рта. Он сопротивляется, но ему не о чем беспокоиться.

Я не вернусь к ней. Я вижу, во что превратилась Акила...

Акила делает паузу - получает новые приказы от ПА Янга после того, как я не поддаюсь ее тактике. Акила что-то бормочет в знак согласия и поворачивается.

И только тогда я вспоминаю, что в туннеле были два человека, преследовавших нас в темноте. Вторая женщина делает шаг вперед, и я вижу ее сквозь щель в скале, за которой мы прячемся.

Мэм.

Глава 47

Голос Акилы прорезает тусклый туннель.

- Элла, мы знаем, что ты рядом. Мы не хотим причинить тебе боль. Мы просто хотим отвезти тебя домой.

Я не двигаюсь. Ладони сжимаются в кулаки, зубы скрежещут, но я не двигаюсь.

- Ты не оставляешь нам выбора, - говорит Акила. - Если через тридцать секунд ты не выйдешь или не скажешь, где находишься, я убью твою мать.

Я камень. Я камень. Эта женщина - не моя мать, и я не сдвинусь с места, я не пойду к этой штуке с лицом моего друга, я каменная, я молчаливая, я неподвижная.

Сквозь узкую щель в стене туннеля я вижу, как Акила вскидывает пистолет и прижимает ствол к голове моей матери. Не моя мать, не моя мать, это не моя мать.

- Десять секунд, - говорит Акила бесстрастным голосом.

Я камень.

Акила спускает курок.

Голова матери откидывается назад — но не ломается. Плоть на ее лице разбивается вдребезги, обнажая блеск металла.

Не кости.

Металл.

- Элла!- существо без лица зовет голосом моей матери.

Сердце колотится в груди. Я чувствую вкус желчи.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Акила снова целится в левый глаз матери. Она снова нажимает на спусковой крючок, и я слышу, как пуля отрикошетила от твердого металла черепа моей матери. Ее тело судорожно дергается, пуля делит голову напополам. А затем ее тело падает – пустое, как тряпичная кукла. Она падает на каменную землю туннеля, разбитая, мертвая.

Это не моя мать, это не моя мать, я знаю, что это не моя мать, но я не могу подавить рыдания горя, поднимающегося во мне.

Акила резко поворачивает голову, ее взгляд падает на потайной ход в стене. Она убирает пистолет в кобуру, затем достает еще одно оружие. Маленький пистолет, но пули внутри него светятся, как солнечное стекло, сверкая в мерцающем золоте.

- Черт! - кричит Джек. - Шевелись! Шевелись! Шевелись!

Позади нас Ксавьер и Джули пробираются вглубь пещеры, но для нас с Джеком уже слишком поздно, мы слишком близко к стене. Джек бросает меня на землю и накрывает своим телом. Акила нажимает на курок, и каменная стена туннеля взрывается. Пыль забивает воздух, и сыплются обломки. Тяжелый камень врезается в спину Джека, настолько сильно, что даже я чувствую его давление.

Акила шагает к дымящейся скале.

- Привет, Элла, - говорит она. Она отрывает Джека от меня и швыряет к стене.

Я съеживаюсь у ее ног. Я не понимаю, что с ней случилось.

Что-то, точнее кто-то – Джули – врезается в Акилу, сбивая ее с ног и заставляя отступить. Затем молниеносно пинает Акилу в бок, а после бьет кулаком в солнечное сплетение. Это не выводит ее из строя, но Акила отступает, осторожно поднимая руки в защиту.

Я карабкаюсь по разбитой скале к Джеку.

- Ты в порядке? - я задыхаюсь, пробегая руками по его телу. Между камнями, обрушившимися на него, и Акилой, швырнувшей его, я ожидала ну, по крайней мере сломанной кости, но хоть он и грязный, в порванной одежде, он чудесным образом оказался в порядке.

Я тащу Джека глубже в туннель, в сторону. Акила и Джули кружат вокруг друг друга словно голодные волки, готовые напасть. Акила пытается двинуться ко мне, но Джули блокирует ее, ударяя ту локтем в ключицу. Однако от боли кричит Джули – кости Акилы, должно быть, сделаны из того же непроницаемого металла, что и у мамы.

Я вижу решимость в глазах Акилы; я вижу точный момент, когда она решает, что покончит с Джули быстро. Я выкрикиваю предупреждение, но слишком поздно – Акила прыгает на Джули со скоростью, которую я даже представить не могла – и Джули падает на землю. Но не совсем. В последний момент она взмахивает ногой, выбив Акилу из равновесия.

Как только ее тело падает на землю, Ксавье вырывается из тени. Он плюхается на Акилу, и в тусклом свете я вижу отблеск чего-то серебряного.

Игла.

Он погружает ее в кожу Акилы. У нее есть мгновение, чтобы выругаться – а потом она вырубается.

Я встаю, почти ожидая, что она вскочит и снова нападет.

- Она?.. - спрашиваю я.

- Спит, - ворчит Ксавье.

- Все в порядке, - говорит Джек. - Ксавье медик.

Ксавье пожимает плечами. - Был бы им, если б школу закончил.

Мой взгляд скользит мимо разрушенной стены к туннелю с Магна-треком и телом моей матери. Джек тянется ко мне, но краем глаза я вижу, что Джули удерживает его. Я спотыкаюсь о стену и опускаюсь на колени рядом с телом матери.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Не моя мать. Я должна помнить об этом. Под шеей, куда не попали пули, она вся в маму. Крошечная родинка в том месте, где соединяется ключица. Мягкие руки, длинные пальцы.

Но ее лицо было разбито выстрелом Акилы, а под ним – металл.

Кровь — так много крови — или, по крайней мере, что-то красное и липкое, как кровь. И здесь есть плоть, и кожа, кожа кажется настоящей. Но ее череп металлический. А глаза – теперь у нее остался только один глаз – похожи на человеческие. Он свисает с вен прям как нстоящий. Но в нем есть какой-то странный блеск, и мне кажется, я вижу край линзы, вставленной позади ее зрачка.

Искры электричества мерцают, а сквозь разбитый череп я все еще вижу небольшое жужжание шестеренок. Она даже еще не умерла...

- Мы должны идти, - голос Джека прорезает все темные, ужасные мысли, кипящие в моем мозгу. - Теперь, когда эти двое выведены из строя, они пришлют еще.

- Жучки, - хрипло говорит Ксавье.

- Где? - спрашиваю я. - Я посмотрела, на мне ничего нет.

- Иди сюда.

Ксавьер приподнимает клапан одного из карманов брюк и достает фонарик и маленькую аптечку. Он ставит фонарик, освещая сферу вокруг нас. Открыв аптечку, достает маленький сканер и проводит им по мне.

- Черт, - бормочет он, считывая сканер.

- Что? - спрашиваю я. Я пытаюсь заглянуть через плечо, но ничего не вижу.

Ксавьер молча передает сканер Джеку.

- Что?- Снова спрашиваю я, начиная нервничать.

- У тебя значительная доля ботов, - говорит он. - Я не видел такого высокого присутствия наноботов с тех пор, как был на лунном фронте. Я удивлен, что у тебя нет ботбрейна, раз в твоей системе столько наноботов.

Я прикусываю губу, думая о том, как ввела себе дополнительную дозу нанороботов раньше. Возможно, наноботы, которые я ввела себе, были результатом моих странных способностей, а также галлюцинаций. Я была так беспечна, просто думая о том, чтобы подарить маме счастливые воспоминания и время вдаль от ее болезни. Я смотрю на изломанное тело существа, похожего на нее. Как долго мама была... такой? Дала ли я себе шанс ботбрейна, чтобы заставить этого робота задуматься? Нет — это невозможно. У роботов нет воспоминаний, у них не может быть мечтаний.

Я смущенно потираю голую руку, движение становится более тревожным. Ногти впиваются в кожу на руках. Я хочу сорвать его, вырвать наноботов из моей плоти и раздавить их каблуком. Но, конечно, так не бывает. Наноботов не видно, про вытащить и речи нет.

- И в ее системе есть отслеживающие жучки, - добавляет Ксавьер.

Я бросаю на него взгляд. Он кивает. - На тебе нет жучков, - говорит он, роаясь в аптечке. - Они в тебе.

- Как? - Я задыхаюсь, сдерживая отвращение. Как кто-то мог ввести наноботы в мою систему без моего ведома? И кто? Кому понадобилось отслеживать меня таким образом? Я не важна.

Ксавье держит шприц, найденный в аптечке. - Я не могу их вытащить, - говорит он. - Но я могу убить их. Это уничтожит только любые наноботы, предназначенные для целей слежения — это убьет любые геолокационные сигналы, не более того. Остальные боты в твоей системе ... я должен проанализировать их, прежде чем мы сделаем что-нибудь еще.

Я ненавижу мысль о мертвых наноботах, плавающих в моей системе, но я протягиваю руку. Ксавье вонзает иглу мне в кожу, и я задыхаюсь от боли — иглами теперь почти никогда не пользуются, и я видела их только когда маме делали капельницу или что-то в этом роде. Ксавье

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

протирает прокол антисептиком и заклеивает его пластырем, прежде чем снова упаковать аптечку.

- Нам пора, - говорит Джули. Она отталкивается от стены, к которой прислонилась. У нее разбита губа, а красные пятна указывают на синяки по всему телу. Даже Ксавье, попавший в завалы, не остался невредимым. - Возможно, они не смогут выследить принцессу, но они точно знают, где были эти твари, и теперь, когда мы вывели этих двоих из строя, они пришлют замену.

Джек кивает. - Правильно, - говорит он. - Давай поделимся. Ксавьер, ты можешь нести Акилу?

Ксавье кивает и выбирает мою подругу — ту, что похожа на нее, — я уже не знаю. Но он легко берет ее на руки.

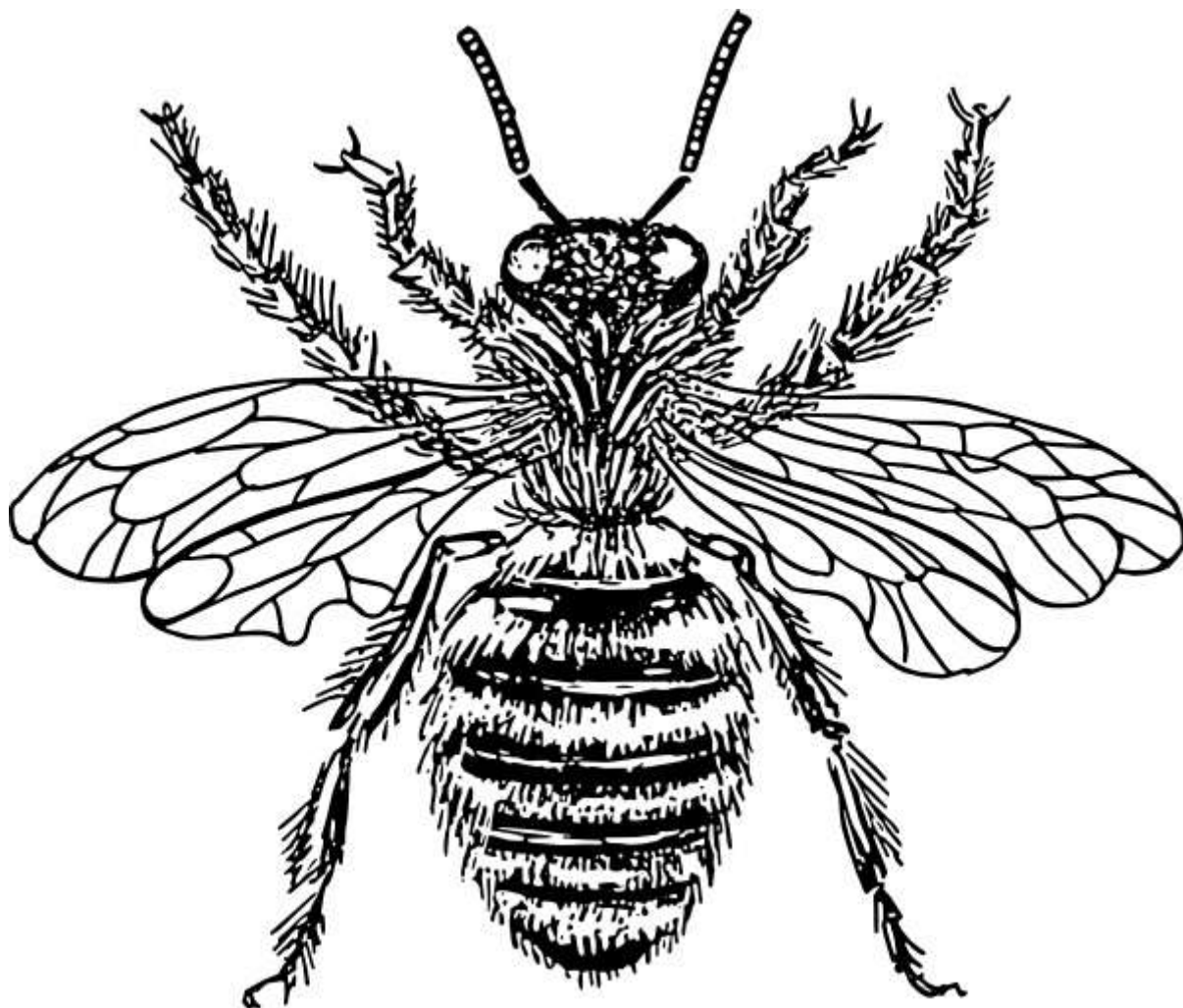
- Вы с Джули отправляетесь на войну. Я возьму Эллу, и мы сможем заснуть, чтобы потом не спать.

- Спать?- спрашиваю я.

- Код, тупица, - говорит Джули, уже толкая Ксавье дальше по туннелю. - Эта штука все еще жива, возможно, она записывает.- она кивает на мою мать. Хотя линза в ее глазу закрыта и она совершенно неподвижна, в ее зияющем черепе все еще искрится электричество. Возможно, она не безнадежна.

- Пошли, - говорит Джек, втягивая меня обратно в потайную пещеру, в которой мы сидели на корточках до прихода Акилы и мамы.

Тьма окутывает нас.

Глава 48

– Сюда, – зовет Джек, толкая меня в узкое пространство. Только спотыкнувшись, я понимаю, что здесь есть ступеньки. Мы не просто в какой-то маленькой расщелине в системе туннелей... мы в отдельной пещере, совершенно отдельном туннеле, выглядевшем намного старше, чем те, которыми пользовались Зунзаны. Я медленно поднимаюсь по неровным ступеням, Джек следует за мной, так близко, что я чувствую тепло его тела, контрастирующее с холодным, влажным камнем.

– Здесь они не смогут найти нас, – говорит Джек, поднимаясь по ступенькам позади меня.
– Наверно...

– Наверно?

Длинные шаги Джека заставляют и меня ускорить шаг. – Я имею в виду, что надеюсь на это. Но...

– Но?

– Но нам нужно идти дальше, – вот что я хочу сказать. Ну же!

Единственный звук в тесном узком пространстве – это наши с Джеком шаги. Время от времени мы скользим склизкому камню, и к тому времени, как я наступаю на последнюю ступеньку, мои руки и колени практически полностью покрыты синяками, да ссадинами. Этот туннель древний — настолько древний, что кажется, будто он сделан самой природой, а не человеком, но лестница, по которой мы только что поднялись, явно была сделана несколько веков назад.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Джек хватает меня за руку и притягивает к себе, попутно зажигая маленький фонарик, о существовании которого я и не подозревала.

– Наконец-то мы здесь, – говорит он срывающимся от напряжения голосом.

– Здесь – это где?

– Ката-выход, – быстро говорит он, но я успела уловить слово, которое он пытался не произнести. Я вырвала фонарь из его руки и осветила им тоннель.

Она заполнена мертвыми телами.

Ладно, не телами.

Скелетами.

Сотни скелетов...

– Что это за место? – шепчу я.

– Катакомбы святого Павла, – отвечает Джек. Он пересекает пещеру и устанавливает фонарик в центре комнаты на круглом возвышении так, чтобы он отбрасывал свет и тени по комнате. Все, что здесь есть, – вырезано прямо из скалы. Гладкий, скользкий пол; низкий потолок; углубления в стенах, заполненные костями.

Через каменное окно я вижу длинный ряд прямоугольных углублений, похожих на узкие кровати, внутри каждой из которых лежал скелет. Многие из них слишком велики для углублений, и тот, кто положил туда тела, согнул им руки и ноги, чтобы те поместились.

– Это было еще во времена Рима, – говорит Джек. Голос у него мягкий, но отскакивает от каменных стен так, что кажется, будто каждый скелет что-то шепчет мне. – Такими захоронениями давно перестали заниматься, но когда началась гражданская война, они снова начали использовать катакомбы, помещая тела в склепы после смерти.

– «Они»? – переспрашиваю я.

– Бедняки. Те, кто не может позволить себе кремацию. Когда бомбили Валлетту и другие города – гибли целые семьи. Но у их друзей и родственников не было необходимых материалов или знаний для подготовки тел, и люди, приходившие сюда, чтобы похоронить мертвых, начинали болеть. Тогда «Зунзана» снова закрыла катакомбы, и честно сказать, довольно рано. Тогда люди начали хоронить прямо в море. Что бедняки до сих пор и делают в районе Фокра.

Мне вспомнились слова Джека о «Зунзане, о том, что она существовала задолго до него. Организация, работающая скрытно, исправляющая ошибки правительства. Когда-то она была достаточно обширной и влиятельной, чтобы помогать людям хоронить мертвецов в военное время, а теперь – это всего лишь трое подростков, изо всех сил пытающихся показать миру невыразимое зло.

Скелеты, лежащие здесь, все пустые, лишенные каких-либо личных черт, абсолютное большинство из них и вовсе завернуты в тонкую льняную ткань. Какие-то из них – всего лишь кости, но есть некоторые, имеющие слизистый восковой блеск. Здесь сыро и темно, но прохладно, посему тела гниют не так быстро, как над землей.

Я начинаю представлять лица на трупах. Они умерли не так давно. Это не тела древних времен; эти люди могли быть моими родственниками. Мои дедушка и бабушка, дядя, которого я никогда не видела, кузены, которых у меня никогда не было.

А затем я обращаю внимание на маленькое отверстие в стене, размером не длиннее моей руки, и крошечный скелет внутри него... и мое сердце вопит и разрывается от ужаса. Моя рука дрожит, когда я поднимаю льняное полотно, для верности опираясь на влажную каменную стену прямо под крошечными пальцами ребенка.

Под этим ребенком чуть большая расщелина, а внутри скелет кого-то помоложе меня. На свету поблескивает золото – крошечный металлический Шмель, похожий на булавку, которую носит Джек, прикреплен именно там, где должно быть сердце ребенка. Эти кости принадлежат

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

кому-то вроде Джека. Кто-то вроде Чарли, парня, который сбежал и отвлек полицию, чтобы я могла сбежать. Я задыхаюсь, подавленная эмоциями, которые так долго пыталась сдерживать. Сглатываю комок в горле. Я не могу плакать. Не могу плакать.

Я не могу перестать плакать...

Джек обходит стол и нерешительно касается моего плеча. Я отшатываюсь. Мне не нужно его утешение. Я не знаю его, даже если он думает, что знает меня. Но мои глаза затуманены и горят, и я все также не могу подавить рыдания, подступающие к горлу.

Я не знаю, как относиться к этому... Видеть мертвые тела детей, погибших еще до моего рождения, жертв войны, в которой у них не было шансов победить? Или зная, что, когда мое тело умрет и начнет гнить, возможно, в моей могиле будет покоиться и вовсе не человеческий скелет. Я могу вообще не сгнить. Я могу быть не более чем андроидом, а смерть моя может быть столь же проста, как выключатель за панелью обхода. Кем еще я могу быть, имея наноботов в организме?

«Андройды не чувствуют», – напоминаю я себе, и нет ничего, что я хотела бы сильнее, чем «не чувствовать».

Я опускаюсь на пол, влажные камни оставляют мокрые следы на джинсах. Я подтягиваю колени к груди, голова опускается на колени, а короткие волосы едва прикрывают лицо. Я просто хочу побыть одна, но я чувствую, как погибают в моей крови наноботы, а значит, я даже в этом случае не могу остаться одна. Я окружена смертью, внутри и снаружи, и все, что она делает, это напоминает мне о бесполезности всего, происходящего вокруг.

Я скорее чувствую, чем вижу, как Джек садится рядом со мной. Он меня не трогает, просто сидит рядом. Единственное тепло в этой холодной и мертвой пещере.

Я поднимаю глаза, когда чувствую прохладный ветерок на коже, от которого мурашки бегут по рукам.

– Там вентиляционные шахты, – поясняет Джек, указывая вверх. Я следую взглядом за его пальцем, но вижу только темноту. Я чувствую, что живу в этой темноте так долго, что буду ослеплена солнечным светом.

– Она действительно ушла, не так ли? – тихо спрашиваю я, глядя на медное кольцо на пальце одного из скелетов, покоящихся в стене напротив меня. Оно напоминает мне кольцо из розового золота, которое носит моя мать. Я пытаюсь вспомнить, было ли у двойника мамы такое же кольцо...

Джек не сразу понимает, что я имею в виду. – Твоя мать? – спрашивает он.

Я киваю. – И Акила.

– Думаю, что да, – мы оба знаем, что тело Акилы исчезло – оба видели, как его уничтожили. Но я надеялась, что осталось хоть что-то, хоть частичка от моего друга. Что-то осталось от моей матери за металлическим черепом и искрящимися электрическими проводами...

– Как? – просто спрашиваю я.

Джек тупо смотрит вперед. – Не уверен. Но на лунной базе, когда погиб солдат, — а это случалось гораздо чаще, чем показывают в новостях, — происходит много «несчастных случаев» во время учебных миссий и стычек с враждующими государствами. В любом случае, если солдат умрет, его довольно быстро заменят двойником. Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что что-то не так. Все солдаты на лунной базе были молоды – некоторые даже моложе, чем позволяли военным, в основном из района Фокра или других бедных районов. Солдат было немного, но как только один из них был убит или серьезно ранен, замена... он выглядел так же, был с теми же воспоминаниями, но...

– Это не одир и тот же человек, – я говорю не о солдатах.

– Нет. Никто из них не был прежним.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

После этого мы долго молчим.

– Именно это случилось с моей матерью? – очень тихо спрашиваю я. – Она умерла? Ее заменили... этим?

– Я не уверен, – снова повторяет Джек.

А потом, не в силах удержаться, я говорю: – Со мной случилось то же самое? Поэтому я тебя не помню?

Джек не отвечает.

Трупы вокруг нас ждут, когда мы снова заговорим.

– Вот, что я знаю наверняка... – наконец произносит Джек, его низкий голос грохочет среди костей. – Все те, кто умер и вернулся – они принципиально разные. Некоторые воспоминания остались, но большинство – нет. Они были чрезвычайно патриотичны, слепо подчинялись начальству. У них не было никаких эмоциональных привязанностей – ни к кому. Они были не в себе.

Джек поворачивается и смотрит мне в глаза. – Но ты... ты по-прежнему та же Элла, – говорит он мне, и искренность звенит в его голосе. – Ты упустила только одну деталь.

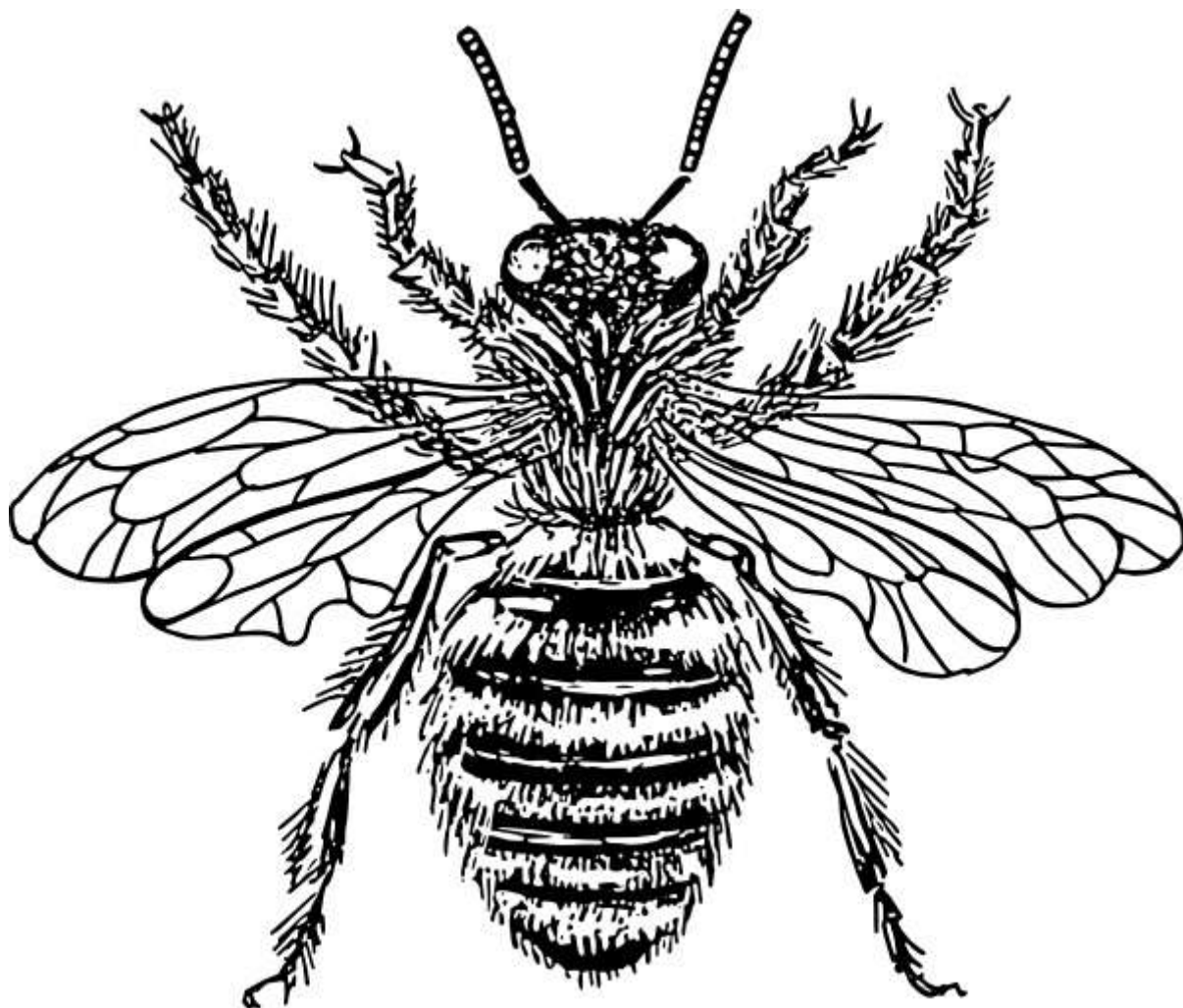
– Тебя.

– Но все остальное есть. Твои воспоминания обо мне не определяли того, кто ты есть. Ты – это ты, цельная и завершенная, и все, что делало тебя тобой, по-прежнему здесь.

Интересно, он имеет в виду, что все, что заставляло меня любить его, все еще во мне присутствует? Но эти слова не могут быть произнесены ни здесь, ни сейчас, ни этой версией меня, которая не знает той версии его.

– Я человек? – спрашиваю я, переводя взгляд на сумку Джека и анализатор наноботов, который указал ему, сколько во мне микроскопических роботов. Это не тот страх, который я могу выразить словами, но внутри меня глубочайший ужас. Я выросла в мире, где все может выглядеть по-человечески, но на самом деле таковым не является, и я ведь никогда не сомневалась в своей человечности. Было совершенно ясно, что андроиды – не более чем разодетые роботы. Но видя Акилу и двойника мамы, видя свои сверхчеловеческие способности... я сомневаюсь во всем, начиная с себя.

– Ты – это ты, – говорит Джек, но я замечаю, что это не ответ на мой вопрос.

Глава 49

Джек встает и протягивает мне руку, помогая подняться. – Готова?

Я снова смотрю на скелеты, «разбросанные» по катакомбам. – Ты это имел в виду? – спрашиваю я. – Когда сказал Джули, что мы собираемся спать? Ты всегда хотел пойти этим путем?

Джек смотрит на меня, на его лице мелькают тени от фонаря. – Да, – говорит он. – А теперь нам пора бодрствовать.

– Где это?

Джек пытается улыбнуться. – Увидишь.

– И ты сказал Джули и Ксавьеру взять Акилу и отправиться на войну?..

Джек направляется к дальней стороне катакомб к еще одной лестнице. – В Гозо есть старый бункер времен Второй мировой – туннель огибает его, и они как раз смогут попасть туда, а затем и в безопасное место.

Я поднимаюсь за ним по лестнице – старой, но настолько как та, что в потайном туннеле. На этой лестнице даже когда-то существовали деревянные перила, но сейчас они превратились в гниющие щепки.

– Для чего ты нас разделил? – спрашиваю я.

– Что? – откликается Джек.

Я говорю громче: – Почему мы должны были разделиться?

Джек на мгновение останавливается, но не оборачивается. – Я не был уверен, что это безопасно.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Мне все равно: опасно это или нет, я могла бы пойти с Акилой. Даже если она... другая... я лучше буду с ней, чем без нее.

Джек по-прежнему не поворачивается ко мне, но продолжает: – Я подумал, что так небезопасно для них...

Я спотыкаюсь на этих словах. Мой счет наноботов, роботы-трекеры, находящиеся внутри меня, мои нечеловеческие способности... я не знаю, можно ли мне доверять или, может, он сомневается, на чьей я стороне, но в конце концов - я обуза.

Джек открывает дверь в конце лестницы, пиная ее, когда та застревает. Мы выходим на прохладный ночной воздух. Я «пью» свежий воздух, наполняя легкие до тех пор, пока они не начинают болеть, и выдыхаю воздух одним долгим свистом.

Над головой мерцают едва заметные звезды. Я вижу огни города Мдина поблизости, – они настолько яркие, что затмевают практически все небо. Мы в Рабате, и хотя мы только что въехали в довольно большой город, нас никто не замечает. Здесь люди держатся особняком. Я жила в Рабате с родителями еще до того, как мама разработала технологию для спа-салона. У нас был маленький домик с плющом и пыльными известняковыми стенами. Эта часть Рабата, однако, пустынна. Мимо проносятся несколько детей на велосипедах, таща за собой тяжелую тележку. Хоть они и молоды, но эти дети уже работают, а не играют, и изгиб их спин и трещины на ладонях означают, что они уже намного старше, чем должны быть в своем возрасте.

Вдалеке я вижу очертания собора Святого Павла, тезки катакомб. Крыша его провалилась, вывеска сломана, центральная дверь отсутствует, обнажая темную голую внутренность.

СС никогда не запрещал религию, по крайней мере не так, как некоторые из рецессионных государств. Это просто породило бы апатию. Вместо того чтобы активно препятствовать людям отказываться от своей религии, правительство просто игнорировало ее. Праздники были изменены с «религиозных мемориалов» на «сиесты» и «вечеринки». Были упразднены налоговые льготы; ни одной религии не было предоставлено никаких особых льгот. Если повреждалась какая-либо религиозная статуя – ее не ремонтировали, ее заменяли чем-то другим, более нейтральным.

И дело не в том, что правительство заставляло людей отвергнуть церковь; а в том, что люди просто перестали заботиться об этом. Когда маме впервые поставили диагноз «болезнь Хебба», я застала ее за молитвой. Думаю, это естественно – молиться в такой момент. Но мы обе были смущены... будто я застала ее голой, и с тех пор я никогда больше не видела, чтобы она молилась.

На Мальте по-прежнему есть несколько соборов и церквей – в Сент-Джонсе каждый год проводится большая благотворительная акция для района Фокра, – но по большей части люди не беспокоятся. Так или иначе, но я никогда не заботилась о религии, и ни один из моих родителей не был глубоко религиозным человеком, хотя семья Акилы была как раз из таких. Но глядя на то, что осталось от Собора Святого Павла, особенно после выхода из катакомб, наполненных другими останками, мне становится грустно.

Такое чувство, что все в моей жизни – это гниющие кости.

Джек отводит меня за несколько кварталов от катакомб, и там он получает доступ к гаражу на уровне улицы, просканировав сетчатку. Замки на металлической двери открываются, и через несколько минут Джек появляется оттуда на старинном черном вездеходном «Веспе» в золотом кузове. Он потрепанный и старый, но когда Джек заводит двигатель – в ответ тишина, хотя шины выглядят новыми. Хоть он и выглядит неприметным, старым и бесполезным, но байк, вероятно, достаточно мощный, чтобы взобраться на гору.

Джек перекидывает ногу через сиденье и двигается вперед, освобождая мне место. – У меня не будет своего? – спрашиваю я.

– Он только один, любовь моя.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Тогда позволь мне сесть за руль, – прошу я. – И не называй меня «любовью».

Джек двигается на сиденье, но прежде чем я успеваю вскарабкаться на него, добавляет:

– Несомненно, ты знаешь, куда мы едим, верно?

Я рычу и забираюсь на «Веспу» позади него. Я не обнимаю его за талию, предпочитая держаться за крыло позади. Джек оглядывается на меня, пожимает плечами, и байк оживает, раскачиваясь и подпрыгивая на изрытой выбоинами улице перед гаражом, когда двери автоматически закрываются за мной.

Я села так неудобно, что даже не вижу, куда мы едем, не иначе как прочь от цивилизации. Джек избегает больших городов по пути. Мдина исчезает на позади, хотя яркие огни новой Венеции, включая сверкающие верхушки триумфальных башен, все еще видны на северо-западе.

Когда Джек сворачивает с дороги на каменистую местность складского упаковочного района, я хватаю его за талию, чтобы не свалиться, когда мы болезненно подпрыгиваем на ухабах, которые, вероятно, никогда не были должным образом вымощены. Джек кладет одну руку поверх моей, прижимая меня к себе. Я инстинктивно начинаю отстраняться, но потом решаю не делать этого. Рядом с ним тепло, и я чувствую себя в безопасности.

Через некоторое время я понимаю, куда мы едем. Земля все более и более пустынна, даже фабрики не отваживаются заходить так далеко на север и Восток. Пустые останки зданий тупо смотрят на нас, пока Джек не рискует снова выйти на ухабистые улицы. Дороги когда-то были хорошо проторенными и популярными, но от того времени почти ничего не осталось.

Мы направляемся в бывшую зону боевых действий.

В гражданскую войну было тяжело всем странам-участникам. В каждой стране есть свой знак. На Мальте, наш самый большой шрам – бывшая столица, Валетта.

Джек останавливается прежде, чем мы достигаем развалин города. Он подъезжает к искореженным железным воротам, блокирующим ряд каменных ступеней. Вывеска, выложенная бело-голубой плиткой, покрытая пятнами времени, гласит, что мы в «СЕНГЛИ». Под городом есть фраза, написанная на латыни: «Città Invicta».

Джек замечает мой взгляд. – Это переводится как «непобедимый город».

Какая шутка. Каждый город падает.

Я спрыгиваю с «Веспы», потирая ноющую задницу, пока Джек орудует старомодным ключом на металлическом замке и, наконец, ворота распахиваются. На тусклом ночном небе больше звезд, чем я когда-либо видела. Я протискиваюсь мимо Джека, поднимаю глаза к небу и выхожу на площадь, вымощенную гладкими бледными кирпичами, многие из которых треснули или отсутствовали. Низкая стена из таких же кирпичей тянется вдоль площади, и я бросаюсь к ней, вдыхая пьянящий запах соленой воды.

Луна над нами – всего лишь крошечная белая царапина на небе. Созвездия простираются далеко над морем, а под ними сверкают воды.

– Красиво, – выдыхаю я. Я никогда не видела звезд в Новой Венеции.

Я поворачиваюсь к Джеку. Но он не смотрит на небо. Он смотрит на воду. Он смотрит на дыру в мире, на целый город, сровненный с землей и заполненный морем.

– Там была Валетта, – говорю я, хотя мы оба это знаем. Некогда великий город, бывшая столица всей нашей нации. А сейчас... сейчас ничего, кроме затонувшего круга черной воды. Все, что осталось от города – все, что осталось от сотен тысяч людей, живших там – находится под водой.

Я оглядываюсь вокруг свежими глазами, глазами, которые знают, где мы находимся. Над нами нависают оливковые деревья, вросшие в кирпичную кладку, в центре – что-то вроде памятника из каменных шаров, но за садом я вижу останки старых зданий: разрушенный

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

фундамент церкви, башню с часами, которая была сбита в сторону волной взрыва, уничтожившего Валетту.

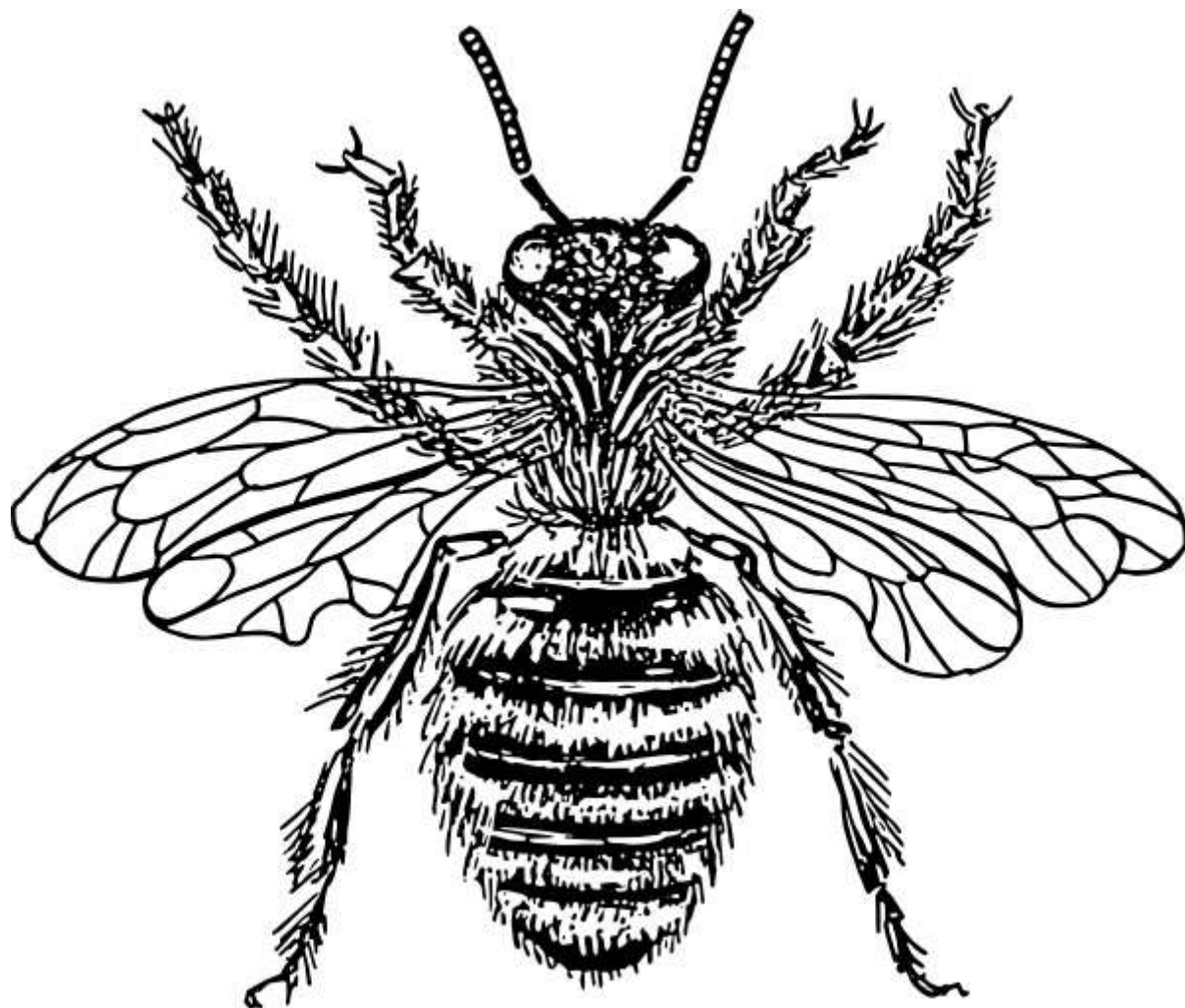
– Когда столицу бомбили во время гражданской войны, – мрачно говорит Джек, – погибли все и сразу. Они полностью уничтожил весь город. Но некоторые города поблизости, такие, как этот... некоторые здания уцелели. Большинство людей – нет, если они не добрались до убежища.

Я чувствую себя в опасности, просто стоя здесь, глядя на останки давно умершего города. Бомба была солнечной вспышкой; радиация хоть и могла сделать человека больным, но редко убивала, не так, как ядерные бомбы. И все же, я чувствую, что мы не должны быть здесь. Неправильность, которая напоминает мне о моей реакции на катакомбы.

И тут я вспоминаю, что рассказывала мне ПМ Янг о том, как она была в Валлетте незадолго до взрыва, с моими родителями и мисс Уайт. Представляю, какого им было, когда они укрывались в бомбоубежище. Ужас, ужас... Мисс Уайт практически истекла кровью после того, как ее руку оторвало во время взрыва. Мои родители, еще даже не женатые, не были уверены: выживут ли вообще. И ПМ Янг, женщина, которая однажды будет править всем СС, сидела в укрытии, прислушиваясь к звукам сотен тысяч умирающих.

Может быть, если бы я была там, я бы поняла, почему она хочет превратить людей в бездушные оболочки... Чтобы избежать такого насилия снова.

Мы с Джеком перегибаемся через стену сада в Сенгли и смотрим на ту сторону Большой Гавани, где когда-то стояла Валетта. Джек издает что-то вроде сердитого рычания и поворачивается спиной к пустоте – бывшей столице –, глядя вместо этого на разбросанные останки города, в котором мы находимся. И разрушенные не бомбой, а последовавшим за ней ударом и цунами. – Хуже, я думаю, – говорит он тихим, почти неслышным голосом, – оставить нечто большее, чем зияющую дыру.

Глава 50

Джек идет под продуваемыми ветром оливами к башне, встроенной в стену на самом краю города. Мы высоко над гаванью, и я на мгновение испытываю головокружение, наблюдая, как Джек перепрыгивает через тротуар, изломанный корнями деревьев и возрастом, не более чем искореженные, ржавые железные перила, защищающие его от смертельного падения за стеной города.

В стену встроена маленькая башня размером с мой шкаф. Аккуратные прямоугольные окна вырезаны прямо в каменных кирпичах, образующих шестиугольную комнату, увенчанную остроконечной купольной крышей, которая заканчивается геометрическим узором, который я не могу полностью разглядеть в темноте. Над каждым из окон башни есть дополнительная резьба, чередующаяся между гигантским ухом и огромным глазом. На камне вырезана птица с вытянутой вниз длинной шеей.

Джек замечает мой взгляд. – Это была сторожевая башня, как тысячу лет назад. Глаза и уши олицетворяли наблюдение стражи города.

Мы спали среди закрытых глаз мертвых в катакомбах – а сейчас мы проснулись. Код Джека наконец-то обрел смысл.

Когда Джек приближается к башне, каменная птица над дверью оживает. Джек стоит неподвижно, широко раскрыв глаза, а голова птицы движется вверх-вниз. Затем птица снова встает на место, словно камень. Глаза и уши, вырезанные на башне, вспыхивают ярко-красным, а затем тоже превращаются в камень.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Не думаю, что это было тысячу лет назад, – бормочу я, глядя на каменную птицу, электроника внутри которой теперь невидима.

Джек фыркает от невеселого смеха. – «Зунзана» сделала несколько обновлений. Теперь это вышка для беглецов, на случай, если кому-то из нас придется бежать.

Я вхожу в маленькую комнату под каменной крышей. Окна открыты, как и дверь. Она маленькая, но в ней достаточно места для нас двоих.

Джек работает быстро: сначала набирает код на браслете, затем проделывает то же самое, касаясь скрытой панели под краем каменной стены. Серебристый материал падает, словно занавес вокруг здания.

– Анти-техническая ткань? – интересуюсь я, касаясь скользкого материала.

– Это самое близкое к плащу-невидимке из того, что у нас есть, – говорит он и кивает на дверь. – Пойдем посмотрим.

Я выхожу из комнаты и оглядываюсь. Анти-техническая ткань защищает внутреннюю часть, не допуская обнаружения геолокациями или наноботами. Между тем, внешняя оболочка штор выполнена из тонкого и податливого экрана, который проецирует изображение пустой башни. Когда я нахожусь рядом с занавесками, я могу сказать, что они скрывают башню, но даже отступив на несколько шагов, кажется, что башня пуста, а все признаки Джека исчезли.

Когда я снова вхожу, мне едва хватает места, чтобы встать. Джек открыл потайное отделение в полу и вытащил две кровати. Он вскрывает пакеты, и два пенопластовых матраса оживают.

Я так сильно прислоняюсь к окну, что практически высовываюсь из него, мои плечи прижаты к анти-технической ткани. Кровати узкие и тонкие, как и эта комната в башне. Когда Джек раскладывает их, то это больше похоже на одну большую кровать, нежели на две маленькие. Я не могу оторвать глаз от несуществующего пространства между матрасами.

Джек поднимает глаза и замечает мое нервное лицо. – Я не кусаюсь, дорогая.

Я разворачиваюсь. – Я же просила тебя не называть меня так!

Джек открывает рот, чтобы заговорить, но я ему не позволяю. – Мне все равно, какой я человек в твоей памяти. Потому что отныне я не та.

Джек выглядит так, будто я ударила его по лицу. Он молча поворачивается к кроватям, раздвигая их как можно дальше. Мое сердце колотится, а я чувствую себя так, будто пробежала марафон.

Я выхватываю из его рук вторую тонкую подушку и непонятное одеяло, расстилаю их на своем пенопластовом матрасе, а затем ложусь как можно дальше от Джека, прижимаясь всем телом к каменной стене.

Часть меня чувствует себя глупо. Но другая часть... она боится.

Я больше не знаю, кто я, и мне не нравится, что Джек знает меня так, как я сама себя не знаю. Я не претендую на понимание ситуации. Джек помнит меня, сине-коричневое покрывало из дамаста, ночь вместе, поцелуи, которые останавливают весь мир.

Но... у меня нет этих воспоминаний.

– Мне очень жаль.

Я оглядываюсь через плечо – Джек стоит ко мне спиной и говорит, обращаясь к стене:

– Я забыл, – говорит он, по-прежнему не оборачиваясь. – Ты... я забыл, что ты больше не моя Элла.

– Не твоя, – тихо отвечаю я. Я не знаю, кем я была раньше, я знаю только себя настоящую.

– Я знаю.

Ночь безмолвна. Хоть я и не прикасаюсь к Джеку, но чувствую его присутствие всего в нескольких дюймах от себя.

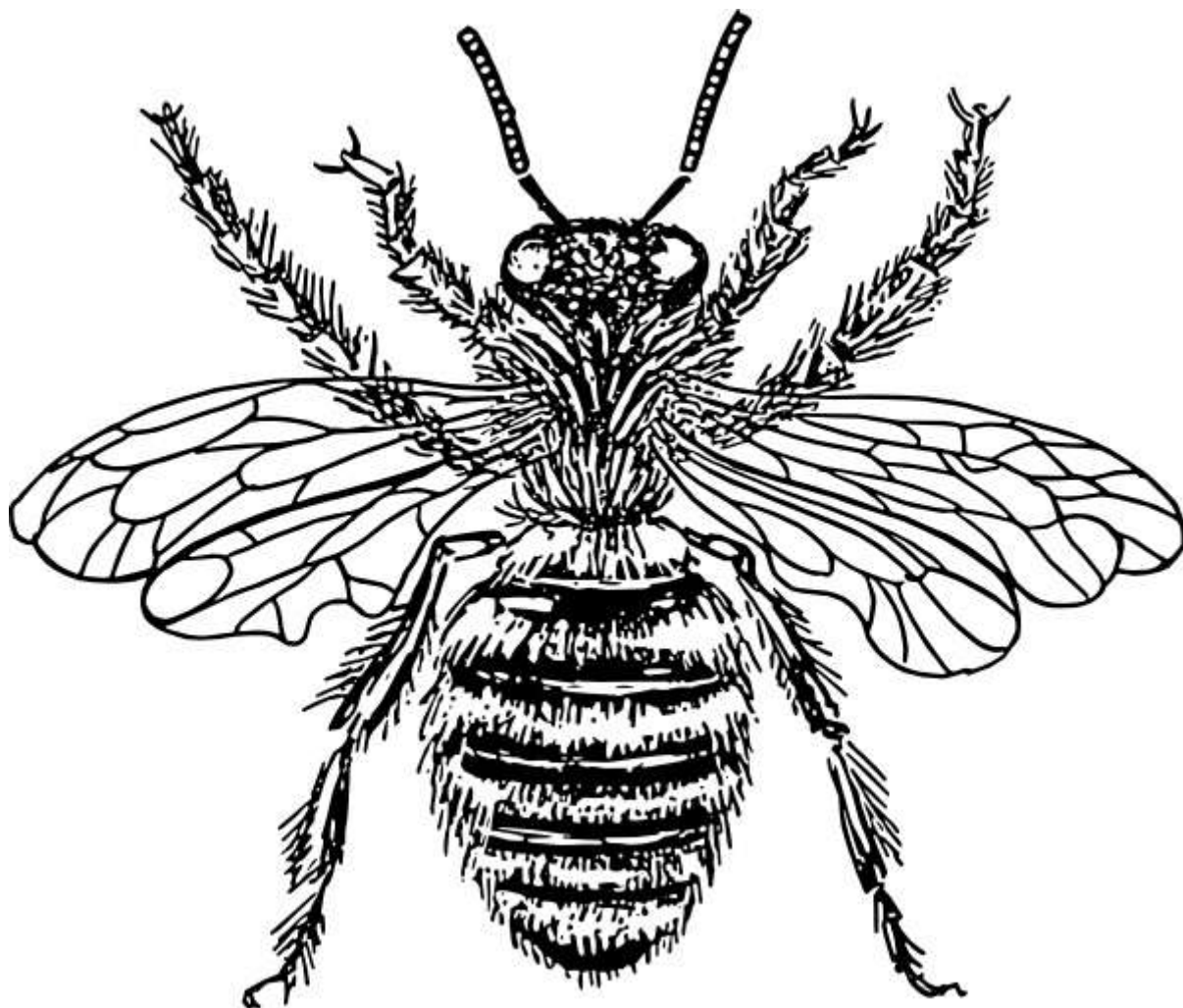
Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Ты не представляешь, какого это, – говорит он, наконец. Так тихо, что я едва слышу его.
– Любить тебя так, как я любил тебя, а ты даже не помнишь меня.

Я переворачиваюсь на другой бок, лицом к центру башни, и через мгновение Джек тоже переворачивается. Он пристально смотрит на меня, его лицо погружено в темноту, глаза непроницаемы.

– Прости, – шепчу я. Слова кажутся слабыми и бесполезными, но это все, что есть у каждого из нас.

Мы оба отворачиваемся друг от друга, и ночь окутывает нас.

Глава 51

Я проснулась в его объятиях.

На мгновение меня охватила паника: это не моя кровать, не мой дом. Я замираю, затем медленно начинаю вспоминать.

На улице только рассвело. Я не вижу солнца, просто все вокруг немного ярче: не совсем полуночная синева, но и не оранжево-золотой свет. Я запуталась в двух одеялах, своем и его, Джек же был едва прикрыт. Его руки обнимают меня, одна под моей головой, другая на моем теле, а его лицо находилось всего лишь в нескольких сантиметрах от моего.

Было удобно, не спору. Я так понимаю, опыт у нас был – мое тело знает, каково этого.

Я рассматриваю его лицо, и мир становится светлее. Его веки подергиваются, цепляясь за сон. Он что-то бормочет, и хоть я не слышу ни звука, но вижу, как его губы произносят мое имя.

Откуда он меня знает? Я хочу проникнуть в его разум и узнать не только то, что он знает обо мне, но и как. Я хочу видеть себя его глазами, я хочу знать Эллу, которую он не может забыть.

Я закрываю глаза и пытаюсь вспомнить тот год, который мы с Джеком якобы провели вместе. Я помню... помню поездки к доктору с мамой, когда старалась держать все в себе. Отказаться от мечты поступить в университет, потерять Акилу. Я не помню многого из того года, да и не хотела вспоминать.

И Джека там не было.

Вот только... он был. Его воспоминания о том годе отличаются от моих, но и его и мои кажутся реальными.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

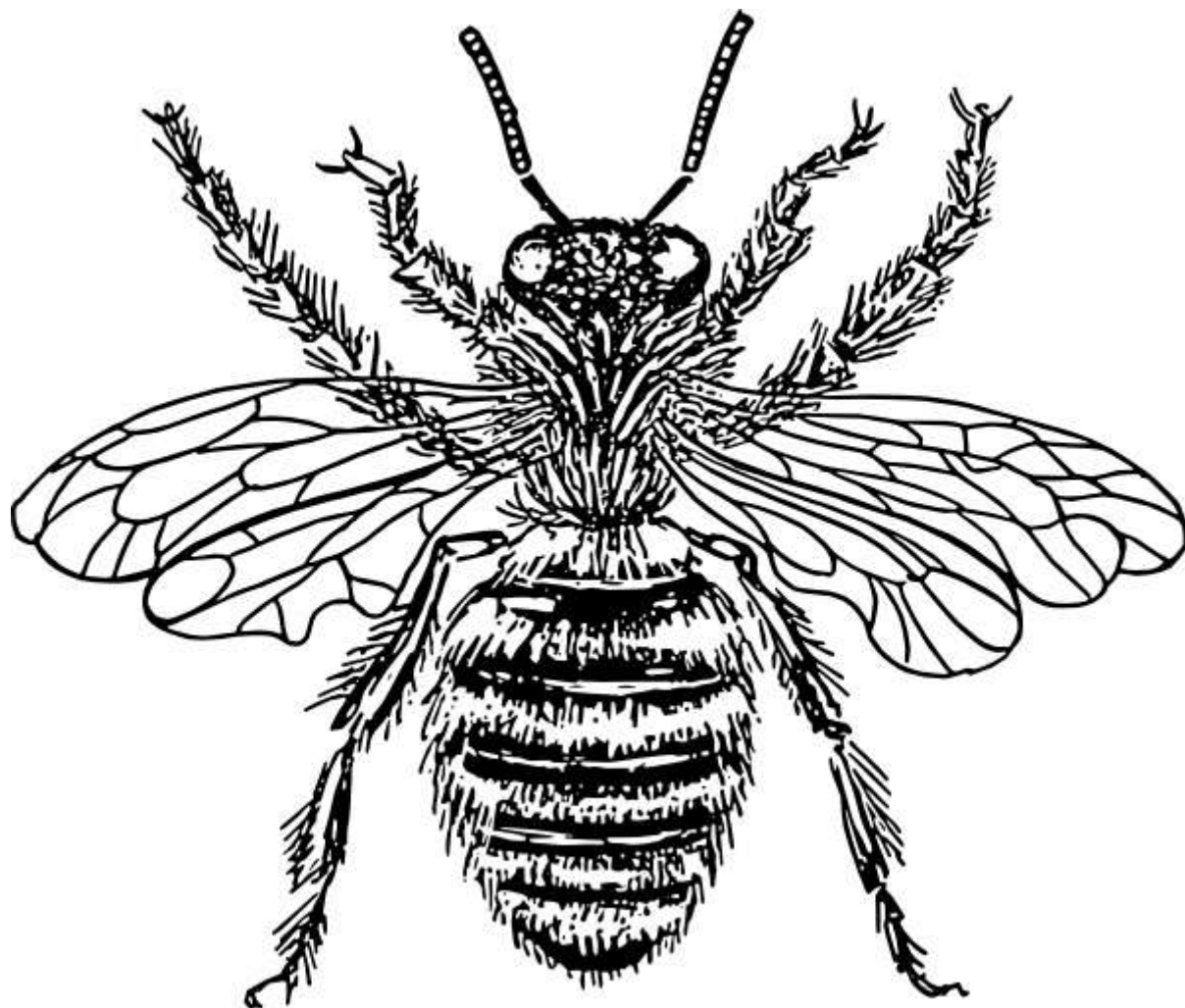
Это все не имеет смысла. Либо кто-то добавил меня в его прошлое, либо забрал Джека из моего.

Открыв глаза, встречаюсь взглядами с Джеком. Я смотрю, как его зрачки фокусируются на мне, а уголки губ приподнимаются.

– Доброе утро, – тепло произносит он.

И я пытаюсь вспомнить, случилось ли это раньше, потому что именно это воспоминание я бы хотела сохранить.

Но в моей голове нет даже отголосков воспоминаний.

Глава 52

Я резко сажусь, смущенная нашей близостью. Кажется, он тоже осознает неловкость ситуации, потому что молча встает и убирает постель. Он связался с Жюли и Ксавье, которые провели ночь, прячась в старом бункере времен Второй мировой войны, а затем переместились в потайной дом, где, по-видимому, есть медицинское оборудование для осмотра Акилы.

– Туннели полностью скомпрометированы, – говорит Джек, выключив наруч. – Возле катакомб тоже видели чиновников из Калифорнийского университета. За нами прибудет лодка, но мы должны быть осторожны. СС знает слишком много, – он оглядывается на маленькую Башенку, которая была нашим домом прошлой ночью. – Есть и другие убежища, где мы сможем спрятаться.

– Спрятаться? – переспрашиваю я.

– А что ты хочешь делать? – спрашивает Джек. – Начать полномасштабную атаку на СС? Потому что я целиком и полностью «за», но мне нужно еще где-то найти оружие. Ракетная установка была бы как никогда кстати, – заметил он.

Честно говоря, я не могу сказать, искренен он или нет.

– Нет, – говорю я, на всякий случай.

Джек пожимает плечами и возвращается к своей работе, убедившись, что мы не оставили никаких следов в башне. Но... я не хочу прятаться. Я хочу домой.

Дом... пустая квартира со следами матери, которую я не знала.

– Мисс Уайт! – я начинаю задыхаться.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Джек резко поворачивается ко мне.

– Она не знает, что мама была там! Она просто пойдет сегодня на работу – и там никого не будет, она не знает, что случилось, и...

– И не только это, – мрачно добавляет Джек. – Если ты так сильно нужна полиции, они будут угрожать ей.

Они уже что-то сделали с моей матерью... быть может, даже убили ее, сделав эту штуку, которая выглядела и звучала так похоже на нее. Они могут сделать то же самое и с мисс Уайт...

Я должна спасти их: и маму, и Акилу. И я должна прекратить все, что делает ПМ Янг. Не знаю, почему она так хочет достать меня. Может, это связано с тем, что я могу погрузиться в мечты других людей. А может, она хочет превратить меня в своего идеального шпиона. Может, есть что-то еще... на что способны только грезы, что-то, что я еще не обнаружила, но ПМ Янг хочет, чтобы я использовала это в ее целях. Что бы это ни было, но совершенно очевидно, что ПМ Янг не остановится ни перед чем, чтобы добраться до меня, и причинить боль всем, кого я люблю.

Джек садится на пол башни и жестом приглашает меня присоединиться к нему. С помощью проектора, встроенного в манжету, Джек подключается к системе безопасности за пределами Спа Ментальных Грез.

– Как ты это делаешь? – удивляюсь я. Эта видеопередача идет от фонарного столба напротив Спа, одного из бесчисленных каналов, контролируемых правительством.

Джек пожимает плечами, будто взлом контролируемых СС каналов безопасности ничего не значит, и приближается к входной двери Спа Ментальных Грез. В здании по-прежнему темно. Через большие стеклянные окна я вижу, что дверь кабинета мисс Уайт по-прежнему закрыта.

– Она уже должна быть там, – бормочу я, волнуясь.

– Ты знаешь, где она живет? – спрашивает Джек.

Я быстро произношу адрес, и Джек принимается за работу. Его пальцы скользят по клавиатуре на манжете, параллельно он что-то бормочет себе под нос, работая над новым хаком. Однако через несколько минут он показывает дом в пригороде новой Венеции, ближе к Меллихе, чем к главному городу. Это многолюдная улица, заполненная рядами домов, которые выглядят почти одинаково: пыльный известняк, традиционные террасы, вырезанные окна.

Одна дверь на улицу распахнута настежь, ярко-синее дерево покачивается на каменных ступенях крыльца.

– Вот он, – говорю я, указывая на экран.

Пока мы смотрим, человек в военной форме наклоняется над ступенями и захлопывает дверь.

Я отшатываюсь, как от удара. Мое тело вибрирует, по коже ползет жужжание, которое сотрясает мои кости и электризует мою плоть.

Кто-то из военных только что закрыл открытую дверь мисс Уайт.

Джек смотрит мне в глаза.

«Не говори, не говори, не говори...» – снова и снова произношу я в голове.

– Она тоже у них, – говорит он.

Каким-то образом Джек закрепляет башню, делая ее похожей на пыльную реликвию. Мы долго шли пешком, затем добрались до берега и встретили кого-то в лодке. Никто не разговаривает, пока незнакомец – друг Зунзаны – сливается с другими рыбацкими лодками, кружа вокруг острова, затем подплыл к маленькому, скрытому от чужих глаз доку, ведущему к изолированному дому в Гозо.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Это безопасное место, – говорит Джек, расплачиваясь с человеком, который привез нас сюда. – Но, может быть, тебе лучше остаться внутри и спрятаться, пока мы не узнаем больше?

Джули и Ксавье видя, как мы подходим и распахируем дверь, радостно обнимают Джека. Мне кажется странным быть так далеко от этого счастливого воссоединения друзей. Я замечаю порезы и синяки на их лицах и телах – не только от вчерашней битвы и разрушения, но вследствие транспортировки Акилы.

Джек ведет Джули и Ксавье в другую комнату, чтобы обсудить планы, но сначала отводит меня на кухню. У них есть кухонный андроид, который предлагает мне поесть, но, несмотря на урчание в животе, я отказываюсь. Во рту горький привкус, от которого я не могу избавиться.

Я брожу по дому. Здесь удивительно большие спальни на верхнем этаже; большая кухня, столовая и кабинет на первом этаже. За одной из дверей я слышу низкий гул голосов – Джек обсуждает возможные варианты развития событий с Джули и Ксавье.

Ха. Какие у нас есть варианты? Нам некуда идти. Мы ничего не можем сделать – мы всего лишь четверо подростков в битве против глобального правительства, способного заменить людей двойниками?

Ничего.

В доме есть еще одна дверь, сделанная из грубо отесанного дерева. Из-под двери дует холодный ветерок, и я даже не удивляюсь, когда открываю ее. Затем спускаюсь вниз в подвал, пальцами скользя по каменной стене. Этот подвал, как и туннели, в которых мы были вчера, вытесана прямо из каменного основания острова.

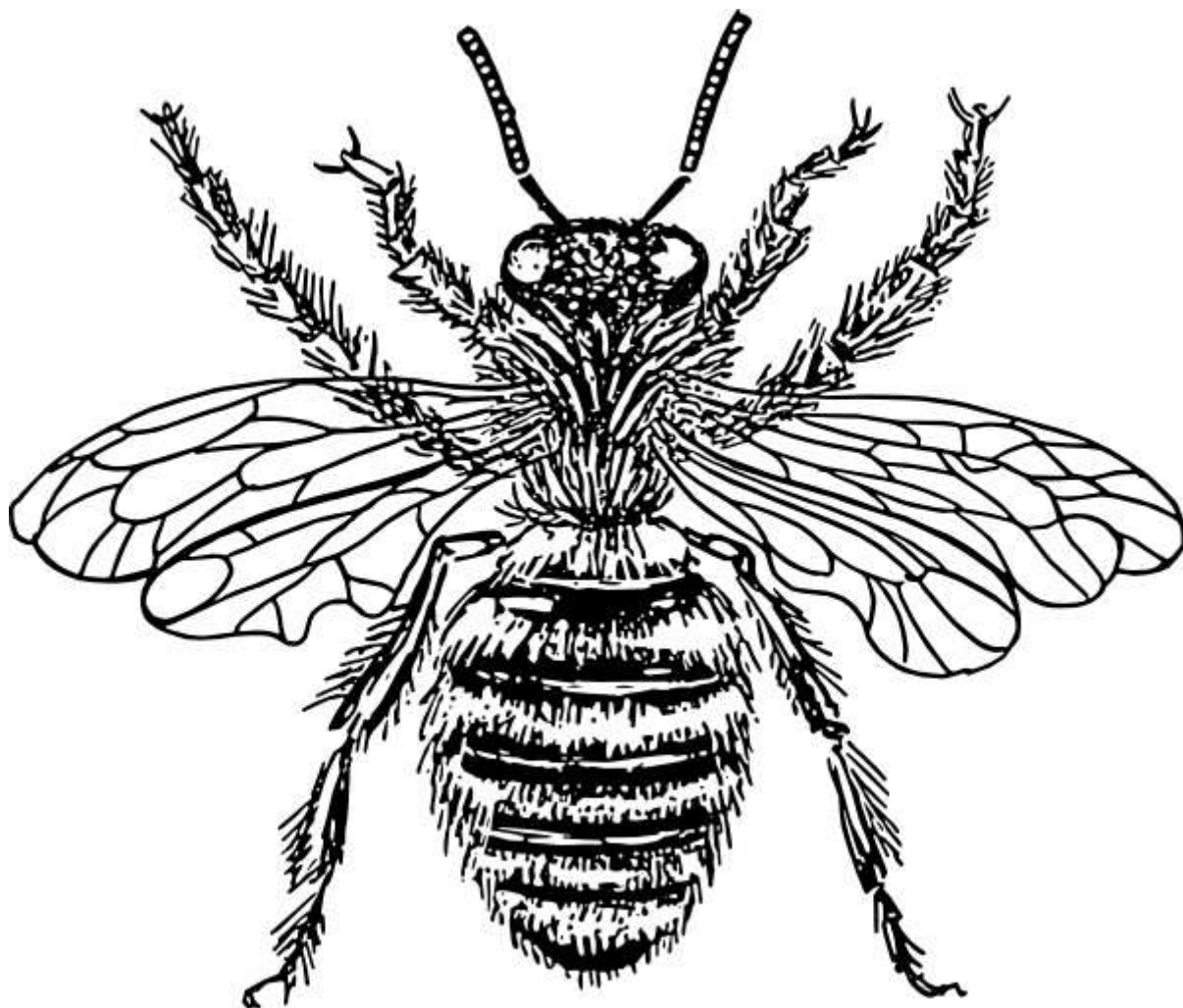
У подножия лестницы беспорядок, паутина, но на грязном полу есть четкая протоптанная тропинка и царапины на стенах. Я делаю несколько шагов к другой двери. Эта делана под дерево, но я так подозреваю, что она сделана из стали. Клавиатура поддается вместе с дверью – это «комната страха», которая есть почти в каждом доме на Мальте еще со времен Гражданской войны.

Но она не заперта. Я толкаю ее обеими руками.

Из комнаты льется свет, на мгновение ослепляя меня. Эта комната, в отличие от грязного, захлавленного подвала, стерильна и ярко освещена стальными и флуоресцентными лампами. Все это напоминает мне комнату моей матери в нашей квартире – та тоже бывшая «комната страха» и тоже была загромождена больничной утварью. Я вспоминаю по рассказам, что Ксавье учился на медицинском факультете – этот стол, заваленный документами и диаграммами, должно быть, принадлежал ему. Шкафчики над ним забиты медикаментами первой и экстренной помощи, но я не сосредоточилась на них.

В центре комнаты находилась металлическая каталка, длинная хромированная плита на колесиках.

А к ней была привязана Акила.

Глава 53

Я касаюсь рукой Акилы, обернутую в сдерживающую технологическую фольгу. Ее тело теплое, она выглядит спокойной, спящей. От моего прикосновения ее тело дергается.

– Проснись, – шепчу я. А потом громче: – Проснись.

Язык болит, глаза горят от непролитых слез. Ирония не ускользнула от меня; эхо тех же самых слов отдается в моем сознании из снов моего отца.

Я прижимаюсь щекой к щеке Акилы и шепчу ей на ухо: – Проснись.

Я чувствую движение.

Мое тело откидывается назад, мгновенно настораживаясь.

Акила открывает глаза и смотрит на меня. На мгновение я не вижу ничего, кроме ярости и убийства. А затем она моргает и ее лицо смягчается.

– Элла? – шепчет она.

– Акила?! – я бросаюсь к ее скованному телу и обнимаю ее. – Это действительно ты? – спрашиваю я.

– Что происходит? – Акила пытается пошевелить руками и ногами, но не может.

Мой разум пустеет. Что я ей скажу? Если она только что проснулась от этого странного кошмара, какие слова использовать, чтобы рассказать, что настоящий кошмар только начинается?

– Что ты помнишь? – мягко спрашиваю я.

– Я была на лунной базе, – Акила оглядывается, ее глаза закатываются, она пытается увидеть больше. – Я в лазарете?

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Нет, – тихо отвечаю я.

Акила молчит мгновение.

– Нет, я так не думаю, – ее глаза ищут мои. – Но я помню... стычку. Отступающие повстанцы атаковали нас. Они сказали – что когда меня назначили на год военной службы, они сказали, что не будет никакого насилия, никаких сражений. Но они солгали. Драки происходили все время – только на окраинах, где большая часть общества этого не замечала.

Я сжимаю ее пальцы.

– Почему я связана? – спрашивает Акила.

– Что еще ты помнишь?

Она закрывает глаза. – Кажется, мне было больно, – говорит она. – Я помню боль.

Ее глаза широко распахиваются. – Поэтому я не могу пошевелиться? Я больна? Они отправили меня обратно на Землю? Или мы все еще на Луне? Как ты сюда попала?

Я открываю рот, но по-прежнему не знаю, что ответить.

А потом Акила говорит:

– Я хочу к маме, – слова, произнесенные почти шепотом, но в них такое волнение, такая отчаянная тоска...

– О, Акс, – шепчу я.

Она встречается со мной взглядом, пронизывающим меня насквозь. – Я ранена? Поэтому я не могу двигаться?

Я качаю головой.

– Тогда почему?

– Это... – мой голос срывается. – Я имею в виду, тебе было больно. В некотором смысле. Это трудно объяснить.

– Пожалуйста, Элла, пожалуйста. Пожалуйста. Помогите мне. Я хочу встать.

Моя хватка на ее пальцах соскальзывает. – Не могу, извини, не могу... – шепчу я.

– Пожалуйста.

Я делаю шаг назад, по-прежнему качая головой. На глаза наворачиваются слезы.

– Элла, – произносит она мое имя с тоской.

Я наклоняюсь ближе и смотрю ей прямо в глаза. Глаза – это «окна в душу», так всегда говорил папа.

А ее глаза – линзы. Я вижу, как расширяются и фокусируются фальшивые зрачки, вижу блестящее стекло на поверхности. В этих глазах есть свет, но это не ее душа... она сделана из лампочки.

Я чувствую тот самый момент, когда принимаю тот факт, что передо мной не мой друг, и я вижу тот самый момент, когда она осознает это.

Ее тело дико дергается, бьется о металлическую каталку, натягивая ремни из фольги. Поток злобных проклятий следует мне вслед, когда я отскакиваю от нее.

– Я освобожусь и оторву тебе голову! – кричит она, ударяясь головой о каталку с такой силой, что вминает металл. Ее судорожных движений достаточно, чтобы заставить каталку двигаться, царапая кафельный пол.

В этом существе нет ничего от моего друга. Все, что было до этого – эти тихие слова, замешательство – все это было лишь уловкой, чтобы попытаться обмануть меня и заставить освободить ее.

Ксавьер врывается в комнату, хватает со стола бутылку и посылает облако бледно-зеленого тумана в лицо Акиле. Кажется, это успокаивает ее – или, по крайней мере, замедляет – достаточно на долгое время, чтобы он смог воткнуть иглу от капельницы ей в руку. Вскоре ее тело становится и вовсе неподвижным.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Мне все время приходится увеличивать дозу успокоительных, – говорит он низким, скрипучим голосом. – Наноботы в ее системе умны и приспособлены. Скоро мы не сможем держать ее без сознания.

Я смотрю на него с надеждой в глазах, но он качает головой. – Она не проснется, Элла. Никогда.

Мы оба знаем, что он имеет в виду: даже если ее глаза откроются, даже если она будет в сознании, она не сможет себя контролировать.

– Если она проснется и мы не сможем ее удержать, – устало произносит он, – нам придется...

– Не говори этого, – прерываю его.

Ксавье согласно кивает. Но он добавляет: – Мы сделаем это. Нам придется убить ее. Пока она не убила нас.

– Мы должны сделать это сейчас, – говорит Джули. Я не заметила ее, она стояла, прислонившись к дверному косяку. Джек стоит позади нее нахмуренный. – Это опасно, – добавляет она, когда никто ей не отвечает. – Она приведет сюда правительство.

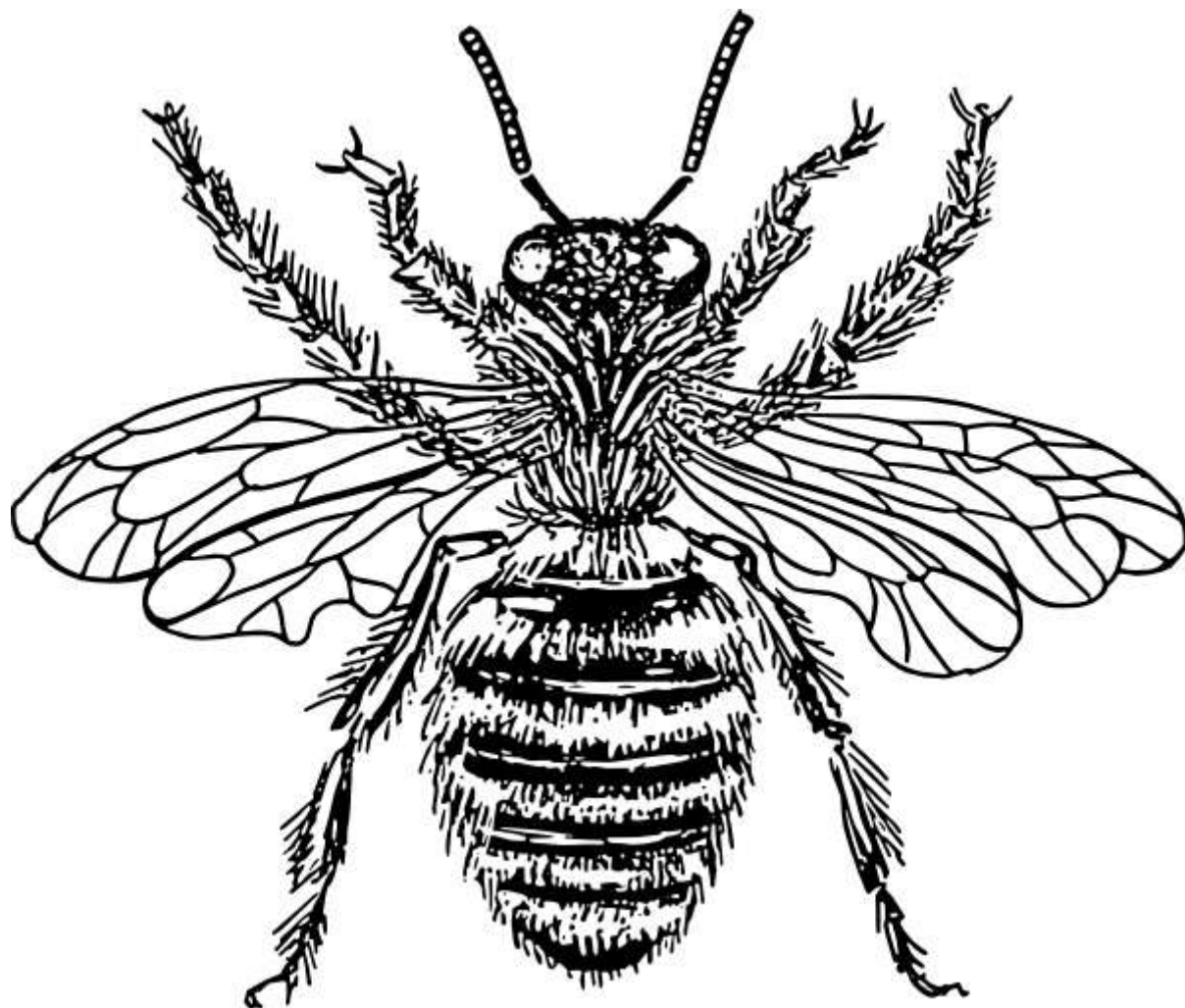
– Ее геолокаторы погасли, – говорит Ксавье.

Джули закатывает глаза. – У правительства лучшие хакеры. Они могут в любой момент отключить наши системы и оказаться здесь прежде, чем мы успеем обоссаться.

Мой взгляд испуганно перебегает с Джулии на Ксавье. Не знаю, смогу ли я остановить их, если они попытаются убить Акилу.

Не знаю, стоит ли.

– Мы не собираемся ее убивать, – голос Джека низкий и хриплый. Он хмуро смотрит на нас. В этот момент я вспоминаю, что она была и его другом тоже.

Глава 54

Андроид подает нам обед. Я наблюдаю за тем, как он ставит перед нами тарелку с бутербродами и гадаю, чем же он занимается, когда в доме никого нет. Этот дом – безопасное место, используемое лишь в чрезвычайных ситуациях. Когда Джек, Джули и Ксавье где-то в другом месте, андроид просто запирается в зарядном шкафу и ждет? А может быть, он просто болтается по дому, прибирается, будучи всегда готовым на случай чего?

Я смотрю на сэндвич – кусочек мяса и салат между двумя ломтиками черствого хлеба, – в то время как Джули говорит, что нам надо двигаться дальше.

– Если ты не убьешь эту тварь внизу, – Акила, она имеет в виду Акилу, – тогда мы должны, по крайней мере, спрятать ее где-нибудь в другом месте.

Я бросаю взгляд на Джека и понимаю, что он думает о том же, о чем и я. Ксавье откладывает сэндвич, молча наблюдая за тем, как в комнате нарастает напряжение.

– Мы прячемся с тех пор, как вернулись с лунной базы, – говорит Джек. – Я готов сражаться.

– С чем?! – Джули откидывается на спинку стула. – С правительством? Это слишком туманно; мы не можем сражаться с чем-то, не имеющим лица.

Я закрыла глаза, пытаюсь подумать, пока Джули и Джек спорят. Я не знаю, кто я. Я не андроид, как тот, что обслуживал нас сегодня утром. Но и не человек – по крайней мере, не совсем. Что-то случилось со мной, что изменило меня. Мое тело, ум – они другие. Галлюцинации, страх – все это превращает меня в то, чем я не являюсь. И, так или иначе, в это замешан Джек, папа и мама. Что-то заставило меня забыть Джека. Или кто-то.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Чего хочет правительство? ПМ Янг перепробовала всё: хакерство, насилие, чтобы выяснить некоторые аспекты исследований моих родителей. Какая-то часть папиных наноботов и андроид-технологий, какой-то элемент маминых кресел. Что-то во всем этом ключ к задумкам ПМ Янг.

– Мне нужно вернуться в Спа Ментальных Грез, – сообщаю я. Мои мягкие слова прорываются сквозь сердитые крики Джули и Джека, и они оба поворачиваются ко мне, широко распахнув глаза.

– Нет. Ни за что. Это последнее место, куда тебе нужно идти, – отвечает Джек, смотря на меня.

– Знаю, – говорю я. – Но мне нужно погрузиться в мечты. Если бы я могла подумать обо всем этом, находясь в грезах, я смогла бы найти смысл, – я провела слишком много времени, исследуя мысли других людей. Пришло время исследовать и свои собственные.

– Ты не можешь вернуться в Грезы. – Джек говорит так, словно отдает приказ. Моя спина напрягается. Чувствуя мое несогласие, Джек быстро добавляет: – Но я знаю, где есть еще одна комната для грез, которой ты сможешь воспользоваться.

Я приподнимаю бровь, ожидая продолжения. – В старой лаборатории твоего отца.

– Та, которая взорвалась?

Джек качает головой. – Пострадала только одна комната. Лабораторные помещения огромны и построены под триумфальными башнями.

Я закатываю глаза. – О, потому что гораздо проще проникнуть в самое безопасное здание в мире, чем проникнуть в собственный дом.

– Они ждут, что ты вернешься домой, – говорит Джули.

– Но они не ждут, что мы проникнем в лаборатории в Триумфальных Башнях, – возражает Джек.

– Потому что это безумие. – Джули наклоняется ко мне через стол, и в ее глазах мелькает огонек, который можно назвать недоверием или одобрением.

– Нам нужен кто-то, работающий внутри... – бормочет Джек. – Нам нужен кто-то в Калифорнийском университете или, по хотя бы, в лабораториях. Это был бы самый простой способ.

Ксавье качает головой. – Джули связалась с некоторыми людьми, но мы не можем найти никого, кто мог бы помочь.

Джек хмурится. – А как же...

– Атака андроидов была эффективной.

Ксавье объясняет: в то время как взрывающиеся андроиды казались всем несчастным случаем, и многие невинные гражданские были убиты, большинство взорвавшихся андроидов не были случайными вообще. Пострадал не только представитель Белл. Были и другие. Контакты, которые оставались верными Зунзане, были либо убиты, либо непосредственно затронуты атакой андроидов. Друзья, которые напуганы, больше не дружелюбны. Куда бы Джули и Ксавье ни пошли, они получали лишь предупреждения и закрытые двери.

Когда он замолкает, нас окутывает тишина. Мне трудно понять силу, которой обладает ПМ Янг. Это еще одна форма манипуляции. Разлучить нас, заставить поверить, что мы одни, и что еще мы можем сделать, кроме как сдаться?

Сквозь занавески пробивается солнечный луч, оранжевый и зеленый от деревьев снаружи.

– Думаю, у меня есть нужный нам контакт, – говорю я.

Джули передает сообщение, а мы с Джеком как можно незаметнее возвращаемся в центр новой Венеции. Добравшись до Центральных Садов, сразу направляемся на кладбище, к папиной могиле.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

И начинаем ждать.

Вскоре появляется представитель Белл.

– Сработало, – бормочет Джек. – Не могу поверить, что это сработало.

– Джек? – произносит представитель Белл со злостью в голосе. – Я же сказал, чтобы ты никогда больше не связывался со мной! – я вскакиваю, заметив, что рука представителя уже на манжете, готовая позвать на помощь. Потом его взгляд падает на меня. – Элла Шепард, – тихо произносит он. – Говорят, тебя похитили. Вот тебе награда.

– Думаю, мы оба знаем, что меня не похищали, – решительно говорю я. – Как и оба знаем, что смерть твоей жены и дочери не была случайностью.

– Я даже ничего не сделал, – говорит представитель Белл низким бесстрастным голосом. – Все, что я сделал – это подумал о том, чтобы ПМ, и она приказала их убить. Сделать из меня пример для остальных.

Его глаза встречаются с моими, и они пусты, как дыра в мире, где когда-то стояла Валетта. – У меня все еще есть Маркос, – говорит представитель, имея в виду своего сына. – И я не могу рисковать им. Не связывайся со мной.

Он поворачивается на каблуках, практически бежит, пытаясь дистанцироваться от нас.

– Она убила половину твоей семьи! – кричит Джек, и представитель замедляется. – Разве ты не хочешь отомстить?

Представитель Белл поворачивается, глаза его сверкают. – Нет, – горячо возражает он. – Я просто хочу спасти то, что осталось от моей семьи, – по его лицу пробегает дикий взгляд, взгляд мечется то влево, то вправо. Я рада, что выбрала местом встречи кладбище; здесь нет никого, кто мог бы потревожить нас и еще больше возбудить его подозрения.

– Ты видел, что они делают в лабораториях? – Джек продолжает, понизив голос: – Как они могут контролировать людей? – глаза представителя теряют фокус, затем его голова поворачивается ко мне. – У меня все еще есть сын. Я не собираюсь рисковать. Оставь меня в покое. Не связывайся со мной.

Джек бросается вперед, пытаясь схватить представителя, но тот вырывается. Не думая, я кричу: – Вы знаете, как умер мой отец? – слова буквально вырываются из меня.

Оба замерли и повернулись ко мне.

– Твой отец? – переспрашивает представитель Белл. Впервые за долгое время я узнаю его испанский акцент, такой тяжелый в мечтах, и почти исчезнувший в реальной жизни.

Я указываю на остролист. – Мой отец – Филипп Шепард.

Представитель и Джек смотрят на меня, ожидая продолжения.

– Они убили его, – говорю я и, произнося эти слова, впервые осознаю, что мои убеждения изменились. Безликие террористы не убивали моего отца. Премьер-министр Янг сделала это; и также поступила с родителями Джека и семьей представителя. Она убивала каждого, кто стоит на ее пути.

– Он возражал против того, что правительство делает с его исследованиями — исследованиями настолько секретными, что мы даже не знаем, что именно происходит. Просто... это причиняет боль людям.

Я делаю несколько шагов в сторону представителя. Он больше не выглядит так, будто хочет убежать. Он застыл от страха.

– Я видела, как он умер, – говорю я, не сводя глаз с представителя. – Я видела, как бомба разорвала его на части. Но я все равно буду бороться с ПМ. Потому что он больше не может, – я изо всех сил пытаюсь вспомнить, что говорил ему дед в его последних грезах, но слова, которые я говорю, звучат правдиво. – Я сражаюсь за него. Я сражаюсь за свою семью. Потому что семья никогда не исчезнет.

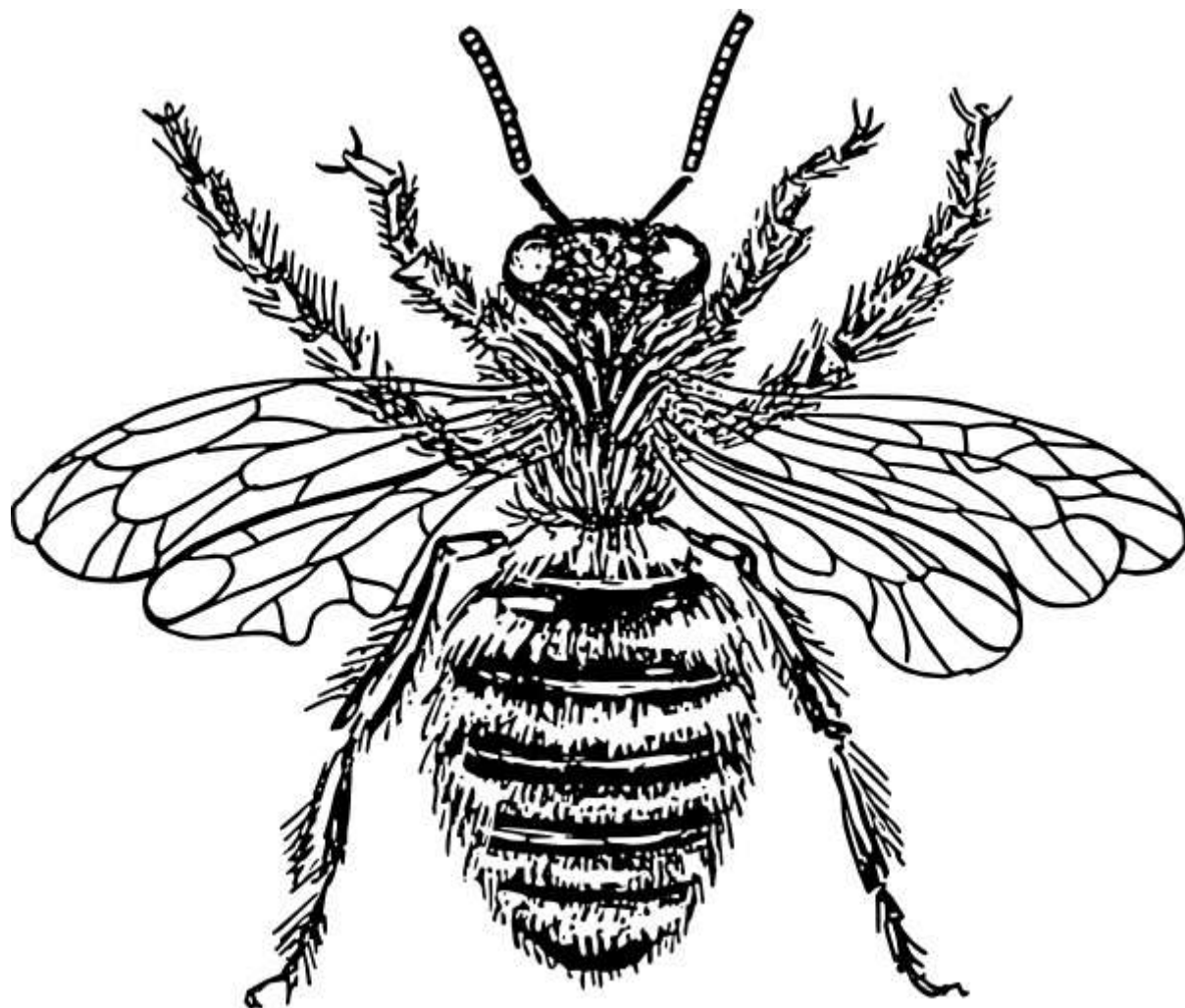
Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Что-то внутри представителя ломается. Он не двигается, но что-то в его глазах вселяет в меня надежду.

– Я не могу присоединиться к Зунзане, – говорит он умоляющим голосом. – Это слишком опасно. ПА знает всех, кто присоединяется, и они... они исчезают.

– Я знаю, – рычит Джек.

– Нам не нужно, чтобы вы присоединились к нам, – говорю я. – Но вы можете провести нас в лабораторию? Лаборатории, где работал мой отец? – как только я произношу эти слова, я понимаю, что они были правильными. Я опускаю взгляд на папину мемориальную доску. Правда не лежит в сердце фортуны... она под Триумфальными Башнями, там, где находятся лаборатории.

Глава 55

Андроид доставляет сообщение на конспиративную квартиру этой ночью.

– Он испугался, – рычит Джек, глядя на конверт в своих руках. – Он может попытаться сбежать.

Я качаю головой, открывая конверт. Из него высыпаются два удостоверения личности – одно для меня, другое для Джека. Затем выпадают два наручКОМа, а за ними и два отпечатка пальцев. Я прижимаю палец к силиконовой полоске телесного цвета, и она прилипает ко мне, давая новый, поддельный отпечаток пальца.

Я рассматриваю наручКОМы. Это причудливые, более продвинутые, чем те, которые были у меня раньше. Представитель Белл сказал, что все лаборатории помечены кнопочными замками, что Джек подтвердил, находясь в лабораториях. Чтобы войти, мы должны провести наручКОМом по замку, а затем коснуться сканера отпечатком пальца. В любой момент план может провалиться: кто-то может заметить отпечатки пальцев или браслеты могут неисправны. Мы уже будем выглядеть достаточно подозрительно, когда двое подростков войдут в лабораторию в полуночной темноте.

И все же я надеюсь, что это сработает. Представитель Белл мог доложить о нас... или даже обо мне. Но он этого не сделал. Он считает, что это сработает.

– Мы пойдем туда сегодня вечером, – говорит Джек. – Чем скорее доберемся до лабораторий, тем лучше.

Часть меня хочет подождать, все распланировать, притормозить. Но он прав. Мы должны войти сейчас, пока есть возможность.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Джек смотрит на меня. – Тебе действительно нужны Грезы? – спрашивает он. – Это выглядит как... это смехотворный риск, просто подключить тебя к машине грез. Было бы гораздо быстрее и безопаснее просто войти, найти в лабораториях все, что сможем, и уйти.

Я прикусываю губу. Дело не только в этом. Впервые за долгое время я чувствую, что поступаю правильно. Я думаю, это интуиция, но у меня никогда не было такого сильного чувства. Это похоже на то, что я чувствовала, когда следовала за папой в программе, которая и привела меня к Джеку. И... он привел меня туда, где я должна была быть.

– Во всех моих прошлых грезах я видела папу, – говорю я. – И в галлюцинациях тоже, – Джек сосредоточил все внимание на мне. Я думаю о последних грезах Представителя Белл, которые угрожали поглотить меня. – Он пытается мне что-то сказать.

– Элла... он мертв, – ненавижу, когда он так прямо говорит правду.

– Я забыла о тебе, не так ли? – рявкаю я на него. – А может быть, я также забыла еще что-то из того, что говорил мне папа?

Джек хмурится.

– «Элла, проснись». Я думала, он имел в виду, что я должна проснуться от грез, но что, если папе нужно, чтобы я очнулась от идеалистической жизни которой жила? Что, если я нужна ему, чтобы пробиться сквозь потерянные воспоминания?

– Я уверена... я знаю... если мне удастся еще раз поразмыслить, теперь, когда я узнала так много, я смогу понять, что ему нужно. Сонные пейзажи сбивают с толку; в голове человека есть над чем поразмыслить. Но теперь я знаю, на чем нужно сосредоточиться, – а пока Джек колеблется, я хватаю один из наручКОМов, присланных представителем, и защелкиваю на своем запястье. – Я пойду одна, если придется.

– Я тоже иду, – немедленно говорит Джек, хватая второй браслет.

– Честно говоря, для тебя это гораздо опаснее, – говорю я. – Если меня поймают, я хотя бы ценна. Они хотят использовать меня для чего-то. Но если тебя поймают...

ПМ способна заставить исчезнуть людей, которых она не любит.

– Ты права, – говорит Джек. – Думаю, в лабораториях есть еще кое-что. Работа твоего отца, очевидно, была важна для СС. Ты получишь то, что нужно тебе; а я собираюсь попытаться получить доступ к его файлам данных. Если мы сможем выяснить, чего хочет правительство, тогда у нас есть шанс помешать им.

– Сегодня вечером, – говорю я.

Джек кивает. – Сегодня вечером.

Джек достает нам униформу уборщиков. У него также есть пара лабораторных халатов, которые мы спрятали за пояс брюк и скрыли под огромными рабочими рубашками. Первая цель – проникнуть внутрь, не вызывая подозрений; вторая – смешаться с лаборантами, чтобы все выглядело так, будто мы принадлежим их кругу.

Вход в лабораторию находится в главной башне – там, где как раз находится рабочее место Янг. Мы поравнялись с группой охранников и отдали им на изучение наши удостоверения. Мы должны постучать наручами по сканеру, прежде чем поднимемся в лифт. Джек идет первым. Он как можно выше закатывает рукав. У меня перехватывает дыхание, пока сканер обрабатывает его информацию, но потом он пищит и мигает зеленым. Джек заходит в лифт.

Еще несколько человек проходят мимо, затем к сканеру подхожу я. Я постукиваю по нему браслетом и поднимаю глаза как раз в тот момент, когда закрываются двери лифта Джека. Он открывает рот – но не может ничего сказать. Он не может привлекать к себе внимание. Лифт спускается, забирая у меня Джека.

– Ступай, – говорит один из рабочих позади меня после того, как индикатор сканера вспыхивает зеленым. Я протискиваюсь к двери и бросаюсь в очередь. Еще двенадцать человек

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

заглядывают внутрь и заходят в лифт до того, как закрываются двери. Это мучительно долго. Джек не может просто ждать меня внизу. Возможно, он уже в лаборатории.

Если только его уже не поймали.

Лифт дергается и начинает спускаться. Кнопок нет – этот подъемник специфичен для лабораторий и работает автоматически. Лифт дергается и начинает спускаться. У меня закладывает уши, и я начинаю считать секунды, которые понадобятся для спуска. Десять секунд... пятнадцать... двадцать... тридцать... проходит целая минута, а мы все падаем. Насколько глубоко под землей находятся лаборатории?

Достаточно далеко, чтобы произошел мощный взрыв, убивший моего отца и еще четырех людей, и не нарушить ежедневную работу триумфальных башен.

Но лифт не мог спуститься так далеко – новая Венеция построена на мосту. Лифту некуда идти. И тут я понимаю, где на самом деле находятся лаборатории. Этот лифт должен пройти через одну из колонн, поддерживающих мост. Мы не просто под башнями триумфа – мы под новой Венецией. Мы под водой. Эта лаборатория была построена так глубоко под землей, что находится под водами Средиземного моря.

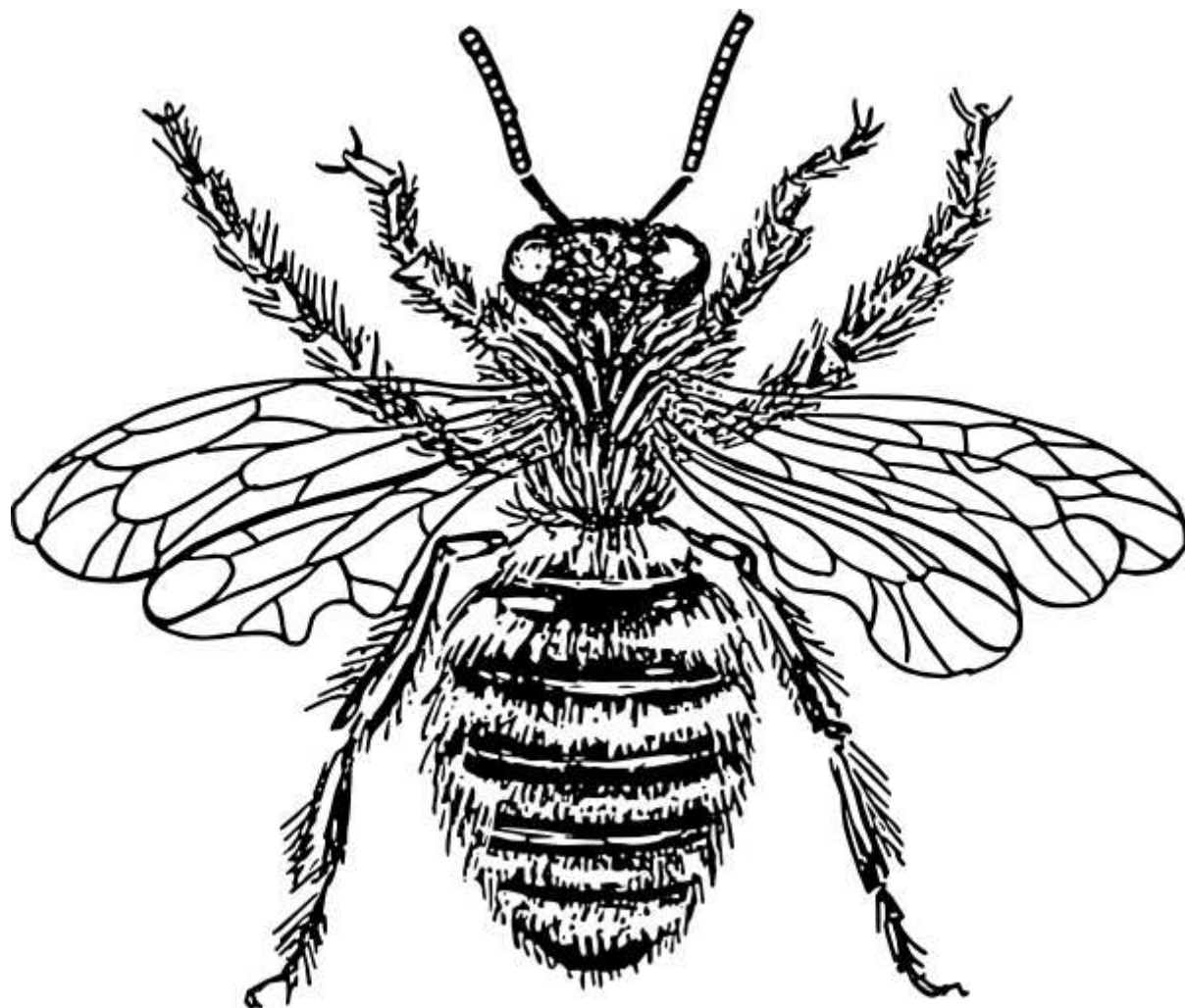
Двери с тихим свистом открываются, и рабочие передо мной гуськом выходят из лифта. Охранник стоит у дверей, изучая каждый значок. Я смотрю вниз, чтобы удостовериться, что мой значок виден, и стараюсь не встречаться с ним взглядом и не привлекать к себе внимания.

Гигантские стальные двери возвышаются напротив лифтов. Каждый должен войти по одному, после сканирования наручКОМа и сканера отпечатков пальцев. Я засовываю руку в карман, нащупываю на пальцах отпечатки пальцев и пытаюсь стать невидимой в толпе рабочих, надеясь и молясь, чтобы охранник меня не заметил.

Один за другим рабочие нажимают на сканер и прижимают палец к сенсорной панели. Двери пищат, человек входит, следующий идет вперед, стучит и прикасается.

Охранник перемещается позади меня, наклонив голову, прислушиваясь к наушнику в левом ухе. Его глаза сканируют оставшихся рабочих передо мной. Я бреду вперед. Охранник смотрит на меня. Человек передо мной проходит через гигантские стальные двери. Взгляд охранника усиливается, и он делает шаг вперед.

Нажатие–касание. Ядвигаюсь быстро. Двери распахиваются, и я вхожу.

Глава 56

Я моргаю, оказавшись в ослепительно белой лаборатории. Яркий свет дневных ламп освещает широкий коридор с матовыми стеклянными дверями по обе стороны.

Джека нигде не видно.

Я полагалась на него и его знания о лаборатории – и мы оба надеялись, что лаборатория не слишком изменилась с тех пор, как он ее покинул. Конечно, я запомнила карту, но находясь здесь без Джека, я чувствую себя странно. Я делаю несколько неуверенных шагов вперед, и один из рабочих смотрит на меня. Я не могу колебаться. Если я буду выглядеть чужой, они поймут, что мне здесь не место. Я должна двигаться вперед. Я должна притвориться, что знаю, куда иду.

Я решительно шагаю вперед. Мои глаза бегают по сторонам – у каждой двери есть маленькие черно-золотые таблички. На некоторых обозначены имена – Доктор Адамс, Доктор Мартин, доктор Эшби. Большинство из них помечены типом исследования, которое происходит за дверью. Биологическое оружие. Производство вирусов. Солнечная энергия. Солнечное оружие.

Дверь за моей спиной распахивается, и я удивленно оборачиваюсь, когда чья-то рука хватается меня и тащит в лабораторию. Я открываю рот, у меня перехватывает дыхание, и чья-то рука зажимает мне лицо.

– Это я, – рычит Джек. Он разворачивает меня, и я изумленно смотрю на него. Он сбросил униформу уборщика и надел лабораторный халат. – Черт, я волновался, – продолжает он. – Когда мы расстались...

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я проглатываю бешено колотящееся сердце. – Где мы?

Я ожидала увидеть еще одну исследовательскую комнату, но эта дверь ведет в коридор. – Изучение Андроидов, – говорит Джек. – Пока что, похоже, ничего не изменилось с тех пор, как я здесь работал.

– Хорошо, – говорю я. Я вылезая из форменной рубашки – моя черная майка под ней отвратительно грязная – и надеваю свой лабораторный халат. Джек изучает мою внешность, и она, кажется, удовлетворяет его критический взгляд.

– Сюда, – говорит он.

Несмотря на то, что мы здесь ночью, вокруг по-прежнему много людей. Мы идем по коридору так, словно мы здесь хозяева. Джек кивает людям, мимо которых мы проходим, хотя мы стараемся не встречаться с ними глазами и не привлекать к себе внимания. Когда мы подходим к двери с надписью «нанороботы и искусственный интеллект», Джек кладет руку на дверь.

Она не открывается.

– Черт, – бормочет он. Я отбрасываю его руку в сторону, указывая на замок. Дополнительный уровень безопасности для этой лаборатории. Для папиной лаборатории.

Мы оба сканируемся, и дверь открывается. Перед нами автоматически загорается свет – по крайней мере, внутри никого нет. Я чувствую, как Джек начинает расслабляться. Думаю, он ожидал неприятностей.

В этой лаборатории есть еще несколько дверей из матового стекла в дальней стене, каждая аккуратно помечена. Мы в самом центре исследований Андроидов и нанороботов. Одна дверь – также с электронным замком – обозначена «Развитие киборг-клонов».

Другая – «Андроид Инженерия», затем «Исследования ИИ и НАНОРОБОТИКИ». Дверь в дальнем левом углу – «Передача Грез». Рядом с ней дверь – единственная без оконной таблички – «КТехнология».

Джек смотрит на меня с открытым ртом. – Это совсем другое, – тихо говорит он. – Я имею в виду не эти, – он указывает на двери андроида, искусственного интеллекта и нанобота, – а другие. Они все совершенно новые. Что такое «КТехнология»?

Я не отвечаю. Меня отвлекает первая дверь, слова едва помещаются на этикетке. Я медленно приближаюсь к ней. Джек тянется ко мне, но я всего в шаге.

– Мы должны пойти сюда, – начинает он, направляясь к двери с надписью «передача грез».

Я поднимаю руку, осматривая дверь «разработки клонов-киборгов». Затем закрываю часть таблички – «Борг».

КИБОРГ-КЛОН

– Циклон, – шепчу я.

– Что? – спрашивает Джек.

Я положила руку на замок.

– Подожди! – Джек шипит на меня, но слишком поздно. Я открыла дверь.

В центре комнаты – гигантская труба, высокая, но узкая. Если бы я попробовала плавать в ней – потому что она наполнена голубой блестящей жидкостью, – я могла бы коснуться руками стенок стеклянной трубы, даже если бы жидкость была выше моей головы. Я наклоняюсь ближе, вглядываясь в искрящуюся синеву внутри трубки, но там нет ничего, кроме жидкости.

Обернувшись, я вздрагиваю от неожиданности. Идеальный скелет лежит на смотровом столе рядом с трубкой. Это определенно человек, и, судя по размеру, еще не взрослый. Но это также не реально. Кости сделаны из какого-то металла, такого блестящего, что он почти белый, и скреплены медицинскими полосками из гибкого сплава для сухожилий.

– Элла, – шепчет Джек.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я не обращаю на него внимания, очарованная скелетом. Одна рука свисает со стола, и я беру ее, скользя пальцами по холодным, металлическим костлявым пальцам руки этого странного создания.

– Элла, – говорит Джек.

Я поворачиваюсь.

Он стоит перед низким чаном, покрытым прозрачной стеклянной крышкой. Чан наполнен прозрачной жидкостью, которая может быть водой, но то, что находится внутри, останавливает меня.

Сначала я подумала, что это медузы. Несмотря на то, что тела слишком выпуклые и определенные, чтобы быть медузами, от каждого сферического плавающего объекта отходят длинные щупальца, опускаясь на дно резервуара. Но затем я вижу одно тяжелое, длинное щупальце, выходящее из центра каждой из этих штук, и я понимаю, что это такое.

Мозги.

Они бежевые и розовые, с крошечными синими прожилками. Я всегда представляла себе мозги серыми и расплывчатыми, но они тверды и покачиваются в своих чанах. Спинной мозг, который я приняла за щупальца, тянется прямо ко дну, где они соединены с металлическими трубками и закреплены на месте. Вдоль спинного мозга расположены крошечные пучки, почти как морские анемоны. Разглядывая, я вижу маленькие белые искорки электричества, пробегающие между нервами, путешествующие вверх по спинному мозгу и вспыхивающие в мозгу как свет. Наклонившись еще ниже, я замечаю маленькие микрочипы, встроенные в морщины мозга. Интересно, если бы я поместила мозг под микроскоп, нашла бы там наноботов, соединяющие синапсы? Это жутко... жутко красивый образ биологического смешения с механическим.

– Это невозможно, – говорит Джек. – Твой отец... доктор Филип много лет пытался клонировать или производить человеческий мозг, но сказал, что это невозможно.

Я медленно оборачиваюсь, впитывая все. Металлический скелет, чан с мозгами. За ними виднелась стена с крошечными дверцами холодильника, на каждой из которых красовался свой орган. Меньший чан в углу был заполнен длинными полосками бежевого материала с простой надписью: син-кожа. Шкафчик с табличкой «стимулятор плоти». По потолку тянутся трубы, ведущие к гигантской трубе в центре комнаты. Они помечены различными версиями наноботов: «NB-126», «NB-252», «NB-378».

– Все это... это все части человека, – говорю я глухим голосом. Металлические кости, искусственная кожа, клонированные органы. Сложите их вместе, и вы получите франкенштейновское чудовище.

Я касаюсь стекла трубки, удивляясь андроиду, застрявшему внутри. Нет, не андроид. Клон-киборг, судя по табличке на двери. Циклон. Представитель Белл узнал о циклонах, и то, что он узнал, встревожило его. Быть может именно поэтому он и погрузился в задумчивость, забыв о том, что такое циклоны и как они устроены.

Ужасная мысль наводняет мои собственные мысли: папа имеет к этому какое-то отношение?

– Эй, Элла, – зовет Джек с другого конца комнаты. Я подхожу к нему – он просматривает информацию в интерфейсной системе, документы и изображения вспыхивают на экране монитора, когда он выбирает информацию для копирования и отправки на компьютеры Зунзаны.

– Они работают над срочным заказом, – говорит он. – Вчера был заказ на новый.

– Новый что? – спрашиваю я.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Джек пожимает плечами. – «Новый», вот и все. И эта модель нуждается в удаленном выключателе и некоторых других функциях, таких как увеличенное количество какого-то химического соединения, называемого «РНУ-DU5».

Я произношу то, что мы оба боимся сказать. – Это то, чем является Акила? – спрашиваю я. – Какое-то рукотворное чудовище? А моя мама?

Джек резко оборачивается. Он смотрит мне прямо в глаза. – Ни за что, – говорит он. – Ты сама сказала, что мозг не может думать. Посмотри на тех, – он указывает на чаны с мозгами. – Как думаешь, ты можешь просто взять одну из них, засунуть в скелет и заставить ее думать самостоятельно? Наука зашла слишком далеко, Элла, но ты не можешь просто создать это.

Я смотрю на чан. Несмотря на мерцание электричества, нет никаких доказательств, что эти мозги могут думать, даже с микрочипами.

Когда мы выходим из комнаты, меня охватывает необъяснимый страх. Я оглядываюсь назад. Хоть и скелет сделан из металла, мне кажется, что он наблюдает за мной, издеваясь.

Джек закрывает дверь, и последнее, что я вижу в этой странной комнате, — мерцающие искры электричества, пульсирующие в мозгу, который не может – просто не может думать самостоятельно.

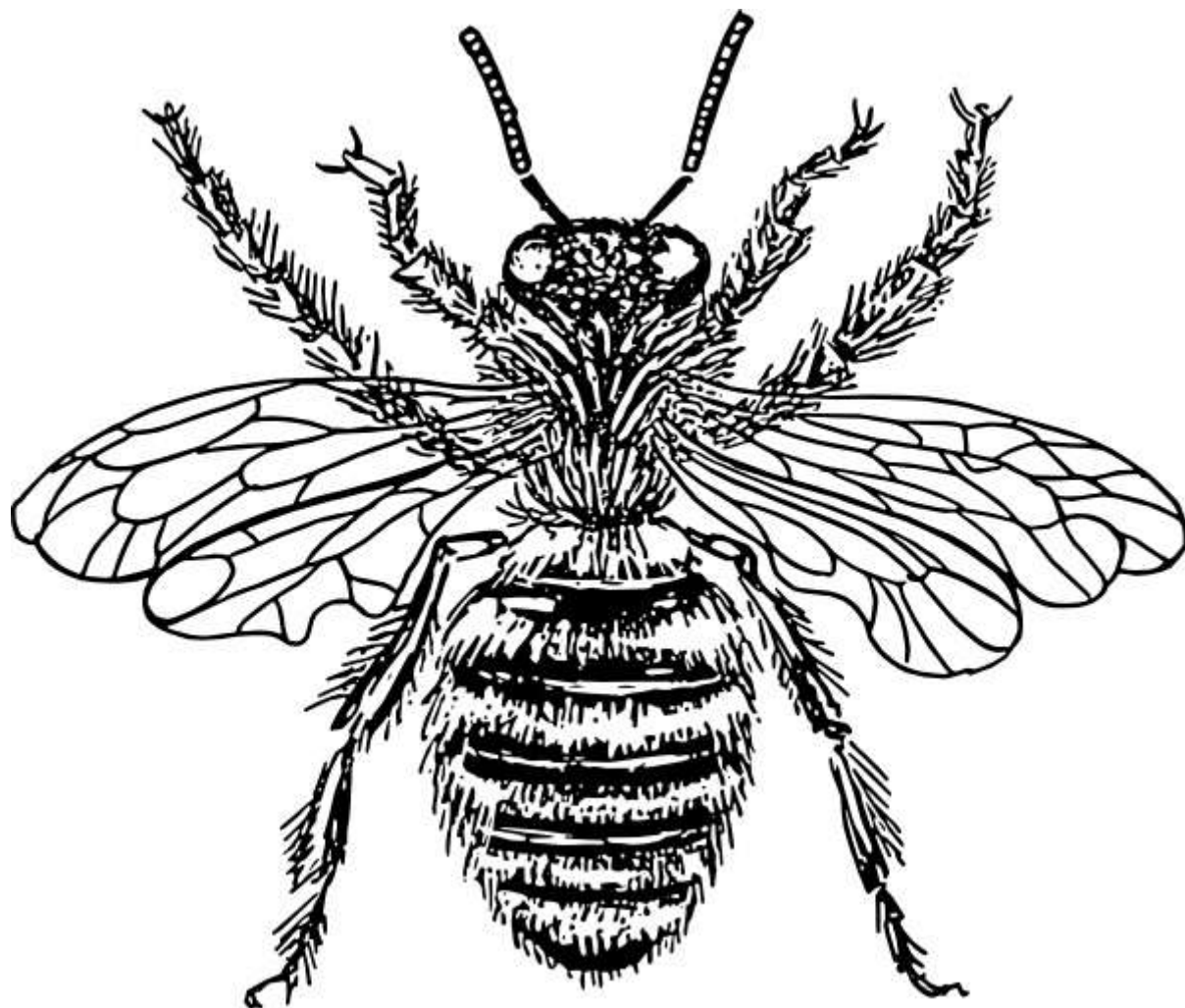
Джек хватая меня за руку и тащит в лабораторию с надписью «передача грез». Думаю, он боится, что я забреду в другие лаборатории, но об этом ему беспокоиться не стоит. Я не могу избавиться от этого чувства, своего рода зловещего дежавю, с моих плеч. Я определенно буду рада, если мы сможем сбежать из этой лаборатории, но сначала я получу ответы.

На дальней стене лаборатории ряд маленьких квадратных дверей, на каждой аккуратно написано несколько слов, которые я не могу прочитать отсюда. Маленькие дверцы сделаны из тяжелой стали, с запирающейся металлической ручкой. Они громоздятся одна на другую, как двери морга. В этой комнате прохладнее, и я думаю, судя по конденсату у стены, маленькие комнаты за маленькими дверями должны быть охлаждены.

В центре комнаты стоит кресло грез – пара из них, соединенных проводами, так же, как два кресла грез соединены в Спа Грез, хотя наш второй стул спрятан в другой комнате. Эти кресла грез выглядят старыми и неудобными, ни одна из плюшевых подкладок или маленьких удобств, которые есть у нас для наших клиентов.

Один стул пустой и блестящий, недавно отполированный. Единственный изъян – маленькое бесформенное отверстие в спинке стула, похожее на пулевое.

Другой стул не пуст. Через него перекинута тело, руки и ноги безжизненно болтаются. Голова откинута назад, почти падает со спинки стула. Но на этом теле нет головы. Там зияет дыра, и сквозь плоть и металл я все еще вижу шепот искры в механическом мозгу моей матери.

Глава 57

Я слышу жужжание в затылке.

Джек оглядывается в поисках хоть чего-нибудь, чем можно было бы прикрыть тело моей матери, но вокруг абсолютно ничего нет, и это уже не имеет значения. Я вижу ее. И это не моя мать. Но я все же вижу.

А затем начинаю чувствовать запах... такой сладкий с прогорклым привкусом.

Привкусом гниющего мяса.

– Нам пора, – тут же произносит Джек. Он говорит так быстро, что я едва успеваю разобрать слова.

– Почему здесь два кресла для грез? – интересуюсь я. Обычно, связи между мечтам прослеживаются редко. Мама как раз и работала над этим. Я-то думала, что такое возможно только в салоне Грез.

В один миг все вокруг становится таким медленным и тяжелым, ощущение, словно я тону на глубине... Я что-то упускаю... Что-то важное... Становится тяжело думать.

– Твой отец работал над исследованиями твоей матери – по крайней мере, до того, как уволил меня – точно. Проводя опыты на андроидах, пытаюсь сделать их разумными. Судя по чану с мозгами, что мы обнаружили, похоже, СС продолжил исследования.

Я вздрагиваю и виновато смотрю на Джека. Я поняла только половину из того, что он сказал.

– Ты слышишь? – шепчу я, вытягивая шею и прислушиваясь.

Джек пристально смотрит на меня. В лаборатории повисла зловещая тишина.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Неважно, – бормочу я. – Все нормально.

– Как бы там ни было, – медленно произносит Джек, по-прежнему странно глядя на меня. – твой отец считал, что ж-ж-ж может передавать мысли через нечто вроде образов, мечтаний. Иногда он экспериментировал: помещал андроида ж-ж-ж в одно кресло, а человека – в другое. Погружая обоих в грезы ж-ж-ж и наблюдая, смогут ли передаться какие-то умственные способности. Элла? – Джек щелкает пальцами перед моим лицом. – Ты ж-ж-ж слушаешь?

– Жужжание, – тихо говорю я.

– Что? – переспрашивает Джек. Но я едва слышу его.

Жужжание такое громкое.

Я зажимаю уши руками.

А оно все усиливается. Ж-ж-ж. Так. Ж-ж-ж. Громко.

– Элла? – зовет Джек. Или мне это кажется. Я его не слышу. Только вижу, как он открывает и закрывает рот, произнося мое имя.

– Где пчелы? – громко спрашиваю я. Джек зажимает мне рот рукой. Для чего? Я не так громко разговариваю, наоборот, едва слышу собственный голос. Жужжание оглушало.

Джек что-то продолжает говорить, но я не слышу. Тольж-ж-ж-ж-ж-жко жуж-ж-ж-ж-ж-жание.

Я завертелась, пытаюсь найти источник звука. Почему жужжит все вокруг, но никаких пчел здесь и подавно нет? Они должны быть повсюду... но я их не вижу.

Джек хватает меня за плечи и разворачивает. Он открывает рот. Из него летят пчелы. Они роятся перед его лицом, бьются ему в зубы, ползут в нос, по глазным яблокам.

Я кричу и падаю. Пчелы следуют за мной. Я шлепаю их, размахиваю руками и снимаю халат, пытаюсь избавиться от насекомых. Но они полностью игнорируют меня. Я чувствую их тяжелые тельца на голой коже своих рук. Их заостренные, липкие лапки колют руки через одежду. Их слегка пушистые тела оставляют мурашки на моих плечах.

Они ползают по мне, крылья бьются о кожу, насекомые ползают по моим волосам. Я наклоняюсь и взмахиваю голову обеими руками, пытаюсь вытащить чертовых пчел, но их гораздо больше, чем у меня волос... пчелы, пчелы, везде пчелы.

Джек хватает меня за запястье, привлекая к себе, тем самым раздавливая насекомых, попавшихся между нашими телами, а затем толкает вперед. Это не помогает – пчелы следуют за ним. Я извиваюсь как уж, отмахиваясь от пчел.

Джек швыряет меня в пустое кресло грез. Он приближает свое лицо к моему, заставляя посмотреть на него. Что-то говорит, но я не слышу слов, лишь жужжание, и лишь по губам могу прочесть, что он произносит мое имя.

На его нижнюю губу приземляется пчела. Я с ужасом наблюдаю, как жало пронзает розовую кожу. Пчела дергается, оставляя жало в губе Джека. Затем она бьется о его зубы и падает вниз, где ее тело поглощается тысячами пчел, роящихся на холодном кафельном полу. Когда-то пол был белым, но теперь он черно-желтый, вибрирующий от извивающихся огромных пчел, с ними же и раздавленные ногами и размазанные по плитке.

Сильные руки хватают меня за подбородок, поворачивают лицо. Рот Джека распахнут так широко, что мне кажется, он кричит, но в этом нет никакого смысла. Ничего не слышно из-за жужжания, сплошного жуж-ж-ж-ж-ж-жания.

Я кричу. Когда я начала кричать? Открыв рот, я позволила пчелам попасть внутрь. Они пикируют мне в горло, царапают чувствительную плоть рта своими жалами, их тонкие ножки застревают меж зубов. Я хватаюсь за рот, пытаюсь вытащить их, но сильные руки отрывают мои руки от лица, и я чувствую, что меня пристегивают – запястья прижаты к металлическим подлокотникам кресла грез. Как я попала в него? Повернув голову, замечаю, что чуть поодаль стоит еще одно такое же кресло, только уже с мертвым телом существа, похожего на мою мать.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

У меня не получается встать – я привязана, а пчелы слишком тяжелые, их тела наваливаются на меня, давят, я не могу дышать.

А потом одна из них ужалила меня.

Гигантская, выпрыскивающая в меня зеленый яд.

Нет.

Не пчела.

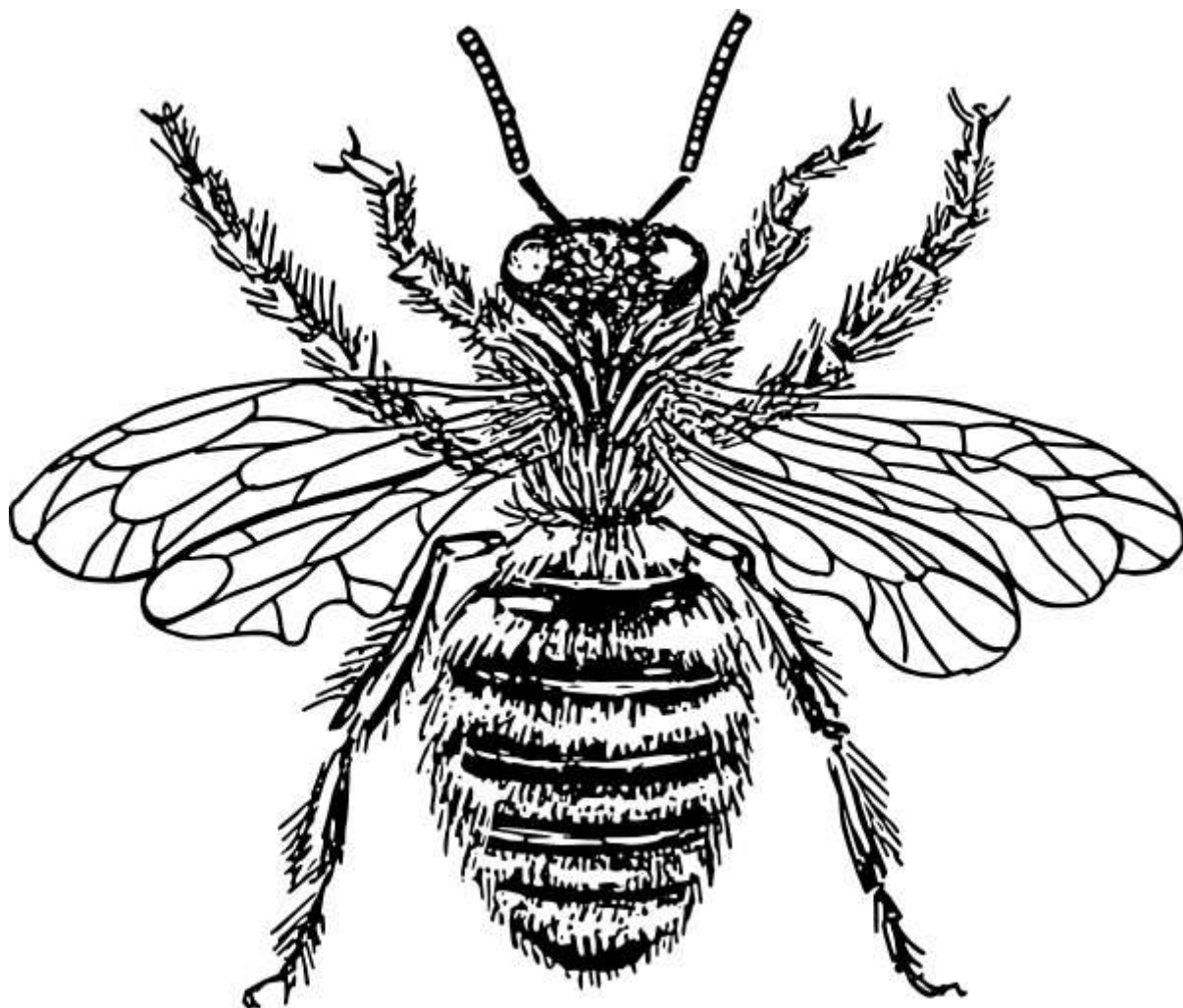
Игла.

Не яд, а наркотик грез.

Пчелы тают, как свечной воск, принимая очертания человека. Джек стоит передо мной, держа в руках иглу. Я перевожу взгляд на себя.

Он накачал меня наркотиками.

Я погружаюсь в грезы.

Глава 58

Жужжание становится тише, словно музыка, играющая на заднем плане

– Элла.

Я по-прежнему пристегнута ремнями к креслу, но во сне нет ничего, кроме темноты и моего отца.

– Где я? – спрашиваю у него.

Папа склоняется над стулом и начинает расстегивать ремни. Я потираю запястья. У меня болит рот. Я осторожно прикасаюсь к нему и чувствую, как натягивается кожа на моих когтях.

– Ты в кресле грез, – говорит отец.

– Нет, имею в виду... где я сейчас? – оглядываюсь вокруг. Я в грезах, это сон. Но это не лаборатория. Джека здесь нет. Лишь я, кресло и папа.

– Куда ты идешь, когдаходишь в чьи-то грезы? – лениво интересуется папа, словно вопрос риторический.

– Я вхожу в их сознание.

Папа смотрит в черноту пейзажа. – Ты проникаешь в чужие мысли, чужие воспоминания, сны. Его глаза фокусируются на моих. – Полагаю, сейчас ты в чужом сознании, – он хихикает. – Значит, ты не в своем уме.

Я встаю, не только потому что кресло для грез жесткое и неудобное, просто мне хочется оказаться как можно дальше от этого сна об отце. И тут до меня доходит, что он сказал. В данный момент я не в своем уме – я погружена в грезы, мне снится чужой сон. Но человек...

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

существо... – то существо, похожее на мою мать, что находится в соседнем кресле не живое. Все, что осталось – несколько электрических искр в гниющем теле.

– Так вот как выглядит смерть? – бормочу я себе под нос.

– Зависит от того, что ты думаешь о ней, – теперь голос отца звучит бодрее, как у человека, которого я помню еще до того, как мы переехали в город; до того, как он начал работать с правительством.

– Я тебя не понимаю.

– Ты – твои мысли, твое существо, твое «я» – здесь, верно? – папа машет передо мной руками. Конечно, на самом деле я не здесь, а в лаборатории с Джеком. Но одновременно и во сне с папой. – Которая часть тебя – это ты? То тело, что лежит без сознания или девушка, находящаяся передо мной? – интересуется папа.

Я на мгновение задумываюсь:

– Здесь. Сейчас. Тело – это не человек. Человек – это... – я пытаюсь сформулировать, но это трудно. Я вспоминаю о диги-файле, который показал мне Джек – о смерти Акилы. Даже на экране я видела разницу между живой и мертвой Акилами. Мертвая – пуста, она была никем, словно в туннеле – лишь тень самой себя. Она не была ее телом.

Папа хватается за плечи, а его пальцы впиваются мне в кожу. – Запомни это, Элла. Это очень важно.

– Что именно?.. – переспрашиваю, но папа отпускает меня так резко, что у меня перехватывает дыхание. Он отворачивается, и я слышу его голос, тяжелый и печальный: – Элла, ты должна проснуться.

Я подхожу к нему. – Ты все время это повторяешь! – кричу я на него. – Но что ты имеешь в виду? От чего мне проснуться? Что ты имеешь в виду?

Папа занимает мое место в кресле и смотрит на меня. Он выглядит таким усталым, бледным, щеки ввалились, глаза покраснели, губы потрескались.

Он выглядит мертвым. Почти.

– Ты была моим ключом. Я спрятал правду в тебе, – пока он говорит, плоть начинает кусками отваливаться от его лица, на месте щек появляются зияющие дыры и становятся видны щелкающие зубы.

Я начинаю плакать. Горячие слезы обжигают щеки. Они напоминают мне пчелиные укусы.

– Когда ты проснешься, твое лицо будет сухим. Но это не значит, что ты не плакала.

Жужжание становится громче. Это больше не фоновая музыка. А снова звук, сводящий меня с ума.

– Я схожу с ума, да? – шепчу я. Страх перед этим озаряет меня будто ужасное откровение. В лаборатории не было пчел. Теперь я это понимаю. Пчел не было. Лишь я. Сумасшедшая я.

Или... может, я не схожу с ума. Может быть, я что-то вроде андроида-киборга-клона, и просто ломаюсь. Не знаю даже, что хуже.

Папа смеется. При этом остальная часть его кожи и плоти трескается и отваливается от головы, обнажая ухмыляющийся череп. Его глаза закатываются в глазницах, а затем вовсе выпадают, свисая на красной вене. Вены лопаются вместе с глазами, разбрызгиваясь по земле.

– Ты не в том, не в правильном уме, дорогая, – отвечает он. – Нет, нет, нет, ты не в нем.

Он продолжает смеяться. И делает это до тех пор, пока от него не остается ничего, кроме клцанья зубов и нескончаемого жужжания миллионов пчел в моих ушах.

А затем...

Молчание.

Папа исчезает, вместе с ним и кресло грез.

Просто темнота. Я вспоминаю, что нахожусь в грезах о чем-то мертвом. Что бы это ни было – оно мертво.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

И когда я уже начинаю задумываться о своей смерти, я замечаю свет, далеко, где-то в углу пейзажа грез. Свет не мягкий, а потрескивает, словно тихая молния, горящая электричеством, искры вылетают, с шипением растворяясь в темноте.

Не знаю почему – ведь это не имеет смысла, как часто бывает в грезах – но я хочу прикоснуться к свету.

Так и делаю.

Свет изгибается дугой из угла грез, соединяясь с кончиками моих пальцев. И сжигает меня изнутри, молния ударяет по моим органам, пронзает кровь.

Я слышу голос, знакомый, он мне нравится.

– Мам, – шепчу я.

И есть что-то внутри меня, какое-то неопределимое знание, которое я не могу объяснить, но когда свет отвечает, произнося мое имя, я уверена, что это голос матери. Моя мама. Моя настоящая мама – а не то, что было похоже на нее; не то, что носило ее лицо, звучало, пахло и выглядело как она.

Это голос моей матери.

– Элла, – повторяет она, и этот звук находит отклик в моей душе.

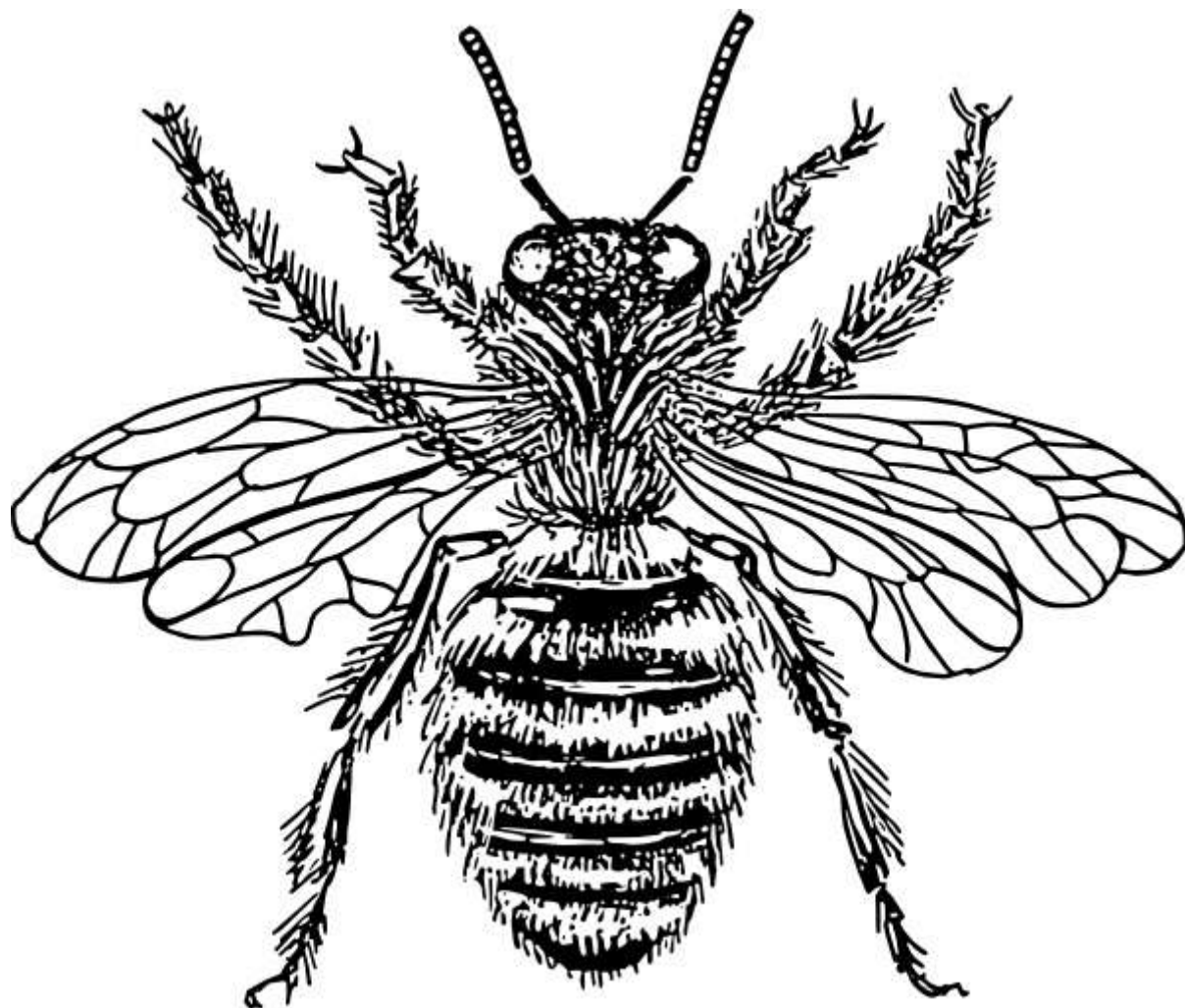
И тут я понимаю: что-то не так.

– Мам? – спрашиваю я. Голос дрожит от страха и электричества.

– Я держалась, сколько могла, – говорит она. – Но теперь ты должна меня отпустить. Отпусти, потому что ничего не осталось. Больше нет.

Я резко открываю глаза. Джек нависает надо мной, на его лице четко читается беспокойство. – Элла? – зовет он, и я знаю, что он произносит мое имя, чтобы посмотреть, смогу ли я ответить ему криком или жужжанием.

– Я в порядке, – шепчу я, хотя на самом деле это не так.

Глава 59

Мама говорила, что наши мысли – это не более чем электрические импульсы. Я помню, как они с папой разговаривали об этом за ужином. Отца расстраивало, что человеческий мозг может пускать электрические импульсы и думать, но если накачать тем же электричеством мозг андроида, то он все равно никогда не сможет думать. Тело ничем не отличается от машины. Люди и андроиды работают на электричестве.

Эту молниеносную искру энергии я видела в своих грезах. Это была последняя мысль моей матери, эхо электричества – что-то, что вспыхнуло, когда я вошла в ее сон.

Теперь эта искра погасла. Ее больше нет. Все, что делало маму самой собой – ушло. Растворилось в пустоте.

– Элла, нам пора, – зовет Джек. Он говорит так, словно боится, что я сломаюсь от его слов, но я не могу переварить лишь его мягкий тон. Он смотрит на наручКОМ.

– Мы должны идти, – повторяет он. – Я поставил кое-кого следить за системой безопасности. И у нас гости, нужно двигаться.

Когда я по-прежнему не шевелюсь, Джек наклоняется, поднимает черный брезент с пола и укрывает тело моей матери. – Элла... Элла! Нужно идти.

Но уже слишком поздно. За дверью раздаются приближающиеся шаги.

– Черт! – тихо выругался Джек. Его глаза бегают по комнате – спрятаться негде, выхода нет, кроме той единственной двери, через которую мы вошли.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Туда, – говорю я. Мне кажется, что я наконец-то просыпаюсь от долгого беспробудного сна, в котором мне снились сумасшедшие вещи: мама умерла, а отец сгнил заживо на моих глазах.

Я пересекаю комнату, стараясь не соприкоснуться с черным брезентом, и подхожу к помеченным дверям, таким маленьким, словно холодильные камеры в морге. На каждой аккуратная этикетка. Одна дверца слегка приоткрыта. На этикетке написано: «Шепард, Роза, верс. 12».

Имя моей матери. Я распахиваю дверь, и меня обдает порывом холодного воздуха. Внутри есть узкий плоский поднос, который легко выдвигается. Джек вскарабкивается на стол и максимально отодвигается к стене, освобождая мне место, а его там было совсем немного.

– Давай, – подначивает он.

– Я открою другую.

– Каковы шансы, что все они пусты? Ну же.

Я вскакиваю на стол. Невозможно лежать на лотке и не прикасаться к Джеку. Он протягивает обе руки над нашими головами, пытаюсь задвинуть нас обратно в холодильник. Я цепляю дверцу ногой и захлопываю ее за нами – но не полностью. Я не осмелилась захлопнуть дверь – что, если она не откроется? Мы умрем здесь.

Умрем. Как моя мать.

Я подавляю рыдание, и Джек обнимает меня, притягивая еще ближе.

– Ш-ш-ш, – шепчет он мне в волосы. Его дыхание вырывается клубами пара. По рукам бегут мурашки, и я уже не могу сдержать дрожь. Джек обнимает меня еще сильнее, так крепко, что я едва могу дышать, но между нами сохраняется тепло. Я закрываю глаза, вдыхая его запах.

– Свет включен, – констатирует грубый голос, обладателя которого я не узнаю. Я вцепляюсь в руки Джека так сильно, будто он сможет спасти меня одним своим присутствием. Одной рукой он обнимает меня за голову, прижимая к груди, другой обнимает за талию и спину. Я чувствую, как его руки становятся твердыми, как камень, дыхание перехватывает горло. Я смотрю на него и впервые вижу страх в его глазах.

– Здесь жутковато, – произносит второй голос. – То, что они здесь делают... неестественно.

– Ты думаешь, все, что требует мысли – неестественно? – издевается первый голос. – Здесь нет ничего страшного.

– Да. Ну, конечно, вот это мертвое тело совершенно естественно.

Тело моей матери.

– Говорят, в этой лаборатории водятся привидения.

Моя мать? Другая женщина? Может быть, Акила?

– Не говори глупостей.

Шаги мужчин эхом разносятся по лаборатории. – Выглядит ужасно. Будто кто-то разгромил это место.

– Так всегда бывает после перевода.

Шаги приближаются. Джек широко распахивает глаза, сжимая меня, словно в тисках, его мышцы напряжены. Я больше не чувствую холода, только страх.

– Тут дверца приоткрыта, – замечает один из охранников. Он близко. Он прямо перед холодильной камерой, в которой мы прячемся. Он мог бы открыть дверь, стащить наши холодные тела с плиты и убить нас, как они сделали это с моей мамой,

Я слышу металлический звук защелки.

Или он просто захлопнет дверь, и мы замерзнем до смерти.

– Не связывайся с этим, парень, – советует первый охранник. – Они ненавидят, когда что-то выглядит не так, как было. Просто оставь все как есть.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Что вы здесь делает? – врывается в их диалог женский голос, который я практически узнаю. Я извиваюсь, стараясь подвинуться ближе к двери, и вытягиваю шею, чтобы лучше видеть.

– Эти лаборатории закрыты даже для службы безопасности.

Я выглядываю из щели и напрягаю зрение, чтобы увидеть женщину.

Спустя мгновение я понимаю, что начинаю задыхаться, а руки Джека напрягаются вокруг меня. Его глаза расширяются, и он слегка качает головой. Но я не обращаю внимания. Потому что я, наконец, узнала эту женщину. Пухленькая медсестра, та самая, которую мисс Уайт наняла присматривать за моей мамой после взрыва андроида Розы. Только вот она не медсестра вовсе. А ученый... одна из местных. Совсем не медсестра.

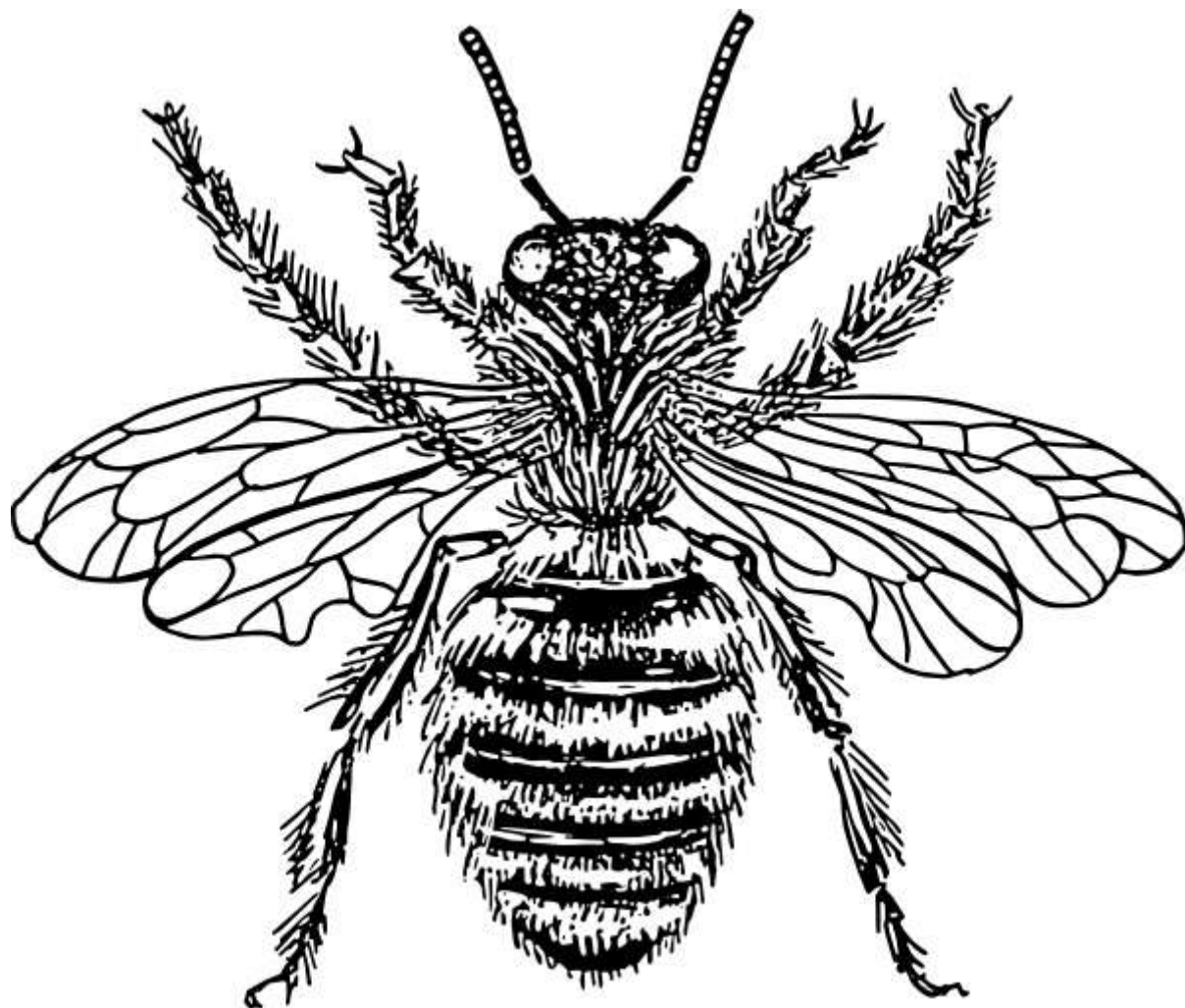
Через несколько мгновений шаги начинают постепенно стихать – женщина пошла провожать охрану.

Джек вздыхает с облегчением, образуя облачко пара вокруг наших голов. Он по-прежнему обнимает меня, но его мышцы расслабляются.

Я вздрагиваю, когда слышу, как за охранниками захлопывается дверь, но Джек качает головой. Конечно, глупая я – они изучают и другие лаборатории.

– Раз... два... три... – едва слышно шепчет Джек. Я сосредотачиваюсь на его рте, наблюдая, как цифры сыпятся с его губ.

Когда он достигает двухсот пятидесяти, мне уже кажется, что мои ресницы сделаны из льда, а легкие наполнены снегом. Джек соскальзывает вниз, пинком распахивая дверцу, и толкает лоток с двумя замерзшими телами обратно в теплую лабораторию. Я остаюсь лежать, дрожа, но не из-за холодного воздуха, который последовал за нами в лабораторию. А из-за чувства одиночества – Джек больше не прижимает меня к себе.

Глава 60

– Нам пора, – говорю я. Теперь, когда мы так близки к тому, чтобы быть пойманными, все, чего я хочу – сбежать. Мы еще столько всего не исследовали – лишь эту крошечную секцию лаборатории – и, возможно, у меня никогда не будет шанса увидеть место, где работал и умер отец, да и мать тоже, ведь ее тело было там... Но я не могу избавиться от чувства неправильности.

– У нас есть время, – говорит Джек, проверяя наручКОМ. – Охранники отметили эти лаборатории как чистые.

– Нам все равно надо идти, – говорю я, глядя на тело матери.

– Перенос, – говорит Джек. Он ждет, пока я посмотрю ему в глаза. – Эта лаборатория называется «передача грез». – Это что-то да значит. И охранники упомянули о каком-то переводе.

– Ничего страшного, – говорю я, направляясь к двери.

Джек тянется ко мне, но я бочком отодвигаюсь. – Ты знаешь, что такое передача грез? – спрашивает он, заглядывая мне в глаза. – Знаешь, почему эти два кресла связаны между собой? Никогда такого не видел.

Я вздыхаю.

– Да. Ты просто не знал этого. Кресла в Грезах соединены.

Джек нахмурил брови. – Кресла? – переспрашивает он. – Их больше одного?

Я киваю. – Там была вторая камера. И эти кресла соединяются между собой.

– И для чего это все? – когда я не отвечаю, он снова настойчиво требует ответа.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– У мамы была теория, – сдаюсь я. – Что люди могут делиться, входить в чужие грезы.

Джек фыркает. – Это невозможно. Ты не можешь просто войти в чужой разум.

Я молчу.

– Ведь так? Элла? – он смотрит на меня. – Ты... ты можешь? – произносит он медленно, не веря своим ушам. – Ты можешь проникать в чужие мысли? Это и есть перенос?

Я смотрю вниз. Нет причин стыдиться этого, но я стыжусь. – Именно поэтому я знала, что сказать представителю Белл.

– Ты была в его уме? – Джек выплевывает эти слова с отвращением и ужасом.

Киваю.

– Я называю это видением. Это не значит, что я вламываюсь в чужие головы; если человек погружен в грезы, я могу подсоединить себя к его креслу и войти в сознание.

– Человек понимает, что ты там? – спрашивает Джек, и прежде чем я успеваю ответить, я вижу ужас в его глазах. Он смотрит на меня с отвращением. – Ты была в моих мечтах, не так ли? Когда подключала меня раньше. Ты сказала, что можешь узнать, говорю ли я правду о том, что знаю тебя. Ты вошла в мой разум и копалась в моих воспоминаниях! – в его голосе обвинение, будто я сделала что-то ужасное.

Так и есть.

– Что ты видела? – спрашивает он неожиданно глухим голосом. – Когда шпионила за моим мозгом, что ты видела?

– Воспоминания, – просто отвечаю я. – У меня нет воспоминаний о нас, потому что кто-то вошел в мой разум и стер все воспоминания.

– Кто? – требует Джек.

– Понятия не имею. Или же... или же я просто машина с недостающими битами, стертой информацией.

Джек проводит пальцами по волосам, его голубые глаза блестят. Он начинает вышагивать. – Я ничего не понимаю. Это... это невозможно.

– Ты сам знаешь, что это не так.

– Кто-нибудь еще может это делать?

– Я даже не знала, что в лабораториях университета есть кресло для грез. Может, они догадались, как это делается...

Может быть, именно это и случилось с моими воспоминаниями о Джеке.

Он снова начинает расхаживать по комнате. – Но эта лаборатория... на двери написано «передача грез», а не «влезу в твою голову, поиграюсь с воспоминаниями».

Я вздрагиваю.

– Передача подразумевает перемещение чего-то из одного места в другое, а не просто временное наблюдение, – продолжает Джек.

И тут я вспоминаю, что он ученый, как и мой отец, Джек достаточно умный.

Он замирает, и я вижу прозрение в его глазах. Его взгляд метнулся к стене морга.

– Что? – спрашиваю я.

Джек шагает к двери. – Эти мозги в чане – в другой лаборатории. Твой отец. Ты не можешь заставить мозг думать сам за себя, – его слова сливаются воедино, сбивая с толку. Увидев, что я не улавливаю ход его мыслей, он распаивает маленькую дверцу, за которой мы прятались, и смотрит в холодную бездну.

– Твой отец перепробовал все, что мог, чтобы создать мозг андроида, способный думать самостоятельно. Но это не сработало, – Джек захлопывает дверь и пробегает пальцами по этикетке с именем моей матери. – Он много лет работал над созданием настоящего мозга для андроида – мозг с винтиками, который думает самостоятельно. Но не смог – потому что это невозможно.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я осматриваю соседние дверцы и впервые читаю надписи на каждой из них. Дверь, за которой мы прятались, была подписана: «Шепард, Роза, верс. 12». Над ней «Шепард, Роза, верс. 11». Далее «Шепард, Роза, верс. 10». На колонн рядом написано: «Шепард, Роза, верс. 1 весь путь до Шепард, Роза, Верс. 9».

– «Верс.» значит – версия, – медленно произношу я. Я не понимаю значения слов, которые говорю.

Джек открывает 11-ю дверь.

На металлической плите лежит идеальная копия моей матери. Неподвижная, будто спит, но в ней нет жизни. Она похожа на манекен.

Я протягиваю руку к двери с табличкой «Шепард, Роза, верс. 1». Тело принадлежит моей маме. Как и другие, оно заморожено, плоть твердая и неживая. Я касаюсь ее волос – они хрупкие и крошатся в руках, плоть тверда как лед, а руки сложены на животе. Я оглядываюсь на мертвую копию мамы, лежащую на стуле. Внутри этого трупа было что-то, частичка мамы – но не более. Всего лишь одна из многих версий. Что бы это ни была за наука, но она вырывает душу из человека и помещает ее в гибрид человека и машины. Клон-киборг с человеческой душой.

Я смотрю на свои руки, где пряди волос моей матери прилипают к кончикам моих пальцев. – А эта первая версия... Думаешь, это моя настоящая мать?

Джек не отвечает.

Я смотрю на замерзшее тело.

– Как долго?... – я начинаю говорить, но слова умирают во рту. Как давно умерла моя настоящая мать? Как долго эти замены были в моем доме? Сердце колотится в груди, дыхание прерывается. Кажется, у меня панический приступ.

Джек берет карту, прикрепленную к двери. – Здесь говорится, что с каждым переводом твоя мать теряла стабильность. Они не смогли клонировать болезнь Хебба, поэтому она осталась больной, – он перелистывает страницы. – В любом случае, они планировали в ближайшее время отказаться от «модели Розы», потому что не могли идти в ногу с производством.

Он резко останавливается и швыряет карты на землю. Прохладный воздух кружится вокруг нас, когда Джек закрывает двери морга в стене, унося моих матерей обратно в их холодные могилы.

И тут я вижу это.

Если раньше при панической атаке все органы беспорядочно стучали, то теперь мне кажется, что мои внутренности сморщились и увяли. Внутри тихо и пусто.

Что-то изменилось в поведении Джека. Его глаза становятся жесткими и холодными. Он смотрит мимо меня.

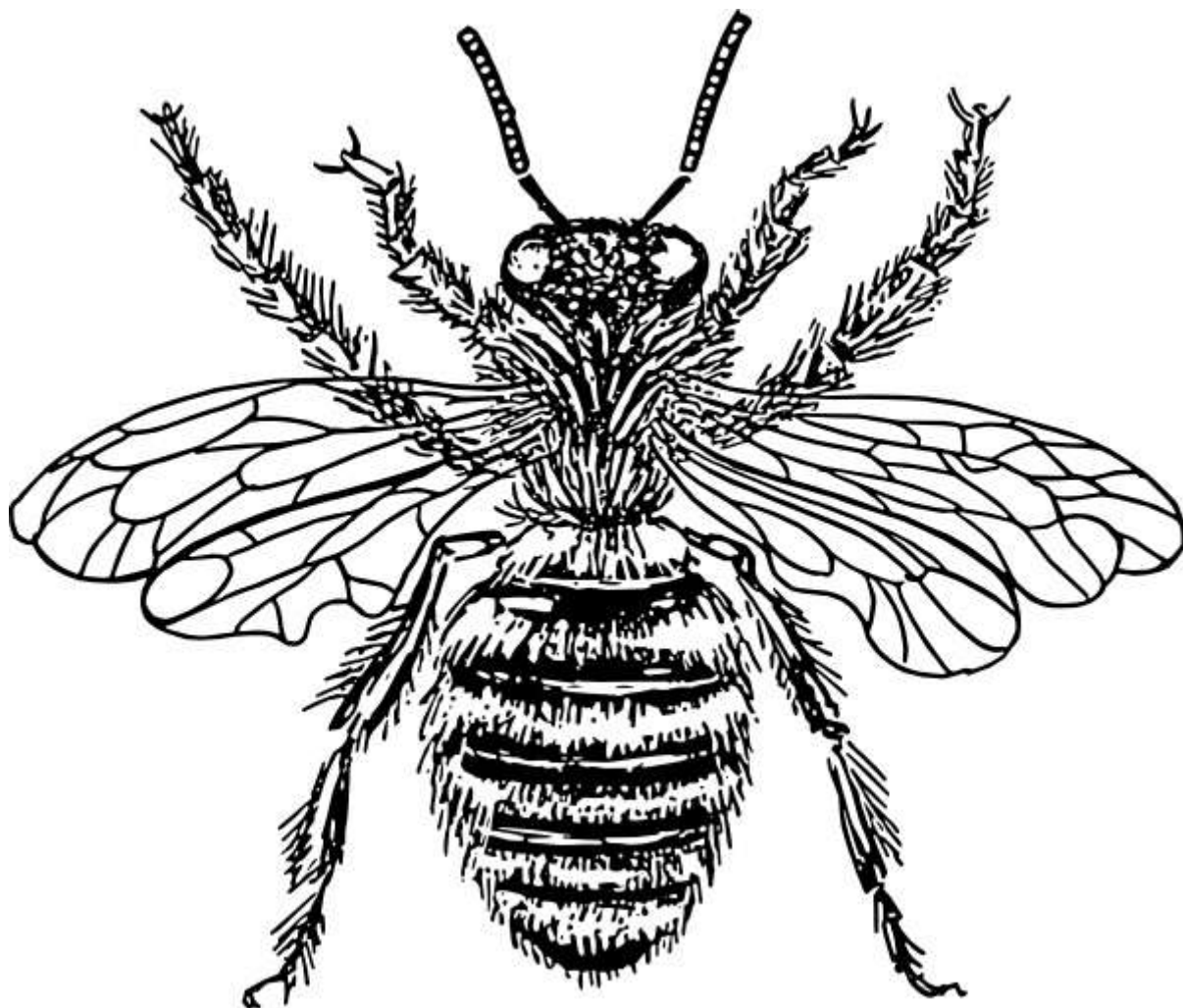
– Элла...

Но уже слишком поздно. Мы оба это увидели. Три двери, три аккуратные таблички в колонке рядом с дверью моей матери.

«Шепард, Элла, верс. 1».

«Шепард, Элла, верс. 2».

«Шепард, Элла, верс. 3».

Глава 61

Я не помню, как покинула лабораторию, пробежала через Верхний город и оказалась в конспиративной квартире Зунзаны.

Я помню только три двери, три этикетки.

Три версии меня.

Джек пытался поговорить со мной, убедить, что я человек, а не какой-то монстр. Что какой бы тип «переноса» ни осуществлялся в лаборатории, меня это не касается. И это мы еще не заглядывали за двери с моим именем...

Он не понимает, что я не могу понять даже худшего. Есть копии меня.

И... возможно, я копия себя.

Если бы мы открыли эти двери и ячейка с первой версией была бы пуста – означает, что я оригинал? А если в морозилке с надписью «версия 1» окажется тело с ломкими волосами и обмороженными губами... Была бы хоть одна ячейка пустой?

Джек, Джули и Ксавье удаляются в другую часть дома, чтобы обсудить дальнейший план действия. Я не дура, прекрасно понимаю, что они обсуждают меня: что я такое, можно ли мне доверять, стоит ли усыпить меня, ведь Джули собирается поступить с Акилой именно так. Может, это будет так же просто, как выключить тостер из розетки.

Может, я ничего не почувствую.

Я сижу за кухонным столом, чувствуя все и ничего одновременно. Как человек, которому причинили столько боли, что он просто онемел. Андроид находится здесь же, занимается своей работой. Наблюдаю за ним: когда моргаю я – моргает и он. Запрограммированный рефлекс.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я пытаюсь понять, где заканчивается человеческий фасад и начинается андроид. Эти железяки всегда напоминали мне о смерти, но сейчас как никогда раньше. Особенно, когда смотрю на него и понимаю: самое неестественное в его внешности это то, что грудь не вздымается, когда он дышит. Если бы у него была эта единственная дополнительная функция – он выглядел бы живым.

Грудь моей матери дрогнула. Я помню. Я наблюдала за ней, как ястреб за больной добычей, ожидая того момента, когда наступит неизбежный конец. У нее был особенно сильный приступ сразу после смерти отца. И вот, что интересно: это был первый раз, когда ее перенесли в тело клона? Она начала встречаться с доктором Симбой в правительственных лабораториях. Но в любом случае, мама или то существо, которое я приняла за маму было больно или неисправно, или еще что – я наблюдала за ней всю ночь напролет. Я считала ее вздохи, благодарная за каждый.

А потом я увидела тело мамы. Тела. Их много. Все бездыханные, неподвижные.

Я делаю глубокий вдох и кладу руку на грудь, наслаждаясь ощущением, как мои легкие расширяются, а ребра двигаются под кожей. Я пытаюсь убедить себя, что это правда, но больше не знаю, чему верить.

Пытаюсь понять, что же произошло и кто я такая. У меня вошло в привычку разбивать мир на факты и выдумки. Но это не вопрос черного и белого, правильного и неправильного, андроида и человека. Нет ничего проще, и кроме того – только андроиды думают только фактами.

– Кто ты? – тихо спрашиваю я андроида. Объектив в глазах андроида смещается, когда он приближается к моему лицу, ища подсказки, которые ему нужны, чтобы правильно ответить.

– Я помощник международной модели. Мне дали имя Ким, – Андроид берет нож и начинает резать морковь, но, хотя его голова наклонена вниз, глаза-то все равно следят за мной. Эту модель андроида можно легко сделать как под мальчика, так и под девочку – короткие черные волосы, высокие скулы, небольшое лицо... Когда я опускаю глаза на руки андроида, Ким следует моему примеру, глядя, как его нож летает над разделочной доской.

Когда я задала ему вопрос, андроид назвал мне имя. Я больше чем имя. Я чувствую, я думаю, следовательно, я существую.

Правильно?

– Ким, что будет, если ты поскользнешься? – спрашиваю я.

– Простите? – переспрашивает андроид, закидывая очередную морковку под лезвие кухонного ножа.

– А что будет, если ты порежешься?

– Я запрограммирован на выполнение всех кулинарных задач, включая разделку мяса.

– Но ты можешь ошибиться.

– Любые ошибки в моей программе, приводящие к повреждению моего тела, будут покрыты международной гарантией помощника. Хотите, я расскажу вам о гарантийной программе?

– Нет, – отвечаю я. Морковь нарезана. Ким сгребает ее в миску и поворачивается к плите, где уже стоит большая кастрюля с кипящим бульоном. Он бросает морковь в горячую жидкость, его руки находятся ближе к кипящей воде, чем мог бы позволить себе человек.

– Больно? – тихо спрашиваю я.

– Пожалуйста, повторите вашу команду, – просит Ким, поворачиваясь ко мне.

– Ты чувствуешь боль? – интересуюсь. Потому что я могу.

– Я снабжен стандартным применением электростимуляторов, запрограммированных по всему телу, которые предупредят, если я близок к повреждению себя, – безэмоционально отвечает Ким. Он берет большую деревянную ложку, помешивает морковь, добавляет

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

розмарин и тимьян в смесь и дробит травы между своими механическими пальцами, прежде чем бросить их в кипящий суп.

– А что будет, – спрашиваю я, – если ты сунешь руку в кастрюлю?

– Горшок полон кипящей жидкости, – машинально отвечает Ким. – Я запрограммирован избегать опасностей.

– Будет больно? – я перегибаюсь через разделяющий нас стол.

– Мои электростимуляторы регистрируют, что рука не должна близко соприкасаться с температурами, которые могут поставить под угрозу мою гарантию, – несмотря на мои вопросы, в голосе Ким нет страха. Нет ничего, кроме запрограммированных ответов.

– Это действительно повредит тебе? – спрашиваю я.

– Моя синтезированная кожа на основе силикона разработана специально для того, чтобы быть в состоянии справиться с экстремальными температурами в случае чрезвычайной ситуации. Если ущерб будет нанесен в ситуации ЧС – то гарантия сохраняется.

Так что нет. Я разговариваю просто с огромным держателем кастрюли.

– Засунь руку в суп, – приказываю я.

– Нет признаков чрезвычайной ситуации, которая бы оправдала это действие, – отвечает Ким совершенно бесстрастно.

– Команда: засунь руку в суп.

Ким держит ложку правой рукой, но левая нависает над краем горшка.

Он колеблется.

– Почему ты не выполняешь мой приказ? – говорю я, откидываясь на спинку стула и глядя на него.

Ким переводит взгляд с меня на свою руку. – Я... не в чрезвычайной ситуации, – говорит он. – Такое действие может аннулировать любую гарантию...

– Я дала тебе прямой приказ, независимо от гарантии, – говорю я. Мой голос стал пугающе спокойным. Не знаю, почему это так много для меня значит. Андроид не чувствует боли. Жар не повредит. Это ничего не докажет – но я должна увидеть, как это произойдет.

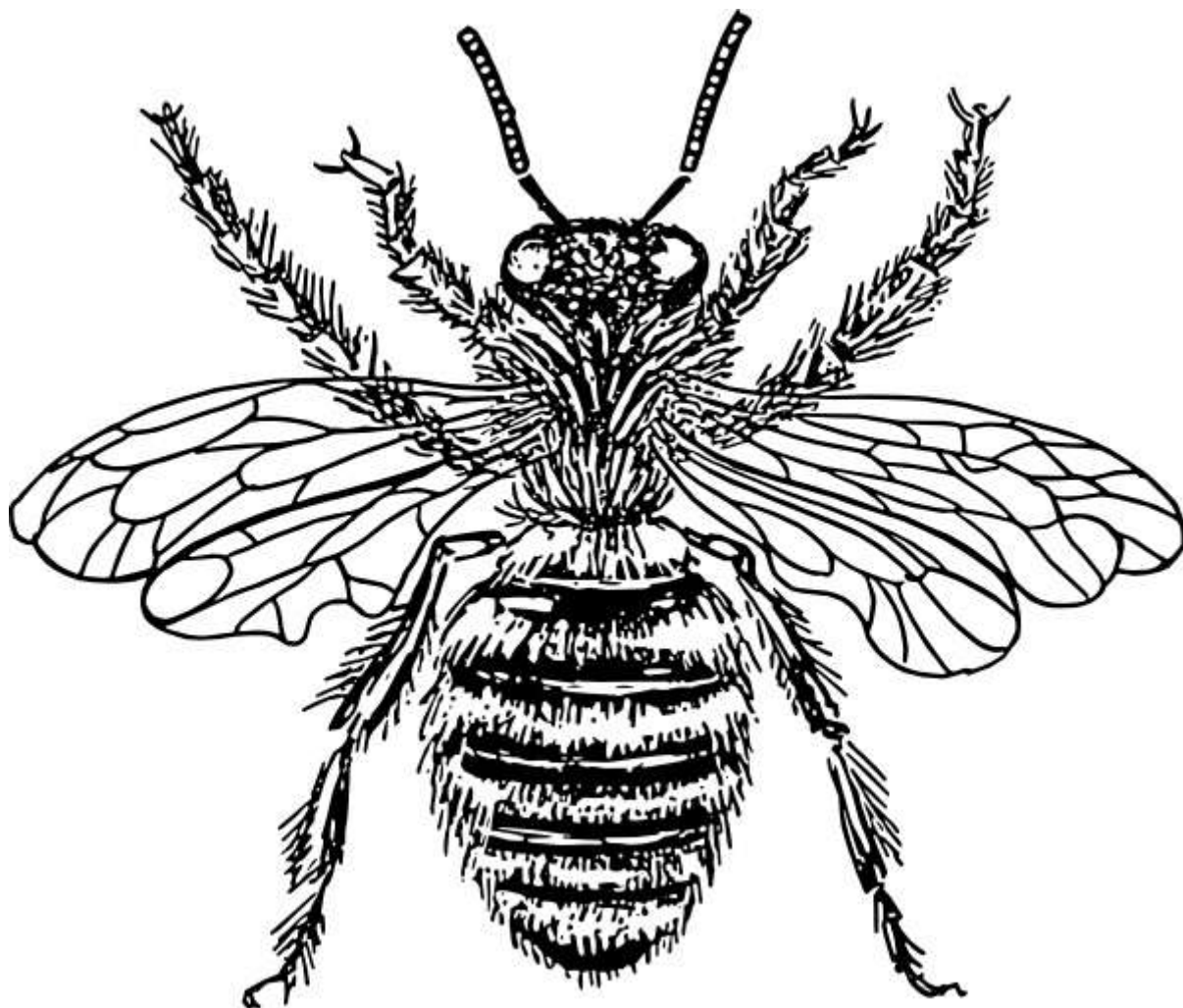
Андроид по-прежнему колеблется. Я вижу, как на его фальшивой коже конденсируется пар, пальцы дрожат, но рука не опускается.

– Ты... боишься? – спрашиваю я, широко раскрыв глаза.

– Я запрограммирован избегать повреждений, – заявляет андроид совершенно пустым голосом. – Моя электростимулирующая система предупреждает меня, что это действие излишне и потенциально опасно. Мои чувства обострились, а система замкнулась. Я зарегистрировал вашу команду, но программа превалирует над моим послушанием.

– Вот что такое страх, – говорю я. Я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы. – Ким, я освобождаю тебя от всех моих предыдущих команд. Продолжай свою работу.

Андроид делает шаг назад, опуская левую руку в сторону и снова помешивая суп. В позе, в которой он стоит у плиты, нет напряжения, гнева или несогласия. Просто принятие.

Глава 62

Есть только один человек, который знает, кто я есть на самом деле – и она хочет убить меня.

И все же, я спускаюсь вниз, в комнату страха, там, где лежит лишь оболочка от моей бывшей лучшей подруги. Добравшись до массивных стальных дверей, я начинаю слышать голоса. Подслушивать не собиралась, но, дойдя до нижней ступеньки, слышу, как Джек произносит мое имя. Я прислоняюсь к стене у двери, сосредоточившись на тихих голосах в комнате.

– Значит... она андроид? – спрашивает Джули.

– В лабораториях им дали название «циклон», – отвечает Джек. – Что-то вроде гибрида машины и человека.

– Машины можно взломать, – Ксавье говорит так тихо, что я почти не различаю слов.

– Мы даже не уверены, что она и есть тот самый циклон, – отвечает Джек, повышая голос от гнева.

– Я могу кое-что проверить, – сердце буквально замирает от слов Ксавье... проверка? Я что, лабораторная крыса?

– Пусть ты и студент-медик, но не доктор! – огрызается Джек. – И кроме того, у нас нет ресурсов.

– Ты сказал, что в ней больше наноботов, чем должно, верно? – говорит Джули. – Насколько больше?

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Джек не отвечает – либо отвечает настолько тихо, что я не могу расслышать. Когда я родилась, я была лишь сгустком крови, кучкой костей и плоти. Неужели эти крошечные, микроскопические роботы так сильно изменили меня?

– Возможно, именно так их и создают, – предполагает Ксавье. – Ты сказали, что в лаборатории вы видели клонированные органы и синтетические части киборгов. Добавьте наноботов в качестве клея, чтобы соединить человеческие части вместе с железками – и ты получишь человека.

– Наполовину человек – наполовину машина, – тихо произносит Джули.

– О, не знаю, справедливо ли вообще называть это, – он сделал акцент на последнем слове – похожим на человека, – слова Ксавье ранили меня до самых костей – пусть я и не знаю: настоящие во мне кости или металлические.

– Она не чудовище! – возражает Джек, повышая голос. – Она все та же Элла, она – человек.

Ксавье и Джули не отвечают.

Я смотрю на свои руки и не понимаю: во мне металлические кости, спрятанные под плотью? Я тот самый мыслящий робот? Это то, чем я на самом деле являюсь? Клон, копия моего первоначального «я», усиленная с помощью киборгских технологий – сплав костей, дополнительные процессоры в мозгу и тому подобное. И, конечно, почти к каждому нейрону в теле прилагается нанобот.

– Посмотри на это, – просит Ксавье, в комнате гаснет свет. Я прижимаюсь лицом к дверной щели, стараясь разглядеть происходящее. Акила лежит на каталке, по-прежнему без сознания, под действием снотворного. Над ней парит голографическая проекция ее тела. Ксавьер протягивает руки к голограмме и разводит их в стороны, открывая нашему взору с одной стороны – мышечную структуру тела Акилы, с другой – скелет.

– Ее кости сделаны из титанового сплава, – говорит Ксавье. – Но тело – это просто клонированный человек. Однако взгляните на это. Компьютер: процент наноботов, – командует он и касается голографической плоти Акилы, та сверкает и сияет, будто кто-то усыпал ее блестками. – Наноботы, – констатирует Ксавье. – Миллиарды-триллионы наноботов. Они усиливают каждую мышцу, каждый орган. Даже мозг.

Я слышу жужжание в голове. Жужжание крошечных роботов в моем мозгу. Я проглатываю истерический смех, подкатывающий к горлу.

Когда папа впервые объединил наноботов для своих исследований, люди считали его сумасшедшим. Ведь он открыл крошечную частичку, делающую людей практически неуязвимыми. Но когда он решил воспользоваться возможностью и применил свои исследования на маме, точнее на ее болезни – его назвали гением. Наноботы, используемые им, имели свойство самовоспроизводиться, каждый из них предназначен для того, чтобы заставить синапсы в ослабевающем теле матери работать так, как они должны. Это просто доработанная технология наноботов, которая улучшила андроидов и поспособствовала развитию киборгов... работа отца изменила мир.

И разрушила мою жизнь.

Я понимаю – он разработал все это в первую очередь для мамы, хотел спасти ее... Но превратил ее вот в... это. Он поддерживал в ней жизнь так долго, насколько мог, и сотворил это с ней уже перед смертью. Отец знал, кем она стала, и все равно любил ее.

Но затем правительство украло его разработки. А после убило и его самого.

Но непонятно только одно... Когда сделали меня?

– В лаборатории было три холодильника, подписанные ее именем, – она по-прежнему может быть оригиналом, а в лаборатории лежат две ее копии, – говорит Джек, и мое сердце начинает биться чаще от этой мысли. Может, я настоящая.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Вряд ли, – сомневается Джули. – Ты сказал, что они продолжали делать копии ее матери, верно? Потому что они постоянно ломались, были нестабильны от болезни и еще куча причин. Получается, они могут сделать только одну копию за раз. Так что, похоже, у них есть оригинал, а использованные копии как раз в том хранилище, что вы нашли.

Во рту мгновенно пересохло, я напрягаюсь, в ожидании ответа от Джека. – Ты хочешь сказать, что Элла мертва? Первая версия, то есть реальный человек – мертв?

– А третья версия – это запасная копия на случай, если что-то случится со второй, каковой сейчас является Элла.

Мертва.

Я мертва.

Еще когда мы в пещерах убегали от Акилы, в тот момент только задумалась, что я не человек. А сейчас, оказывается, что меня и вовсе уже нет в живых.

Я закрыла глаза и прижалась лбом к холодной металлической двери. Акила мертва. Она погибла в битве, как герой, и восстала вновь, словно феникс.

Это и есть бессмертие? Там, где раньше была моя человечность... сейчас вместо нее лишь пустота, заполненная электроникой.

Что со мной случилось? Как я умерла? Почему... почему меня вернули? Акила – солдат и, по словам Джека, теперь, когда она циклон, она стала универсальным, гораздо более сильным солдатом. Но почему вернули меня?

Сердце колотится. «Зачем» и «как» – это не самое важное вопросы. Наиболее важный вопрос: кто?

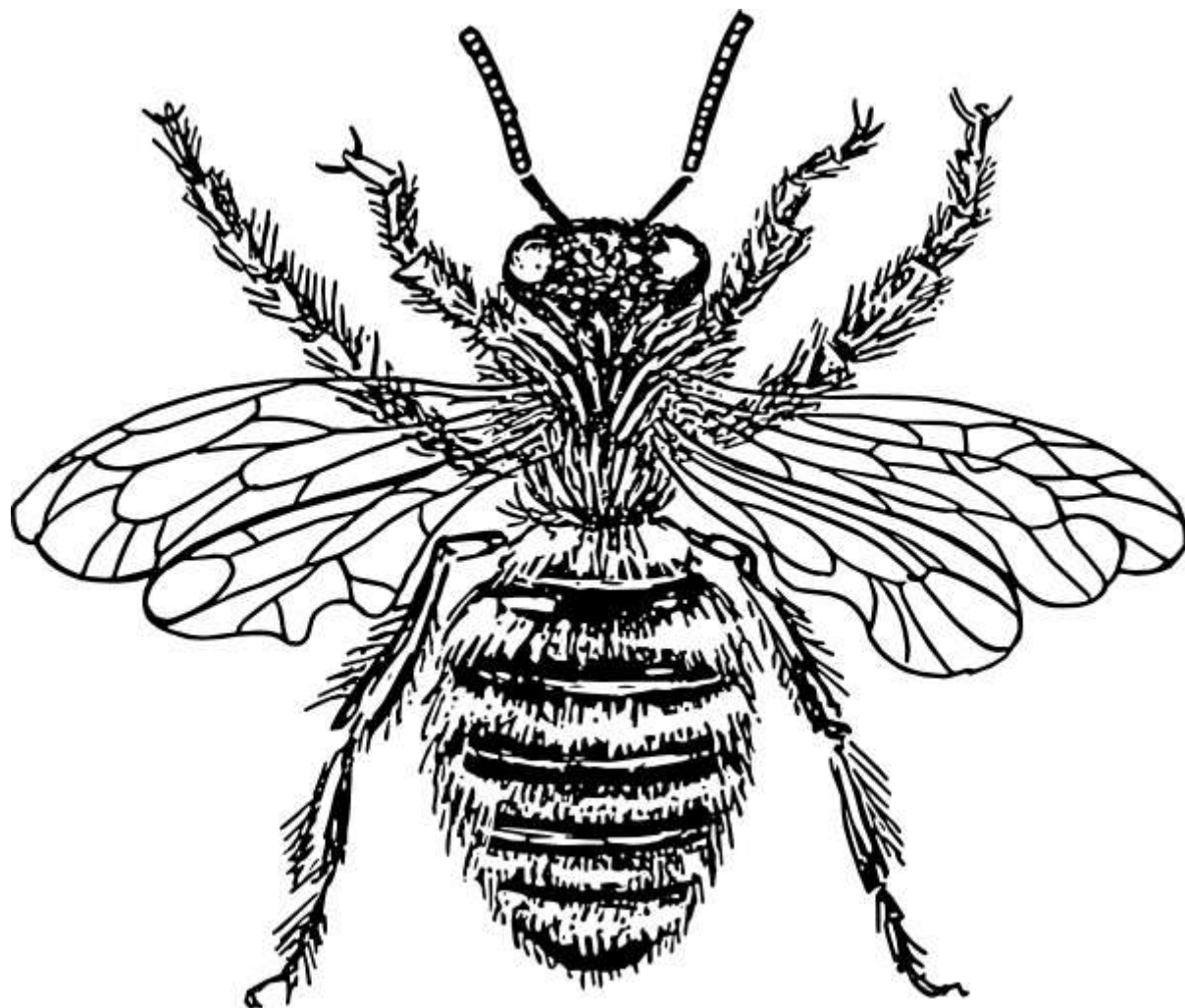
Отец? Папа сделал это со мной и мамой? Это то самое исследование, которое правительство украло у него? Чтобы создать циклон, ученым нужно два тела. Один человек и один синтетик. Человеческое тело должно умереть, чтобы синтетическое жило. Если я не я, значит, я умерла... Меня убили.

Руками отца?

Был ли он настолько одержим наукой, что позволил мне умереть, дабы доказать свои теории? Может быть, я стал циклоном давным-давно, как испытуемая, чтобы посмотреть, сработает ли это на маме. Я не была заражена болезнью Хебба, мое синтетическое тело продержалось бы дольше.

Я сжимаю медальон с печеньем, который дал мне папа... Отец любил меня. Он не...

Неужели он такое сотворил?..

Глава 63

– Я могу осмотреть ее, – предлагает Ксавье. Его грубый голос врывается в мои мысли. – Я осмотрю ее и выясню, представляет ли она для нас угрозу.

– Элла не представляет угрозы! – негодует Джек. – И никто ее не будет осматривать! Она – Элла, и она на нашей стороне, я все сказал!

Наступает тишина.

Я выпрямляю спину, мне все равно из кости она или из металла. Я хочу знать правду. Я толкаю плечом тяжелую дверь и вхожу внутрь. Все находящиеся в комнате подпрыгивают от удивления, но я шагаю по кафельному полу в центр комнаты, толкаю каталку со спящим телом Акилы в сторону, и ложусь под сканер и голографический проектор, вмонтированный в потолок.

Мои внутренности плавают надо мной в голограмме. Пару секунд я лежала в немом удивлении. Затем делаю глубокий вдох и произношу:

– Показать процент наноботов.

Мой образ вспыхивает, как море на закате, искрящееся и сияющее, освещенное огнем бесчисленных наноботов, ползающих под моей кожей.

Ксавье протягивает руку к голограмме, отделяя кусочки человеческой плоти от механической.

Все, чего я так боялась – правда. Я не человек. Я – монстр.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Ксавье поворачивается к компьютеру. – Этот сканер связан с базой данных генома в Триумфальных Башнях. Ты идентифицируешься как Элла Шеферд, – он поворачивает экран, показывая мое удостоверение.

– Значит, она Элла, – рычит Джек.

– ДНК Эллы, – поправляет Ксавье. – Она циклон. Клон настоящей Эллы, усиленный кибернетическим телом.

Слезы жгут глаза. Клон... Не настоящая...

Я смотрю на свои руки, удивляясь, как оказалась в ловушке этой искусственной тюрьмы, выглядящей как мое собственное тело.

Я медленно встаю. Джули смотрит на меня широко раскрытыми глазами, и я не понимаю: то ли она боится меня, то ли я должна бояться ее. Ксавье молча выключает программу, проклятая голограмма исчезает.

– Уйдите, – тихо просит Джек. Джули и Ксавье молча выходят из комнаты. Я стою неподвижно, пойманная взглядом Джека.

Я не хочу быть вещью. Хочу быть человеком.

– Ты – Элла, – говорит Джек, шагая ко мне. Я моргаю. – Ты – Элла, – повторяет он. – Ты – это ты. Ты человек.

– Докажи, – говорю я.

Джек вздыхает. – Ты можешь думать. Андроиды не умеют думать.

Но копия моей матери, которую я встретила на кухне, могла думать. Она решила приготовить завтрак, она решила отправиться в Нижний город. Или... Возможно, ей просто дали очень конкретную программу, которая говорила ей, что делать. Например: если ваша дочь о чем-то спрашивает вас, просто подыгрывайте.

Я вздыхаю, и этот звук, кажется, обвивается вокруг меня словно веревка, сотканная из моих собственных сомнений, душа все мои надежды.

На лице Джека крайне свирепое выражение лица. Он подходит ближе, но я отступаю, сердце бешено колотится. Я так и отступала, пока не уперлась спиной в стену, Джек сразу заключил меня в своеобразную клетку из своих рук. Я успеваю только пискнуть от удивления, когда лицо Джека оказывается в миллиметре от моего. Я смотрю на него широко распахнутыми глазами. Затем взгляд немного опускается.

Его губы прямо здесь, прямо перед моими. Они слегка приоткрыты, так что в его теплом дыхании я чувствую запах яблока, которое он только что съел. Я думаю, что попробовала бы это яблоко...

– Ты даже не представляешь, как это трудно, – сказал Джек той ночью в башне. – Любить так, как я люблю тебя, и понимать, что ты даже не помнишь меня.

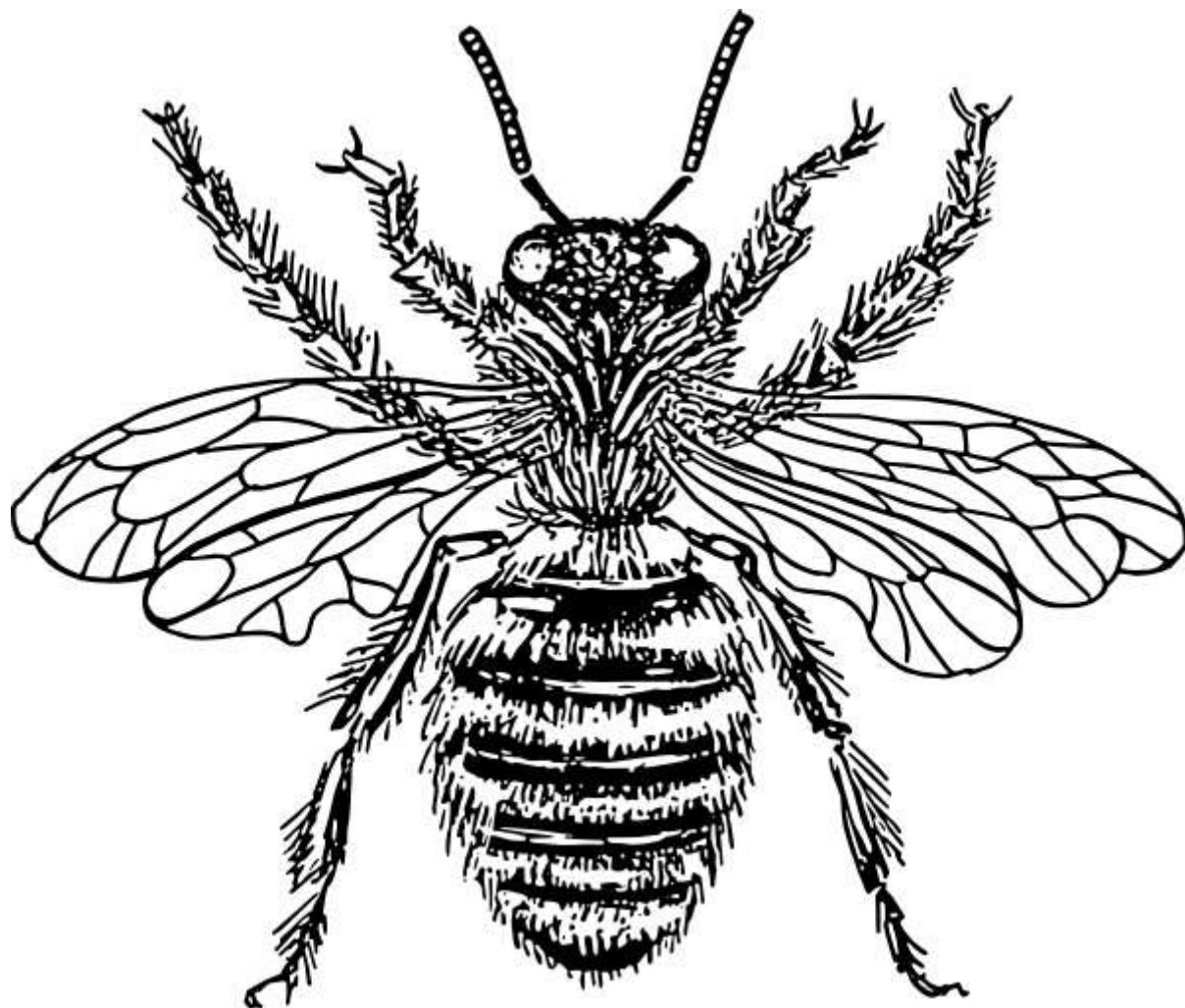
Джек поднимает руку и прижимает ее к моей груди с такой силой, что я чувствую ее очертания, прожигающие мою рубашку и плоть.

– Чувствуешь? – спрашивает он, но у меня нет ответа, потому что все, что я когда-либо чувствовала, проносится через все мое тело: страх и желание, паника, похоть и сомнения – все это, все сразу прожигает кожу в том месте, где лежит его рука, словно на меня кипяток вылили.

– Наука может заставить сердце биться, – мягко произносит Джек, обволакивая израненную меня каждым словом. – Но она не может участвовать в гонках.

Он отступает на шаг. Лишенная его прикосновений, я чувствую холод в груди, там, где только что была его рука. По крайней мере, теперь я знаю. Робот может жить, может даже думать, но не чувствовать.

Ведь правда?

Глава 64

Джек ждет ответа.

Но я не знаю, что сказать.

Как чувствовать.

Как быть.

Прислонившись спиной к стене, я скольжу вниз, все ниже и ниже, пока не достигаю холодного кафельного пола.

Я смотрю на свои колени.

– Эл... – начинает он.

– Пожалуйста, – шепчу я.

Он ждет.

– Пожалуйста, просто уйди.

Он открывает рот, но не издает ни звука. Спустя мгновение он разворачивается и идет к двери. Ненадолго останавливается. Я не вижу этого – просто чувствую на себе взгляд, обжигающий мою фальшивую кожу.

Затем Джек уходит.

Я закрываю глаза и заставляю себя чувствовать. Никогда по-настоящему не думаешь о том, каково это – быть в своем теле. Но даже с закрытыми глазами я чувствую границы своей кожи, реальные они или нет. Все, что во мне есть, все органы – я все это чувствую: сердцебиение – контролировать не могу; разум – может и не быть моим. Я здесь, сейчас, в

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

этом теле. Все, что на данный момент во мне есть – на самом деле не прежняя, настоящая Элла, но я та, кто я есть.

Я встаю и подхожу к Акиле, накачанной снотворным. Затем толкаю каталку обратно в центр комнаты под сканер и голографический проектор.

– Я скучаю по тебе, – шепчу ей.

Мои пальцы скользят по тонкой трубочке, через которую в ее организм попадает снотворное. А затем сжимаю трубку, останавливая поток лекарств.

Смотрю. Жду.

Ее глаза распахиваются.

Я наклоняюсь ближе.

– Элла? – спрашивает она, но на этот раз я слышу фальшь в ее голосе.

Глаза – это окно в душу. Так всегда говорил папа. И сейчас, больше всего на свете, я хочу знать одну вещь: хоть что-нибудь осталось от моей подруги внутри этого тела?

Просыпаясь, Акила начинает извиваться, натягивает на себе путы, дергается.

Я наклоняюсь еще ближе.

– Отпусти меня! – кричит она, и я почти отпускаю капельницу, опасаясь, что она сломает свои оковы и сбежит.

Но по-прежнему не отрываю взгляд от Акилы. Мои глаза горят, глубокий жар лижет мое зрение как огонь. Акила затихает. Она смотрит на меня так, словно мы оба ищем человечность, которой нет ни в одной из нас.

Она моргает.

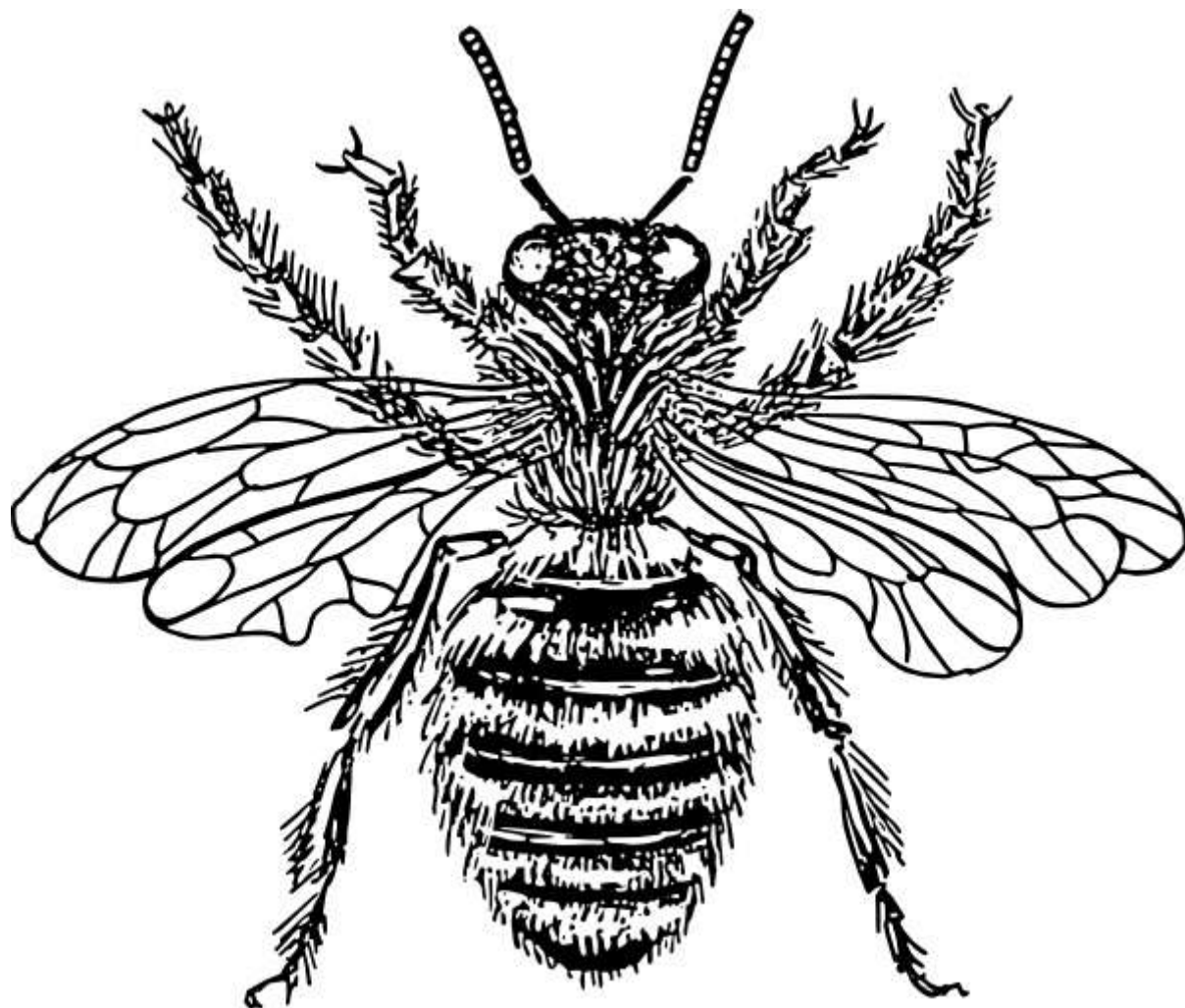
И на мгновение, лишь одна маленькая вспышка, в которой я узнаю подругу. Я настолько удивлена, что отпускаю трубку. Но я уверена, уверена, что вернула ее. Как только успокоительное вновь начинает поступать в ее кровь, Акила начинает протестовать, требуя освобождения, но я не слышу ничего, кроме жужжания.

Она была там. Та самая Акила. В мире, где все оказалось ложью – этот момент был реальным. Искра внутри, то, что делает Акилу моим другом, – она не исчезла. Погребенная под программированием, заглушенная компьютерными командами, выбеленная из сознания – но она там.

Надежда не потеряна.

Нужно спасти Акилу, и я сделаю это.

Осталось выяснить, как именно.

Глава 65

Джули пришла мне на помощь.

– Пусть попробует, – поддержала она мой план.

– Это слишком опасно, – тут же возражает Джек.

Ксавье наблюдал за нами молча.

Не знаю, верят они мне или нет, ведь они не видели тот свет жизни, загоревшийся в глазах Акилы. Тем более у них совсем нет причин доверять мне, но Джули поддерживает, попытаться следует.

– Как бы там ни было, решать что-то уже поздно, – говорю я. – Я уже связалась с представителем Белл.

– Что? – потрясенно переспрашивает Джек, глядя на меня.

Я вскинула руки в защитном жесте. – Я лишь попросила его узнать как можно больше. У него есть доступ к документам, которых нет у нас, – ко всем исследованиям, а возможно и к планам правительства.

– Но даже если он все разузнает, как он передаст нам эту информацию? – спрашивает Ксавье тихим и спокойным голосом.

– Если это у него в голове, я смогу узнать.

Джек крепко сжал челюсти. – Это опасно. Мы не можем вернуться в лабораторию.

– Мы можем вернуться домой, – возражаю я.

Спа Ментальных Грез – единственное место в мире, где находятся два связанных между собой кресла. Если мы с представителем Беллом окажется там, то я смогу узнать обо всех

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

планах правительства. Даже если он сознательно не запомнил большую часть прочитанного, подсознание все равно впитывает гораздо больше, чем кажется.

Маму спасти слишком поздно, но, возможно, я все еще могу спасти Акилу.

Может быть, смогу спасти и себя.

– Но как мы туда попадем? – спрашивает Джули.

– Биометрический сканер запрограммирован на охрану, – говорю я. – Это мой дом – войти соответственно я смогу.

– Там будут охранники, – рычит Джек.

– Я позабочусь об этом, – Джули ухмыляется, словно предвкушая драку.

– Я останусь с Акилой, – говорит Ксавье. – Одну ее оставлять нельзя.

– А я пойду с тобой, – Джек смотрит на меня. – Не доверяю я этому представителю.

– Он на нашей стороне, – пытаюсь возразить я.

– Он сражается не за нас, – говорит Джек. Голос у него низкий, ровный и он не отрывает от меня глаз. – Он сражается за свою семью. Точнее то, что от нее осталось. Он может согласиться с нами, может возненавидеть правительство, но, в конце концов, все, чего он хочет – это защитить свою семью.

– Свобода нашего народа важнее! – яростно восклицает Джули. – Мы никогда не перестанем бороться, никогда не перестанем работать ради того, что правильно!

Джек только улыбается ей. – В эту ложь приятно верить, – тихо отвечает он.

Мой наручком загудел. Я прочитала сообщение, затем встретила взглядом с остальными. – Сегодня вечером, – говорю я. – Сегодня вечером он готов.

Так странно возвращаться домой. Прошло всего несколько дней с тех пор, как я уехала, а кажется, что прошла целая жизнь. Я сжимаю в руке ожерелье с печеньем – единственное, что у меня осталось от прежней меня. Странно, что я могу просто уйти из дома. Я подумываю о том, чтобы вернуться в свою комнату. Но фотографии моей семьи испорчены сомнениями и вопросами. Небольшие подарки от матери, сувениры отца. Все это кажется нереальным.

Джек, Джули и я резко останавливаемся у ворот Центральных Садов, прямо напротив витрины Спа Грез. Неоновые овцы весело подпрыгивают над названием, освещая тускнеющие сумерки яркими красками и глянцевой стеклянной поверхностью. Но если посмотреть сквозь стекло в вестибюль, то видно, что внутри здания темно и пусто.

– Ждите моей команды, – говорит Джули, прячась в тени. Мы с Джеком нервно переминаемся, пока через несколько секунд у Джека не зажужжал КОМ.

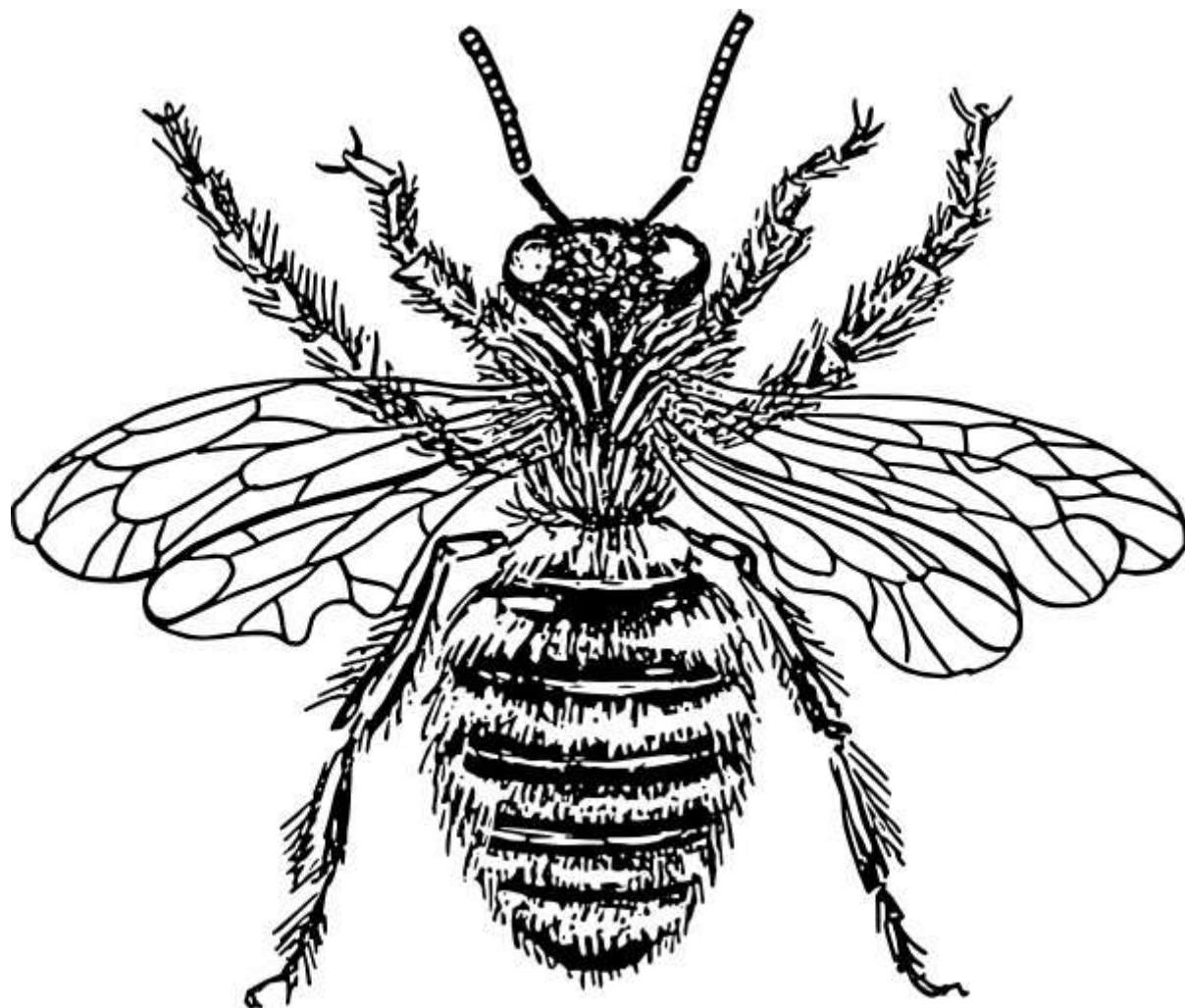
– Чисто, – говорит он.

Представитель Белл ждет нас на углу улицы.

– Готов? – спрашиваю я.

Он кивает. Его тело напряжено, губы плотно сжаты.

– Надеюсь, это сработает, – бормочу я, подходя к двери. Я прижимаю палец к сенсорной панели... двери открываются.

Глава 66

Представитель Белл нервничает, пока Джек усаживает его в кресло грез. Думаю, когда ты заведомо знаешь, что кто-то собирается вломиться в твой разум, спокойствия это отнюдь не добавляет.

– Думайте о своих исследованиях, – говорю я. – Я могу получить доступ к вашим воспоминаниям. Вы ничего не почувствуете.

Представитель быстро кивает и крепко закрывает глаза, пока Джек вводит ему снотворное. Мы оба покидаем представителя, но Джек касается моей руки, удерживая, прежде чем я успеваю сесть на соседнее кресло.

– Будь осторожна, – просит он. На его лице читается беспокойство и, возможно, страх.

Я проскальзываю в сознание представителя Белл, как в удобную футболку. Здесь нет апельсинов, и странно находиться здесь и не чувствовать запах роши, наполняющий воздух.

На заднем плане я слышу тихий голос мальчика, едва слышный, поющий на гитаре.

Передо мной застенчиво стоит представитель Белл. – Мой сын, – говорит он. Музыка стихает.

Его сон – это его офис. За окном голубое безоблачное небо, из него открывается вид на верхний город Новой Венеции. В центре – гигантский стол, стеклянная поверхность которого завалена файлами и диги-документами, и включены два экрана с данными.

Я сажусь в кресло представителя и начинаю читать.

«Нанороботы и Киборги управления в теории Андронид: построение мозга по биологии и технологии».

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Автор: Доктор Филип К. Шепард

«Мои научные исследования всегда имели целью существо с индивидуальной мыслью, а также и физической силой. Мне не удалось создать андроида с человеческим мозгом для достижения этой цели. Однако, текущие исследования показывают, что я могу подойти к решению по-другому, изменив начальную точку. А именно – человек с телом андроида, а не андроид с человеческим мозгом.

Очевидно, что человек не может быть полностью роботизирован. Технология киборгов за последние три десятилетия развивалась стремительно, обеспечивая паралитиков полностью функционирующими конечностями, но это не то же самое, что тело андроида.

Полная репликация биомеханики андроида невозможна. Но преимущества тела андроида могут быть воспроизведены другими средствами с помощью нанороботов».

Папины исследования очень сложные. Он тоже так говорил, обводя вокруг пальца проблему и предоставляя информацию, ожидая, что я пойму смысл его слов.

Напротив меня представитель Белл смотрит в окно своего кабинета. Это не совсем представитель – он мечтает о себе.

Я слышу тихое пение и игру на гитаре.

Он оборачивается ко мне с извиняющейся улыбкой за шум. – Мой сын, – повторяет он.

Я снова поворачиваюсь к столу.

«Внутренний отчет: обновленная информация о Докторе Филипе Шепарде

Обратите внимание: жене доктора – изобретателю и ученому Розе Шепард был поставлен диагноз «болезнь Хебба». Доктор Шепард не остановил свои научные исследования, а наоборот, просит дополнительное финансирование для исследования нанороботов в сочетании с его современной теорией.

Представитель Белл прикасается к окну, и я вижу, что, несмотря на то, что мы почти на вершине самой высокой Триумфальной Башни, в стекло бьется шмель, пытаюсь проникнуть внутрь. – Я действительно поддерживаю то, что вы делаете, – говорит он. – Как только я прочел исследования твоего отца и осознал, что творит с людьми СС, я понял, что ничего не могу сделать.

Еще одна папка скользит по столу представителя.

Записка.

«Кому: Джеку Тайлеру, Ассистенту-исследователю.

От: Доктора Филипа Шепарда

С этого момента вы уволены. Если вам понадобится дополнительная информация или ответы, относящиеся к нашим совместным исследованиям, вы можете проконсультироваться с моей дочерью, Эллой Шепард».

Ха! У меня вообще нет ответов.

Я поднимаю глаза и понимаю, что представитель Белл отошел от окна. Его глаза устремлены на меня, а сам он стоит неудобно близко.

– Что? – спрашиваю я.

– Мой сын, – в третий раз повторяет представитель Белл. – Он все, что у меня осталось.

Я полностью сосредотачиваюсь на нем.

Все становится ослепительно белым, затем сплошным черным.

В темноте вспыхивают искры.

– Мой сын, – говорит представитель Белл. – Мой сын. Мой сын. Он все, что у меня осталось. Мой сын.

– Что вы сделали? – шепчу я.

Искры, вспыхивают и умирают, вспыхивают и умирают.

– Мой сын. Мой сын. Мой сын. Мой сын. Мой сын.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Что вы сделали? – кричу я.

Искра. Точно так же, как в последний раз, когда я видела ее в теле моей матери.

Это мысль.

А темнота означает, что его мысль умирает. Представитель Белл умирает.

Я смотрю на него, его лицо озаряется яркими вспышками. Кровь течет из дыры в черепе, стекает по носу, льется меж глаз, капает на лицо, будто слезы.

– Кажется, в меня стреляли, – говорит он. Его глаза сфокусированы на мне. – Если я умру, ты тоже умрешь? Извини. Мой сын. Он все, что у меня осталось.

Боже. Если он умрет, умру ли я? Может ли он заманить меня в ловушку своего умирающего тела; будет ли мое пустое гнить?

– Может быть, я смогу жить, если вернусь тем же путем, что и ты. Может, я получу твое тело, а ты останешься в моем, пока оно не умрет.

Представитель Белл пробирается ко мне, шатаясь, как зомби. Яркие, мерцающие искры вспыхивают быстро, как стробоскоп, и он приближается с каждой вспышкой. Я поворачиваюсь на каблуках. Бежать. Я должна покинуть его разум и найти свой.

«Ты не в своем уме, Элла».

Голос отца прерывает мои мысли. Черт! У меня не может быть нервного срыва, никаких галлюцинаций, никаких пчел, жужжащих в моем мозгу.

Представитель Белл хватается за запястье, оставляя на коже горячее красное пятно крови. Я ускользаю, убегаю. Слышу его приближающиеся шаги, дыхание на моей шее. Искры его мыслей теперь шипят, гаснут, как задутая свеча, а не вспышка молнии. Я слышу позади себя звуки: детский смех, всхлипывания, непонятные слова, приглушенные стоны, радостные крики.

А затем наступает тишина.

Я медленно останавливаюсь. Представитель Белл все еще преследует меня, но он будто бежит по беговой дорожке, а я стою на месте. Как бы он не старался, добраться до меня он не мог.

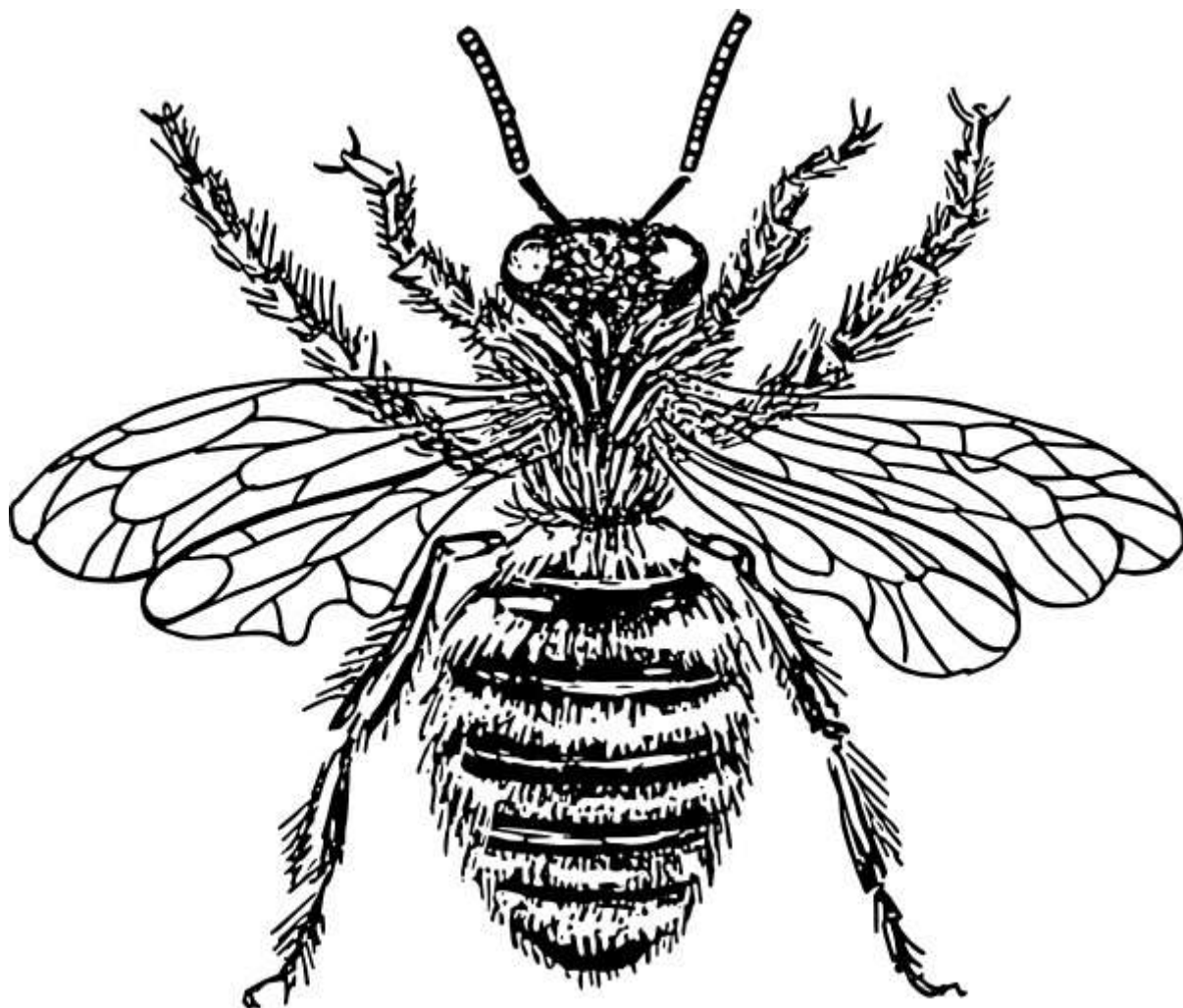
Запахло апельсинами.

Представитель Белл останавливается.

– Я не хочу умирать, – стонет он.

– Я тоже, – шепчу я.

Тьма окутывает нас.

Глава 67

Я не знаю, где я.

– Элла! – кричит кто-то. Я не узнаю голос, но он наполняет меня теплом и уютом.

– Эй? – зову. – Где я?

– Элла! – продолжает кричать кто-то, но я не могу понять, откуда исходит голос. Звук обволакивает меня, распространяясь, как пролитая вода, а затем испаряясь в тишине.

– Где я? – снова шепчу я.

Тьма простирается на вечность.

Я делаю несколько шагов вперед, но это ощущение нереально – я не могу сказать, действительно ли я двигаюсь, потому что все – есть ничто. Я чувствую, как что-то влажное и теплое скользит по моей щеке, и я касаюсь слезы кончиками пальцев, смахивая ее.

Представитель Белл мертв. Теперь я в этом уверена. Он ушел. Я... я там, где он был, а теперь его нет, и я застряла. Я застрял в пустоте мертвого тела и не знаю, как выбраться.

Сердце колотится в груди, я хватаю ртом воздух. Что, если я никогда не смогу выбраться? Что, если вечность – это ни что иное, как одиночество во тьме? В ловушке чужой смерти.

Я падаю на пол. Но пола нет. Лишь иллюзия, но когда мое тело поддается, я понимаю, что плыву. Я вытягиваюсь, пальцы на руках и ногах болят, но нет ничего, совсем ничего, и я втягиваю себя в себя, обхватив ноги и подтянув колени к подбородку.

Я одна.

Может, когда умер представитель Белл, умерла и я.

Может, это оно.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Элла! – голос снова ревет и, наконец, я узнаю его.

– Джек? – говорю я, поднимая голову и тщетно вглядываясь в темноту.

– Элла, проснись, пожалуйста, проснись, – голос стал мягче, почти пропал.

И тут меня окутывает последний шепот.

– Ты нужна мне.

Я открываю глаза.

Я ожидала, что первым делом увижу Джека, но его нет рядом. Он оторвал часть от кресла грез – один из подлокотников, тот, что не соединен с моим наручКОМом, и воткнул ее в панель управления у двери. Я срываю электроды с кожи и вскакиваю со стула.

– Что происходит? – я задыхаюсь и хватаюсь за голову, на мгновение меня охватывает головокружение.

– Я слышал выстрел, – говорит Джек. – Я прошел через холл и увидел... – он оборачивается и видит меня. – Ты в порядке?

Я отмахиваюсь и встаю. – Я в порядке. Такого раньше не было.

Когда я увидела, как угасает последняя искра жизни в моей матери, это было совсем не похоже на цунами боли и сожаления, эту внезапную вспышку тьмы и смерти.

Раздвижная дверь, ведущая в комнату грез, скрипит, пока механика пытается ее открыть. Джек чертыхается, загоняя обломок стула глубоко в электронный замок. Я слышу тяжелый стук задвижек, вонзающихся в пол и закрывающих дверь.

Джек резко оборачивается. – Это была ловушка. Все это – ловушка.

Я снова спотыкаюсь и сажусь в кресло.

– Здесь была Премьер Министр. Она убила представителя Белл, – говорит Джек. Его взгляд дикий, наполненный паникой. – Я видел... видел пистолет в ее руке. Пулевое отверстие...

– У него есть сын, – это все, что я могу сказать.

– Элла! – я слышу ПМ Янг, как она зовет нас из-за закрытой двери. – Открой, пожалуйста, дверь, дорогая.

Я слышу эхо голоса представителя Белл, умоляющего меня понять. Он был напуган. Он не хотел предавать нас... но предал. ПМ Янг заставила его привести нас прямо сюда, туда, где она контролирует ситуацию, а затем убила его. Потому что у него был сын, последний в семье, которую она уже почти разрушила.

– Я не смог тебя разбудить, – говорит Джек. – Не смог тебя вытащить, – похоже, он убежден, будто обрек нас всех.

Я дикими глазами оглядываю комнату. Все, что должно было обеспечить нам комфорт – сломанное кресло, стены с сенсорными экранами и успокаивающим светом – это все лишь атрибуты тюрьмы.

Он не смог меня разбудить, поэтому запер нас здесь.

– Другой двери нет, – говорю я, поворачиваясь к Джеку. – Это единственный выход.

Челюсть Джека напрягается.

Дверь отзывается глухим эхом.

Я поднимаю запястье, мои пальцы скользят по экрану КОМа, надеясь позвать на помощь. Но ничего не происходит.

– Я уже пробовал, – говорит Джек, кивая на мой КОМ. – Но мы получили это от представителя Белл.

– А он получил их от Янг, – говорю я.

Джек напряженно кивает. – Все было подстроено.

Дверь содрогается. Она сделана из твердой стали и усилена запирающими стержнями.

А затем наступает тишина.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Тихие щелчки металла о металл. ПМ Янг что-то прикрепляет к стальным дверям.

Джек резко оборачивается, хватая меня за плечи и тащит в угол, как можно дальше от двери. – Элла, – говорит он, и в этом слове больше эмоций, чем я когда-либо слышала. – Элла, дверь не выдержит. Она собирается войти. Она доберется до нас.

Его пальцы впиваются в мое плечо, и хоть мне и больно, но я наслаждаюсь ощущением. Пока он держится за меня, он здесь, и этого достаточно.

– Они могут убить меня.

– Нет! – возражаю я. Это слово вырывается из меня с силой, о существовании которой я и не подозревала. Мысль о мертвом Джеке, ушедшем, наполняет меня той же тьмой, какую я чувствовала, когда терялась в пустой оболочке тела представителя Белл.

– Я не важен, – говорит Джек. – Я им не нужен. Они, вероятно...

– Нет! – я кричу это слово, закрывая глаза и качая головой.

– Слушай, – шипит Джек, притягивая меня ближе, его пальцы еще сильнее впиваются мне в плечи. – Послушай, Элла. Что бы со мной ни случилось, ты должна бежать. Слышишь меня? Ты должна бежать.

Теперь я слышу тихие гудки.

Обратный отсчет времени до взрыва.

– Твой отец знал, – говорит Джек. Мое внимание возвращается к нему. – Он знал, что что-то не так, и за это его убили. Ты должна понять это, Элла. Ты должна остановить их. Ты – ключ.

– Нет, я – никто, – говорю я, слезы обжигают мне глаза.

Мир разрывается.

Вспышка света такая яркая, что я на мгновение слепну. Все, что я могу сделать, это схватить Джека, когда мы оба кричим, перекрывая звук распадающейся металлической стены – прочной стальной двери с болтами в полу, которая должна быть непроницаемой. Металл по краям светится оранжево-красным.

Когда дым рассеивается, появляется ПМ Янг. А позади нее...

Андроиды. Конечно, андроиды. По крайней мере, это настоящие роботы, без лиц тех, кого я знаю или люблю. Но она все же контролирует их. Она контролирует все.

– Элла, ты – ключ, – настойчиво говорит Джек, заставляя меня снова обратить на него внимание. – Твой отец знал, что его преследуют. Он сказал мне перед смертью, что спрячет информацию внутри тебя. Раньше я этого не понимал, но теперь уверен. Вот почему я вернулся: чтобы предупредить тебя; ты – ключ, ты – ключ ко всему.

Я киваю, слезы текут по носу.

– Он спрятал для тебя информацию, я уверен, что ее сможешь найти только ты. Найти ее. Что бы со мной не случилось – не сдавайся. Элла, я верю в тебя. Я знаю, ты можешь закончить то, что начал твой отец. Я...

Андроиды приближаются, их шаги тяжело ступают по кафельному полу.

Джек обнимает меня, притягивает к себе и закрывает, защищая своим телом. На одно короткое мгновение, когда мир вокруг нас разваливается на части, остаемся только он и я.

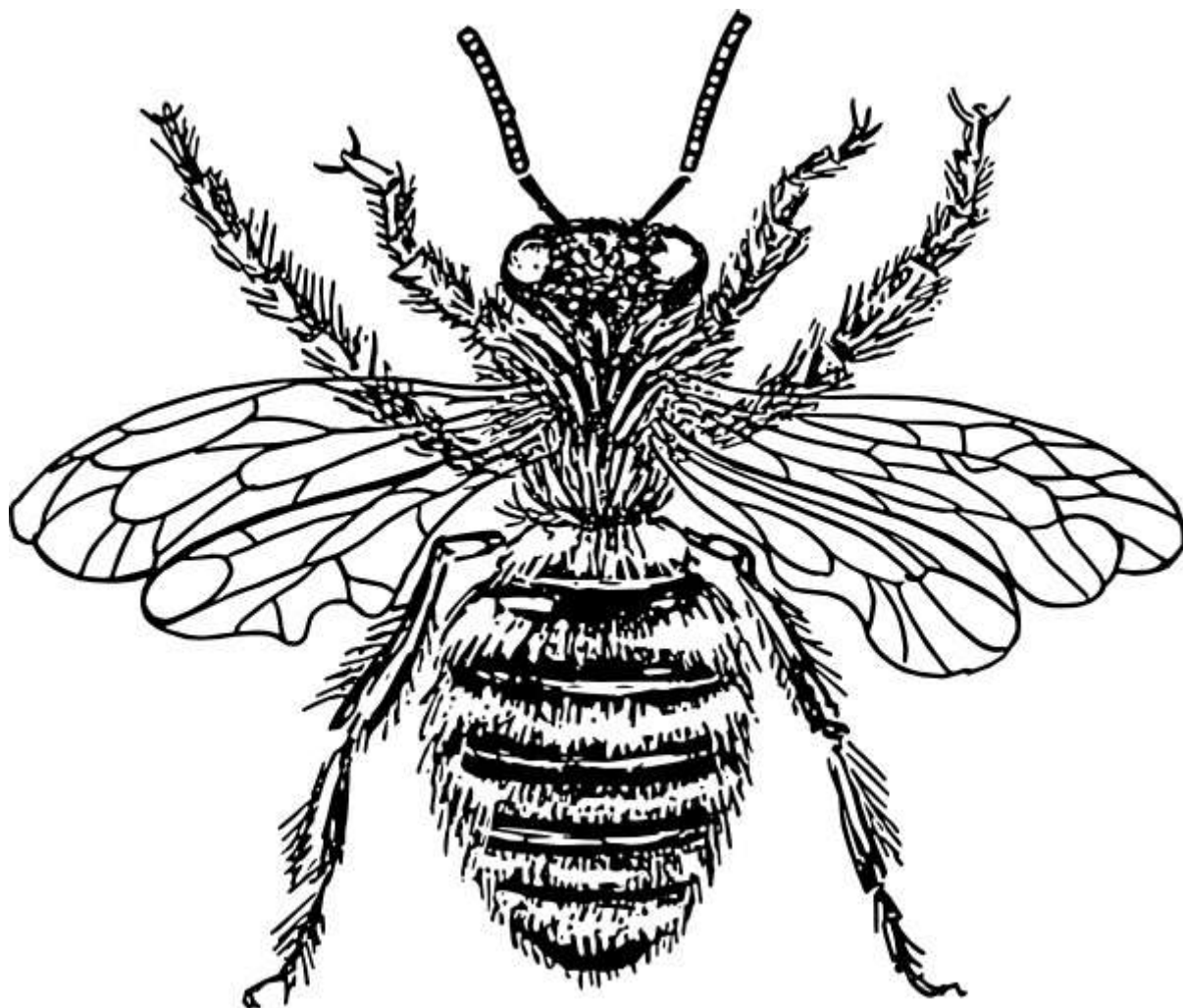
Он склоняет голову ко мне. – Не забудь, Элла, – говорит он тихо, только для моих ушей. А потом его губы прижимаются к моим, его поцелуй панический и отчаянный, а руки прижимают к его твердому как камень телу, поддерживая меня, когда ноги превращаются в желе. Он держит меня так, словно хочет сжать наши тела вместе, но его хватка недостаточно сильна, а покрытые силиконом металлические пальцы проскальзывают между нами, и Джека дергает назад, швыряет на пол с такой силой, что его тело подпрыгивает.

– Правда, у нас нет на это времени, – бесстрастно говорит ПМ Янг, пока два андроида прижимают Джека к полу. Я отшатываюсь, мое тело смущено его внезапным отсутствием. Джек брыкается на полу, пытаюсь сбросить андроидов, но ПМ Янг бросается вниз.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

А затем я замечаю, что она держит в руке.

Маленький баллончик, наполненный ярко-зеленой жидкостью. Я пытаюсь увернуться, но она слишком быстра. Наркотик грез распыляется мне в глаза. Последнее, что я вижу перед тем, как меня окутывает тьма, – это неподвижное тело Джека, утаскиваемое прочь.

Глава 68

Я просыпаюсь, резко распахивая глаза.

Я одна. В комнате грез. Почему они оставили меня здесь? И как долго я была без сознания?

Первая мысль – о Джеке. Я выбираюсь из-под обломков разрушенной комнаты грез и лихорадочно оглядываюсь. Его нет, он пропал, как и ПМ Янг и андроиды.

Они бросили меня. Но тогда зачем меня накачали наркотиками? Может быть, я отключилась всего на несколько секунд — может быть, мое нечеловеческое тело нашло способ обезвредить наркотик.

Мой мозг лихорадочно работает. Джули должна быть где-то рядом; если я найду ее, мы, возможно, спасем Джека. Спасем его от мании величия, которая правит всем цивилизованным миром и армией андроидов.

Черт.

Я осторожно пробираюсь через обломки, стараясь не издавать ни звука. Подкрадываясь к дверному проему, выглядываю наружу – никого нет. Дверь в другую комнату грез, где находился представитель Беллз, открыта. Свет горит.

Затем я замечаю тень. Продвигаюсь вперед. Все мониторы в комнате управления показывают только черноту и помехи. Ни единого звука, лишь стук моего сердца.

Заглядываю в другую комнату грез и первое, что вижу – это кресло и кровь. Она просачивалась через отверстие в центре подголовника, густая, вязкая жидкость, словно сироп, но я-то знаю, что это такое.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Толстый шмель вьется у меня перед глазами. Я хватаю его в воздухе, раздавливая пальцами его пушистое хрустящее тело. Сейчас у меня нет времени на галлюцинации.

– Элла! – кто-то ахает, и на другом конце комнаты я вижу мисс Уайт. Мы бросаемся друг к другу, бормоча от облегчения.

– Нам нужно убираться отсюда, – говорю я, когда она дико озирается, рассказывая мне, как сбежала от ПМ Янг.

– Повсюду стража. Почему ты здесь? – ахает Мисс Уайт.

– Это была ловушка.

Мисс Уайт сжимает меня сильнее. – Они заперли меня в комнате твоей матери, надеясь, что ты вернешься и они смогут использовать меня против тебя. Какие-то андроиды привели мальчика примерно твоего возраста в твою квартиру, чтобы запереть его, и я использовала это, чтобы выбраться. Но там целая армия андроидов блокирует выходы. А потом я спустилась сюда и увидела... и подумала... – ее голос прерывается рыданиями, когда она переводит взгляд с меня на окровавленное кресло.

– Мы должны выбраться отсюда, – повторяю я, слушая ее в пол уха. Мой мозг лихорадочно работает, пытаюсь придумать план побега.

– И Янг, – продолжает мисс Уайт, опуская глаза, вспоминая о ПМ Янге. – Я думала, мы с ней подруги. О, Боже, Элла, я раньше думала... несколько недель назад ко мне обратились люди с информацией о методе правления Янг... и Элла... она тиран, она совсем не такая, как я думала, и я пыталась выбраться, вытащить нас обоих, но она, должно быть, догадалась, все поняла...

– Это не ваша вина, – говорю я, хватая мисс Уайт за руку. – Не ваша – а моя. Это я нашла Зунзану, которая сражается с ПМ Янг на Мальте. Все, что мы думали о Янг и исследованиях моего отца... все оказалось ложью.

Мисс Уайт притихла. А затем, наклонив голову и посмотрев мне в глаза, вкрадчиво спросила: – Исследования твоего отца... Ты знаешь... какое это имеет отношение к делу?

– Я до сих пор пытаюсь это выяснить, – говорю я. – Но ПМ Янг каким-то образом объединила папины исследования в кибернетике и мамины исследования с грезами и сотворила... все это. Они называются циклонами. Клоны-Киборги. Наполовину машина, наполовину человек. Сильный как андроид, но с человеческим интеллектом.

«И я одна из них», – думаю я, но вслух ничего не говорю.

Мисс Уайт начинает расхаживать по комнате.

– Я могу только представить, как это работает... – бормочет она. – Твой отец давно экспериментировал с биоинженерией и кибернетикой. Но, – она поворачивается ко мне. – Ты сказала «клон». Чтобы создать клон, нужно клонировать человека. А чтобы сделать мыслящего робота, нужно... – она начинает задыхаться. – Они используют грезы твоей матери, не так ли? Они создают тело, а затем используют грезы, чтобы перенести душу человека из живого тела в сконструированное.

Я молча киваю.

– Но это значит... – мисс Уайт бледнеет. – Человек, из которого переносят душу, умирает, не так ли?

Я пытаюсь что-то сказать, но не могу – мой рот полон меда. Я чмокаю губами, пытаюсь избавиться от сладкого привкуса. Затем сосредотачиваюсь на мисс Уайт, все еще расхаживающей по комнате. Я не могу сойти с ума, не сейчас, когда на кону так много.

– Акила, – смогла выговорить я, еле выплюнув слова. – Мама... – и я.

Лицо мисс Уайт бледное, взгляд бежит. Она даже не заметила, что я пытаюсь заговорить. – Я подозреваю, что правительство смогло выяснить, по крайней мере, рудиментарный метод создания циклонов. В этом есть смысл – они придумали альтернативную формулу для

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

лекарства от грез и собрали воедино, по крайней мере, часть потерянных исследований твоего отца. Это то, что я смогла понять из услышанного, пока находилась в плену.

– Исследования у них? – я задыхаюсь от шока.

Мисс Уайт рассеянно кивает. – Значит, правительство придумало способ скопировать разработки твоего отца. Но копия никогда не сравнится с оригиналом.

Оригинал.

Я моргаю, и на мгновение снова оказываюсь в лабораториях, где был убит мой отец и умерла мать, где я видела три маленькие дверцы морга, каждая с надписью:

«Элла Шепард, Верс. 1».

«Элла Шепард, Верс. 2».

«Элла Шепард, Верс. 3».

А затем сердце в моей груди начинает колотиться с силой дефибриллятора, возвращающего его к жизни, и я снова вижу себя в комнате грез с мисс Уайт.

– Ты в порядке? – спрашивает она. Она перестала ходить по комнате. Она прямо передо мной, хотя меньше секунды назад была в другом конце комнаты.

– В порядке, – говорю я, перекрывая жужжание.

Ее губы шевелятся, но я не слышу, что она говорит.

Я слышу только пчел.

– Стой! – кричу я.

Тишина.

Мисс Уайт смотрит на меня с тревогой в каждой черточке лица.

– Ты в порядке? – снова спрашивает она.

– Нет, – шепчу я.

Я схожу с ума, я схожу с ума,

Я.

Схожу.

С ума.

Мисс Уайт обхватывает мое лицо своими длинными тонкими пальцами. – Элла, – зовет она. – Мы должны спасти тебя.

– Нет, – возражаю я, – мы должны спасти Акилу и Джека.

Но затем я понимаю, что слова так и не сорвались с моих губ. Они зашиты не нитками, а пчелиными жалами, пронзающими нежную розовую кожу, которую всего несколько часов назад целовал Джек.

Мисс Уайт убирает мои потные волосы со лба. – Элла, твой отец был гением. Он разработал наноботов, которые спасли твою мать, и технологию, которая воссоздала ее, когда ее уже нельзя было спасти. Он сделал первый циклон. Он дал твоей матери кусочек бессмертия.

Она пристально смотрит мне в глаза.

– Но он думал только о том, чтобы спасти твою дорогую маму, мою лучшую подругу. И я любила его за это. Но правительство... оно хочет формулу. Если они смогут сделать циклонов из здоровых молодых людей, а не больных, как твоя мать, то они смогут создать идеальных солдат.

– Элла, дорогая, – продолжает мисс Уайт, не обращая внимания на односторонность нашего разговора. – Твой отец знал, чего хочет правительство. Знал, сколько оно заплатит за его исследования. И он все разрушил.

– А потом правительство уничтожило его, – слова вылетают изо рта, как крошечный шмель, пролетающий мимо моих губ.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Мисс Уайт кивает. – Они убили его прежде, чем поняли, что их исследования сфальсифицированы и бесполезны.

Я открываю рот, челюсть трещит, как пластырь. – Но они создали циклонов. Акилу.

– Да, конечно. Твоя подруга Акила. И десятки других. Но ни один из них не идеален. Это просто жалкие копии. Правительство не смогло воссоздать их в совершенстве. В конце концов, все эти модели ломаются. Они длятся один или два года.

Я пытаюсь пошевелиться, но не могу.

– Я думаю... думаю, что ПМ Янг и правительство считают, что внутри тебя спрятан какой-то ключ.

Джек сказал тоже самое.

– Если бы мы только могли выяснить, какую информацию оставил тебе отец...

Я не могу говорить, не могу двигаться по собственной воле, но мое тело сильно трясется, голова мотается из стороны в сторону: «нет, нет, нет».

Мисс Уайт обхватывает мое лицо руками, успокаивая меня. – Возможно, он сказал тебе что-то, о чем теперь не можешь вспомнить.

Я больше не могу связаться с Джеком.

Взгляд мисс Уайт возвращается к креслу грез. – Элла, я думаю... если мы найдем то, что спрятал твой отец, мы... у нас будет оружие, необходимое для борьбы с ПМ Янг и коррумпированным правительством, которое она строит.

– Бежать... – с трудом выговариваю я. Мы должны бежать.

– Куда бежать? – спрашивает мисс Уайт ровным голосом.

Я моргаю — конспиративная квартира, андроид Ким, лаборатория, где Джек поцеловал меня, Акила, привязанная к каталке — и снова оказываюсь в задумчивом кресле, мисс Уайт склонилась надо мной.

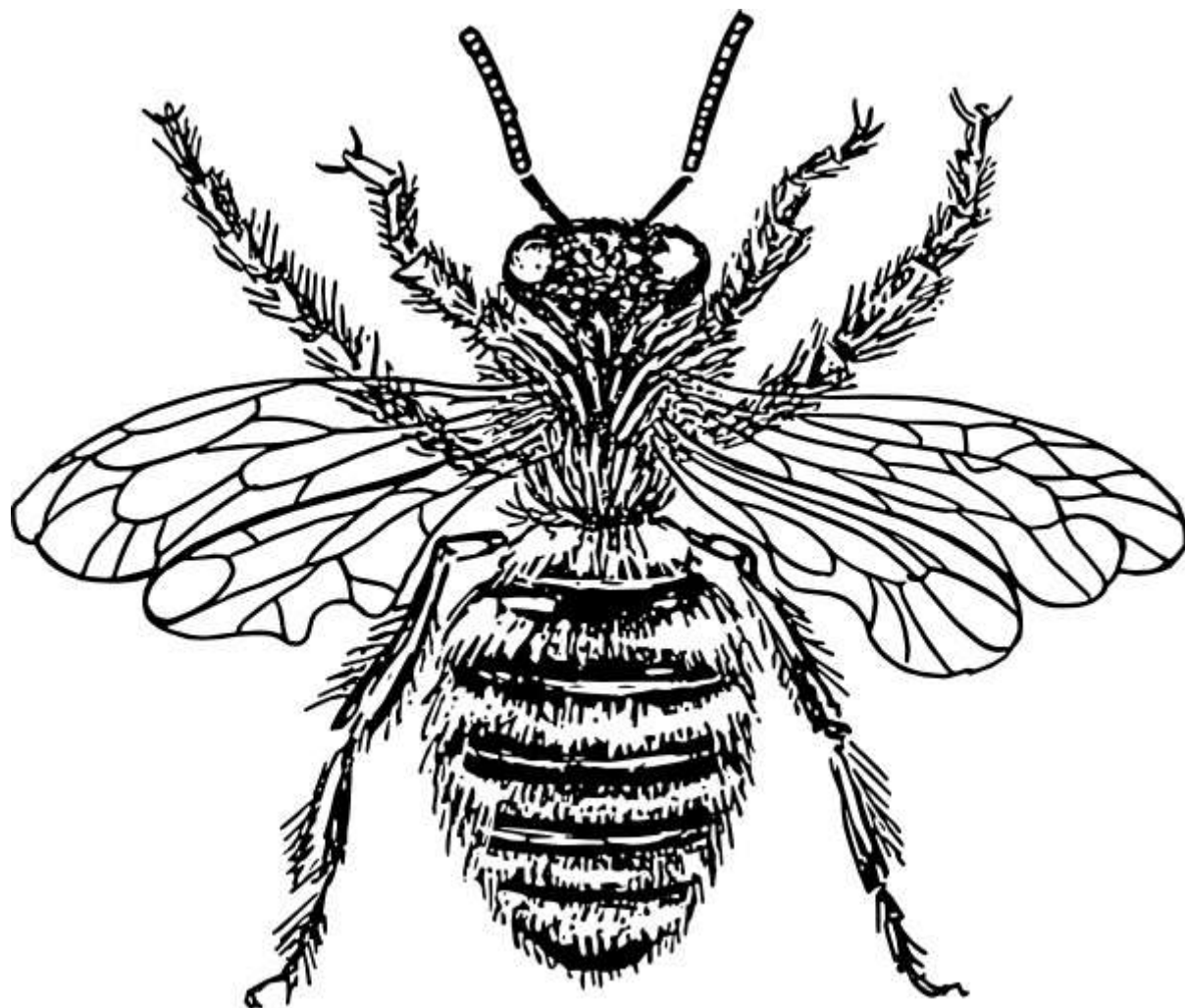
– Иди... – это слово было так трудно произнести... и почти невозможно расслышать.

– Куда идти? – переспрашивает Мисс Уайт. – Заснуть?

Что? Нет. В этом нет никакого смысла.

Мисс Уайт подводит меня к креслу. Она легонько толкает меня в плечи, пытаюсь усадить. Пчела садится ей на лицо, пролетает над глазом, проводит жалом по ресницам.

– Я не знаю, реально ли это, – шепчу я, но звук теряется в жужжании пчел.

Глава 69

Горячая слеза скатывается по моей щеке, и вместе с ней исчезают галлюцинации.

– Элла? – зовет мисс Уайт. Она прям образец заботливости.

Я опускаю взгляд вниз. Сама того не созная, я оказалась привязана к креслу. Я чувствую засохшую кровь от огнестрельного ранения представителя Белл на подголовнике. Я моргаю, и наручники исчезают. Моргаю еще раз, и они возвращаются, но уже черно-желтые, пушистые и жалят мою кожу.

– Кажется, я схожу с ума, – осознаю я.

Мисс Уайт бледнеет. – Это все наноботы внутри тебя. Ты получаешь мозг бота.

Дело уже не в них. Наноботы – лишь побочный эффект циклона, а не причина моего безумия.

– Что со мной происходит? – слова слетают с языка так же медленно, как тянется мед.

Мисс Уайт откидывается назад. Ее платье зеленого цвета – почему я не заметила этого раньше? – тот же ядовито-зеленый, как и наркотик грез.

– Элла, дорогая, ты же знаешь, что я люблю тебя. И твою мать.

Я киваю. И пытаюсь высвободиться из оков кресла. Я не вижу их, но чувствую.

– Но ты уже не ты настоящая, так?

Мои глаза расширяются от шока. Я чувствую, как пчелы ползают под моей кожей, вибрируя.

– Ты – компьютер с очень ценным файлом, запертым у тебя в голове, – мисс Уайт подходит ближе, ее глаза расширены. – Я знаю, – мягко произносит она, доброжелательно. – Я

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

уже давно знаю. Для меня это не имеет значения. Но я боюсь того, что случится, если мы не вытащим из тебя эту информацию. Элла, мне нужно, чтобы ты погрузилась в грезы. Мне нужно, чтобы ты нашла информацию, которую твой отец спрятал внутри тебя. Так мы избежим этого кошмара, Элла. Это единственный способ.

Я пытаюсь покачать головой. – Нет, этого не может быть, – я чувствую, что сдаюсь... но затем вижу фигуру, движущуюся позади мисс Уайт.

Папа.

– Тебе нужно проснуться, Элла, – говорит он, но мисс Уайт его не замечает.

Все это у меня в голове. А я сейчас в здравом уме, и, знаете, мой здравый ум сошел с ума.

– Тебе нужно проснуться, Элла, – звучит словно приказ, которому я не могу подчиниться.

– Ты никогда не задумывалась, почему всегда получаешь доступ к грезам через картотечные шкафы? – спросил папа.

Получая доступ к воспоминаниям, я просматриваю их, будто картотечный шкаф. Система, которую люди больше не используют – но используют компьютеры. Компьютеры вроде меня. Папа... папа запрограммировал меня. Вот почему я так легко смогла взломать компьютер представителя Белл, – потому что мой мозг – процессор. Он разговаривает с компьютерами так же легко, как человек с другими людьми.

Папа заставил меня. И он запрограммировал мой мозг на открытие правды. Галлюцинации, его постоянные послания, что я должна проснуться... Он пытался заставить меня найти правду.

Мои глаза широко распахиваются, когда я, наконец, понимаю, что должна сделать. Я должна проснуться.

А потом мисс Уайт пускает мне в глаза снотворное, и я мгновенно засыпаю.

Я стою в лаборатории под Триумфальными Башнями по другую сторону двери из матового стекла, ведущей в лабораторию с надписью «передача грез». Сквозь стекло я слышу крики людей.

Один из них – мой отец.

– Нет! – кричит он. – Это неэтично, я этого не сделаю!

Кто-то толкает меня в спину. Я поворачиваюсь и вижу мисс Уайт. Но она совсем не похожа на ту мисс Уайт, что я нашла в комнате грез. Эта мисс Уайт с прошлогодней стрижкой и она спокойно держит пистолет, ствол которого упирается мне в поясницу.

– Заходи, дорогая, – ласково говорит она.

У меня дрожат ноги, когда дверь открывается. Я перевожу взгляд на отца и вижу страх на его лице, гнев. Поражение.

Мисс Уайт толкает меня вперед, и я вваливаюсь в лабораторию.

– Элла, детка, прости меня. Мне так жаль, – говорит папа. – Я не знаю...

Я лихорадочно оглядываю комнату. Возможно, если бы я могла сделать хоть какое-то оружие... Одна стена полностью выделена под морозильные камеры для тел, многие из которых открыты и пусты. Стол у стены тоже пуст, если не считать микроскопа и нескольких стеклянных пузырьков с надписью «прототипы Фидуса». Возможно, я могла бы разбить одну о голову мисс Уайт...

Мисс Уайт толкает меня в кресло грез, стоящее в центре комнаты.

– Филип, – добродушно говорит мисс Уайт. – Мы пытались вести с вами переговоры, пытались подкупить тебя. Я хочу, чтобы ты знал, что это действительно твоя вина.

Она поднимает пистолет к моей голове. Я чувствую, как твердый металлический край ствола прижимается к тонкой коже. Она с такой силой вжимает дуло пистолета мне в голову, что я откидываюсь на спинку стула, а мой череп оказывается зажатым между металлической спинкой стула и дулом пистолета.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– Джадис, пожалуйста! – просит папа. Он умоляет.

– Вы дадите нам формулу и инструкции, которые использовали, чтобы перевести вашу жену в новое тело?

– Моя жена – твоя подруга!

Мисс Уайт кивает. –Моя подруга. Та, которая никогда не делилась со мной своей формулой грез. Та, кто не пойдет на публику с ментальным спа. Та, кто дает только выдает мне зарплату, а не партнерство.

– Ты любишь ее! Ради Бога, ты же крестная Эллы!

На лице мисс Уайт нет никаких эмоций. – Я любила тебя, Филип, – говорит она. – Я любила ее. Но она лишь оболочка той прежней себя. Я отдала ей все, даже правую руку. Но я научилась... Если я чего-то хочу, то я должна взять это для себя, – Мисс Уайт сильнее вжимает в меня пистолет, и я не могу сдержать стон боли.

– Будет ли лучше, – небрежно продолжает мисс Уайт, – если я скажу вам, что мы уже знаем большую часть формулы? Мы знаем, что передача работает только в режиме клона одного и того же человека – что означает, что мы не можем поменяться телами. Мы знаем, что для переноса в клоне процент наноботов должен быть очень высок. Мы знаем, что клонов можно усилить с помощью частей от киборгов, они сильнее, быстрее и умнее своих первоначальных собратьев, да и живут дольше. Конечно, если они не заражены болезнью Хебба.

Она щелкает пальцами свободной руки, и кто-то, кого я не вижу, подходит к задней стене. Я слышу, как открывается дверь, металлические носилки выскальзывают наружу, затем глухой стук тела, чье-то ворчание. Мисс Уайт проводит пистолетом по моей щеке, заставляя повернуть голову вево и наблюдать, как совершенная копия меня бесцеремонно опускается в кресло грез рядом со мной. У копии остекленевшие глаза, голова безжизненно болтается, как и у ученого, которого я не узнаю, что привязывает тело к креслу грез.

– Спасибо, доктор Симпа, – рассеянно говорит мисс Уайт.

Я смотрю на копию себя, на это тело... Она пуста. Просто оболочка, состоящая из клонированного материала и кибер-частей, металла, проводов и компьютеров под кожей и плотью. Мисс Уайт хочет заставить папу перенести меня, настоящую меня, в это искусственное тело.

– Если я дам тебе формулу, ты получишь самое эффективное оружие, которое когда-либо знал мир, – глухо произносит папа. – Из вас получатся отличные солдаты. Это будет гораздо более разрушительно, чем формула Эйнштейна для атомной бомбы.

Мисс Уайт вежливо смотрит на него. – Я не стану этого делать. Я просто продам формулу. Мне все равно, что они с ней сделают.

Папа поворачивается, чтобы посмотреть мне в глаза. – Элла, – говорит он. – Мне очень жаль.

И я знаю, что он этого не сделает. Он не променяет меня на весь мир. Мисс Уайт скользит пистолетом вниз по моей щеке, в ложбинку между ключицами, больно вдавливая металл в грудь, и прижимает дуло к сердцу.

– Последний шанс, – лениво растягивает она.

– Я не могу, – шепчет папа. – Элла, прос...

Мисс Уайт спускает курок.

Все темнеет, и я открываю глаза.

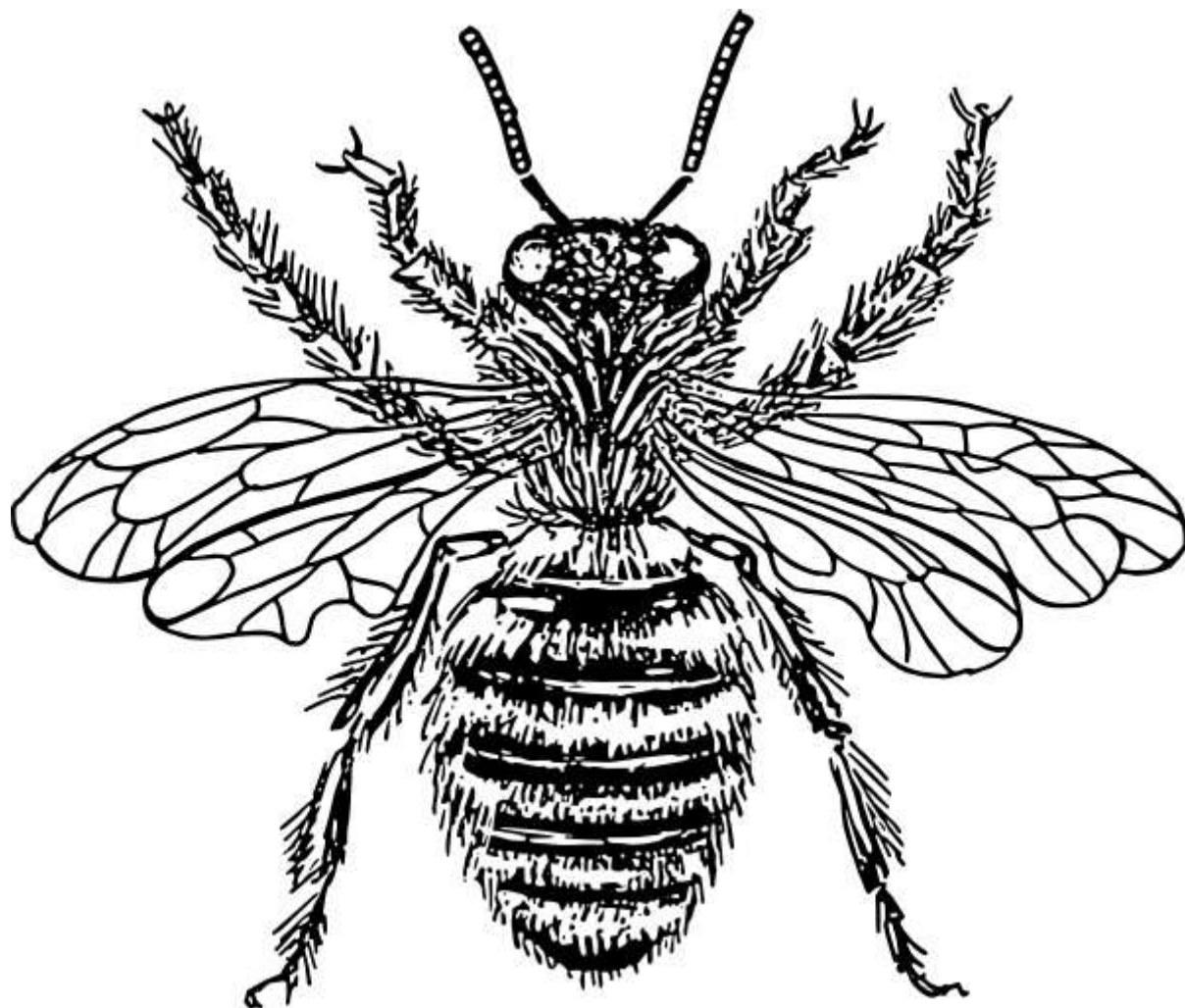
Папа склоняется над моим телом. – Элла? – спрашивает он. – Ты здесь?

Я киваю и смотрю направо. В том соседнем кресле... сидела мертва я с дырой в груди... и кровь, так много крови, слишком белые кости и мутные серовато-розовые кусочки меня, капающие со стула.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Руки бессознательно подносятся ко рту, пока я задыхаюсь от шока, ощущая вкус желчи. Но затем мои пальцы с удивлением исследуют лицо — мое лицо. Я мертва. Мое тело сидит мертвое в соседнем кресле... Но в то же время я здесь, все осознаю. Я жива.

Папа обхватывает руками мое лицо и заставляет смотреть на него. – Элла, – говорит он. – Я не мог этого не сделать. Я должен был спасти тебя. Мне пришлось. Но, детка, я хочу убедиться, что ты знаешь правд,– он делает глубокий вдох. – Я хочу убедиться, что ты сможешь сделать то, что не смог я.

Глава 70

Он погиб не при нападении террористов и не был убит от рук андроида-изгоя, пробравшегося в лабораторию... это все было сфабриковано. Я пытаюсь вспомнить видео, которое показывала мне ПМ Янг: на нем папа просто разговаривает со своими коллегами, затем краткое изображение андроида и вспышка света. Это можно подделать. И я купилась на это.

Папа не убивал меня. Он спас меня.

Я с трудом открываю глаза. Мисс Уайт тревожно нависает надо мной. – Что ты видела? – спрашивает она.

Мой рот открывается. Я пытаюсь пошевелить руками и понимаю, что они все еще привязаны к стулу, обездвигивая меня.

– Я видела, что ты убила меня, сука, – рычу я, борясь со стулом.

Мисс Уайт закатывает глаза. – О, только не это снова.

– Снова? – я напрягаюсь, пытаюсь освободиться.

– Я любила твою мать. И люблю тебя, Элла. Но мы уже спорили об этом, помнишь ты это или нет.

Только в этот момент я понимаю, что память была искажена и кто-то стер Джека из моих воспоминаний. И, очевидно, не только его.

– Я предлагала тебе деньги, жить в доме со мной.

Я плюнула ей в лицо.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

– В прошлый раз ты тоже так делала, – кажется, ей скучно. – Было бы проще, если бы ты просто рассказала мне о клонировании. Как он тебя сделал? Ты обнаружила что-нибудь новое в этой грезе? Секреты заперты внутри тебя, я уверена в этом.

– Я никогда ничего тебе не скажу, – огрызаюсь я.

Мисс Уайт спокойно вскидывает свою металлическую руку и с такой силой бьет меня по лицу, что голова запрокидывается. Во рту появляется привкус крови. Пусть я и циклон, но у нее металлическая рука и она ударила меня с силой бульдозера.

– Ты расскажешь мне все, так или иначе, – уверенно твердит она. – Ты всего лишь компьютер, а их можно перепрограммировать. Или взломать. Что-то в том, как холодно и бесстрастно она это произносит, меня ломает. Горячие слезы текут по моим щекам, стекая по лицу под странным углом, поскольку я все еще привязана к креслу. – Почему? – спрашиваю я, все мои надежды и страхи выливаются в одно единственное слово.

– Когда твой отец вылечил мать – он видел только ее. Но я увидела кое-что еще. Шанс на мир, на бессмертие.

Я в ужасе смотрю на нее.

– Подумай о том, как хорошо бы было, если все были циклонами. Люди, которые позволяют мягко направлять себя в правильном направлении. Терроризм останется в прошлом. Гнев, ненависть – все это исчезнет. Подлинное равенство, подлинный мир, подлинное процветание.

– Вам не нужны люди, – категорично заявляю я. – Вам нужны рабы.

– Андроиды-рабы. Вот что значит слово «робот» – раб. Но...

Я прерываю ее. – Вот во что ты хочешь превратить людей.

– Нет-нет, – хмурится мисс Уайт. – Нисколько. Циклоны – не андроиды. Есть разница.

– Если ты их контролируешь – то нет.

Мисс Уайт издает разочарованный стон. – В любом случае, будет мир. Никакой угрозы войны. Никакого терроризма.

– Больше никакой свободы.

Вот почему правительство, контролируемое мисс Уайт, было готово инсценировать взрывы андроидов. На войне люди совершают отчаянные поступки. Они предают вещи, в которые верят, как это сделала представитель Белл, или идут на глупый риск, как Джек и Зунзана. Но одна из первых вещей, которые следует сделать во время войны, – это просто свобода.

– Твои мать и отец были настолько... ограничены... в том, что они хотели сделать со своей технологией, – говорит мисс Уайт. – Я могу продавать циклонные апгрейды богатым как бессмертие. Циклона почти невозможно убить, и они живут гораздо дольше человека. И, конечно, мир и процветание – не только для меня, но и для всех.

И тут я понимаю: дело не только в войне. Это слава, престиж. Моя мать никогда не позволяла мисс Уайт иметь полный доступ к системе грез и формуле препарата грез. А отец полностью запретил мисс Уайт заниматься исследованиями циклонов. Возможно, они не знали, насколько она продажна, а может и знали, но, в любом случае, родители отстранили мисс Уайт. Мама всегда хотела, чтобы мечты помогали людям пережить заново самые счастливые воспоминания. А папа всегда хотел использовать циклонов, чтобы спасти маму. Это мисс Уайт, которая увидела преимущество объединения двух процедур для разработки чего-то, что принесет прибыль и даст ей окончательный контроль над всеми объединенными странами.

– Элла, ты понятия не имеешь, как война может обогатить человека. А я знаю. Я видела, что случилось с лидерами сепаратистской войны, с теми, кто делал оружие и питался страхом других.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я смотрю на руку мисс Уайт. В моем возрасте она уже работала в научных лабораториях лунных колоний, как папа и мама. Обычно я думаю о своих родителях в колониях в каком-то идеалистическом ключе – мол, это место, где они встретились, влюбились друг в друга. Но они были там не просто так, а потому что они – гении в науке, как и мисс Уайт. Мой отец был мастером робототехники, а мама изобрела мечты. Но мисс Уайт... мисс Уайт, Мисс Уайт – вот откуда взялась часть про киборгов.

Будет терроризм. Мисс Уайт и взрыв андроидов позаботились об этом. Этот террор заставит людей бояться, что также заставит их задуматься и в конечном итоге принять действительность – процедуру превращения в циклонов. И мисс Уайт потянет за все ниточки. Она будет манипулировать всей страной... всем миром... прямо на ладони.

– И в конце концов, – говорит мисс Уайт, – разве я этого не заслуживаю? Эта война действительно положит конец всем войнам, и у нас будет мир во всем мире.

– Мир с промытыми мозгами, – говорю я.

Мисс Уайт машет рукой, как будто это не имеет значения. – Все так просто. Веди войну, зарабатывай деньги. Закончишь войну – заработаешь больше денег. Дать людям шанс жить в полном блаженстве. Мир и процветание.

Не знаю, чего она хочет больше: мира во всем мире или золотого трона. Но в любом случае, она получит и то, и другое. – Не пытайся выдать это за благородство, – огрызаюсь я.

– Что ты думаешь? – спрашивает мисс Уайт. – Что это какой-то сложный боевик? Ты против мира, против большого и плохого правительства? У меня для тебя новости, дорогая. Зло не в правительстве. Это не значит, что мир разделен на хорошее и плохое, и никого не волнует, готов ли ты сражаться за хорошее, потому что хорошего боя не бывает. Это действительно так просто: мы делаем то, что должны, чтобы получить то, что хотим.

– И тебе нужны деньги.

– Тонны. Почему нет?

– Не такой ценой.

Мисс Уайт пожимает плечами. – А теперь мы стоим на перепутье и принимаем решение.

– Решение?

– На самом деле это скорее последний шанс. Теперь ты понимаешь, Элла? – тихо спрашивает мисс Уайт. – Дай мне формулу. Если мы узнаем, как он создал тебя, мы сможем воссоздать процесс и усовершенствовать циклонов. Те, которые продержатся дольше и работать будут идеальнее. Ни один из предыдущих наших циклонов не был так успешен, как ты. Они нестабильны.

Я думаю о той небольшой вспышке человечности в глазах Акилы. Мисс Уайт считает, что все циклоны, которые она создавала до сих пор, разрушаются, но что, если они просто освобождаются.

– Отпусти меня, – рычу я, тщетно дергая руками и ногами. Потому что единственное, что я знаю наверняка, так это то, что я не могу позволить ей получить информацию, которую она хочет.

– Если ты расскажешь мне, как твой отец делал циклонов... – снова лениво произносит она.

– Мне казалось, вы говорили, что можете взломать компьютер, – с горечью отвечаю я.

– И как ты думаешь, чем я сейчас займусь? – интересуется мисс Уайт, накачивая меня еще одним наркотиком.

Глава 71

Я открываю глаза и вижу, что по-прежнему нахожусь в комнате грез. Только вот мое тело, находящееся в кресле, – не борется с оковами, а спит. Хотя я и не вижу, но знаю прекрасно, что мисс Уайт подключена к соседнему креслу.

Все это нереально. Мы в грезах. Мы все это время были в грезах, с тех пор как я проснулась.

Когда ПМ Янг ворвалась в комнату грез, она захватила Джека, а меня накачала наркотиками. Затем кто-то привязал меня к креслу, и в этот момент мисс Уайт уселась в другое кресло, то самое, в котором совсем недавно сидел Белл. А значит, что с того момента, как я проснулась по настоящее время я все еще находилась в грезах мисс Уайт. Она манипулировала мной, обманывала, пытаясь найти способ узнать, что, черт возьми, мой отец спрятал в моей голове.

Но теперь, когда я знаю, что нахожусь в грезах, я вижу все сквозь призму лжи, которой она оплела меня.

Теперь я понимаю гораздо больше, чем раньше. Ведь все это у меня в голове. Включая папу, который стоит рядом со мной.

– Я пытался спасти тебя, – говорит он.

– Я понимаю, – все я знаю. Все, что он сделал для меня – это все было ради спасения людей, которых он любил. Ради мамы, меня...

Он убедился, что у меня есть доступ к воспоминаниям, которые мне понадобятся. Галлюцинации, которые появлялись в моих грезах раньше – это и была я. Я, пытающаяся получить доступ к скрытым частям моего разума. Отец защищал меня. Когда мне нужна была информация, он пытался помочь. Те образы в мечтах были его собственными файлами, которые он хранил в моем сознании.

Он спрятал правду внутри меня.

– Истина лежит в сердце счастья, – говорит он.

Но это не одно из его высказываний. Папа всегда был полон глубокомысленных изречений: «глаза – это окно в душу»; «дважды тебя собьют с ног, на третий раз встаешь», но, «правда лежит в сердце Фортуны» не входило в число его изречений.

Это было как раз то, что мы напечатали на его надгробии.

Мы. Мама и я.

Но. Мама была больна, когда папа умер. Она ничего не могла поделать.

Я организовала похороны.

Я выбрала дерево – остролист – в память об отце. Выбрала гроб, в котором его кремировали. Я выбирала песни, которые играли на его похоронах.

Я выбрала мемориал выгравированный на его доске.

Папа давал мне подсказки все это время. Пчелы, галлюцинации. Я не знала, кем была раньше, и так же, как у Ким – у меня есть автоматическая защита, не позволяющая «засунуть руку в кастрюлю с кипящим супом», только эта защита оказалась бессознательной и срабатывающей автоматически. Только в моменты паники и страха моя истинная сущность выходила наружу – например, когда я атаковала Джека, «впервые» увидев его и будучи человеком, который ничего не знал о самозащите; я не позволяла себе мечтать; то, с каким упорством я старалась спасти нас с мамой во время взрыва Розы; тот момент, когда спасаясь от полиции я спряталась под водой и узнала, что могу в принципе не дышать...Моя истинная природа проявлялась в тот момент, когда мне это было нужно....

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

И когда я начала сомневаться в этом, когда подошла слишком близко к истине... мой разум и тело боролись со мной. Припадки, галлюцинации. Все продумано, словно хореографический танец, показывая мне достаточно, чтобы найти правильный путь.

Но эта подсказка – «истина лежит в сердце счастья», – оставленная самой себе... Папа умер, значит он не мог открыть мне этот секрет.

Я сжимаю маленькую подвеску-талисман с печеньем, который ношу на шее, – тот, что папа подарил мне и который я никогда не снимаю. Я помню, как вложила в медальон диги-файл с Акилой и мной, еще когда мы были маленькими.

«Истина лежит в сердце счастья».

Но... я никогда не рассматривала медальон внимательно... Не помню, чтобы я вообще его открывала. Каждый раз, когда я собиралась это сделать, у меня начиналась ужасная головная боль или припадок, или же галлюцинация, и я забывала про него.

Теперь мне не больно.

Я знаю, что должна сделать это. Чтобы, в конце концов, узнать все оставшиеся секреты в моей голове, все, что мне нужно сделать – это открыть медальон. Открыть секрет, который я спрятала только для себя. Сбравшись с мыслями, я аккуратно поддеваю одну створку металлического печенья ногтем. Она распаивается, и мне на ладонь падает листочек бумаги.

Я дрожу, разворачивая крошечный свиток. На лицевой стороне черным шрифтом написан код бота, предназначенный для автоматического запуска программы – она связана с моими глазами ботами.

– Глаза – это окно в душу, – шепчу я, глядя на код. Крошечное пятнышко в моей голове между бровями начинает болеть острой болью, которая быстро переходит в пульсацию.

А потом все меняется.

Мой мозг – это компьютер, а информация с него никогда не стирается. В темноте я вижу картотечный шкаф.

Простой картотечный шкаф с надписью от руки зелеными чернилами: «ДЖЕК ТАЙЛЕР».

С одной стороны шкафа стоит мой отец. В руке у него серебряный ключ.

– Ты запер мои воспоминания о Джеке? – спрашиваю я.

Папа протягивает мне ключ. – Я не мог, – говорит он.

И тогда я понимаю: все это правда.

Я встретила Джека, влюбилась и встречалась с ним – после смерти отца.

Нет.

Я смотрю на серебряный ключ.

Нет.

Нет.

Я бы не смогла.

Только один человек может изменить воспоминания.

Я вставляю ключ в замок, и ящик легко открывается. Воспоминания выплескиваются, как фотографии, сменяясь быстрыми сценами. Неловкая встреча. Первый поцелуй. Последний бой. А потом я вижу, что все вокруг поглощает чернота.

Я дотрагиваюсь до нее и погружаюсь в воспоминания, настолько внутренние, что кажется, будто я живу ими. В моей руке медальон с печеньем. Я смотрю вверх, только что испытал воспоминание, но оно скрылось.

Я уже делала это раньше – я искал истину и нашла ее. Это была еще одна вещь, о которой я, как и Джек, забыла.

Мисс Уайт стоит передо мной. Не та мисс Уайт, что сегодня, и не та, как в других грезах, а мисс Уайт, которую я узнала из более недавнего прошлого.

Злые слезы навертываются. – Ты убила меня! – обвиняю я. – Ты убила моего отца.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Мисс Уайт машет рукой, отпуская меня.

– Я не позволю тебе контролировать меня, – кричу ей.

Мисс Уайт щиплет себя за переносицу. – Я и не хочу контролировать тебя, – отвечает она.
– Я просто хочу, чтобы мне заплатили. Знаешь, я вложила в тебя достаточно много времени и сил.

– Папа никогда бы...

– Твой отец не хотел умирать. Так или иначе, об этом бы все равно пришлось поговорить. И как только я получу формулу, что создал твой отец, я поделюсь с тобой частью денег. А теперь можешь идти и делать все, что захочешь.

И тут я осознаю самое паршивое: я испытываю искушение.

– Если я расскажу, ты сядешь в тюрьму!

– Нет, дорогая, не сяду, – мисс Уайт выглядит скучающей.

– Я заберу маму и убегу!

Своей ответной улыбкой мисс Уайт буквально насмехается надо мной. – Ты не можешь сбежать с матерью, видишь ли, болезнь буквально поразила ее полностью, – и снова она пытается манипулировать мной, хотя раньше я этого даже не осознавала.

Я с трудом сглатываю.

– Я все равно уйду, – тихо произношу я, глядя на нее.

Глаза мисс Уайт немного расширяются, а затем ее взгляд меняется на тот самый, с помощью которого она умело манипулировала людьми. – Это из-за того мальчика, да? Джека.

– Я люблю его! – кричу я. Чувства вспыхивают, угрожая прорваться сквозь меня, словно поток.

Мисс Уайт смеется. – Ну, – говорит она, – допустить этого мы, конечно, не можем. Если он хочет, чтобы ты сбежала от меня, – то мне придется его убить. Как я сделала это с его родителями.

Меня охватывает ужас. Она ведь действительно может сделать это.

– Нет!

– Право же, дорогая, ты не оставляешь мне выбора.

– Я останусь!

Она качает головой в притворной печали. – Я не поверю, что через какое-то время ты не передумаешь, и он не уговорит тебя снова уехать.

– Он не сможет! – кричу я.

Мисс Уайт выглядит искренне извиняющейся. – Он уже делает это, просто существуя на этом свете, – говорит она. – Он напоминает тебе о свободе, а я не могу позволить тебе думать, что ты можешь просто так оставить меня.

– Не сбегу, – шепчу я. – Клянусь.

– Твои обещания ничего не значат.

Я останавливаюсь на мгновение и вдруг осознаю всю свою власть. И какой ничтожной она кажется, пока мисс Уайт держит жизнь Джека буквально на волоске.

– Я знаю способ, – говорю я.

Скандал на похоронах родителей. Я сгораю от стыда и отвращения к собственным действиям, но знаю, что единственный способ удержать Джека подальше от меня – это причинить ему такую дикую боль, чтобы он возненавидел меня.

– Я больше не хочу тебя видеть! – кричу я, вкладывая в эту ложь всю свою любовь.

Жалобная мольба Джека. Его вопрос.

– Почему?

Я сижу в кресле грез, дрожа от холода и страха, в то же время Мисс Уайт смотрит на меня с сомнением. – Ты уверена, что сможешь это сделать, дорогая? – спрашивает она.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Я знаю, о чем она думает. Если я облажаюсь, она сможет повторить все заново, но на этот раз с новой версией меня.

– Смогу, – говорю я. – Я сотру Джека полностью.

– Ты могла бы просто отдать мне результаты исследований твоего отца, – уговаривает мисс Уайт.

Мои глаза горят от страха и разочарования. – Я не знаю о каких исследованиях речь! – умоляю я. – Я ничего не понимаю. Но если я заставлю себя... подчиниться... – я на мгновение замираю, – я – компьютер, вот что ты говорила. Ты можешь взломать меня... и найти то, что тебе нужно. Просто... не трогай Джека. Позволь мне остаться с мамой и не трогай Джека.

Мисс Уайт обдумывает мое предложение. Папа спрятал информацию глубоко-глубоко в моем подсознании, и единственный шанс, что она найдет ее, – только если проникнет в мой разум. И на это потребуется время.

– Тогда предлагаю сделку: ты будешь находиться рядом со мной столько, сколько потребуется, пока я не получу нужную мне информацию, – выдвинула свое условие мисс Уайт

Я киваю, соглашаясь. – Можно сделать так, чтобы я не знала, когда ты будешь это делать?

Эмоции мисс Уайт на мгновение отразились на ее каменном лице. – Да, – говорит она, – можно. Я могу проводить тесты ночью, пока ты спишь или когда погружена в грезы.

Отвечаю, разглядывая свои руки. – Спасибо.

– Но если ты попытаешься меня покинуть, – добавляет мисс Уайт ледяным тоном, – я буду считать, что тебя просто невозможно взломать, и сделаю вивисекцию. Знаешь, что это значит?

Я с трудом сглатываю. – Я не убегу, – отрицаю я.

– Если ты сделаешь это, я буду знать, что тебе нельзя доверять, а значит, что этот мальчик, Джек, мешает нам, а помеху обычно устраняют, – отвечает она, глядя мне в глаза. – И это будет легко. Кстати, просто хочу, чтобы ты знала: он записался в армию после того, как ты разбила ему сердце. Ты знала об этом? Я хочу, чтобы ты поняла, как просто будет устроить его смерть. Немного огня и чу-у-точку несчастного случая...

– Я все сделаю, – повторяю я.

И открываю глаза.

– Привет, дорогая, – говорит мисс Уайт, улыбаясь мне.

– Привет! – улыбаюсь я, начиная снимать электроды.

– У тебя были хорошие грезы?

Легкая хмурость омрачает мое пустое лицо. – Я не... я не помню.

– Ты собираешься увидеться с Джеком позже? – тут же спрашивает мисс Уайт.

– С кем? – переспрашиваю я, сооротив непонимающее выражение лица.

Я сделала это.

Только один человек может изменить воспоминания.

И это Я.

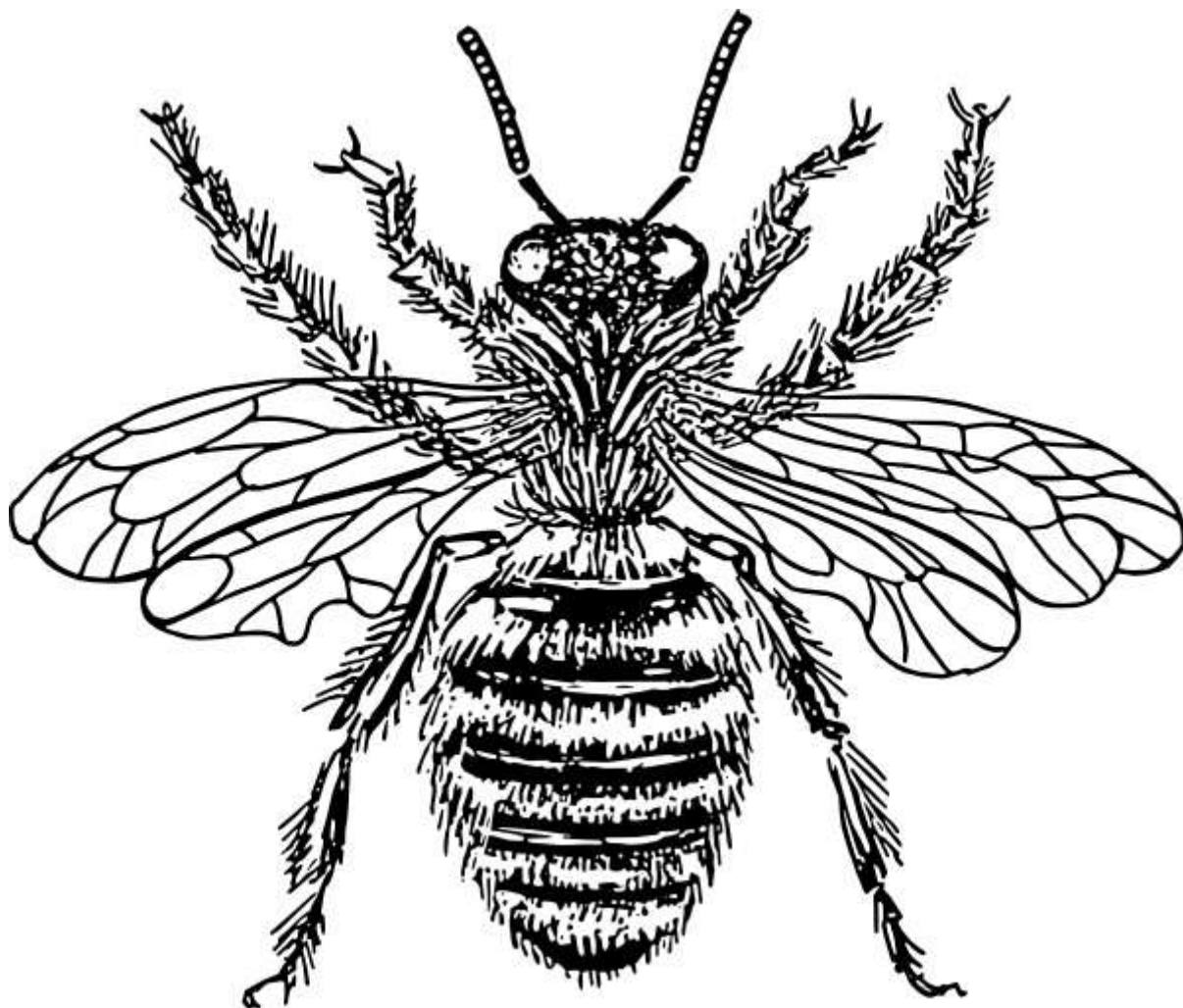
Только один человек мог установить трекер на Джека и оставить программу трекера в личных файлах, чтобы суметь найти его. Только один человек мог заложить основу для того, чтобы я заново открыла свое прошлое. Прошлое, которое я стерла.

Я.

Я уничтожила собственные воспоминания о Джеке.

Я сделала это, чтобы спасти его и себя. Но это я стерла его из памяти.

И это не спасло ни его, ни меня.

Глава 72

Я прихожу в сознание в кресле грез, надо мной нависает мисс Уайт, а я обнаруживаю свои руки связанными. Позади мисс Уайт я вижу отца, улыбающегося, напоминающего мне, что все это не реально, все это – галлюцинация; еще один способ попытаться вытянуть из меня секреты отца.

– Это все ненастоящее, – говорю я, и вижу, что путы тают. Я встаю.

– Элла, – зовет мисс Уайт, – разве ты не видишь, насколько лучше мы можем сделать мир? Просто дай мне формулу твоего отца. Если мы узнаем, как он создал тебя, мы сможем воссоздать процесс, улучшить циклонов.

И я вижу, вернее, слышу легкую дрожь в ее голосе.

Она боится меня.

Несмотря на браваду, несмотря на все планы, есть один недостаток.

Я.

Без меня у нее не будет идеальных циклонов. Никто не станет подписываться на то, чтобы стать одним из них, если все, что они видят, – это бездушная, пустая Акила в качестве примера того, чем они станут.

Мы погружены в грезы, и я управляю сном.

– Отец знал, кто вы, и спрятал свои исследования в единственном месте, куда вы не можете попасть – внутри меня.

– Отдай их мне! – мисс Уайт кричит, бросаясь на меня.

Но я просто закрываю глаза.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Мисс Уайт обманом заставила меня поверить, что грезы реальны. Это было умно с ее стороны. Потому что единственное, что я могу контролировать, – это грезы.

Я открываю глаза и вижу перед собой бледную мисс Уайт. Затем протягиваю руку и касаюсь ее лба. – Пора тебе открыться мне, – шепчу я.

Ее разум борется, но мне не сложно с ним справиться. Ее воспоминания разливаются вокруг нас. В голове у мисс Уайт крутятся мысли – некоторые из них не более чем туманные чувства, такие как вина или любовь — некоторые более отчетливые. Воспоминания обо мне – как о ребенке – вспыхивают и гаснут, словно молния за грозовой тучей.

– Ты когда-нибудь по-настоящему любила меня? – интересуюсь я. Образы льются дождем. Все те разы, когда мисс Уайт уговаривала меня пойти в колледж, частью этого были манипуляции. Но отчасти это было желание, чтобы я сбежала. И когда она увидела меня с Джеком, под волнами горя и печали была лишь меньшая часть ее, которая хотела бы отпустить меня, которая не хотела использовать меня в своем заговоре.

Но внутри нее пустота, и когда она увидела шанс на получение огромных денег, шанс на власть и контроль – она воспользовалась им.

Джек. Я не могу спасти мисс Уайт, также как маму или папу. Но я все еще могу спасти Джека.

– Пора просыпаться, – говорю я и хлопаю ладонью по ее лбу.

Это реально. Я нахожусь в кресле грез, это похоже на сон, но все реально. Я пытаюсь встать, но и здесь меня удерживают ремни. Я чувствую, как сжимаются мои челюсти. Будто меня могут удержать какие-то ремни.

Я не человек.

Я лучше.

Я дергаю рукой, и ремни отстегиваются. В комнату вваливаются андроиды в сопровождении ПМ Янг. Они двигаются как один, вытянув руки в попытке поймать меня, но мое тело запрограммировано на знание, о котором я не подозреваю. И я позволила этому знанию взять все под контроль. Я бью и пинаю, бью и швыряю, а андроиды валяются вокруг меня, как мусор.

ПМ Янг меняет позу, готовясь ударить меня. – Что вы делаете? – кричу я на нее. – Как вы можете быть на стороне мисс Уайт? Вы прошли гражданскую войну – вы не можете...

Она не отвечает, просто нападает молча. Я бегу через комнату, выдергиваю кусок металла из обломков, оставшихся после того, как ПМ Янг ворвалась в комнату, и бью ее по спине, заставляя упасть на одно колено. Затем использую инерцию, чтобы вскочить и кинуться на нее, целясь в голову, но она уворачивается, и я просто хватаю ее за плечо.

Острый металл рвет ее шелковую блузку в клочья, разрезая уже обнаженную кожу – и блеск проволоки и костей смешивается с кровью и плотью. Искры электричества пробиваются сквозь поток крови, стекающей по ее руке.

ПМ Янг тихо чертыхается.

Я двигаюсь инстинктивно, наматывая металл на ее руку, заворачивая его назад и сгибая как бечевку. Прежде чем она успевает пошевелиться, я отрываю кусок от кресла и обматываю сталью ее лодыжки. Я не могу победить циклона, но могу его обезвредить.

Пока я стою, тяжело дыша, над борющимся с проволокой премьер-министром всего правительства Содружества Стран, в комнату спокойно входит мисс Уайт.

– Даже ее? – я задыхаюсь, указывая пальцем.

– Разве ты не помнишь наш с ней разговор, когда вы впервые встретились в Триумфальных Башнях? Она сказала, что каждый должен заплатить за войну. Такова была ее цена: стать циклоном.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Интересно, как это случилось. ПМ Янг добровольно вызвалась на это? Неужели она позволила себе умереть ради шанса стать бессмертной? Знала ли она, что мисс Уайт сможет контролировать ее, как марионетку? Или мисс Уайт заставила ее измениться?

– Ты становишься лучше, – говорит мисс Уайт, оценивая ущерб, который я нанесла. – Я не ожидала, что ты очнешься от своих грез или сделаешь все это. Твой отец гордился бы тобой.

Я прищуриваюсь. Ей не позволено говорить о моем отце, никогда больше.

Она знает, что я киборг-клон. Она знает, что мои кости сделаны из металла, а плоть усилена наноботами. Она знает, что я могу сломать ее, как веточку. Но она входит в комнату с таким видом, будто я и вправду такая безобидная, какой себя когда-то считала.

Мои руки сжимаются вокруг части от кресла грез, и металл поддается, сминаясь, как оловянная фольга.

Я раздавлю ее.

Я буду смотреть, как жизнь покидает ее тело.

– Было намного легче, когда твоя мать была здесь, – говорит мисс Уайт. – Ради нее ты была готова остаться без вопросов, и так крепко спала, пока я тренировалась на тебе каждую ночь. Мы просто должны найти другой путь. В конце концов, я раскрою твои секреты. Просто помни про вивисекцию, как я и обещала. Сначала проведем опыт на Джеке, просто ради забавы.

Мои кулаки сжимаются. – Можешь идти на...

Мисс Уайт перебивает меня: – Элла, дорогая, ты знаешь, что можно сделать с компьютером, помимо взлома? Его можно контролировать.

Она поднимает руку и проводит пальцами по наручКОМу.

Мои мышцы напрягаются, мое тело вибрирует, борясь с какой-то энергией, которую я никогда раньше не чувствовала.

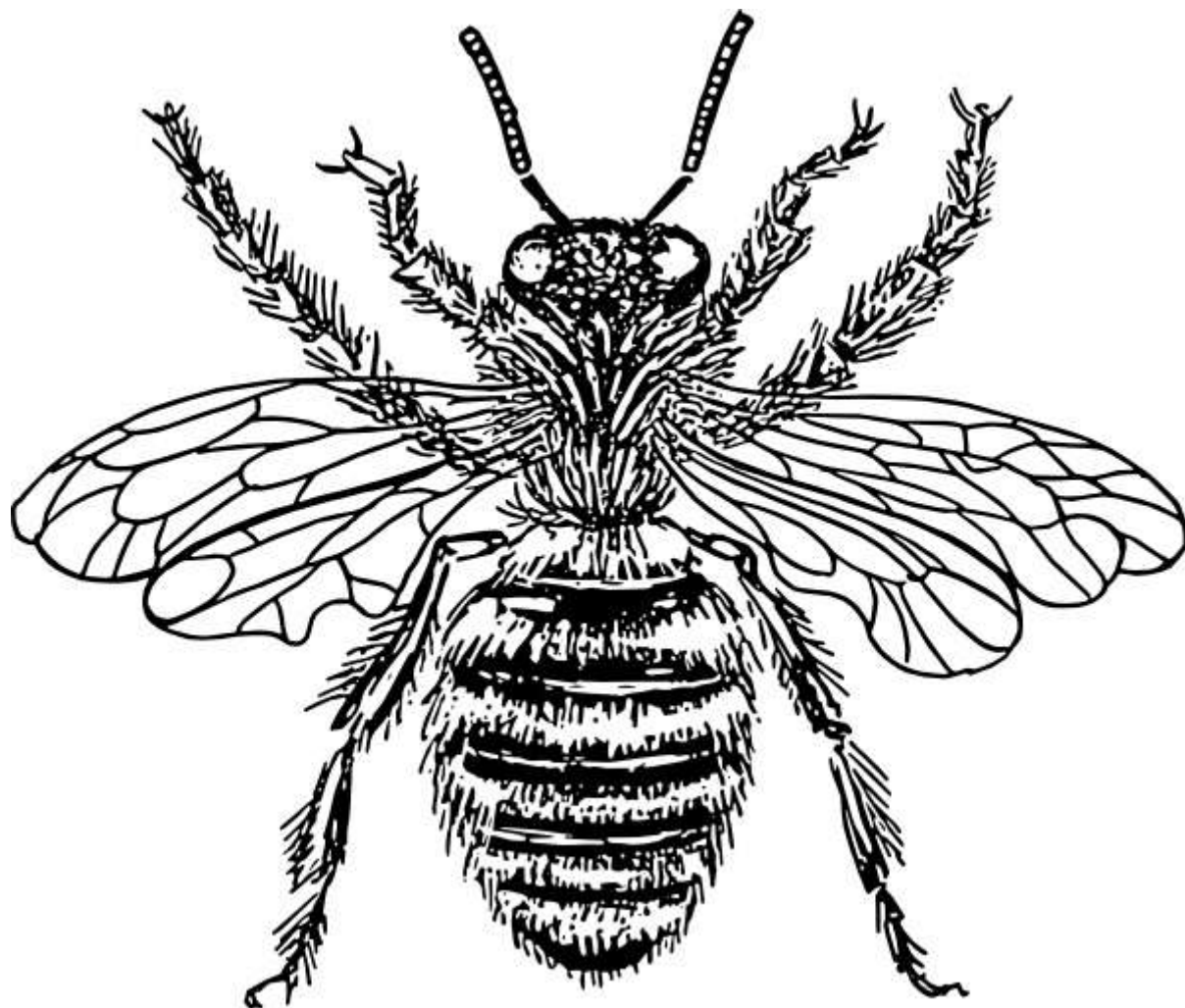
– Я контролирую тебя, Элла, – говорит мисс Уайт, улыбаясь. – Нам обоим будет легче, если ты примешь это сейчас.

Я пытаюсь покачать головой, но не могу. Пытаюсь убежать – но ничто во мне не движется без ее разрешения. Мисс Уайт вздыхает с печалью в глазах. – Я не хочу этого делать, дорогая. Ты мне как дочь – или, по крайней мере, была ею до того, как стала не совсем человеком. Мне больно от всего того, что происходит с тобой.

Мисс Уайт встает. Несмотря на то, что я совершенно неподвижна, она придвигается ближе, так что наши лица находятся всего в нескольких сантиметрах друг от друга. И смотрит мне в глаза, как будто видит в них ответ. А потом она откидывается назад и смирение разливается по ее лицу. Когда она снова заговаривает, то медленно растягивает слова, как будто прячет свою боль за насмешкой.

– Будет скучно, если отныне я буду вынуждена контролировать тебя таким образом. Тебе больно, я знаю, и это дополнительная работа для меня. И ты мне небезразлична, дорогая, конечно, небезразлична. Твое сотрудничество сделает наше будущее намного лучше. Киборг-клоны, которые соглашаются, живут гораздо лучше. Точно так же, как это делают люди.

Я изо всех сил пытаюсь открыть рот и закричать, но не могу даже дернуться. Мои автоматические функции – сердцебиение, моргание, дыхание – все работает в автономном режиме. Только вот сердце должно бешено колотиться, а по факту совсем наоборот. Интересно, это она тоже контролирует? Может она остановить его, просто отдав команду из наручКОМа?

Глава 73

– А теперь, Элла, вот что мы делаем дальше, – начинает мисс Уайт. – Ты рассказываешь мне все секреты твоего отца, затем убедимся, что формула работает. У представителя Белл остался сын – вот на нем и проверим как раз. И когда ты сделаешь все, что мне нужно, убедимся, что формула рабочая, – я отпущу тебя. И твоего маленького бойфренда. И даже дам тебе достаточно денег, чтобы покинуть этот богом забытый остров и тогда делай со своей жизнью все, что ты угодно.

Прежде чем я успеваю хоть что-то ответить, она добавляет: – Или могу убить Джека у тебя на глазах, но тебе все равно придется делать то, что я говорю.

Нет, я ничего ей не скажу, и она меня не заставит.

Хотя, кому я вру...

– Помни, дорогая, – говорит мисс Уайт. – Я контролирую тебя.

И что-то после этой фразы щелкает у меня в голове. Ведь если бы она могла меня контролировать, ей бы не понадобились все эти уловки и ложь... Она бы не стала выуживать из меня информацию. Она бы не боялась, что я сбегу...

Мисс Уайт – одна большая ложь и манипуляция. Она пытается контролировать меня страхом, потому что не может делать этого больше никаким другим способом!

Мои глаза широко распахиваются от осознания. Глаза – это окно в душу. Видимо огонь в моих глазах полыхал так сильно, что мисс Уайт поднялась с кресла и делает несколько шагов назад.

Я поворачиваюсь к ней.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Пальцы мисс Уайт отчаянно барабанили по наручКОМу, но безрезультатно.

Она больше не контролирует ситуацию.

– Я знаю, что они попытаются использовать тебя, – шепчет папа. – Я сделал все, что мог, чтобы спасти тебя. Все технологии, которые они заставили меня сделать... я сделал их безотказными, – он смотрит мне в глаза. – Я сделал тебя.

Отчаянно моргаю. Я так запуталась. Вон там я мертвая, а здесь живая и слышу голос отца – он говорит мне вещи, которых я не понимаю.

– Компьютеры быстрее людей, – продолжает папа. – Сталь прочнее кости. И я убедился, что твой мозг нельзя контролировать. Ты обходишь любую технику. Они этого не знают, но знаешь ты, – он тихо смеется. – Они многого не знают. Например, не знали, что я был в курсе о том, что они делают твой клон, что они хотели использовать тебя как рычаг давления на меня. Ну что ж, теперь у них есть формула. Но у меня-то есть кое-что получше.

Он наклоняется, его рот в нескольких дюймах от моего уха. Я чувствую, как тепло обволакивает меня – отец обнимает меня.

– У меня есть ты. По крайней мере, сейчас у меня есть ты.

Когда он отстраняется, на его глазах появляются слезы. – Ты – ключ ко всему. Ты сильнее их и не можешь быть использована кем-либо. Ты можешь сломать систему. Если хоть когда-нибудь тебя попытаются заставить что-то сделать, я прослежу, чтобы ты нашла способ получить доступ к своим передовым технологиям, чтобы ты могла...

– Доктор Шепард? – голос мисс Уайт доносится из дальнего конца комнаты. Шаги эхом разносятся по комнате по мере ее приближения.

– Ты – пчелиная матка, – шепчет папа перед тем, как мисс Уайт мягко отталкивает его от меня, и ее улыбающееся лицо заполняет мой взор.

– О, хорошо, что ты проснулась, а не умерла, Элла. Полагаю, это означает, что формула и процедуры, которые показал нам доктор Шепард, были законными? – она смотрит на папу. – Должна сказать, я рада, что ты не дал ей умереть. Было бы некрасиво делать ее клоном-киборгом без твоего ведома.

– Теперь ты знаешь, как это делается, – говорит папа, расправляя плечи и глядя на мисс Уайт. – Отпусти мою дочь. Она и моя жена не имеют к этому никакого отношения. У тебя есть я.

Мисс Уайт проводит пальцем по стволу пистолета. – Да, но теперь ты мне не нужен, – смеется она, а затем резко меняется в лице и сердито смотрит на коллегу. – Соберите всех его маленьких мятежников и приведите сюда. Мы хотим, чтобы это выглядело как несчастный случай, – она переводит взгляд с пистолета на лицо отца.

– Это за то, что ты забрал у меня Розу, – говорит она без эмоций в голосе.

Выстрел слишком громкий и слишком долгий, я кричу, звук пронзает мои барабанные перепонки...

Тишина в вакууме отсутствующего крика отдается эхом в моей голове, когда я смотрю на мисс Уайт. Она выглядит испуганной и взволнованной, ее пальцы скользят по поверхности наручКОМа.

Это был последний подарок моего отца. Из-за него у меня отняли жизнь. Из-за него контроль над собой принадлежит только мне. Мисс Уайт не может меня контролировать.

Я делаю шаг вперед.

– Не подходи! – кричит она дрожащим от страха голосом.

Для меня так необычно видеть ее испуганной.

И я знаю, что вызвало этот ужас.

– Ты убила меня, – говорю я. – И ты убила моего отца.

– Элла, дорогая...

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Папа был прав. Его технология гораздо более разрушительней любой бомбы. Не из-за того, что она может кого-то убить, а из-за того, что может уничтожить, не убивая.

– Не подходи! – снова кричит мисс Уайт, когда я делаю еще два шага вперед. Она все еще пытается использовать рычаги управления на наручКОМе; она не может поверить в то, что они не влияют на меня. Но когда я подхожу ближе, ее глаза сужаются. Мисс Уайт поворачивается ко мне, поднимает правую руку и хватается меня за горло.

И тут я вспоминаю. Мисс Уайт не циклон, но она частично киборг – одна из ее рук железная. Руку она потеряла в гражданской войне, спасая мою мать.

Мои глаза вылезают из орбит, а рот открывается в жалобном мяукающем звуке. Я задыхаюсь. Но мне ведь не нужно дышать – я доказала это, когда пряталась под лодками в районе Фокры, – но сейчас мне неудобно и больно, и мне на мгновение становится интересно, сможет ли она задушить меня своей железной рукой.

Я чувствую, как свет мерцает в моих глазах.

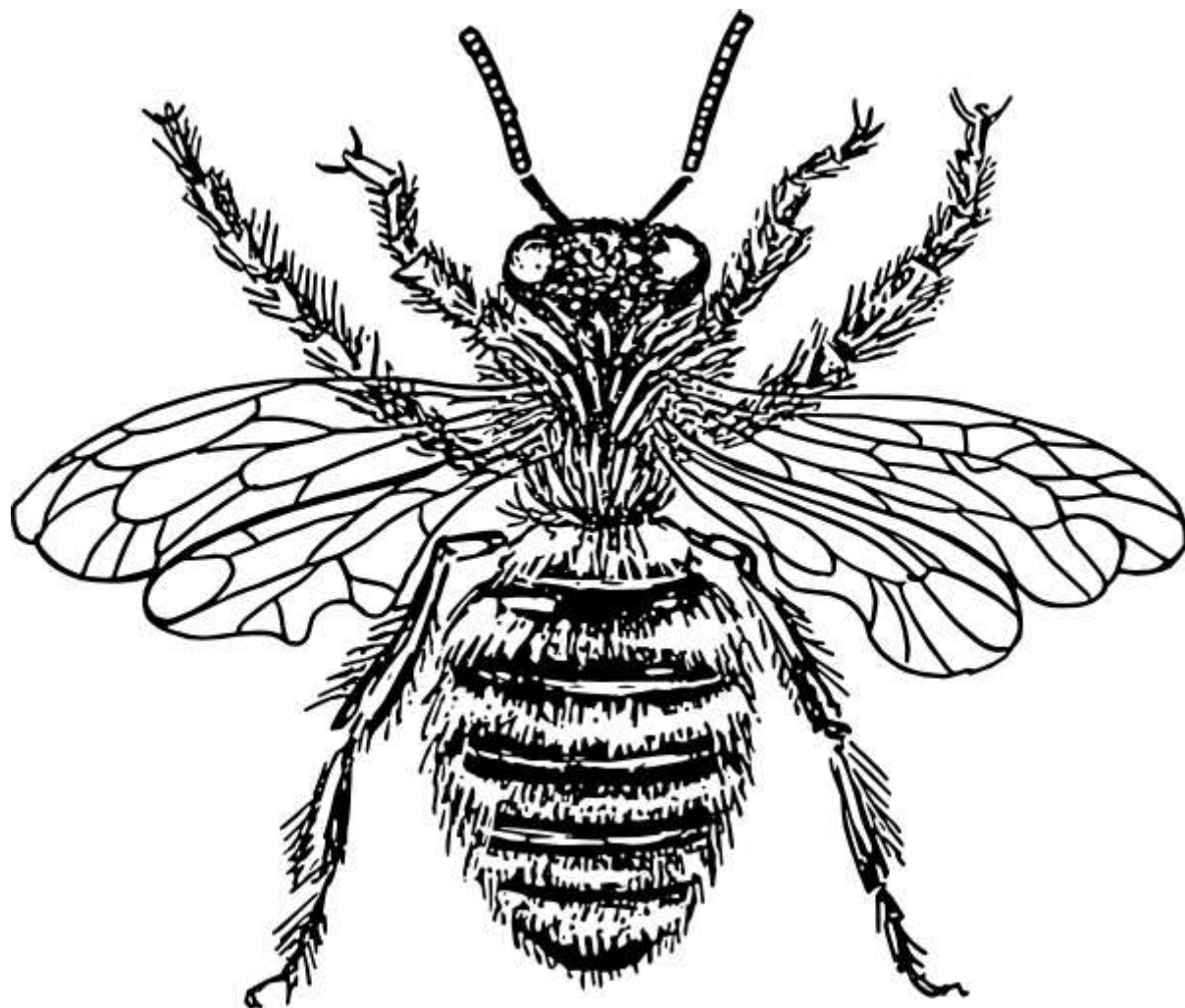
Но не могу позволить ей победить.

Я направляю всю свою силу в руку, всю свою надежду. И хлопаю ладонью по руке мисс Уайт, используя всю силу, которая есть во мне. Та ломается, словно ветка, обрываясь одним быстрым движением.

Провода, искрящиеся электричеством, свисают с ее локтя, а биогель вытекает из плеча, где прежде был протез. Мисс Уайт отступает, крича в агонии. Я отцепляю ее пальцы от своего горла и бросаю на землю.

Мисс Уайт отсоединила руку киборга от плеча, что также отсоединило ее от нервной системы. Но она бледна и потрясена, все еще чувствуя призрачную боль от отрубленной руки. Она прислоняется к дверному косяку, тяжело дыша, ее волосы вспотели, глаза остекленели.

Используя ее боль в своих интересах, я протискиваюсь мимо нее и бегу к лестнице. Я должна найти Джека, должна сбежать – неважно каким способом.

Глава 74

– Нет! – кричит мисс Уайт, когда я проскакиваю мимо нее. Я не сомневаюсь в том, что она сделает со мной. Перенесет меня в другую версию себя, и снова сотрет память, чтобы я успокоилась. А я проведу остаток жизни так же, как последний год без Джека. Слепо делая то, что говорит мисс Уайт, в то время как она тайно накачивает меня роботами и проводит на мне тесты, пока я сплю, пытаюсь проникнуть в мой разум, как будто это ни что иное, как запертая коробка.

Мое отчаянное желание избежать этой судьбы делает меня сильнее. Я бегу по ступенькам, перепрыгивая через четыре за раз. Мисс Уайт хватается за меня, но я наваливаюсь всем телом, сбрасывая ее с себя вниз по лестнице.

Я отчетливо слышу ее шаги позади, вне пределов досягаемости.

Я распахиваю дверь и бегу по вестибюлю. Я справлюсь. Я могу сбежать.

Но в вестибюле полно андроидов. Их мертвые и пустые лица поворачиваются ко мне, как одно целое, и они одновременно начинают маршировать к лестнице прямо ко мне, их тяжелые шаги заставляют стены вибрировать в равномерном ритме. Я поворачиваюсь на каблуках, но мисс Уайт уже здесь, так близко, что ее ногти оставляют длинные неровные царапины на моей руке. Я снова бросаюсь к лестнице, направляясь к единственному месту, которое у меня осталось, – к своему дому. Я бегу вверх по лестнице, хлопаю ладонью по замку – ничего, он не работает. Теперь у меня другой наручОМ, другое удостоверение личности, но я вышибаю дверь ногой, чего не смогла бы сделать раньше, будучи обычным человеком.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Не знаю, о чем я думала. Я бежала вслепую. Но когда я снова поворачиваюсь, то вижу мисс Уайт и армию андроидов стоящих в дверях. Тогда-то я понимаю, что сама себя загнала в ловушку.

Мисс Уайт отталкивает андроидов. Она кажется неровной без одной руки, и на ее лице ярость, не похожая ни на что, что я когда-либо видела.

А потом я слышу шаги в коридоре, доносящиеся из моей собственной спальни. Сапоги глухо стучат по полу, и из тени появляется Джек. Мое сердце подпрыгивает в груди – с надеждой и с чем-то еще, с чем-то более сильным.

Больше года назад меня убили, мои воспоминания насильно запихнули в клонированное тело, усиленное кибернетикой, кусочки меня постепенно исчезали. Включая мои воспоминания о Джеке.

Так почему же моя душа реагирует, когда я его вижу?

Потому, что...

Потому что он все еще любит меня, даже после того, как я забыла его.

У меня нет никаких воспоминаний о Джеке. У меня нет причин спасти его из-за общего прошлого. Эти воспоминания никогда не вернуться. Все, что у меня есть от Джека – это последние несколько недель. Как мы спали бок о бок в бегах. То, как он прижал руку к моему сердцу, уверенный, что это доказывает мою человечность, несмотря на циклонное тело. То, как его поцелуй обжигал меня, отчаянный и страстный, как будто он пытался вложить все свои чувства в давление на мои губы.

Меня не волнует, что он заставлял меня чувствовать; я хочу спасти его из-за того, что он заставляет меня чувствовать сейчас.

Сейчас. Сейчас, в этот самый момент, когда я понимаю, что он нуждается в спасении. Потому что его глаза остекленели. Кожа желтоватая.

И я помню, как Джули и Ксавье избитые после драки с Акилой, а мы с Джеком – нет. Я помню, как Джек служил в армии, в том же подразделении, что и Акила. Помню все мелочи, моменты, когда он не был уставшим или ранен или не был... человеком.

– Как долго? – спрашиваю я, медленно пятась.

Отвечает мисс Уайт. – Мы обратили его прежде, чем обратили Акилу.

Итак, с момента нашей второй встречи Джек уже был циклоном.

Идеальный шпион в Зунзане. Во мне.

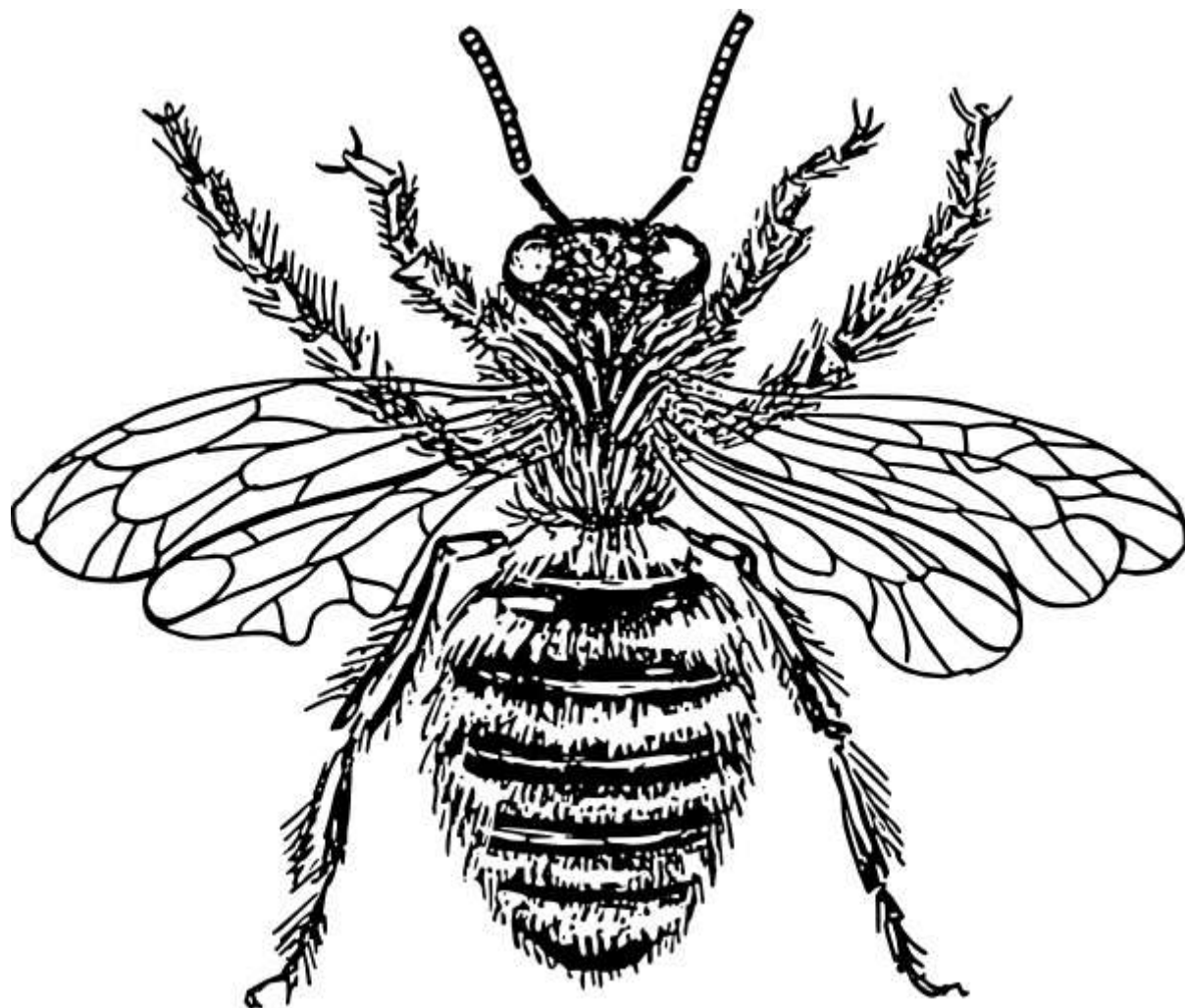
Всегда на шаг впереди. Всегда, неосознанно, сообщая мисс Уайт наше точное местоположение и точную информацию, которую она хотела. Появление Джека подтолкнуло меня открыть папины секреты. Какие бы тесты ни проводила мисс Уайт, они не сработали – ей нужно было, чтобы я нашла информацию и передал ей. Она знала, что я не дам ей это вслепую, поэтому она использовала Джека.

– Он знал? – спрашиваю я. Он подходит ближе. Еще ближе.

Мисс Уайт заливается смехом. – Он был так же невежествен, как и ты, – это звучит как развлечение для нее.

Что-то холодное, горькое и твердое встает на место в моей душе.

И в этот момент он нападает.

Глава 75

– Я не хочу причинять тебе боль, – кричу я в панике.

– Взять ее! – кричит мисс Уайт, стоя в дверном проеме.

Джек бросается вперед, но я уворачиваюсь и швыряюсь в него стульями. Он отбрасывает их в сторону, продолжая наступать. Он двигается быстро, словно молния, перепрыгивая через край стола, используя инерцию, чтобы ударить меня ногами в живот. Я согнулась пополам, хватая ртом воздух, и он тычет ладонью мне в подбородок. Я отшатываюсь, боль от удара отдается во всем теле.

Я делаю ложный выпад в сторону коридора, затем вырываюсь из рук Джека и соскальзываю на кафельный пол. У меня кружится голова от открывающихся передо мной возможностей. Я не могу навредить ему. Даже зная, что Джек уже не Джек, я не могу причинить ему боль.

Поэтому пытаюсь убежать.

В дверях стоит мисс Уайт со своей армией андроидов. Я вращаюсь на каблуках, направляясь к зияющей дыре в стене, покрытой брезентом, к пробойне в стене, вызванной взрывом андроида. Джек хватается за ноги, «укладывая» на пол. Я больно ударяюсь головой о кафельный пол, чувствуя во рту привкус крови. Сконцентрировавшись, понимаю, что могу отключить болевые датчики в мозгу. Удобно.

Джек лежит на мне, его колени больно давят мне на грудь. Я пытаюсь сбросить его, но его бедра опускаются, а бицепсы напрягаются, когда он опускает мои руки. Моя спина выгибается, и ударяюсь головой об пол, ломая плитку, пытаюсь обрести хоть какую-то хватку.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Это бесполезно.

– Джек, – выдыхаю я. – пожалуйста. Пожалуйста! Я люблю тебя. И знаю, что ты любишь меня. Пожалуйста. Не делай мне больно. Не будь этой пустой оболочкой.

Но ничего не происходит. Он находится под полным, абсолютным контролем мисс Уайт. И это то, что она хочет сделать для людей. Пусть живут своей жизнью, пока они ей не понадобятся. Дать им силу великанов, но не силу контролировать ее.

Давление на грудь усиливается.

Мисс Уайт небрежно идет вперед. – Итак, – говорит она, как будто диктуя повестку дня андроиду-секретарю, – стало до боли ясно, что я не могу рассчитывать на то, что ты дашь мне формулу сознательно или подсознательно, поэтому мне просто придется взять ее из твоего тела. Очень жаль, но ничего не поделаешь. И раз уж ты так любезно взяла меня за руку, возможно, мне следует попросить этого мальчика сделать это.

Его пальцы впиваются в мою кожу между грудей, и мне кажется, что он хотел бы вырвать бьющееся сердце из моей груди и раздавить его в своих руках.

Я закрываю глаза на секунду – не больше.

Отец дал мне то, что нужно для выживания.

Когда я открываю глаза, я уже знаю, что должна делать. Мое тело – лишь тело, которое является копией меня самой, наполненное наноботами, стальными костями и деталями, изготовленными на фабрике, – мое тело не подведет меня. Потому что, даже если оно было собрано по кусочкам, это сделал мой отец, а папа не подведет меня.

Я переносу вес, подпрыгиваю и отбрасываю Джека. Затем вскакиваю с пола, соскальзываю на одно колено и вонзаю пальцы в солнечное сплетение мисс Уайт, заставляя ее пролететь через всю комнату, хватая ртом воздух. Я оборачиваюсь вокруг Джека, одной рукой хватаю его за затылок, а другой бью по шее. Джек быстрее и сильнее, чем я думала, он может выскользнуть из моих рук, несмотря на удар, но он недостаточно быстр. Я падаю на оба колена, проскальзываю под его широко расставленными ногами и одновременно отталкиваю его от пола. Он тяжело падает, а я бросаюсь на него сверху.

Мы близко к тому месту, где взорвался андроид Розы, в нескольких метрах от нас зияет дыра. По-прежнему пахнет разрушением и пожаром. Выжженные следы размазаны по земле, а гигантский брезент, закрывающий дыру, хлопает на ветру.

Но вместо того, чтобы попытаться причинить ему боль, я смотрю ему в глаза. Они пусты и мертвы внутри, лужи ярко-синего цвета, в которых нет ни единой искры эмоций.

Глаза – это окно в душу.

Я обхватываю его лицо обеими руками, вглядываясь в него. И изливаю все свои эмоции: любовь, доверие и надежду, но также страх, боль и печаль. Мои глаза горят так же, как и раньше, когда я впервые осознала, какую силу оставил мне отец. Когда я смотрел на Акилу. Все мое тело замирает – и его тоже.

Он моргает. И когда он снова открывает глаза, я вижу его, настоящего Джека, в которого я снова влюбилась.

– Нет! – Мисс Уайт кричит и делает что-то и жизнь вырывается из Джека, словно лопнувшая резинка.

Он пытается оттолкнуть меня, пытается вырвать мои руки, сломать их.

Но я не отпускаю.

Я могу это сделать.

Я взломала компьютер представителя Белл. Я взломала собственный разум. Значит, могу взломать и его.

Руки Джека поднимаются вверх, его рука обвивается вокруг моего горла.

Сжимает. Сжимает

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Как иронично было бы умереть от рук того, кого пытаешься спасти. Перед глазами плывут черные пятна. Я не могу дышать. Это хуже, чем когда я пряталась под водой. Джек душит не только меня, но и саму мою жизнь.

Черные точки сливаются в желтую полосу.

– Ты пчелиная матка, – сказал папа. Забавно.

Пчелы следовали за мной повсюду.

Я чувствую мед во рту.

Нет, это не мед.

Это кровь.

Жужжание наполняет мои уши.

– Ты – пчелиная матка.

Но папа не был частью Зунзаны, он не знал о секретном коде Джека.

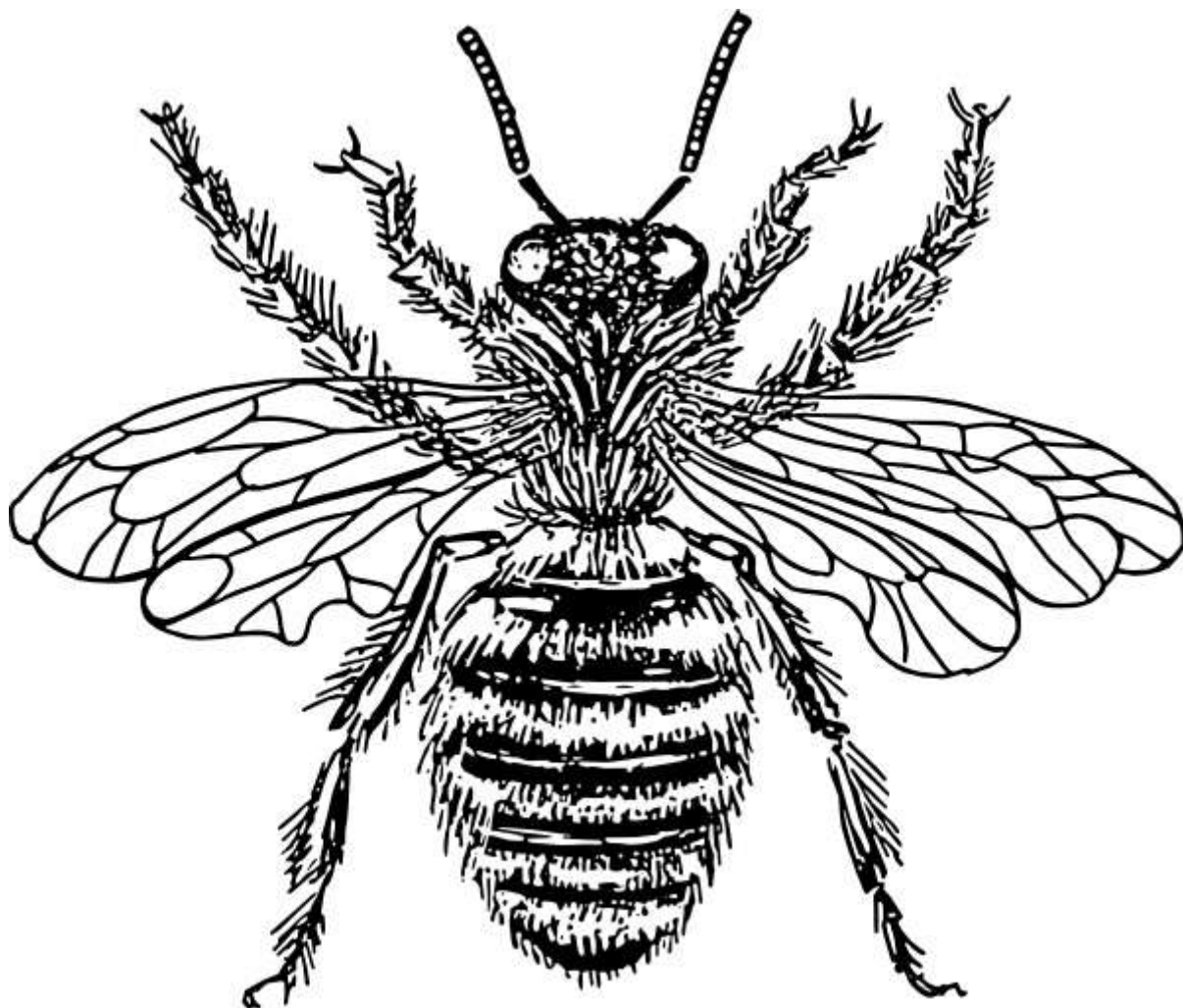
Королева пчел.

Королева... улья.

Все компьютеры в мире в сети. Они связаны нашими наручКОМами. Но я компьютер. Джек компьютер, Акила, ПМ Янг – все циклоны. Мы все компьютеры.

Знаешь, что самое замечательное в компьютерах?

Их можно взломать.

Глава 76

Связанные компьютеры похожи на пчел в улье, соединенных друг с другом, несмотря на то, что они разделены.

А я пчелиная матка.

Мои глаза распахиваются, и я чувствую жжение внутри них, словно огонь, ярость. Я смотрю на Джека, и его глаза тоже распахиваются. Я подключаюсь к нему по беспроводной связи, удаленно, наши глаза подключаются к нашим операционным системам. Я вижу – нет, чувствую – последовательность команд, которая делает Джека контролируемым мисс Уайт.

Огонь, электричество и страсть кипят внутри меня, внутри Джека, и я разрываю связь.

Его руки опускаются с моего горла.

Но я еще не закончила. Моя сила простирается далеко, далеко за пределы нас. Я чувствую ПМ Янг, связанную металлическими прутьями и сталью там, где я ее оставила. Щелкаю. Я освобождаю ее разум от контроля мисс Уайт. Моя хватка идет дальше. Десятки в столичном здании, спальные камеры в триумфальных башнях, люди, которые даже не знают, что они циклоны, просто делают свою работу и возвращаются домой к своим семьям, даже не осознавая, что однажды мисс Уайт призовет их и заставит стать этим бесчеловечным монстром, чтобы оправдать ее ожидание.

Щелкаю. Они даже не знают, что попали в ловушку, но я разорвала оковы вокруг них.

Дальше. Конспиративная квартира. Акила. Я наполняю ее разум огнем, сжигаю связи, скручивая ее мозг во что-то, чем он не является.

Щелкаю.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Дальше, дальше. На лунную базу солдат, которых мисс Уайт использовала для экспериментов. Щелкаю. Щелкаю. Щелкаю. Шпионы, которых она поместила в сепаратистские государства, ожидая времени, когда ей, возможно, придется использовать больше терроризма и войны, чтобы убедить людей через страх и манипуляции добровольно прийти в ее хватку. Щелкаю. Щелкаю. Щелкаю.

Освобождаю. Они все свободны.

Только тогда я встаю, только тогда я поворачиваюсь к мисс Уайт, и огонь силы горит в моих глазах.

– Мы свободны, – говорю я, мой голос гудит от сотен людей, которых она превратила в циклоны. Мы были частью сети, частью улья, но не мисс Уайт контролировала ситуацию.

А я.

И я освободила их всех.

– Нас нельзя контролировать, – говорю я. Мой голос громкий и низкий, и через мой рот говорят все остальные. Мы все едины в этот момент, все едины против этой ужасной женщины, которая думала контролировать нас.

Мисс Уайт съеживается от ужаса.

– Нас никогда нельзя контролировать! – реву я, мой голос поднимается среди орды. Но эта сила прожигает меня, как огонь. Я не должна была держать за ниточки каждого человека. Я дрожу, сила внутри меня сжигает мои вены.

– Пожалуйста, – умоляет мисс Уайт. Теперь она напугана. Она очень, очень напугана. Я не думаю, что она когда-либо видела во мне что-то, кроме своего маленького робота или контейнера, который скрывал папины исследования. Она забыла, что я человек, и что отец дал мне определенный набор навыков призванных остановить ее.

– Элла, – умоляет мисс Уайт. – Подумай сейчас. Подумай о том, что ты делаешь. Ты не одна из них. Ты видела возможность войны. И знаешь, какие могут быть последствия. Не надо... – ее голос срывается. – Не бросай все, ради чего мы работали. Мы на пороге мира, которого Земля никогда не видела.

– Контроль – это не мир, – говорю я.

– Думаешь, сможешь это остановить? – ее колени дрожат, но она все равно встает. – Остановить технологию невозможно. В странах с рецессией уже есть аналогичные технологии. Кто-то другой сделает киборгов-клонов, кто-то другой будет контролировать. Все, чего я хочу – лишь мира. Да – я хотела мира там, где получала выгоду, но все же мира. Если ты остановишь меня сейчас, следующий, кто поднимется, не захочет мира. Они захотят войны.

Я чувствую волну страха, которая проходит от меня в улей всех остальных циклонов. Страх быть использованным. Солдаты боятся битвы. Но я втягиваю все это обратно в свое сердце и запираю внутри себя.

– Я никогда не позволю ни тебе, ни кому-либо другому лишить нас человечности, – отвечаю я. – Мы не роботы. У нас есть душа, и я никогда не позволю использовать эту силу каким-либо образом.

Мисс Уайт печально улыбается. – Ты уже это делаешь, – шепчет она. – Ты думаешь, я не вижу этого по тому, как этот парень стоит у тебя за спиной? Ты связана со всеми циклонами. Ты не разорвала мой контроль над ними, ты просто перенесла его на себя.

Мой желудок сжимается. Она права. Я чувствую всех циклонов, которые она создала, у меня есть доступ к ним, их мыслям, их действиям, голосам. Одной мыслью я могу заставить Джека подойти к мисс Уайт и свернуть ей шею. Или спрыгнуть со стены здания. Или поцеловать меня. Я могу сделать это со всеми. Я управляю Премьер Министром. Я могла бы освободить ее от стальных пут, поместить в кабинет и контролировать весь мир.

Я могла бы.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

И сила опьяняет. Она проходит через меня. Горит, да, но горит так красиво.

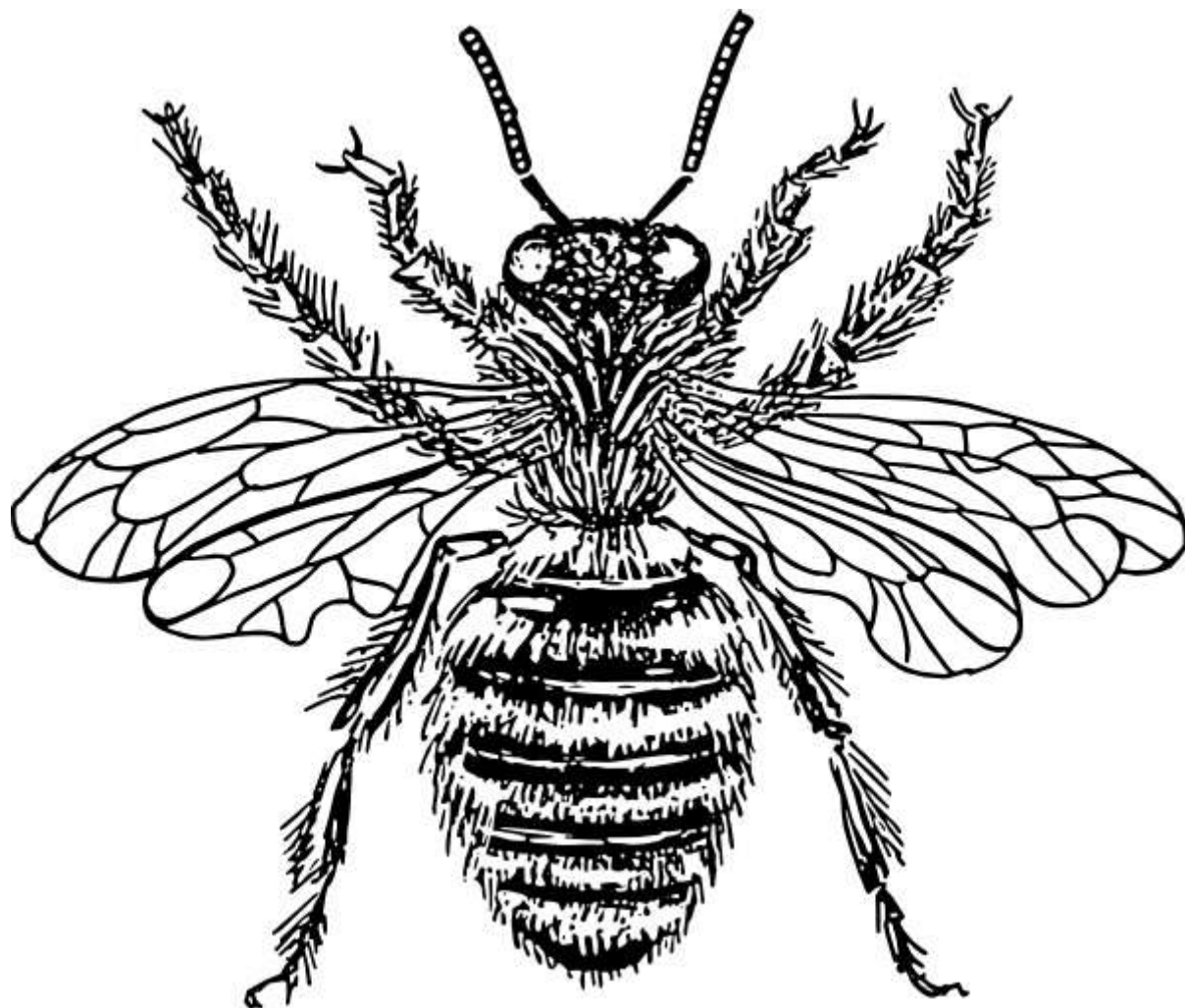
И именно по этой причине я собираю все нити силы внутри себя.

И именно по этой причине я должен отпустить их.

Я отпускаю их всех. Я разорвала узы, которые связали нас всех, и отпустила все это.

И когда я спотыкаюсь и думаю, что вот-вот упаду, я чувствую, как сильные руки Джека обнимают меня, удерживая на ногах. Не потому, что я заставила его. А потому что он любит меня.

И я знаю, что больше никогда не упаду.

Эпилог

Премьер Министр Янг выглядит потрясенной до глубины души. Я не знаю, поверила бы она мне, если бы я просто подошла и сказала, что она больше не человек, а циклон, способный на огромную силу... и способный быть контролируемым. Но она чувствовала это, чувствовала меня – все циклоны чувствовали.

Она знает.

– Я и понятия не имела... – шепчет она. – Мне кажется, я вижу это сейчас, в некоторых решениях, которые я приняла в прошлом году, в некоторых законах, через которые я прошла, но в то время... Я не понимала, насколько Джадис контролирует меня.

Я киваю. Сейчас она кажется другой, свободной от влияния мисс Уайт. Возможно, немного постарела, но и немного испугалась. Это подходит человеку, который столкнулся с войной так же, как ПМ Янг. Не самоуверенность и бравада, а страх за свои собственные действия, за людей, на которых она повлияет.

Ее ясные глаза встречаются с моими. – Очевидно, мне придется уйти.

– Но... – начинает Джек.

ПМ Янг уже качает головой. – Я не могу рисковать тем, что кто-то другой найдет способ взломать... э-э... меня. Это слишком опасно. Ради нашего общего блага я должна уйти с поста Премьер Министра.

И теперь я понимаю, почему она была избрана, и почему она была самым сильным лидером Содружественных Стран каких еще не было. Вице-премьер – человек чуть постарше, родом из Мексики, – кажется, хороший человек, но он всегда будет в тени ПМ Янг.

Бэт Ревис – Электрическое тело / Beth Revis – The bode electric

Андроиды, ранее находившиеся под контролем мисс Уайт, отключены. Они сгрудились в углу, их тела одеревенели и странно изогнулись, а глаза все еще широко открыты и смотрят вникуда.

– Мне придется взять мисс Уайт под стражу, – говорит ПМ Янг. – Суд потерпит фиаско. Я не знаю, как мы будем скрывать циклонов от СМИ... и это меня беспокоит, потому что чем больше людей знают о возможности... тем больше вероятность, что они попытаются подражать тому, что уже сделала мисс Уайт, – она замолкает, на ее лице ясно читается страх, но в то же время она выглядит смилившейся. – Где она?

Джек и я переглядываемся. – Я не знала, что с ней делать, – признаюсь я. – И я не была уверена, кому доверять, по крайней мере, поначалу, так что...

ПМ Янг прищуривается. – Что вы сделали? – спрашивает она.

Мы с Джеком ведем ее в подвал Спа Ментальных Грез, в комнату грез, где мисс Уайт подключена к аппарату.

– Я сделала так, чтобы ей постоянно давали небольшую дозу наркотика, – говорю я.

– Это не слишком серьезное наказание, – ПМ Янг хмуро смотрит на спящую мисс Уайт.

– Она не переживает счастливых воспоминаний, – говорит Джек.

ПМ Янг переводит взгляд с одного на другого.

– Я заставляю ее снова и снова переживать последние несколько дней, – тихо говорю я, наблюдая за телом мисс Уайт. – Мне пришлось заполнить пробелы собственными чувствами и переживаниями. Она крутится вокруг тех последних мгновений, тех моментов, когда пошла против меня, и она чувствует это с моей стороны, боль, предательство. Она думает, что проснулась. Я делаю все, что она сделала для меня. Заставляю ее почувствовать, каково это – медленно сходить с ума, сомневаться во всем. Смотреть, как умирает родная мать. Бороться за жизнь против лучшего друга. Чувствовать, как мужчина, который любил меня, пытается меня убить. Знать, что женщина, которой я доверяла так же сильно, как родной матери, предала меня. Вот что я заставляю ее чувствовать. Я превратила ее в себя и заставила жить так, как она заставляла жить меня. Снова, снова и снова.

Когда ПМ Янг уходит в сопровождении неистовой охраны, которая понятия не имела, куда она ушла прошлой ночью, мы с Джеком остаемся. Он ведет меня на крышу квартиры, которая в другой жизни была нашей. Трудно разглядеть звезды в вечных сумерках, создаваемых городскими огнями, но мы все равно щуримся на небо.

Я прижимаюсь к его твердой груди. Акила проснулась и снова стала собой, и сейчас она, Джули и Ксавье идут сюда. Они – единственная семья, которая у меня осталась, и радость переполняет меня при мысли, что, несмотря ни на что, я не одинока.

Я откидываюсь назад в теплых объятиях Джека, бесконечное небо простирается передо мной, и впервые в жизни я, наконец, чувствую себя свободной.

Мимо с тихим жужжанием пробирается толстый пушистый шмель, ныряя в цветы сада на крыше.

Ответ:

«Что ты здесь, – что жизнь существует и личность,
Что мощная игра продолжается, и вы можете
закончить стих.»

Заключение Уолта Уитмена «О Я! О Жизнь!»